ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Сборник научных трудов

2011

SOCIOLOGICAL INSTITUTE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

PETERSBURG SOCIOLOGY TODAY

Working papers

2011

Nestor-Historia
Saint-Petersburg
2011

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Сборник научных трудов

2011

Нестор-История
Санкт-Петербург
2011

УДК 316.014
ББК 60.504/506
П 29

Печатается по решению
Ученого совета Социологического института РАН

Редколлегия:
И.И. Елисеева, чл.-корр. РАН, д.э.н., профессор, засл. деятель науки РФ;
А.А. Клецин, к.соц.н.; *Г.В. Еремичева,* к.ф.н.; *А.Г. Щелкин,* д.ф.н., профессор;
А.В. Дука, к.полит.н.; *А.С. Быстрова,* к.э.н.

П 29 **Петербургская социология сегодня** : Сборник научных трудов Социологического института РАН. — СПБ. : Нестор-История, 2011. — 380 с.

ISBN 978-5-98187-893-0

В сборнике представлены результаты основных направлений исследований научных сотрудников Социологического института РАН в области социальных проблем населения, личности, влияния урбанизации на ценности сельского населения, истории социологии, социального неравенства и девиантологических аспектов потребления общества, методов анализа данных и оценки труда ученых.

Для социологов, историков, экономистов и методологов науки.

УДК 316.014
ББК 60.504/506

ISBN 978-5-98187-893-0

9 785981 878930

© Социологический институт РАН, 2011
© Издательство «Нестор-История», 2011

Корректор *О.В. Афанасьева*
Оригинал-макет *С.В. Кассина*
Дизайн обложки *С.В. Кассина*

Подписано в печать 14.12.2011
Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 23,75
Тираж 300 экз. Заказ № 2311

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии
«Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21
тел. (812)622-01-23

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 9

Социальные проблемы населения

И.И. Елисеева. Старение населения
и организация жизни пожилых людей: случай России 11

Н.Л. Русинова, О.В. Озерова, В.В. Сафронов.
Социальные различия в здоровье и приверженности
курению и алкоголю в России: тенденции 1994–2009 гг. 35

Влияние урбанизации на формирование ценностей сельского населения

О.Б. Божков, С.Н. Игнатова. Опыт построения
типологии сельских образовательных практик 128

Н.Р. Корнев. Проблемы качества жизни в сельской местности
центра России (взгляд через Интернет) 162

Субъективное и объективное в биографических нарративах

Н.Н. Цветаева. Биографические нарративы:
межпоколенческие различия ценностной адаптации
к социальным изменениям 190

К.С. Дивисенко. Гендерные идеалы
в представлениях старших школьников 200

Девиации, потребление и неравенство

А.А. Яковлева. Ретретизм в обществе потребления 215

Я.В. Костюковский. Характеристика организованной преступности
современной России 236

Г.А. Румянцева. Основы исследования самоубийств
и социального контроля 248

Г.В. Еремичева, М.Н. Атчаде.
Выявление социальной стратификации групп
с низким и средним материальным обеспечением
(на материалах проекта EUREQUAL) 260

Концепции цивилизации: поиски и решения

А.Г. Щелкин. Креативная цивилизация. Классика и новации 278

А.Э. Зайнутдинов. Социологические взгляды Н.М. Ядринцева 293

Социология науки и инноваций

Е.А. Иванова. Показатели публикационной активности как метод оценки труда ученых 311

Л.В. Земнухова. Понятие общности в контексте исследования профессиональной общности работников IT 322

Методы анализа данных

Г.В. Каныгин. Контекстно-ориентированный анализ качественных данных 336

В.С. Кишинская. Качественные данные и методы социологического исследования 366

Сведения об авторах 374

Summary 376

CONTENTS

Introduction 9

Social problems of population

I.I. Eliseeva. Aging of the population and life conditions of old people: the case of Russia 11

N.L. Rusinova, O.V. Ozerova, V.V. Safronov. Social Inequalities in Health and Health Risk Behaviour in Russia: trends of smoking and alcohol consumption in 1994–2009 35

The influence of urbanization on the formation of values of the rural population

O.B. Bozhkov, S.N. Ignatova. The experience of construction a typology of educational practices in rural areas 128

N.R. Kornev. Problems of country life quali34 ty in middle Russia (the experience of look through Internet) 162

Subjective and objective in biographical narratives

N.N. Tsvetaeva. Biographical narratives: intergenerational differences of value adaptation to social changes 190

K.S. Divisenko. The Gender Ideals in the Notions of High School Students 200

Deviation, and consumption inequality

A.A. Yakovleva. Retreatism in a consumer society 215

Y.V. Kostiukovsky. Organized crime in Russia today 236

G.A. Rumyantseva. Theoretical foundations and perspectives of suicide research and social control 248

G.V. Eremicheva, M.N. Atchade. Finding of social stratification of the groups with low and hidh material security level (on the data EUREQUAL) 260

The concept of civilization: the search and solutions

A.G. Shcelkin. The creative civilization: classic paradigm and principle of innovations 278

A.E. Zainutdinov. Sociological views of N.M. Jadrintsev 293

Sociology of science and innovations

E.A. Ivanova. The publication activity indicators of scientists as the method of assessment of their efficiency 311

L.V. Zemnukhova. The Notion of Community: the Research of the Professional Community of IT-Workers Context 322

Methods of data analysis

G. Kanygin. Context-oriented qualitative data analysis 336

V.S. Kishinskaya. Qualitative data and methods of the sociological research 366

Summary 376

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда для последнего XVII Всемирного социологического конгресса был предложен девиз “Sociology on the move” — «Социология в движении» — то можно было подумать, что авторы этого слогана имели в виду вроде бы очевидную мысль: если мир у нас на глазах стремительно изменяется, то так же стремительно должна меняться и социология, адаптируясь к реалиям XXI столетия.

Однако такое требование к сегодняшней социальной науке совсем не бесспорно и в некотором отношении довольно проблематично. Не все изменения, которыми характеризуется наша современность, отвечают природе вещей и тем самым могут быть охарактеризованы как девиация, дисфункция и непродуктивность. Возникает опасность того, что социология как бы отказывается отличать *норму* от *отклонения* и, принимая наблюдаемую реальность как единственную и «неальтернатируемую», просто легитимизирует (признает) тот тип устроения социума, который сегодня как раз и может явиться источником тревожных тенденций и который находится под огнем критики ведущих социологов (прежде всего М. Буравого, П. Бурдье, М. Вервьерки, Л. Болтянски и др.). Желая опереться в понимании и критике текущей современности на достаточно прочный научный и методологический фундамент, современная социология обращается в том числе и к универсальным парадигмам естественных, математических и даже технических дисциплин (синергетика, кибернетика второго порядка и проч.), и — что очень симптоматично — к понятийным категориям классической социологии. Иначе говоря, постмодернистская реальность не может быть осмыслена в терминах постмодернистской социологии: необходим корпус фундаментальных критериев, проверенных временем. Заметим, что и в отечественной социологии началась предметная дискуссия на эту тему (см. соответствующий раздел сайта Российского общества социологов (РОС).

Предлагаемый читателям сборник «Петербургская социология сегодня–2011» в значительной степени создавался в атмосфере нового интеллектуального консенсуса, наблюдаемого в российской социологии.

В сборнике ориентация на «качество жизни» представлена не только в исследовании отдельных аспектов социальной жизни: отказ от стиля «массового потребления» (А. Яковлева), постарение населения и сопутствующие ему проблемы (И. Елисеева), противостояние ценностей города и села (О. Божков, С. Игнатова и Н. Корнев), борьба за повседневное здоровье на фоне укоренившихся вредных привычек (Н. Русинова, О. Озерова, В. Сафронов) и др. Указанная ориентация на исследование социума с «цивилизационной», «качественной» стороны исследуется также и на уровне общетеоретических, а значит, и методологических обобщений (А. Щелкин). Поднимаются проблемы методологического анализа качественных данных (Г. Каныгин). Обращается внимание на способы оценки труда ученого на современном этапе (Е. Иванова). Эта проблема является актуальной не только для каждого отдельного ученого, но и для научных коллективов.

Представленные статьи сборника охватывают разнообразные стороны социальной жизни и результаты их изучения научными сотрудниками СИ РАН. Ряд статей подготовлен молодыми учеными, делающими первые шаги в науке (К. Дивисенко, О. Озерова, А. Зайнутдинов, Л. Земнухова, В. Кишинская).

Авторы сборника рассчитывают, что их труд будет заинтересованно воспринят коллегами-учёными. Материалы сборника могут быть полезны тем, кто сегодня причастен к цивилизованному и демократическому устроению Отечества как на разных высотах российской власти, так и на всех уровнях нашего гражданского общества.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАСЕЛЕНИЯ

И.И. Елисеева

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ: СЛУЧАЙ РОССИИ

В статье рассматривается процесс старения населения России и его социальные последствия. Особое внимание уделяется динамике и перспективным оценкам численности населения России на период до середины XXI в. Рассматриваются особенности старения «снизу» и «сверху» половозрастной пирамиды населения. Выделяются стадии жизни пожилых людей, даются оценки основных рисков потери способности к самообслуживанию. Зависимость пожилого человека от внешней поддержки делает актуальным обсуждение проблемы партнерства семьи, государства и бизнеса в оказании услуг по присмотру и обеспечению жизнедеятельности пожилых людей. Обосновывается необходимость организации социального мониторинга пожилых людей на муниципальном уровне. Подчеркивается глобальность процесса старения и вариативность его протекания, повышающая актуальность локальных исследований.

Ключевые слова: старение населения, прогноз численности населения, семья, семейная группа, партнерство, государство, бизнес, социальный мониторинг

Введение

Во все времена (имеются в виду мирные периоды), в России рождаемость превышала смертность. Только в царствование Петра I, несмотря на высокую рождаемость, население сокращалось, но затем опять начался рост численности и не было той устойчивой депопуляции, которая сформировалась с 1992 г. На этом фоне происходят радикальные изменения в структуре населения, которые принято называть «старением

населения». Этот процесс происходит впервые в истории России. Старение — это не просто изменение структуры населения. Этот процесс вызывает массу последствий, как демографических, так и социальных. Как сможет развиваться страна при превышении численности лиц старше трудоспособного возраста над численностью лиц моложе трудоспособного возраста? Кем и как может быть организована жизнь пожилых людей в условиях роста ожидаемой продолжительности жизни? Данная статья представляет собой попытку рассмотреть возможные направления проблемы старения с учетом специфики России.

Численность населения России и прогнозы

Чтобы понять масштабы проблемы старения, начнем с рассмотрения численности населения России. Актуальность современных оценок и перспектив подогревается рассуждениями о том, что Россия «перестала быть великой страной», что это «исчезающая держава»[1].

Совсем недавно (в октябре 2010 г.) была проведена Всероссийская перепись населения, но ее полных итогов пока нет — опубликованы только данные о численности населения. Обратимся к динамике численности населения России (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения России по данным переписей (в современных границах), млн чел.

Год	1897	1926	1937	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Численность населения	67,5	92,7	104,9	108,4	117,2	129,9	137,4	147,0	145,2	142,9

Источник: Россия в цифрах. Росстат, 2011.

Рост численности населения происходил неравномерно. В период 1959–1970 гг. среднегодовой прирост составлял примерно 1,2 млн чел., в последующие два межпереписных периода население возрастало в среднем в год на 830–860 тыс. чел. Данные переписи 2002 г. подтвердили уже обнаруженную текущим учетом населения смену тенденции:

[1] Report of the Institute for Population and Development. Berlin, 2011.

переход от роста численности населения к снижению. В период между переписями 1989 г. и 2002 г. среднегодовая убыль населения составляла 150 тыс. чел., а между переписями 2002 г. и 2010 г. — 288 тыс. чел. Депопуляция, то есть сокращение численности населения, происходит за счет превышения смертности над рождаемостью, а также в результате того, что миграция не полностью покрывает естественную убыль населения, а всего лишь на 62–65 %.Об этом свидетельствует сравнение данных двух последних переписей населения России (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение двух последних переписей населения России

	Общее сокращение численности	Естественная убыль	В том числе		Миграционное сальдо	В том числе	
			родившиеся	умершие		приб.	выб.
Население, тыс. чел.	-2261,5	-4734,3	12706.3	17440,6	+2472,8	2939,2	466,4

Источник: Збарская И.А. О первых результатах Всероссийской переписи населения 2010 года. — Вопросы статистики, 2011. № 2. С. 3–7.

Все это дает основание для самых мрачных прогнозов численности российского населения. Наиболее авторитетными являются прогнозы Отдела народонаселения ООН, Бюро цензов Министерства торговли США, Росстата, Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Сценарные предпосылки, принятые экспертами ООН для России, приведены в Таблице 3.

Таблица 3

Сценарные значения, принятые экспертами ООН

Периоды	СКР	ОПЖ	Коэффициент млад. смертности
2000–2005	1,14	66,0	16,8
2010–2015	1,18	69,3	14,0
2020–2025	1,36	72,0	11,4
2040–2050	1,75	76,9	7,2

Источник: Прогнозы демографического развития России // URL: http://www.promved.ru/may_2002_06.shtml

Напомним, что для расширенного воспроизводства суммарный коэффициент рождаемости (СКР) должен составлять 2,15–2,18 детей на одну женщину в фертильном возрасте. Все прогнозы исходили из гипотезы сохранения суженного воспроизводства.

Согласно прогнозу ООН численность населения России в 2050 г. составит 101,5 млн чел., в 2030 г. — 130 млн чел., а по оценкам Бюро цензов — 124–125 млн чел. В докладе Берлинского института народонаселения и развития, названном «Исчезающая мировая держава», дается оценка численности россиян к середине XXI в. (109 млн чел.) и предсказывается, что Россия перестанет входить в десятку народонаселенных стран мира. Согласно экспертной оценке, опубликованной Latest Asia News, демографическое развитие России, по пессимистическому сценарию, приведет к численности населения 116 млн чел.[2] к 2050 г. Обычно прогнозы делаются в нескольких вариантах: оптимистичном, среднем и пессимистичном. В прогнозных расчетах используются не только показатели, приведенные в табл. 2, но и многие другие, в частности, оценки интенсивности миграции. Прогноз Росстата делается для России в целом, а на его основе делаются демографические прогнозы для регионов — субъектов РФ.

Качество прогноза обычно проверяется степенью близости результатов, полученных в соответствии с принятыми гипотезами в результате расчетов (ретроспективный прогноз), фактическим данным. С этой точки зрения большего доверия, на наш взгляд, заслуживает прогноз Росстата. В соответствии с этим прогнозом численность населения России в 2010 г. должна была составить 141,8 млн чел. Фактически по данным ВПН–2010 она составила 142,9 млн чел. Расхождение ниже допустимой случайной ошибки. Прогнозы ООН и Росстата расходятся весьма серьезно. Так, для 2025 г. оценка Росстата 140,6 млн чел., а Статистической комиссии ООН — 131,4 млн чел., то есть на 9,2 млн чел. меньше; к 2030 г. численность населения России по прогнозу Росстата должна составить 139 млн чел.[3] Различия в прогнозных оценках связаны прежде всего с расхождениями в прогнозе миграции. Эксперты ООН заложили миграционный прирост населения России 50 тыс. чел. в год. Как справедливо отмечает М.Б. Денисенко, с подобным сценарием трудно согласиться, поскольку такого низкого показателя у нас не наблюдалось

[2] Latest Asia News. 2011. Nov. 1.

[3] Демографический прогноз ООН для России до 2025 года. URL: http://www.xserver.ru/user/demru/

в последние годы , к тому же динамика прироста миграции носит повышающийся характер[4]. Так, за 2000 г. миграционный прирост составил 242 тыс. чел., за 2008 г. — 242 тыс. чел., за 2009 г. — 247 тыс. чел. Прогноз Росстата основан на следующих значениях базовых показателей: суммарный коэффициент рождаемости для периода 2010–2015 гг. — 1,54–1,59; ожидаемая продолжительность жизни — 70 лет. Для периода 2020–2025 — суммарный коэффициент рождаемости 1,64–1,68; ожидаемая продолжительность жизни — 71,7 лет. В прогнозных расчетах специалисты Росстата исходили из того, что хотя тенденция снижения численности будет сохраняться, но ее действие будет смягчаться, повышение рождаемости носит долгосрочный характер, снизится смертность от неестественных факторов и в целом снизится смертность в трудоспособном возрасте, привлекательность России для мигрантов будет сохраняться, диспропорция полов — ослабевать.

Эти предположения соответствуют реальной динамике. Если пролонгировать заложенные Росстатом тенденции, то получим, что ожидаемая численность населения в России в 2050 г. составит 136,6 млн чел. В этом случае Россия имеет шанс остаться в первой десятке стран по численности населения. По данным за 2010 г. наша страна занимает девятое место в мире по численности постоянного населения после Китая (1339,7 млн чел.), Индии (1210,2 млн чел.), США (312 млн чел.), Индонезии (327,6 млн чел.), Бразилии (190,7 млн чел.), Пакистана (177 млн чел.), Нигерии (158,4 млн чел.) и Бангладеш (151,1 млн чел.)[5]. По данным ВПН–2002 г. Российская Федерация занимала седьмое место в мире[6]. Наша страна располагает самой большой занимаемой территорией — 17,1 млн кв. км, и мы нуждаемся в увеличении населения, какие бы альтернативные мнения ни высказывались. К тому же, как отмечал П.И. Милюков, российские погодные условия и сложный ландшафт требуют аккумулирования ресурсов для достижения желаемых целей[7].

Попытки перевести Россию на рельсы глобальных трендов (рыночная экономика, формирование среднего класса, внедрение западных стандартов, борьба с коррупцией и т.п.), постоянно наталкиваются на особенности российских реалий. Главная причина всех неудач кроется в людях — их судьбах, судьбах предыдущих поколений, в отношении

---

[4] *Денисенко М.Б.* О демографическом тренде и демографических прогнозах//Журнал новой экономической ассоциации. 2011. № 9. С.184.

[5] http://en.wikipedia.org/wiki/list_of_countries_by_population

[6] Россия в цифрах. Росстат, 2011.

[7] *Милюков П.И.* Воспоминания. М., 1990. Т. 1.

власти к народу и народа к власти. Потеряв в Первой мировой войне около 2 млн человек, в Гражданской — 10 млн. человек, в годы репрессий — 5–7 млн. человек, в Великой Отечественной войне — не менее 27 млн человек, страна до сих пор не может оправиться не только от «физических» потерь, но и от интеллектуальных[8].

Процессы социального и демографического развития не могут рассматриваться в жестких хронологических рамках. Структура населения имеет динамичный характер, ей свойственны сосуществование и непрерывное изменение соотношения различных категорий. Как известно, население считается старым, если доля населения в возрасте 65 лет и старше составляет 10 % и более. Согласно прогнозным оценкам государственной статистики РФ, в нашей стране доля этой возрастной группы в общей численности населения на начало 2010 г. составит 12, 9 %, к началу 2031 г. она возрастет до 19,3 %, то есть даже при сравнительно низкой продолжительности жизни за счет низкой рождаемости население России можно будет назвать старым. В действительности продолжительность жизни растет, так что с точки зрения половозрастной пирамиды имеет место старение населения как «сверху» — за счет продолжительности жизни пожилых, так и «снизу» — за счет невысокой рождаемости. Более ярко выражена тенденция старения населения в больших городах. Так, в Москве доля лиц в возрасте 65 лет и старше в 2010 г. составит 14,1 %, а в 2031 г. она возрастет до 23,7 % , то есть почти четверть жителей столицы России будут составлять пожилые люди. В структуре населения Санкт-Петербурга характер динамики тот же: в 2010 г. доля лиц в возрасте 65 лет и старше составит 14,1 %, а к началу 2031 г. — 20,5 %[9]. Полагаем, что различия в оценках для Москвы и Санкт-Петербурга можно отнести к ошибкам прогноза, поскольку в течение многих десятилетий население Санкт-Петербурга было старше населения Москвы.

Старение населения

Главная черта в изменении структуры населения России состоит в увеличении доли пожилых. Старение населения — глобальная проблема, но в России все ее аспекты проявляются и будут проявляться

[8] *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Париж : Товарищество объединенных издателей, 1939; *Рыбаковский Л.* Великая отечественная: людские потери России // Социс. 2001. № 6. С.85–96.

[9] Рассчитано по стат. сборнику «Предположительная численность населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области до 2030 года». С. 6, 22.

особенно остро. Россия выходит из благоприятной демографической ситуации, когда в трудоспособный возраст входили многочисленные когорты молодежи, рожденной в середине 1980-х гг., а в категорию пенсионеров переходила малочисленная группа рожденных в годы Великой Отечественной войны. В ближайшее десятилетие демографическое положение в стране будет все больше осложняться тем, что из сферы экономической деятельности будет уходить многочисленное поколение, рожденное в послевоенный период. На смену ему приходит малочисленное поколение, рожденное в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Определенный рубеж был пройден в 1999 г., когда впервые доли полярных возрастных групп (детей до 16 лет и пенсионеров) практически сравнялись: 20 % — дети, 20,6 % — лица пенсионного возраста. К 2030 г. доля лиц в возрасте 65 лет и старше достигнет 20 %. Коэффициент демографической нагрузки (на 1000 лиц трудоспособного возраста приходится нетрудоспособных) по прогнозу Росстата к 2031 г. составит 826 чел, в том числе 306 — моложе трудоспособного и 520 — старше трудоспособного возраста[10].

Последствия старения населения в глобальном масштабе и для России проанализированы недостаточно подробно. Многие западные специалисты рисуют довольно мрачную картину. Стареющее общество, по их мнению, консервативно, боится риска, нетерпимо к радикальным экспериментам, оно начнет отставать от более молодых обществ не только по технической оснащенности и экономическому благосостоянию, но и в интеллектуальном плане, в творческих достижениях, транслируя старый опыт (такова, например, позиция известного демографа А. Сови). Другая группа исследователей занимает принципиально иную позицию, считая, что пора положить конец представлению о пожилых как об иждивенцах. Массовое «удаление» пожилых из состава работников, по мнению многих исследователей, является ошибкой. Те, кто способен и желает трудиться, должны работать и получать за это

[10] Заметим, что и без того неблагоприятные соотношения окружаются неким мифотворчеством, создавая дополнительные « страшилки» прежде всего для россиян. Так, например, трое известных демографов — А. Антонов, В. Медков и В. Архангельский приходят к следующему выводу: наиболее вероятным является прогнозный вариант, согласно которому численность населения России будет неуклонно сокращаться и достигнет к началу 2050 г. 90500 тыс. человек (*Антонов А.И.*, *Медков В.М.*, *Архангельский В.Н.* Демографические процессы в России XXI века. М., 2006. С. 137). Этот пример важен для иллюстрации того, как формируются устрашающие картины будущей обезлюдевшей России.

заработную плату[11]. Петербургский социолог А.В. Баранов связывает особенность «постаревшего» общества с уникальной возможностью использовать интеллектуальное превосходство пожилых, их накопленные знания, опыт и мудрость. Однако не стоит увлекаться: хорошему самочувствию, адекватному самосознанию и возможностям самореализации рано или поздно наступает предел. Появляется потребность в эмоциональной и физической поддержке, в уходе и повседневной помощи. Возникает естественный вопрос: кто возьмет на себя эти функции?

Попробуем ответить на поставленный вопрос с точки зрения семейного состава.

Семейный состав пожилых людей

Россия традиционно считается страной с высоким уровнем брачности, крайне редким безбрачием и весьма ранними первыми браками. В переписях, как известно, брачное состояние определяется по заявлению опрашиваемых, при этом не выясняется, является брак зарегистрированным или нет. Текущая статистика, напротив, включает только события юридической регистрации браков и разводов. Таким образом, между данными переписей и текущей статистикой могут быть расхождения, определяемые особенностями действующей методологии. Переписи 1959 и 1970 гг. включали только две категории брачного состояния: «состоит в браке» и «не состоит в браке». Можно предположить, что это было сделано умышленно, чтобы скрыть масштабы вдовства. Перепись 1959 г. показала огромный разрыв в долях мужчин и женщин, состоящих в браке. Если почти все мужчины в возрасте 30–50 лет оказались женатыми, то доля замужних женщин в этой возрастной группе была лишь 60 %. Это намного ниже значений того же показателя по данным переписей 1979 г. и 1989 г. около 75 %). Как показал А.А. Авдеев, уровень окончательного безбрачия поколения женщин, вступивших в брачный возраст в военные годы, почти вдвое выше, чем у принадлежащих к более молодым поколениям[12]. В послевоенный период брачность женщин постепенно повышалась, а мужчин — понижалась. Возросла доля разведенных, холостяков, вдовцов.

[11] *Писарев А.В.* Демографическое старение в России: жизнедеятельность пожилого населения. М.: Центр социального прогнозирования, 2005.

[12] *Авдеев А.А.* Браки и разводы в России // Народонаселение. 1998. № 2. С. 9.

Среди женщин высокий уровень разводимости и вдовства привел к тому, что доля замужних женщин не превышала 80 % в городах и 87 % — в сельской местности[13]. Из-за мужской сверхсмертности в России для женщин уже начиная с возраста 30–35 лет риск овдовения становится весьма заметным.

Особенности прожитого исторического периода, привели к деформации возрастно-полового состава пожилых людей в России. Слой пенсионеров весьма дифференцирован. При этом социальная дифференциация не может быть идентифицирована исключительно в терминах доходов/расходов пенсионеров. К критериям дифференциации следует отнести демографические, социальные, экономические, информационные, ориентационные, поведенческие и другие характеристики. Так, в рамках проекта Support to Poverty Reduction in Leningrad oblast, 2006 (SPRILO) нами использовались следующие признаки, дифференцирующие пожилое население:

— пол;

— возраст;

— место проживания;

— наличие инвалидности и других отклонений в состоянии здоровья;

— семейное положение;

— занятость;

— размер и тип домохозяйства;

— вид назначенной пенсии;

— размер назначенной пенсии с учетом компенсационных выплат в связи с монетизацией льгот;

— размер выплаченной пенсии;

— эквивалентный среднедушевой доход (уровень и группы, дифференцированные по величине среднего дохода, децильные и группы с одинаковой покупательной способностью — кратные величине прожиточного минимума пенсионера);

— потребительские среднедушевые расходы;

— риск бедности.

Определенная часть пенсионеров проживает в домашних хозяйствах, сложных по социально-демографическому составу. Именно состав и взаимоотношения в домохозяйстве формируют многоаспектные поведенческие роли пожилых. Достаточно отметить три возможных ситуации, чтобы понять возникающие при этом противоречия, в том

[13] Там же. С. 12.

числе в трактовке роли пенсионеров. Первая ситуация связана с возможностью продолжительной, здоровой и активной жизни пенсионеров. Увеличение продолжительности полноценной жизни расширяет возможности занятости пенсионеров в экономике и сопровождается повышением благосостояния домохозяйства. Далее, если пенсионер, находящийся в добром здравии, не работает, то его занятость в домашнем хозяйстве может создавать условия для наращивания человеческого капитала членов домохозяйства (воспитание и обучение детей и молодежи, прохождение обучения населения в трудоспособном возрасте) или способствовать росту вторичной занятости взрослых членов семьи. Только в случаях инвалидности, болезни и зависимости со стороны может возникать необходимость исключения не только самого пенсионера, но и других членов семьи из экономической деятельности, что чаще сопровождается бедностью. Вторая ситуация — пенсионер получает льготы и компенсации, и даже если он не вносит другого вклада, одно это позволяет экономить ресурсы домохозяйства. Третья ситуация — когда по состоянию здоровья пенсионер требует внимания и помощи со стороны других членов домохозяйства или (и) социальных работников.

В целом проблема бедности зависит от уровня пенсии и владения активами, то есть связана с экономическим и имущественным аспектами. Безусловно, низкий размер пенсии и отсутствие активов способствует распространению бедности среди пожилых, однако в России возможны и противоположные тенденции, а именно - высокий уровень пенсий и владение активами, которые препятствуют распространению бедности. Наличие противоречивых тенденций делает задачу изучения бедности и социального неравенства среди пожилых людей нетривиальной и интересной.

Таблица 4

Распределение пенсионеров по старости по домохозяйствам разного размера

Число членов домохозяйства	1	2	3	4	5	6	7	8	Итого
Старше трудоспособного возраста, %	28,4	44,1	13,7	6,8	5,4	1,2	0,3	0,1	100

Большинство пенсионеров старше трудоспособного возраста проживают в домохозяйствах, состоящих из 1–2 человек (73 %); причем 28 % пенсионеров — одиночки. Причем чем старше пенсионер, тем

в меньшем по размеру домохозяйстве он проживает. Этот вывод отражает как процесс нуклеаризации семей, так и смертности мужчин.

Распределение пенсионеров по полу представлено в табл. 5.

Таблица 5

Распределение по полу

Пол	Мужчины	Женщины	Итого
Старше трудоспособного возраста, %	25,3	73,7	100

Большую часть составляют женщины (74 %). Это можно объяснить как тем, что у женщин граница трудоспособного возраста ниже, чем у мужчин — 55 лет против 60 лет, что обеспечивает большую представительность женщин среди пенсионеров, так и меньшей продолжительностью жизни мужчин.

Демографические типы домохозяйств, в которых проживают пенсионеры разных возрастных групп, представлены в табл. 6.

Таблица 6

Демографические типы домохозяйств, в которых проживают пенсионеры разных возрастных групп

Демографический тип домохозяйств	Старше трудоспособного возраста, %
А	Б
Супружеская пара с одним ребенком	1,1
Супружеская пара с одним ребенком и прочими родственниками	5,9
Супружеская пара с двумя и более детьми	0,2
Супружеская пара с двумя и более детьми и прочими родственниками	2,0
Мать (отец) с детьми	0.2
Мать (отец) с детьми и прочими родственниками	3,6
Одиночка пенсионного возраста	28,4
Супружеская пара в пенсионном возрасте	29,7
Прочие семьи без детей	28,1
Прочие семьи с детьми	0,8
Итого	100,0

Пенсионеры старше трудоспособного возраста в основном проживают в следующих типах домохозяйств: супружеская пара в пенсионном возрасте (30 %), одиночка пенсионного возраста (28 %), прочие семьи без детей (28 %).

Среди пенсионеров старше трудоспособного возраста распространено вдовство (43,5 %). Большинство пенсионеров по старости проживают в домохозяйствах без детей до 18 лет (86,3 %). 10 % пожилых живут в домохозяйствах с одним несовершеннолетним ребенком и всего лишь 3,3 % проживают в домохозяйствах с двумя и более детьми.

В обследовании SPRILO оказалось, что не работают большинство пенсионеров (84 %). Таким образом, если судить по данным обследования, проведенного в Ленинградской области, большинство пожилых людей предоставлены сами себе и организуют свою жизнь либо в одиночку, либо имея брачного партнера.

Семейные контакты

Человечество представляет собой некий круговорот, в котором сегодняшние дети завтра становятся родителями, а родители — прародителями. Ценность прародительства определяется интенсивностью и содержанием взаимодействий с семьей сына или дочери в системе родственных отношений. Именно признание ценности, значимости контактов прямых родственников разных поколений привело нас в свое время к выводу о существовании, кроме многопоколенных семей, неких сетевых структур, так называемых семейных групп, в основе которых лежит стремление к общению, эмоциональной поддержке и взаимопомощи[14].

Сам факт возникновения прародительства может быть отражен на линии жизни, на которой отмечены произошедшие демографические события и интервалы времени, отделяющие одно событие от другого. Рождение ребенка и его взросление (создание собственной семьи, когда дети сами становятся родителями) может быть представлено в виде прямой, параллельной линии жизни родителей. Система линий жизни с пометками демографических событий, перехода в иное семейно-брачное состояние представляет собой весьма эффективный инструментарий, который открывает возможность анализа линий жизни мужчин, женщин, рожденных в определенном месте и времени, в определенных условиях, выявления особенности периода их совместной жизни.

[14] *Ружже В.Л., Елисеева И.И., Кадибур Т.С.* Структура и функции семейных групп. М. : Финансы и статистика, 1983.

Сосуществование, «перехлест» поколений вызывает особые социальные отношения, которые в случае кровного родства оказывают влияние в том числе и на воспроизводство населения. В нашей стране в связи с активным вмешательством государства в личную жизнь граждан влияние старшего поколения (прародителей) было далеко не так очевидно, как этого можно было ожидать в свете традиций многопоколенной российской семьи (добавим, крестьянской семьи — ведь 85 % населения, согласно переписи 1897 г., было сельским). Многочисленные потери населения ударили и по родственным связям: низкая продолжительность жизни, вынужденное ослабление родственных связей в результате массовых репрессий и высылок, потерь в войнах, отправки «по распределению» и т. д. Можно сказать, что ценность прародительства проявилась и стала исследоваться в России только в сравнительно благополучный период 1960–1980-х гг. В тот период основная масса молодых семей в городах жила с родительской семьей, что было обусловлено отсутствием экономических условий для создания собственного жилья. Жилищная проблема существенно деформировала родственные отношения в городах. Прежде всего, создавалась иллюзия восприятия многопоколенной семьи как устойчивого стереотипа. Например, можно встретить данные о том, что примерно 44 % молодых брачных пар намерены проживать с родителями жены (мужа)[15]. Это заключение, относящееся к началу 1970-х гг., несет на себе печать отсутствия рынка жилья в советские годы — невозможности приобрести жилье или взять его в аренду, а не тяги к сохранению патриархальности. Проживание молодой семьи с родителями создавало специфическую психологическую атмосферу, одним из вариантов которой было «спутывание» функциональных ролей, когда молодые родители воспринимались своими детьми как старшие брат и сестра, в то время как бабушка и дедушка обладали родительской властью.

В исследованиях, проведенных в советское время, многопоколенные связи восполняли дефицит институтов, представляющих те или иные социальные услуги, в первую очередь, по присмотру и воспитанию детей, уходу за престарелыми. Переход к рыночной экономике делает актуальной задачу выявления ценности прародительства в новых условиях: при отсутствии дефицита продуктов питания и непродовольственных товаров, а также новой демографической ситуации — завершении процесса нуклеаризации семей, сохранении низкой рождаемости.

[15] *Голофаст В.* Социология семьи. СПб. : Алетейя, 2006. С. 50.

Учреждение «материнского капитала» в 2007 г., конечно, способствовало ее повышению, но все равно уровень рождаемости ниже того, что был даже в период перестройки (табл. 7).

Таблица 7

Динамика общего коэффициента рождаемости (в промилле)

	1990	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Россия, городское население	12.7	8.7	8.2	9.9	10.1	10.8	11.5	11.9	12.5
Санкт-Петербург	10.9	7.0	6.8	8.6	8.8	9.5	10.4	11.3	11.5

Составлено по: gks.ru; Естественное движение населения Санкт-Петербурга в 2010 г. СПб.: Петростат, 2011.

При единстве тенденций Санкт-Петербурга и России в целом, Санкт-Петербург отличается особенно низкой рождаемостью: в 1993 г. общий коэффициент рождаемости составлял всего лишь 6,6 промилле. В этих условиях многие детские дошкольные учреждения были перепрофилированы. Как отмечают Т.М. Малева и О.В. Синявская, в настоящее время 32–43 % женщин (в зависимости от образования) пользуются регулярно институциональными услугами по уходу за детьми, но нередка недоступность даже детских садов[16]. Так что такая область межпоколенного взаимодействия и взаимопомощи, как уход и воспитание детей, остается актуальной.

Взаимоотношения поколений, несомненно, изменяются под влиянием информатизации общества, возникновения новых стереотипов поведения, развития рынка жилья, социальной стратификации. Все отмеченные моменты требуют глубокого всестороннего изучения. При современном уровне информатизации российского общества примерно в 10–15 % случаях межпоколенные контакты в городах осуществляются в режиме on-line[17]. К уже указанным тенденциям, возникшим в постперестроечный период, может быть отнесено повышение возраста трудовой деятельности. Обследования советского периода показывали, что 2/3 женщин старшего поколения не работают. Неразвитость социальной сферы стимулировала выход на пенсию: по данным В.Д. Шапиро,

[16] Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М. : НИСП, 2007, Вып.1. С. 65.

[17] Вопросы статистики. 2010. № 5.

51 % женщин и 18 % мужчин пенсионного возраста мотивировали прекращение работы необходимостью занятия домашними делами и воспитанием внуков. 49 % женщин и 29 % мужчин считали, что после выхода на пенсию они стали приносить семье больше пользы[18].

В период перестройки, да и в постперестроечный период пенсионер нередко оказывался залогом благополучия семьи: заработную плату могли задержать, а то и вообще не выплатить или «выплатить» производимой продукцией, а выплату пенсий практически не задерживали, причем размер пенсии регулярно индексировался. Но все равно величина пенсии остается в среднем по стране очень низкой, немного превышающей прожиточный минимум. В силу этого пенсионеры склонны подрабатывать, особенно женщины[19]. Появляются большие финансовые возможности, но сокращается время общения с детьми/внуками.

Отношения поколений во многом детерминируются принадлежностью к той или иной общественной группе. По этому поводу экономист и статистик Р.М. Орженцкий писал: «От рождения каждый человек попадает в ту или другую общественную группу, и этим определяется все его поведение: как он будет одеваться, в какой квартире жить, сколько раз в день есть и что именно: какие профессии или занятия он может выбрать, сколько денег будет зарабатывать; мы знаем, сколько шансов за то, чтобы он женился в определенном возрасте или умер холостяком, и какова вероятность, что, женившись, он выберет себе жену определенного возраста, из того или другого класса. Если такому индивиду удастся подняться по общественной лестнице или придется опуститься ниже, то мы наперед знаем, что именно это должны сделать определенное число людей; но и в тои и в другом случае поведение индивида снова определяется формами соответствующей группы»[20]. Социальная закрепленность может вызывать эффект эксклюзии. «Происхождение остается определяющим фактором неравных социальных возможностей», — отмечает У. Бек[21]. По данным Г. Штайнкампа, «...Большинство детей, родители которых 30 лет назад относились к нижней трети иерархии доходов, власти, образования и престижа, также остаются там. Таким образом, неравенство в распределении ресурсов среди поколения родителей обусловливает неравенство в доступе к ним в по-

[18] *Шапиро В.Д.* Человек на пенсии. М., 1980. С. 48, 53.

[19] Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. С. 65.

[20] *Орженцкий Р.М.* К теории фонда // Юридические Записки. № 1(3). Ярославль, 1909.

[21] *Beck U.* Risikogesellshaft. Auf dem Wege in eine andere Modene. Frankfurt-am-Main, 1986. S. 141.

колении детей»[22]. Социальная стратификация в определенной мере отражается на взаимосвязях между поколениями.

Ценность прародительства может рассматриваться, по крайней мере, с трех позиций:

— с позиции детей (внуков);

— с позиций родителей (детей);

— с позиций прародителей.

Руководствуясь народной мудростью, которая гласит: «Самое страшное — это безвнучатая старость», попытаемся понять ценность прародительства для самих прародителей. На наш взгляд, она складывается из ряда компонент. Прежде всего, часто общаясь с внуками, прародители вынуждены изменять свое поведение, стремясь активизировать его. «Потребляя» энергию молодости, они заряжаются ею, что способствует повышению продолжительности жизни.

Второй аспект связан с относительностью времени: для детей ход времени почти не ощутим. Во-первых, потому, что до определенного возраста у ребенка отсутствует представление о конечности жизни, что делает жизнь действительно бесконечной. Во-вторых, для детей характерна ограниченная событийность жизни, концентрация на повседневном в локальных условиях. Этот аспект детства превосходно выразил В. Голофаст. «Кроме того, есть, по крайней мере, одна категория населения, для которой повседневность составляет весь круг жизни — в его пределах осуществляется открытие мира и его освоение, испытание себя и преодоление других. В этом круге укоренены все их мечты и страдания. Эта категория — дети. И, как известно, мир детства не существует без своего мифического дополнения — сказки. <...> Другие категории, центрированные на повседневности, подростки, пожилые люди, инвалиды и больные — все те, кто еще не имеет или теряет свои социальные возможности»[23]. Общеизвестно, что у пожилых людей ход времени ускорен. Независимо от занятия, пола, места жительства «завтра» стремительно сменяется «вчера», иногда время перепутывается, но в любом случае пожилые люди всегда видят конец любого процесса, явления, тогда как молодые обычно сосуществуют с ним/в нем, не задумываясь о его продолжительности.

---

[22] *Штайнкамп Г.* Социальная структура и личность: проблемы дифференциации и интеграции макро-, мезо- и микроуровней социального анализа // Проблемы теоретической социологии. Вып. 2. СПб. : СПбГУ, 1996. С. 168.

[23] *Голофаст В.* Повседневность в социокультурных изменениях (размышления читателя автобиографий и биографических интервью // Голофаст В. Социология семьи. Статьи разных лет. СПб. : Алетейя, 2006. С. 380.

Постоянное общение с внуком (внучкой), погружение в атмосферу детства делает течение жизни прародителей более спокойным, размеренным и вместе с тем разнообразным, а значит, опять-таки, удлиняющим жизнь.

Ценность прародительства можно рассматривать и с позиций адаптации пожилых людей к изменяющейся реальности. Сейчас даже дети дошкольного возраста лучше разбираются в функциях мобильного телефона, видеоплейера и другой бытовой и коммуникативной техники и ее возможностях. Нередко в общении с техническими устройствами внуки принимают инициативу на себя, помогая бабушкам и дедушкам в их освоении. Это обстоятельство полностью согласуется со следующим замечанием В. Голофаста: «В повседневности человек все чаще вынужден сталкиваться с непривычными комбинациями культурно разнородных, несовместимых и несоизмеримых явлений»[24]. У В. Голофаста возникающая многослойность повседневной жизни — следствие мультикультуральности, перемешивания народов — носителей особых культурных норм. Но примерно то же можно сказать и в отношении разных поколений, их взаимном проникновении и обмене представлений о культурных нормах. Сосуществование поколений всегда таит в себе проблемы, извечный конфликт «отцов и детей», и нередко прародители рассматривают внуков либо как посредников в «наведении мостов» в общении с детьми, либо как орудие мести (возмездия) за невнимание родителей к прародителям.

Высказанные общие положения проецируются на определенный тип отношений «прародители–родители–дети», в которых звену «родители» принадлежит решающая роль: родители имеют непосредственное отношение к прародителям и детям и, кроме того, выполняют функцию посредника, корректируя отношения «прародители–дети», создавая образ прародителя(-лей) в сознании детей.

Центром семейной группы или многопоколенной семьи чаще всего (по крайней мере, в России) оказываются младшие дети (детоцентризм, или детократия). Возраст ребенка определяет частоту контактов старших родственников с младшими. Эта зависимость была доказана в наших исследованиях[25]. Но может царить и гетерократия, когда все взаимоотношения определяются старшим поколением (что характерно для стран Востока и ряда районов России).

---

[24] *Голофаст В.* Указ. соч. С. 344.

[25] *Ружже В.Л., Елисеева И.И., Кадибур Т.*С. Указ. соч. С. 53, 63.

Все сказанное относится, прежде всего, к периоду, когда внуки находятся в дошкольном возрасте, когда в родственные отношения еще не вмешиваются отношения дружбы, любви, масса коммуникаций самого разнообразного свойства. К этому добавим такое важное условие ценности прародительства, как состояние здоровья старшего поколения. Здоровье, соответствующее возрастной норме, позволяет ощутить отмеченную выше благотворность прародительства.

Драматургия родственных связей наслаивается на определенные условия жизни прародителей: удаленность/близость проживания с семьей с детьми; возможности/невозможности материальной (финансовой) помощи семье детей; наличие/отсутствие вовлеченности в трудовую деятельность. При проживании прямых родственников на одной территории (в одном городе, поселке, селе) последний фактор детерминирует многое в их взаимосвязях. Можно утверждать, что прародители не есть какое-то автономное однородное общество. Попытаться выявить их структуру можно, задавая целевую установку типологии прародителей. Соответственно, появляются основания для выделения типов (кластеров) количественного и качественного описания и выявления распространенности каждого типа при переносе на поле эмпирического исследования.

Очевидно, типология прародительства включает:

— «традиционную» многопоколенную семью, с общим бюджетом, где старшее поколение участвует во внутрисемейном разделении труда: покупает продукты, готовит еду, провождает и встречает внуков и т. д., независимо от того, работают прародители или нет;

— живущие вместе, но с раздельным бюджетом. В этом случае возможны варианты: а) участие во всех делах молодой семьи; б) участие в уходе и присмотр за внуками по просьбе молодой семьи в оговоренное время; в) неучастие в делах молодой семьи;

— живущие раздельно, но близко (в получасовой доступности). В этом случае возникают те же три варианта вовлеченности/невовлеченности в дела молодой семьи (а, б, в);

— живущие в одном населенном пункте, но далеко (больше одного часа на дорогу). В этом случае возможны два варианта (б, в);

— живущие в разных поселениях (доля таких семей составляет примерно 30 %, по данным В. Голофаста и нашим исследованиям)[26].

[26] *Голофаст В.* Семья в крупном городе. С. 55; *Ружже В.Л., Елисеева И.И., Кадибур Т.С.* Указ. соч. С. 25.

Исследование межпоколенных связей нуждается в получении актуальных эмпирических данных, стратифицированных по территориальному признаку, по социальным группам, возрасту представителей как старшего, так и младшего поколений. Время и деньги как два важных ресурса общения и его направленности также должны быть включены в основания типологии. В России вследствие колоссальной разницы в продолжительности жизни мужчин и женщин (в настоящее время — 12 лет и в перспективе — около 10 лет) женщина-прародительница нередко остается одна, и в этом случае она имеет больше шансов на постоянное общение с детьми-внуками, но значимые отличия появляются лишь при условии, что и семья сына/дочери тоже является неполной. Этот вывод подтверждается как нашими, так и другими исследованиями[27]. В. Голофаст писал по этому поводу: «Видимо, единственное важное исключение — это присоединение к неполной семье пожилой одинокой матери-бабушки, что может служить примером объединения двух ослабленных единений родства, из которых каждая сторона заинтересована в объединении»[28].

В выпуске ежегодника «Общественное мнение–2008», подготовленного Аналитическим центром Юрия Левады (Левада-Центр), приведены ответы на вопрос: «За что Вы прежде всего благодарны своим родителям?» Из 18 предложенных вариантов ответов главные позиции занимают следующие семь вариантов (см. табл. 8).

Таблица 8

За что Вы прежде всего благодарны своим родителям?

Вариант ответа	1989	1999	2008
Саму жизнь	51	57	35
Жизненный пример	38	29	31
Душевную поддержку	34	28	18
Воспитание, культуру	27	28	22
Черты характера	23	18	14
Материальную помощь	19	20	13
Профессию, образование	12	16	13

*Источник: Общественное мнение–2008 : Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2008. С. 105.

[27] См., например, *Васильева Э.К.* Семья и ее функции. М. : Статистика, 1975.
[28] *Голофаст*. Указ. соч. С. 60.

Устойчиво доминирует признательность родителям как за саму жизнь, так и за жизненный пример, душевную поддержку, воспитание, культуру.

Несмотря на трансформацию системы социальных отношений, появление новых средств коммуникации, новой бытовой техники, трансляция опыта старшего поколения сохраняет значение, может быть, не столько через передачу навыков, сколько через жизненные примеры, воспитание, передачу черт характера. Важны рассказы бабушек и дедушек о собственной жизни, как в плане предостережения (первая проба алкоголя, ощущения, последствия), так и в плане социализации: отношение к собственной матери; рассказ о детстве — играх, кружках, любимых учителях, любимых фильмах; о выборе профессии. Пожилые люди склонны к осмыслению своей жизни, и это может принимать различные формы. С точки зрения социологической науки важно сохранить то, что называется «уходящей натурой», коллекционировать и анализировать жизнеописания в контексте социальной истории.

Материальная помощь тоже важна, но она занимает далеко не первое место. Так, по данным портала Superjob.ru, опросившего более 2,5 тыс. чел., 27 % занимают у родственников, причем родственникам чаще одалживают крупные суммы (30 тыс. руб. и более), нежели друзьям и коллегам[29].

Переход демографической ситуации в новое качество происходит с накоплением новых форм, в том числе изменяющегося характера внутрисемейных и межсемейных отношений, их наслоением на старые.

Крупные сложные семьи как историческая фаза формирования семейных групп в крупных городах почти себя исчерпали. Та же тенденция имеет место и в поселениях других типов. В условиях малодетности разветвленность семейных групп снижается, а это значит, все большую концентрацию их функций на интересах личности каждого и каждой семьи, составляющей семейную группу. Всегда во все времена родители любят детей больше, чем те их, т.е. имеет место асимметрия в отношениях между поколениями. Это находит отражение в неэквивалентности участия семьи прародителей в делах молодой семьи и, наоборот, участия семьи сына или дочери в делах семьи (или одиночки) старшего поколения. Как показали наши исследования, только когда прародители достигают возраста 70 лет и старше, можно ожидать переориентацию

[29] URL: www.metronews.ru (пятница, 29 октября 2010 г.)

межпоколенных контактов на нужды «стариков». На этой стадии жизненного цикла семейных групп основная нагрузка поддержки пожилых ложится на женщину среднего поколения, которая, как правило, работает. Но вне зависимости от того, работает женщина или нет, она обеспечивает поддержку своим старикам, хотя это может поставить под угрозу сохранение для нее рабочего места и возможности карьерного роста. Нередко женщине приходится либо менять работу, либо искать помощника по уходу за стариками. И в этом случае немаловажной проблемой становится наличие контингента лиц, которые могут оказывать такие услуги (сиделок). На российском рынке труда очевиден дефицит персонала, который способен предложить такие услуги.

Здоровье и старение

Состояние здоровья в пожилом возрасте — это результат многих процессов в течение всей жизни. Эти процессы включают различные социально-демографические факторы, риски, поведенческие факторы, биологические факторы, связанные с наследственностью. Структурные барьеры системы здравоохранения и профилактика, а также наличие профзаболеваний, воздействие окружающей среды, — все эти факторы связаны с социальным положением пожилого человека. Влияют и социально-психологические факторы, которые определяют разное отношение к стрессу, оптимизм и чувство самоконтроля. Все это аккумулируется в здоровье. Несмотря на то, что здоровье ухудшается с возрастом, это происходит по-разному у разных людей. Многие люди живут долго, не испытывая никаких ограничений. Состояние здоровья российского населения в целом уступает здоровью населения не только развитых, но развивающихся стран. Это проявляется в таком показателе, как средняя ожидаемая продолжительность жизни (табл. 9).

Таблица 9

Средняя ожидаемая продолжительность жизни в 2009 г.

В России	69 лет (мужчины — 63, женщины — 75)
В развитых странах	79 лет
В развивающихся странах	71 лет

Источник: gks.ru

Продолжительность жизни зависит не только от самого человека, но и от уровня развития системы здравоохранения и качества медицинских услуг. Сокращение профилактических мероприятий в постсоветский период привело к тому, что если в 60-е гг. XX в. ожидаемая продолжительность жизни в СССР была только на 3 года ниже, чем в развитых странах, то сейчас эта разница превышает 10 лет. Как уже отмечалось, Россия имеет самую большую разницу ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин, которая доходит до 12 лет. В условиях старения населения, очевидно, должны получить развитие специальные направления в медицине, связанные с геронтологией.

Формы социальной помощи пожилым людям

Старение населения порождает новые требования к системе социальной защиты, ее адаптации к потребностям контингента пожилых людей. Среди стариков основной процент составляют женщины, ввиду того, что продолжительность жизни мужчин ниже, т. е. имеет место диспропорция полов. К тому же женщины выходят замуж, как правило, за мужчин старше по возрасту и потому по достижении пожилого возраста они остаются без партнера. Определенная часть пожилых женщин остаются в семье своих детей (примерно 10 %). Остальные должны как-то организовать свою жизнь. В этом должны принимать участие структуры по уходу за пожилыми. Оказание услуг пожилым — не только обязанности государственных социальных служб, но и вид бизнеса. Сейчас в России те, кто имеют пенсию 20 тыс. руб. и более, могут воспользоваться услугами коммерческих структур, на которые переводится пенсия, а пожилой человек обеспечивается повседневным обслуживанием и определенным медицинским уходом. Однако пожилые женщины, как правило, имеют пенсию ниже, чем мужчины, и воспользоваться услугами таких форм ухода за пожилыми они могут лишь при участии детей. К тому же в России весьма велики межрегиональные различия. С точки зрения старения населения лидирует Санкт-Петербург, где проживает более 1 млн пожилых людей. Свыше 250 горожан имеют возраст 100 лет и старше. Социальная политика правительства города исходит из того, что главная беда пожилых — одиночество. Для активизации жизни разработан спектр услуг для пожилых людей, включающий изучение иностранных языков, приобретение компьютерной грамотности, танцы, занятия физической культурой и т. д. Межрегиональные различия в процессе старения россиян

составляют особую тему, которая нуждается в глубоком исследовании. Забота о пожилых должна реализовываться на уровне муниципалитетов. С этой целью целесообразно организовать мониторинг пожилых людей, проживающих на территории муниципалитета.

Заключение

Старение населения является глобальной проблемой. Этот процесс охватил все страны мира, как развитые, так и развивающиеся, но проявляется он по-разному. В этой связи принципиальное значение приобретает разнообразие процесса старения, с учетом специфики условий страны, условий региона. Важно выявить пересекающееся влияние таких характеристик, как социальный статус, пол, возраст, семейное положение, социальные ориентации. Глобальность и вариативность процесса старения предъявляют особые требования к социологической теории, которая могла бы системно осветить весь круг вопросов и помочь предвидеть следствия старения. Ведь то, что может быть эффективным в одних условиях, не годится для других регионов. Социология старения призвана ответить на проблемы, которые возникают как перед стареющими людьми, так и перед стареющим обществом. С точки зрения разнообразия процессов старения, случай России представляет уникальную возможность исследовать трансформацию общества при переходе от благоприятной к неблагоприятной демографической структуре.

Следствия процесса старения затрагивают как перспективы воспроизводства населения, так и развитие рынка труда. К тому же потребность модернизации общества на фоне старения приводит к еще большему обострению проблемы старения. Возникает необходимость поиска тех видов деятельности, в которых участие пожилых работников не приводило бы к снижению производительности труда. Особую значимость приобретает решение задачи классификации семей и семейных групп с точки зрения межпоколенных контактов, которые помогли бы очертить границы межсемейной помощи и более четко обозначить ту группу пожилых, которая требует участия в организации их жизни государства и бизнес-структур. Переход к рыночной экономике ставит проблему изменения структуры и уровня заработной платы, отвечающей новым требованиям: платности медицинских, образовательных, жилищно-коммунальных услуг. Соответственно, должна измениться и величина пенсии. В настоящее

время ее уровень от средней заработной платы составляет 35–40 %, тогда как для условий рыночной экономики это соотношение должно находиться на уровне 70 %. Россия упустила момент радикальной трансформации пенсионного обеспечения и теперь в условиях неблагоприятной демографической ситуации вряд ли может решиться на изменение уровня пенсионного обеспечения. По-видимому, ситуация сохранится той же до изменения демографической структуры российского населения, то есть до 20-х гг. XXI в.

В перспективе процесс старения будет продолжаться. Этому способствует и такая глобальная тенденция, как рост крупных мегаполисов с их более комфортной средой, так и успехи медицинского обслуживания. Перед социологической наукой стоит большая задача изучения стадий процесса старения и его разнообразных последствий. Разработка проблемы старения должна помочь формированию социальной политики, нацеленной на использование потенциала пожилых людей и обеспечение достойной старости.

Н.Л. Русинова, О.В. Озерова, В.В. Сафронов

СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЗДОРОВЬЕ И ПРИВЕРЖЕННОСТИ КУРЕНИЮ И АЛКОГОЛЮ В РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ 1994–2009 гг.[1]

Статья посвящена малоизученной проблеме анализа динамики социальных неравенств в здоровье и типов поведения, несущих риски для здоровья. Целью статьи является выявление образовательных и доходных различий в самооценках здоровья, потреблении алкоголя и курения, а также изучение тенденций изменения этих различий в постсоветский период.

Исследование проводилось по данным массовых опросов, осуществляемых в рамках проекта «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» (RLMS). Были проанализированы данные второго этапа ежегодных опросов в период с 1994 по 2009 гг. (исключая 1997 г.), возрастной интервал информантов составил 26–70 лет.

Полученные результаты демонстрируют наличие зависимости оценок самочувствия от положения человека в социальной иерархии — самочувствие людей, принадлежащих к нижним доходным и образовательным слоям, заметно отличается от самочувствия более статусных респондентов в худшую сторону. Эффекты от заметного роста общественного благосостояния 2000-х и развития сектора медицинских услуг были нивелированы повышенным потреблением алкоголя и табака среди мужчин и женщин различного социального положения, все же, став более губительными для менее статусных групп.

Ключевые слова: социальные неравенства в здоровье и типах поведения, несущих риски для здоровья; динамика в постсоветской России; РМЭЗ, 1994–2009 гг.; самооценка здоровья; потребление алкоголя, курение, образование, доход.

Проблема

Глубокий экономический кризис, резкое снижение уровня жизни большинства наших сограждан, значительное расширение масштабов бедности и стремительное нарастание доходных неравенств, характерные для первого десятилетия постсоветских преобразований в нашей стране, сопровождались драматическими сдвигами в сфере общественного здоровья[2]. Поразительный рост смертности, особенно мужчин

[1] Исследование, представленное в статье, выполнено при поддержке РФФИ, грант № 11-06-00317-а.

[2] Здоровье населения России в социальном контексте 1990-х годов: проблемы и перспективы / под ред. В.И. Стародубова, Ю.В. Михайловой, А.Е. Ивановой. М. : Медицина,

в трудоспособных возрастах, и, соответственно, существенное сокращение ожидаемой продолжительности жизни, произошедшие в нашей стране за относительно небольшой исторический период, признаются беспрецедентными для стран, достигших достаточно высокого уровня социально-экономического развития, и рассматриваются как один из наиболее загадочных аспектов российской трансформации[3]. В период устойчивого экономического роста и повышения жизненных стандартов российского населения в 2000-е гг. наметилась тенденция к позитивному изменению состояния здоровья россиян. Однако и сегодня, положение дел в сфере общественного здоровья остается одной из острейших социальных проблем современной России. Несмотря на снижение смертности (практически по всем видам заболеваний) и рост ожидаемой продолжительности жизни, зафиксированные государственной статистикой в течение последних лет, по этим ключевым для здоровья показателям России удалось выйти лишь на уровень конца 1980-х — начала 1990-х гг. Кроме того, такие изменения в позитивную сторону, по мнению ведущих демографов, все же не выходят за рамки уже наблюдавшихся ранее колебаний и, возможно, не свидетельствуют об устойчивости наметившихся трендов[4].

Негативные сдвиги в состоянии здоровья российского населения, зафиксированные в первое десятилетие трансформационных преобразований в стране, были достаточно обстоятельно проанализированы

2003; *Вишневский А.*, *Школьников В.* Смертность в России: главные группы риска и приоритеты действия : науч. доклады / Моск. Центр Карнеги. Вып. 19. М., 1997; *Прохоров Б.Б.* Динамика социально-экономического реформирования России в медико-демографических показателях // Проблемы прогнозирования. 2006. С. 124–137; *Школьников В.*, *Милле Ф.*, *Вален Ж.* Ожидаемая продолжительность жизни и смертность населения России в 1970–1993 годах: анализ и прогноз. М., 1995; Huge Variation in Russian Mortality Rates 1984–1994: Artifact, Alcohol, or What? / Leon D.A. [et.al.] // The Lancet. 1997. Vol. 350. Issue 9075. P. 383–388; *Mesle F.* Mortality in Eastern Europe and the Former Soviet Union: Long-Term Trends and Recent Upturns. Manuscript of a paper presented at the IUSSP/MPIDR Workshop on Determinants of Diverging Trends in Mortality, Rostock, 19–21 June 2002; *Shkolnikov V.*, *McKee M.*, *Leon D.A.* Changes in Life Expectancy in Russia in the Mid-1990s // The Lancet. 2001. Vol. 357. Issue 9260. P. 917–921; Economic Change, Crime, and Mortality Crisis in Russia: Regional Analysis / Walberg P. [et al.] // British Medical Journal. 1998. Vol. 317. № 7154. P. 312–318.

[3] *Brainerd E., Cutler D.M.* Autopsy on an Empire: Understanding Mortality in Russia and the Former Soviet Union, NBER Working Paper 10868, October 2004. URL: http:// www.nber.org/papers/w10868; *Shleifer A.*, *Treisman D.* A Normal Country // NBER Working Paper 10057, October 2003. URL: http://www.nber.org/papers/w10057

[4] *Вишневский А.Г.* Сбережение народа или депопуляция России? // Докл. к XI Междунар. науч. конф. Гос. ун-та — Высшей школы экономики по проблемам развития экономики и общества. Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики. М., 2010. С. 42–45.

в целом ряде исследований. В качестве причин этих сдвигов рассматривались: развал системы здравоохранения[5]; существенно возросшее потребление алкоголя[6]; понижение жизненных стандартов в кризисные годы, отразившееся, в частности, на качестве питания[7]; возросшие стрессовые нагрузки вследствие высоких темпов общественных изменений[8]; утрата представителями депривированных, наиболее уязвимых слоев нашего общества контроля над обстоятельствами своей жизни и осознание ограниченности жизненных перспектив[9]. Среди наиболее острых социальных проблем здоровья, привлекших пристальное внимание исследователей, оказался рост смертности мужчин трудоспособного возраста, в наибольшей мере затронувший малообразованные и необеспеченные в материальном отношении слои нашего общества. В то же время систематических исследований влияния социальной стратификации на здоровье россиян все еще недостаточно, и совсем мало известно о том, как на протяжении всего постсоветского периода менялось состояние здоровья в различных социально-структурных группах нашего общества.

Если в нашей стране тенденции, свидетельствующие об изменениях социального распределения здоровья, только начинают изучаться, в западной социологии это направление исследований, со времени известной работы, посвященной анализу социальных неравенств в смертности и заболеваемости в Великобритании и других странах ("The Black Report"[10]), интенсивно развивалось. Было, в частности, показано, что сокращение неравенств или бремени проблем со здоровьем в социально уязвимых сегментах общества обладает значительным потенциалом для улучшения статуса здоровья всего населения[11].

---

[5] *Ellman M.* The Increase in death and disease under 'katastroika' // Cambridge Journal of Economics. 1994. Vol. 18. Issue 4. P. 329–355.

[6] Huge Variation in Russian Mortality Rates 1984–1994.

[7] *Field M.G.* The Health Crisis in the Former Soviet Union: A Report from the 'Post-War' Zone // Social Science and Medicine. 1995. Vol. 41. Issue 11. P. 1469–1478.

[8] *Shapiro J.* The Russian Mortality Crisis and Its Causes / A. Aslund (ed.) // Russian Economic Reform in Jeopardy? London–N. Y.: Pinter Publishers, 1995. P. 149–178; *Cornia G.A., Paniccià R.* The Transition Mortality Crisis: Evidence, Interpretation and Policy Responses // The Mortality Crisis in Transitional Economies. Oxford, UK: Oxford University Press, 2000. P. 3–37.

[9] *Watson P.* Explaining Rising Mortality among Men in Eastern Europe // Social Science and Medicine. 1995. Vol. 41. Issue 7. P. 923–934.

[10] Inequalities in Health. The Black Report & The Health Divide / P. Townsend, N. Davidson, M. Whitehead (eds.). London : Penguin Books, 1988.

[11] Why Are Some People Healthy and Others Not? The Determinants of Health of Populations / R.G. Evans, M.L. Barer, T.R. Marmor (eds.). N. Y.: Aldine de Grutyer, 1994;

Именно поэтому Всемирная Организация Здравоохранения и правительства многих европейских стран стали рассматривать задачи по сокращению социальных различий в здоровье в качестве одного из приоритетных направлений государственной политики, ориентированной на улучшение общественного здоровья[12].

Актуальность проведения в России исследований, посвященных анализу социально-экономических неравенств в здоровье и тенденций их изменения как в кризисные 1990-е гг., так и в период быстрого социально-экономического развития, происходившего в 2000-е гг., обусловлена стремительно меняющимися условиями общественной жизни, влекущими за собой существенное перераспределение в доступе различных социально-статусных групп ко многим экономическим, социальным и психологическим ресурсам, значимым для здоровья. В целом ряде работ было установлено, что в России, как и в других странах, показатели здоровья (смертности, ожидаемой продолжительности жизни, субъективных оценок здоровья) существенно отличаются у людей, занимающих разное положение в социальной структуре, будь то стратификация по образованию, доходам или социально-профессиональному статусу[13]. В то же время можно указать лишь отдельные

Whitehead M. The Concepts and Principles of Equity in Health // International Journal of Health Services. 1992. Vol. 22. № 3. P. 429–445.

[12] Reducing Inequalities in Health: A European Perspective / J.P. Mackenbach, M. Bakker (eds.). London : Routledge, 2002; *Van Herten, Loes M.*, *Harry P.A.* Van de Water. Health Policies on Target? Review on health target setting in 18 European countries // European Journal of Public Health. 2000. Vol. 10. Suppl. 4. P. 11–16; Health 21 — Health for all in the 21st century. Copenhagen : World Health Organization Regional Office for Europe, 1999.

[13] Неравенство и смертность в России / под ред. В. Школьникова, Е. Андреева, Т. Малевой. Моск. Центр Карнеги. М. : Сигналъ, 2000; *Римашевская Н.*, *Кислицына О.* Неравенство доходов и здоровье // Народонаселение. 2004. № 2. С. 5–17; *Русинова Н.*, *Браун Дж.*, *Панова Л.* Социальные неравенства в здоровье петербуржцев в первом постсоветском десятилетии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. Спецвыпуск «Санкт-Петербург в зеркале социологии». С. 331–368; *Русинова Н.*, *Панова Л.* Динамика осознаваемого здоровья петербуржцев за период реформ // Телескоп. 2005. № 6. С. 31–36; *Тапилина В.С.* Социально-экономическая дифференциация и здоровье населения России // ЭКО. 2002. № 2. С. 114–125; Socioeconomic Factors, Perceived Control and Self-Reported Health in Russia: A Cross-Sectional Survey / Bobak M. [et al.] // Social Science and Medicine. 1998. Vol. 47. Issue 2. P. 269–279; Socioeconomic Factors, Material Inequalities, and Perceived Control in Self Rated Health: Cross-Sectional Data from Seven Post-Communist Countries / Bobak M. [et al.] // Social Science and Medicine. 2000. Vol. 51. Issue 9. P. 1343–1350; *Carlson P.* Educational Differences in Self-Rated Health during the Russian Transition. Evidence from Taganrog 1993–1994 // Social Science and Medicine. 2000. Vol. 51. Issue 9. P. 1363–1374; Social Patterning of Ill Health in Helsinki and Moscow:

работы, посвященные динамике таких социальных неравенств в 1990-е и 2000-е годы, — эта проблема остается все еще малоизученной. Между тем, сдвиги в социальном распределении здоровья являются важными свидетельствами того, к каким последствиям для разных общественных слоев ведут осуществляемые в стране преобразования, на какие группы населения должна быть направлена поддерживающая социальная политика, насколько эффективно функционируют институты, призванные защищать общественное здоровье.

Немногочисленные попытки изучения этой проблемы, сосредоточивались главным образом на исследовании трендов, свидетельствующих об изменении в первое пореформенное десятилетие по сравнению с предшествующими периодами показателей смертности и продолжительности жизни в разных образовательных группах[14]. В этих работах было установлено, что изучавшиеся социальные неравенства к концу 1990-х гг. увеличились. Особенно резкими были изменения в социальном распределении показателей продолжительности жизни российских мужчин: если в 1988–1989 гг. разрыв по этому показателю между крайними образовательными группами составлял 7,8 лет, то в 1998 г. он достиг отметки в 13,1 года[15]. Оценивая влияние перемен в уровнях смертности мужчин с разным образованием на изменение продолжительности жизни всего населения в 1990-е гг., исследователи отмечают, что существенное сокращение долголетия в России практически полностью определялось ростом смертности мужчин в возрасте до 60 лет с низким и средним уровнями образования. В этом отношении Россия сильно отличалась не только от западных обществ, но и от таких восточно-европейских стран, как, например, Чехия, где общее увеличение продолжительности жизни населения в этот же период происходило за счет снижения смертности в малообразованных сегментах общества. Отсутствие статистических данных, подчеркивают авторы, не позволяет оценить, как менялась социальная стратификация смерт-

---

Results from a Comparative Survey in 1991 / Palosuo H. [et al.] // Social Science and Medicine. 1998. Vol. 46. No. 9. P. 1121–1136.

[14] *Андреев Е.М., Жданов Д.А., Школьников В.М.* Смертность в России через 15 лет после распада СССР: факты и объяснения // SPERO. 2007. № 6 (Весна–Лето); Educational Level and Adult Mortality in Russia: An Analysis of Routine Data 1979 to 1994 / Shkolnikov V. [et al.] // Social Science and Medicine. 1998. Vol. 47. Issue 3. P. 357–369; The Changing Relation Between Education and Life Expectancy in Central and Eastern Europe in the 1990s / Shkolnikov V. [et al.] // Journal of Epidemiology and Community Health. 2006. Vol. 60. № 10. P. 875–881.

[15] Ibid.

ности и продолжительности жизни после 1998 г. — последнего года, когда органы ЗАГС фиксировали образование умершего[16]. Тем не менее, использование метода косвенной оценки смертности[17] позволило продемонстрировать, что вплоть до начала 2000-х гг. наивысший рост смертности был характерен именно для малообразованных мужчин[18]. Эти результаты, в полном соответствии с выводами предшествующего анализа данных государственной статистики[19], а также изучения отдельных когорт населения[20], еще раз показали, что трансформационные процессы диспропорционально затронули социально уязвимые сегменты общества. Следует отметить, что низкообразованные страты — это вовсе не маленькие или маргинальные группы населения: по переписи 2002 г. в России было 35,5 млн человек (33 % населения) в возрасте 20 лет и старше с неполным средним и более низким уровнем образования. Это огромная масса людей, существенно влиявшая на статус общественного здоровья в годы реформ.

Сохранение к началу 2000-х гг. тенденции, указывающей на дальнейший рост образовательных неравенств в смертности, подтверждает и анализ информации, полученный в рамках Российского мониторинга экономического положения и здоровья. Так, по данным этого мониторинга за период с 1995 по 2001 гг. средний ежегодный прирост смертности среди лиц в возрасте 30–55 лет составил 0,74 %. При этом представители наименее образованного слоя очень сильно отличались в худшую сторону по этому показателю от тех, кто получил высшее образование, — его значения равнялись 1,86 % и 0,23 % соответственно. Наблюдалась, следовательно, тенденция к дальнейшей дивергенции трендов смертности для этих групп[21].

---

[16] Ibid.

[17] *Hill K., Trussell J.* Further Developments in Indirect Mortality Estimation // Population Studies. 1977. Vol. 31. Issue 2. P. 313–334.

[18] The Widening Gap in Mortality by Educational Level in the Russian Federation, 1980–2001 / Murphy M. [et al.] // American Journal of Public Health. 2006. Vol. 96. No. 7. P. 1293–1299.

[19] The Changing Relation Between Education and Life Expectancy in Central and Eastern Europe in the 1990s.

[20] *Plavinski S.L., Plavinskaya S.I., Klimov A.N.* Social Factors and Increase in Mortality in Russia in the 1990s: Prospective Cohort Study // British Medical Journal. 2003. Vol. 326. Issue 7401. P. 1240–1242; Educational Differentials in Male Mortality in Russia and Northern Europe. A Comparison of an Epidemiological Cohort from Moscow and St. Petersburg with the Male Populations of Helsinki and Oslo / Shkolnikov V. [et al.] // Demographic Research. 2004. Vol. 10. Article l. P. 1–26.

[21] *Brainerd E., Cutler D.M.* Op. cit.

В наших предшествующих исследованиях, проведенных в Санкт-Петербурге, была выявлена тенденция к расширению социально-структурных неравенств в воспринимаемом здоровье, охватывающая не только 1990-е гг., но и 2000-е гг. Так, в частности, анализ трендов в распределении здоровья по доходной и образовательной стратификациям, опирающийся на данные репрезентативных опросов жителей Петербурга 1992, 1998 и 2006 гг., продемонстрировал, что, несмотря на подъем уровня жизни в 2000-е гг. и обусловленное им небольшое улучшение самочувствия горожан, проявившееся в эти годы, социальные неравенства здоровья не только не стали в этот период сглаживаться, но и — по отдельным показателям — стали более выраженными по отношению к 1990-м гг.[22]

Другая проблема, которая также остается недостаточно изученной в нашей стране, — характер изменения в 1990-е и 2000-е гг. социально-экономических паттернов, связанных с деструктивными для здоровья типами поведения — злоупотреблением алкоголем и курением. Между тем, именно эти виды поведения, все шире распространявшиеся в нашем обществе с начала 1990-х гг., называются среди ключевых причин, приведших к кризису здоровья российского населения[23]. Особую опасность несло злоупотребление алкоголем — как в силу высокой распространенности этого явления в российском обществе, так и из-за множественности последствий для здоровья нации. По данным А. Немцова, потребление чистого алкоголя в России достигло к 2001 г. 15 литров на душу населения, а в некоторых сельских местностях даже 17.3 литров [24]. Эти цифры — одни из самых высоких в мире.

---

[22] *Русинова Н., Панова Л., Сафронов В.* Социальные неравенства в здоровье: тенденции в Санкт-Петербурге 1992–2006 гг. // Телескоп. 2008. № 4. С. 23–38; *Они же.* Социальная стратификация здоровья в Санкт-Петербурге: изменения в период трансформации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 4. С. 102–121; *Они же.* Динамика социальных различий в здоровье: Санкт-Петербург, 1992–2006 гг. // Социологический журнал. 2009. № 4. С. 65–84.

[23] Здоровье населения России в социальном контексте 1990-х годов: проблемы и перспективы; *Cockerham W.C.* The Social Determinants of the Decline of Life Expectancy in Russia and Eastern Europe: A Lifestyle Explanation // Journal of Health and Social Behavior. 1997. Vol. 38. Issue 2. P. 117–130; *Idem.* Health Lifestyles in Russia // Social Science and Medicine. 2000. Vol. 51. Issue 9. P. 1313–1324; *Cockerham W.C.*, *Hinote B.P.*, *Abbott P.* Psychological Distress, Gender, and Health Lifestyles in Belarus, Kazakhstan, Russia, and Ukraine // Social Science and Medicine. 2006. Vol. 63. Issue 9. P. 2381–2394.

[24] *Nemtsov A.* Russia: Alcohol Yesterday and Today // Addiction. (2005. Vol. 100. Issue 2. P. 146–149.

Лидирующая роль алкоголя в формировании сверхвысоких уровней преждевременной смертности в России (в частности, смертности от сердечно-сосудистых заболеваний и внешних причин) подтверждается данными многих исследований[25]. Согласно полученным результатам, алкоголизация в России влияет на здоровье и сокращение ожидаемой продолжительности жизни населения настолько серьезно, что способна вызвать демографическую катастрофу.

Курение является второй по значимости причиной заболеваемости и смертности в мире. Велика его роль и в кризисе здоровья российского населения — по оценкам Всемирного Банка вклад курения в смертность россиян составляет 17,1 %[26], в будущем же прогнозируется его дальнейший рост — особенно среди женщин, демонстрирующих в постсоветский период все большее пристрастие к этой вредной привычке. По данным отдельных исследований разрыв в продолжительности жизни между некурящими мужчинами и теми, кто выкуривает двадцать и более сигарет в день, составляет 12 лет[27]. Ожидаемая продолжительность жизни курящих женщин, даже при значительно меньших дозах (6 и более сигарет в день), на 6 лет короче по сравнению с некурящими[28]. Весьма тревожным является и то обстоятельство, что потребление табака оказывает большое влияние на сокращение продолжительности здоровой жизни, вызывая серьезные заболевания сердечно-сосудистой системы и органов дыхания: на долю этого фактора риска приходится 12,3 % утраченных лет здоровой жизни[29]. Показатели курения, характеризующие российских мужчин, являются одними из самых высоких в мире. Несмотря на уже очень широкую распространенность курения среди мужчин в советскую эпоху, в пост-

---

[25] Alcohol and Cardiovascular Mortality in Moscow: New Evidence of a Causal Association / *Chenet L.* [et al.] // Journal of Epidemiology and Community Health. 1998. Vol. 52. № 12. P. 772–774; *Shkolnikov V.*, *McKee M.*, *Leon D.A.* Changes in Life Expectancy in Russia in the Mid-1990s; Economic Change, Crime, and Mortality Crisis in Russia: Regional Analysis; Relation between Heavy and Binge Drinking and All-Cause Cardiovascular Mortality in Novosibirsk, Russia: a Prospective Cohort Study / Malyutina S. [et al.] // Lancet. 2000. Vol. 360. Issue 9344. P. 1448–1454.

[26] Рано умирать. Проблемы высокого уровня заболеваемости и преждевременной смертности от неинфекционных заболеваний и травм в Российской Федерации и пути их решения. М. : Алекс, 2006. С. 5.

[27] *Деев А.Д., Школьников В.М.* Неоднородность смертности: анализ индивидуальных данных // Неравенство и смертность в России. М. : Сигнал, 2000. С. 70–73.

[28] Роль здорового образа жизни в стратегии охраны здоровья населения / Оганов Р.Г. [и др.] // Российские медицинские вести. 2001. № 3. С. 34–37.

[29] Доклад ВОЗ. 2005. С. 23.

советский период она продолжала расти. Особую озабоченность вызывает и неуклонный рост числа курящих женщин, особенно молодых. Так, по результатам исследования, проведенного в Таганроге, за период с 1993–94 по 1998 гг. в возрастных группах 19–29 и 30–39 лет было выявлено заметное увеличение доли приверженных курению женщин[30]. Рост числа молодых курильщиц в 1990-е гг. был зафиксирован и в общероссийском исследовании, предпринятом в рамках Нового российского барометра в 1996 г.[31]. Согласно последующим исследованиям, за период, охватывающий 1990-е и начало 2000-х гг., доля курящих женщин более чем удвоилась — с 7,3 % в 1992 г. до 15 % в 2004 г.[32] Особенно высокими были уровни распространенности курения среди женщин, проживающих в городах. Так, было установлено, что в Москве курят 28,7 % женщин в возрасте 25–64 лет, в Архангельске — 23,2 %, в Мурманске — 29,6 %[33].

Несмотря на столь выраженные негативные тренды в типах поведения, представляющих серьезные угрозы здоровью и долголетию россиян, до сих пор нет окончательной ясности в вопросах о том, что послужило спусковым механизмом в эскалации деструктивных поведенческих практик в 1990-е гг., и почему в 2000-е гг., отмеченные ростом благосостояния российских граждан и повышением их субъективного благополучия, эти тенденции продолжали усугубляться. До конца не выяснено также, в какой мере это общее повышение уровней потребления алкоголя и курения на протяжении всего постсоветского периода коснулось различных слоев населения. Между тем, знание социально-экономических паттернов в типах поведения, несущих риски для здоровья, а также тенденций их изменения во времени, необходимо не только для объяснения современного состояния общественного здоровья в нашей стране, но и для прогнозов на будущее и выработке социальной политики, направленной на его восстановление.

---

[30] *Carlson P.* Risk Behaviors and Self Rated Health in Russia // Journal of Epidemiology and Community Health. 2001. Vol. 55. Issue 11. P. 806–817.

[31] Patterns of Smoking in Russia / McKee M. [et al.] // Tobacco Control. 1998. Vol. 7 (1). P. 22–26.

[32] Рано умирать; *Ревич Б. А.* К оценке факторов риска смертности населения России и реальности их снижения: комментарии к докладу Всемирного Банка «Рано умирать» // Проблемы прогнозирования. 2006. №6. С. 114–133; Prevalence of smoking in eight countries of the former Soviet Union: results from the Living conditions, Lifestyles and Health study / Gilmore A.B. [et al.] // American Journal of Public Health. 2004. 94(12). P. 2177–2187.

[33] Эпидемия курения среди женщин / Камардина Т.В. [и др.] / Демоскоп. 2004. № 145–146. URL: http://demoscope.ru/weekly/2004

В мировой исследовательской практике изучение социально-экономических детерминант деструктивных типов поведения, в частности, потребления алкоголя, и связанной с алкоголем заболеваемости и смертности, — предмет пристального внимания аналитиков[34]. В большом количестве исследований, проведенных в разных странах мира, анализировалась зависимость между показателями потребления алкоголя и социально-экономического статуса. С середины 1990-х гг. быстро развивалось исследовательское направление, посвященное анализу социальных различий в смертности, вызванной алкогольными причинами. В работах этого направления было показано, что распределение уровней смертности, спровоцированной алкоголем, образует отчетливый и постоянно возобновляющийся социальный градиент[35].

Согласно классическому паттерну, выявленному при изучении социально-экономических неравенств в здоровье, в нижних стратах показатели состояния здоровья, как правило, хуже, а смертности — выше, чем в верхних слоях социальной иерархии[36]. Долгое время считалось, что и характер социального распределения деструктивных для здоровья типов поведения соответствует этому социальному градиенту — чем ниже по социальной лестнице, тем выше распространенность типов поведения, представляющих риски для здоровья[37]. Однако исследования продемон-

---

[34] См., например: *Midanik L.*, *Clark W.* The Demographic Distribution of US Drinking Patterns in 1990: Description and Trends from 1984 // American Journal of Public Health. 1994. Vol. 84. P. 1218–1222; Alcoholism in social classes and occupations in Sweden / Hemmingsson T. [et al.] // International Journal of Epidemiology. 1997. Vol. 26. P. 584–591; *Mäkelä P.* Alcohol-Related Mortality as a Function of Socioecononmic Status // Addiction. 1999. Vol. 94. P. 867–886; *Harrison L.*, *Gardiner E.* Do the Rich Really Die Young? Alcohol-Related Mortality and Social Class in Great Britain, 1988–94 // Addiction. 1999. Vol. 94. P. 1871–1880; Alcohol Consumption, Alcohol-related Problems, Problem Drinking, and Socioeconomic Status / van Oers J.A.M. [et al.] // Alcohol and Alcoholism. 1999. Vol. 34. P. 78–88.

[35] *Mäkelä P., Valkonen T., Martelin T.* Contribution of Deaths Related to Alcohol Use to Socioeconomic Variation in Mortality: Register Based Follow up Study // British Journal of Medicine. 1997. Vol. 315. P. 211–216; *Mäkelä P.*, *Keskimäki I.*, *Koskinen S.* What Underlies the High Alcohol Related Mortality of the Disadvantaged: High Morbidity or Poor Survival? // Journal of Epidemiology and Community Health. 2003, Vol. 57. P. 981–986; *Harrison L., Gardiner E.* Do the Rich Really Die Young?; *Mäkelä P.* Alcohol-Related Mortality as a Function of Socioeconomic Status.

[36] *Dalstra J., Kunst A., Mackenbach J.* A Comparative Appraisal of the Relationship of Education, Income and Housing Tenure with Less than Good Health among the Elderly in Europe // Social Science and Medicine. 2006. Vol. 62. P. 2046–2060.

[37] Social Inequalitiy and Alcohol Consumption-Abuse in Bahia, Brazil: Interactions of Gender, Ethnicity and Social Class / Almeida-Filho N. [et al.] // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. 2005. Vol. 40. P. 214–222.

стрировали, что доход, образование и статус занятости связаны прямой зависимостью с переменными присутствия алкоголя в жизни человека и частоты потребления им алкогольной продукции. В то же время связь между социально-экономическим статусом, измеренным с помощью этих индикаторов, и злоупотреблением алкоголем, как и предполагалось, действительно носит обратный характер — большее количество алкоголя выпивается индивидами, занимающими низкие позиции в социальной структуре[38]. В развитых обществах этот общий паттерн, как правило, воспроизводится, отражая различия в стилях жизни между социально-экономическими группами. Представители групп, занимающих более высокое положение в социальной иерархии, являются более вероятными потребителями алкогольной продукции — они выпивают чаще, но в меньших дозах, чем те, кто относится к менее статусным группам. Среди последних сравнительно больше абстинентов, но у тех, кто употребляет алкоголь, разовые дозы выпиваемых алкогольных напитков значительно выше, чем у представителей групп с высоким социальным положением[39]. Однако дальнейшие исследования показали, что и эта закономерность не является общей. Так, например, в Бразилии было обнаружено, что более высокому социально-экономическому статусу соответствует и повышенный уровень потребления алкоголя[40]. Исследование, проведенное в Израиле, выявило два четких раздельных паттерна в злоупотреблении алкоголем молодыми евреями и арабами в зависимости от социально-экономической позиции. Евреи следовали паттерну, характерному для развитых обществ (по всем трем измерениям социально-экономического статуса — образованию, доходу, профессии): у них была выявлена отрицательная корреляции пьянства с положением в социальной иерархии. В то время как среди арабов была обнаружена сильная прямая связь дохода и профессии со злоупотреблением алкоголем[41].

---

[38] *Midanik L., Clark W.* The Demographic Distribution of US Drinking Patterns in 1990: Description and Trends from 1984; *Greenfield T.*, *Midanik L.*, *Rogers J.* A 10-year National Trend Study of Alcohol Consumption, 1984–1995: Is the Period of Declining Drinking Over? // American Journal of Public Health. 2000. Vol. 90. P. 47–52.

[39] *Marmot M.* Inequality, Deprivation and Alcohol Use // Addiction. 1997. Vol. 92 (Suppl). P. 13–20; Alcohol Consumption, Alcohol-related Problems, Problem Drinking, and Socioeconomic Status; *Bloomfield K.*, *Augustin R.*, *Kraus L.* Social Inequalities in Alcohol Use and Misuse in the German General Population // Zeitschrift für Gesundheitswissenschaften. 2000. Vol. 8. P. 230–242.

[40] Social Inequalitiy and Alcohol Consumption-Abuse in Bahia, Brazil: Interactions of Gender, Ethnicity and Social Class.

[41] *Neumark Y., Rahav G., Jaffe D.* Socio-economic status and binge drinking in Israel // Drug and Alcohol Dependence. 2003. Vol. 69. P. 15–21.

Исследования показали также, что паттерны социальных неравенств в потреблении алкоголя существенно различаются у мужчин и женщин — характер этих различий в разных обществах во многом определяется особенностями культуры и положением женщин в социальной структуре. В развитых обществах для высокообразованных женщин, занятых в престижных профессиях, характерны повышенные риски неумеренного потребления алкоголя и возникновения алкогольных проблем[42]. В развивающихся странах, как и странах транзитивного типа, в том числе России, женщины не пьют спиртные напитки в таких объемах, как это делают представительницы слабого пола в развитых обществах. В этих странах относительно невысокие уровни потребления алкоголя женщинами затрудняют оценки его социально-экономического структурирования[43].

В современной России, как было показано в ряде работ, люди, занимающие разные позиции в социальной иерархии, различаются и в своей приверженности поведению, несущему риски для здоровья. Так, было показано, что степень пристрастия к алкоголю далеко не одинакова в нижних и верхних доходных и образовательных слоях нашего общества. В отдельных регионах страны — Новосибирске[44], Таганроге[45], Санкт-Петербурге[46], как и в России в целом[47], наблюдается обратный образовательный градиент в интенсивном потреблении алкоголя — в верхней страте пьют существенно меньше, чем в нижней. В. Школьников и его коллеги также делают вывод о том, что потребление алкоголя варьируется в зависимости от уровня образования — оно выше в менее образованных сегментах общества. В. Тапилина, анализируя материалы «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ–ВШЭ (RLMS–HSE)» (с 1994 по 2002 гг.), подтверждает эту закономерность — с повышением образовательного уровня российских граждан показатель неумеренного потребления алкоголя снижается[48].

---

[42] *Marmot M.* Op.cit.; *Bloomfield K.*, *Augustin R.*, *Kraus L.* Op. cit.

[43] Trends in Alcohol Intake by Education and Marital Status in an Urban Population in Russia between the Mid 1980s and the Mid 1990s / Malyutina S. [et al.] // Alcohol and Alcoholism. 2004. Vol. 39. Issue 1. P. 64–69; Social Inequalitiy and Alcohol Consumption-Abuse in Bahia, Brazil.

[44] Trends in Alcohol Intake by Education and Marital Status in an Urban Population in Russia...

[45] *Carlson P., Vagero D.* Alcohol Abuse. The Social pattern of Heavy Drinking in Russia During Transition. Evidence from Taganrog 1993.

[46] *Plavinski S.L., Plavinskaya S.I., Klimov A.N.* Op.cit.

[47] *Cockerham W.C.* Health and Social Change in Russia and Eastern Europe; *Cockerham W.C.* Health Lifestyles in Russia.

[48] *Тапилина В.С.* Социально-экономическая дифференциация и здоровье населения России.

Изучение различий в потреблении алкоголя, обусловленных доходной стратификацией, приводит к противоречивым заключениям. Так, по результатам исследований, относящихся к середине 1990-х гг., потребление алкоголя российскими мужчинами оказалось не связанным ни с уровнем их материальной депривации, ни с оценками ими своего материального положения[49]. В. Тапилина (данные указанного «Российского мониторинга 1994–2002 гг.») продемонстрировала, что самые высокие уровни потребления алкогольной продукции характерны для лиц с низким экономическим статусом, а также представителей социально-профессиональных групп, в которых большую долю занятых составляют мужчины. Среди последних — рабочие, занимающиеся квалифицированным и неквалифицированным физическим трудом; «синие воротнички», вовлеченные в процесс ручного труда; работники различных отраслей промышленного производства. В этих группах уровень потребления алкоголя превышает «безопасный предел» от 2,5 до 7 раз[50]. В исследовании А. Демьяновой (по материалам того же Российского мониторинга, 2000 г.) выявлена аналогичная зависимость между уровнем материальной обеспеченности индивидов и объемом потребляемых ими алкогольных напитков[51].

Между тем, эконометрический анализ данных того же «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (1994–2002 гг.), предпринятый Ю. Андриенко и А. Немцовым, приводит к иным выводам. В частности, было показано, что с ростом дохода происходит повышение как частоты потребления алкогольных напитков, так и объема потребляемого алкоголя. Однако, как отмечают авторы, это не означает, что обеспеченные индивиды выпивают больше, чем бедные. Зависимость является нелинейной и описывается U-образной кривой: и бедные, и богатые потребители алкогольной продукции выпивают больше, чем россияне со средними доходами. Авторы полагают, что среди бедных больше людей, которые не пьют вообще — либо по выбору, либо по необходимости, но среди тех, кто пьет, спиртное потребляется в достаточно больших количествах[52]. В рассматриваемой работе

---

[49] Alcohol Consumption in a National Sample of the Russian Population // Addiction. 1999. Vol. 94. Issue 6. P. 857–866.

[50] *Тапилина В.С.* Социально-экономическая дифференциация и здоровье населения России.

[51] *Демьянова А.А.* Факторы и типы потребления алкоголя и табака в России // Экономическая социология. Электронный журнал. 2005. Т.6. № 1. URL: www.ecsoc.msses.ru

[52] *Andrienko Yu. V., Nemtsov A.V.* Estimation of Individual Demand for Alcohol. Moscow: EERC. 2005.

отмечается также, что с ростом дохода снижается потребление низкокачественного алкоголя — предпочтение отдается водке, вину и пиву. Поэтому повышенные объемы потребления спиртного оборачиваются для обеспеченных граждан меньшими негативными последствиями для здоровья по сравнению с теми, кто занимает низкие позиции в доходной стратификации, хотя уровень потребления алкоголя у тех и других отличается незначительно[53]. Результаты другого исследования — вновь по материалам «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» — подтверждают описанные закономерности: россияне с высокими доходами пьют в среднем больше, чем менее обеспеченные, отчасти и потому, что в беднейших слоях в России больше непьющих[54]. Как отмечается в докладе Общественной Палаты РФ[55], бедность, с одной стороны, является фактором снижения потребления алкоголя. С другой стороны, алкоголизм и пьянство являются фактором бедности. Сочетание зависимости от алкоголя и бедности вынуждает людей потреблять суррогаты и самогон, так как это наиболее дешевые источники этанола.

В отдельных работах предпринимались попытки проследить российские тенденции, характеризующие изменения в социальном распределении показателей потребления алкоголя, произошедшие в кризисные 1990-е гг. Среди этих работ отметим исследование С. Малютиной и ее коллег, в котором, опираясь на результаты трех опросов жителей Новосибирска, такие изменения прослеживались за десятилетие, охватывающее 1985–1995 гг. Согласно полученным результатам, с повышением уровня образования потребление алкоголя, измеренное с помощью различных показателей, снижается — самые низкие его уровни отмечались в группе высокообразованных. Было показано, что на протяжении десятилетнего периода наблюдений объем потребляемого алкоголя вырос во всех образовательных группах мужчин. При этом образовательные различия уменьшились — за счет более быстрого роста потребления алкоголя в группе мужчин с высшим образованием[56].

---

[53] Ibid.

[54] *Treisman D.* Death and Prices: The Political Economy of Russia's Alcohol Crisis // Economics of Transition. 2010. Vol. 18. Issue 2. P. 281–331.

[55] Общественная палата Российской Федерации, Комиссия по социальной и демографической политике, Общественный совет Центрального федерального округа. Злоупотребление алкоголем в Российской Федерации: социально-экономические последствия и меры противодействия. Доклад от 13 мая 2009 г. М., 2009.

[56] Trends in Alcohol Intake by Education and Marital Status in an Urban Population in Russia...

Как показала В. Тапилина (данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья), с 1994 г. по 2002 г. наблюдался неуклонный рост показателей рискованного потребления алкоголя — тенденция, распространившаяся на целый ряд социально-демографических и социально-экономических групп, включая женщин, пенсионеров, многодетных родителей, экономически неактивное население работоспособных возрастов, бедных, сельских жителей, неквалифицированных рабочих[57]. Эти результаты, отмечает автор, свидетельствуют о том, что злоупотребление алкоголем, делавшееся все более распространенным явлением в постсоветской России, было характерным для тех категорий россиян, которые испытали на себе социальные, экономические и психологические травмы транзитивного периода (падение уровня жизни, депрессии, страхи, неуверенность в будущем).

Курение — другая, наряду с употреблением спиртных напитков, форма деструктивного для здоровья поведения, также широко распространенная в России, — имеет свои социальные особенности. Так, общероссийский опрос, проведенный в 1996 г. в рамках Нового российского барометра[58], продемонстрировал, что среди как мужчин, так и женщин распространенность курения в наиболее образованной страте была ниже, чем в рядах тех, кто не получил хорошего образования. Эти различия были обусловлены неодинаковой выраженностью материальной депривации у россиян с разным уровнем образования — при ее контроле фактор образования утрачивал свою самостоятельную независимую роль в качестве предиктора курения.

Проведенный в Таганроге (1993–94 и 1998 гг.) анализ типов поведения, несущих риски для здоровья, также выявил наличие существенных связей между курением и социально-экономическим статусом жителей этого города, как мужчин, так и женщин[59]. Курение оказалось значительно (в 2,5 раза) более распространенным явлением среди лиц с неполным средним или начальным образованием по сравнению с теми, кто обладал дипломами вузов. Были выявлены также значимые, хотя и менее выраженные различия распространенности курения в группах, отличающихся по уровню материальной обеспеченности. Она была

[57] *Tapilina V.S.* How Much Does Russia Drink? Volume, Dynamics, and Differentiation of Alcohol Consumption // Russian Social Science Review. 2007. Vol. 48. № 2. P. 79–94.

[58] Patterns of Smoking in Russia / McKee M. [et al.] // Tobacco Control. 1998. Vol. 7 (1). P. 22–26.

[59] *Carlson P.* Risk Behaviors and Self rated Health in Russia // Journal of Epidemiology and Community Health. 2001. Vol. 55. Issue 11. P. 806–817.

выше среди тех, кто чаще сталкивался с экономическими трудностями за последние 12 месяцев (был вынужден систематически обращаться за помощью к другим людям, чтобы оплачивать свои повседневные расходы). Однако с другими переменными, фиксирующими экономические обстоятельства жизни и их изменения за длительный период времени, очевидных связей курения, впрочем, как и потребления алкоголя, в этом анализе выявлено не было.

Исследование, проведенное в рамках крупного международного проекта "The Living Conditions, Lifestyles and Health Study (LLH)" в 2001 г. в восьми странах бывшего Советского Союза, продемонстрировало, что для мужчин — в изучаемом регионе в целом — курение было связано обратной зависимостью с социально-экономическим статусом, измеряемым различными индикаторами. Особенно сильной такая зависимость была с признаком образования. У женщин социальные дифференциации были менее отчетливыми. При значительно меньшей распространенности курения в женской половине населения региона, ключевыми ее детерминантами выступали переменные возраста и места проживания — большую склонность к курению проявляли молодые женщины — жительницы городов. Возможная причина этого — активный табачный маркетинг в городских центрах[60].

Наши западные коллеги, используя материалы Российского мониторинга экономического положения и здоровья, предприняли попытку изучения трендов, отражающих перемены в социальной стратификации курения в 1990-е и начале 2000-х гг.[61] Им удалось обнаружить существенное изменение образовательного паттерна в приверженности курению, особенно отчетливого у женщин. Если в начале 1990-х дифференциаций в уровнях курения женщин, имеющих разное образование, практически не наблюдалось, то в последующие годы они стали различаться все больше и больше. На фоне общего повышения доли курящих во всех образовательных группах женщин самыми высокими темпы распространения курения были среди наименее образованных наших соотечественниц. Похожие процессы происходили и у мужчин, хотя и в менее выраженной форме.

---

[60] Determinants of Smoking in Eight Countries of the Former Soviet Union: Results from the Living Conditions, Lifestyles and Health Survey / Pomerleau J. [et al.] // Addiction. 2004. Vol. 99. P. 1577–1585.

[61] Trends in the Prevalence of Smoking in Russia during the Transition to a Market Economy / Perlman F. [et al.] // Tobacco Control. 2007. Vol. 16. № 5. P. 299–305.

Какие же предположения выдвигаются исследователями для объяснения все большего распространения в постсоветской России курения и употребления алкоголя — двух основных типов поведения, наносящих серьезный вред здоровью населения?

Согласно одной из точек зрения, получившей широкое признание, рост потребления спиртного в РФ, в частности, крепких алкогольных напитков, был связан с повышением его доступности для потребителя. Ссылаясь на западные исследования, многократно подтвердившие тот факт, что потребление алкоголя зависит от цены напитков и с их ростом имеет тенденцию к снижению[62], сторонники этого объяснения склонны видеть основную причину значительного увеличения объемов потребления крепких напитков в современной России во все большей доступности водки для населения. На протяжении 1990-х гг. это происходило вследствие резкого падением ее цены относительно других товаров — например, цены на продукты питания увеличивались в пять раз быстрее, чем на водку[63]. А по некоторым данным, в этот период упала и реальная цена на водочные изделия[64]. Если в декабре 1990 г. на среднемесячный доход российского гражданина можно было купить 10 литров обычной качественной водки, то уже 4 года спустя — 47 литров[65]. Немаловажным обстоятельством, способствующим росту потребления крепких алкогольных напитков, являлось и то, что водка, став гораздо более доступной, значительно подешевела к тому же по сравнению со слабоалкогольными напитками, в частности, пивом, цена которого росла быстрее, чем средняя заработная плата. Так, в 1990 г. можно было купить 27 литров пива по цене литра водки. К 1994 г. этот показатель снизился до 4,5 литров пива[66]. Рост доступности водки продолжился и в 2000-е гг., — в эти годы не столько за счет снижения ее реальной цены, сколько благодаря значительному повышению доходов населения по мере выздоровления экономики.

---

[62] Alcohol Policy and the Public Good / G. Edwards (ed.). London : Oxford University Press, 1994.

[63] *Levin B.M.* Main Factors of Alcohol Consumption under Conditions of Rapid Social Changes: an Essay on Russia / Simpura J., Levin B.M (eds.) // Demystifying Russian Drinking: Comparative Studies from the 1990s. Saarijarvi : National Research and Development Centre for Welfare and Health, 1997. P. 46.

[64] *Simpura J, Levin B.M.* Demystifying Russian Drinking: an Introduction / Simpura J, Levin B.M (eds.) // Demystifying Russian Drinking: Comparative Studies from the 1990s. Saarijarvi : National Research and Development Centre for Welfare and Health, 1997. P. 21.

[65] *Treisman D.* Death and Prices: The Political Economy of Russia's Alcohol Crisis. P. 298.

[66] Ibid.

Так, к декабрю 2005 г. среднемесячный доход россиянина уже был эквивалентен 87 литрам водки[67].

Другое объяснение, дополняющее экономический анализ доступности, было предложено в рамках культурологического подхода, с помощью которого предпринимались попытки объяснить не только высокое и продолжающее расти потребление в России алкоголя и табака, но и воспроизводство в нашем обществе других поведенческих практик, несущих опасность для здоровья людей (несбалансированное питание, недостаточная физическая активность при проведении досуга)[68]. Согласно этому объяснению, все эти практики — устоявшиеся черты стилей жизни, отражающие сформировавшуюся в советское время культуру, которая поддерживала пассивное отношение граждан к собственному здоровью[69]. Такие ориентации, не предполагающие ответственности индивида за свое благополучие и здоровье, сохранялись и после крушения Советского Союза и препятствовали формированию здоровых стилей жизни, способствуя распространению деструктивных для здоровья поведенческих практик. Так, доминирующий в современной России паттерн в потреблении алкоголя, по мнению западных исследователей, хорошо знакомых с проблемами здоровья в странах центральной и восточной Европы, является, скорее всего, отражением тех социальных норм и традиций, которые сформировались задолго до начала трансформационных преобразований[70].

---

[67] *Mustonen H.* Positive and Negative Experiences Related to Drinking, Moscow, 1994 // Demystifying Russian Drinking: Comparative Studies from the 1990s. Saarijarvi : National Research and Development Centre for Welfare and Health, 1997. P. 129.

[68] *Carlson P. Vagero D.* Alcohol Abuse. P. 280–285; *Cockerham W.C.* The Social Determinants of the Decline of Life Expectancy in Russia and Eastern Europe; *Idem*. Health and Social Change in Russia and Eastern Europe. London: Routledge, 1999; *Idem*. Health Lifestyles in Russia; *Idem*. Health Lifestyles and the Absence of the Russian Middle Class // Sociology of Health and Illness. 2007. Vol. 29. №3. P. 457–473; Russian Mortality Trends for 1991–2001: Analysis by Cause and Region / Men T. [et al.] // British Medical Journal. 2003. Vol. 327. № 7421. P. 964–70; *Palosuo H.* Health-related Lifestyles and Alienation in Moscow and Helsinki // Social Science and Medicine. 2000. Vol. 51. Issue 9. P. 1325–41; *Idem*. Health and Well-being in Moscow and Helsinki (Research Report, 129). Helsinki: STAKES, 2003; Do Health Control Beliefs Predict Behaviour in Russians? / Perlman F. [et al.] // Preventive Medicine. 2003. Vol. 37. Issue 2. P. 73–81.

[69] *Dmitrieva E.* The Russian Health Care Experiment. Transition of the Health Care System and Rethinking the Sociology of Medicine / Cockerham W.C. (ed.) // The Blackwell Companion to Medical Sociology. Oxford: Blackwell, 2005; *Cockerham* W.C., M. *Snead Ch., DeWaal D.F.* Health Lifestyles in Russia and the Socialist Heritage // Journal of Health and Social Behavior. *2002.* Vol. 43. №1. P. 42–55.

[70] Alcohol Consumption in a National Sample of the Russian Population.

Еще одна заметная тема, возникающая при обсуждении кризиса здоровья в постсоветской России, — стремительное нарастание в 1990-е гг. социально-экономических неравенств, приведшее к резкому разделению общества на тех, кто смог адаптироваться к меняющейся реальности транзитивного периода, найдя, в частности, хорошо оплачиваемые рабочие места, и теми, кто не сумел приспособиться, потерял работу или оказался в тех сферах занятости, где задержки заработной платы или вовсе ее отсутствие — норма жизни. В литературе широко обсуждался, в частности, вопрос о том, было ли связано повышение уровня потребления алкоголя с увеличением таких неравенств. Результаты многих эмпирических исследований интерпретировались именно с этой точки зрения. Так, по данным таганрогского проекта[71], в середине 1990-х гг. мужчины с низким уровнем образования, занятые ручным малооплачиваемым трудом, переживающие семейные проблемы чаще оказывались среди злоупотребляющих алкоголем, чем в среднем по выборке. Подтверждался известный факт: потребление алкоголя выше в тех социальных группах, которые занимают маргинальное положение на рынке труда, страдают от многих других социальных проблем, заняты на низкооплачиваемых работах[72]. В то же время связь между доходом домохозяйства и интенсивным потреблением алкоголя оказалась обратной: члены домохозяйств с относительно высоким доходом пили больше, нежели те, чей уровень материального благосостояния был низким. По мнению авторов проекта, обе такие зависимости проявлялись в российском обществе, поскольку в 1990-е гг. его отличительной чертой был высокий уровень социального неравенства[73].

При обсуждении причин злоупотребления алкоголем и повышенных уровней смертности в постсоветской России, особенно среди мужчин трудоспособного возраста, важное место отводится и социально-психологическим факторам, которые рассматриваются как передаточный механизм, опосредующий воздействие макропроцессов на уровень индивида. Во многих исследованиях отмечается, что хронические стрессы, вызванные продолжительным кризисом в российском обществе первого пореформенного десятилетия, сыграли немаловажную

[71] *Carlson P., Vagero D.* Op. cit.

[72] См., например: *Bartley M.* Unemployment and Ill-health: Understanding the Relationship // Journal of Epidemiology and Community Health. 1994. Vol. 48. P. 333–337.

[73] *Whelan C.T.* The Role of Social Support in Mediating the Psychological Consequences of Economic Stress // Sociology of Health and Illness. 1993. Vol. 15. P. 86–101.

роль в углублении неравенств в здоровье (см., например, работы[74] и [75]). Повышенное потребление алкоголя, как подчеркивается в литературе, являлось, вероятно, реакцией на усиление психологических стрессовых нагрузок, что вело, в конечном счете, к распространению нездоровья и преждевременной смертности[76].

Представленный выше обзор состояния исследований, посвященных изучению в постсоветской России социальных различий в здоровье населения и потреблении алкоголя и табака, а также тенденций изменения этих различий, показывает, что многие вопросы в этой проблемной области требуют дальнейшего прояснения.

Было установлено, что в России, как и в других странах, показатели здоровья (смертности, ожидаемой продолжительности жизни, субъективных оценок здоровья) существенно отличаются у людей, занимающих разное положение в социальной структуре (по образованию, доходам или социально-профессиональному статусу). Здоровье россиян, принадлежащих к нижним слоям социальной структуры, было хуже по сравнению с теми, кто занимал в ней высокие позиции. В 1990-е гг. происходило, возможно, расширение таких неравенств (по крайней мере, нарастали различия показателей смертности и продолжительности жизни у россиян с низким и высоким уровнем образования). Однако остается неясным, сохранялись ли социальные неравенства в здоровье в 2000-е гг., когда экономика, благосостояние, государственные институты и психологический климат в российском обществе стали быстро восстанавливаться после десятилетнего кризиса, и как такие неравенства менялись в этот период — сокращались или, наоборот, увеличивались.

Недостаточно изучены и социально-экономические паттерны, связанные с деструктивными для здоровья типами поведения — злоупотреблением алкоголем и курением. Есть основания полагать, что россияне, занимающие разные позиции в социальной иерархии, различаются в своей приверженности поведению, несущему риски для здоровья. Степень пристрастия к алкоголю выше у представителей менее образованных сегментов населения, чем у людей с высоким уровнем образования. Изучение доходных различий приводит к противоречивым результатам.

---

[74] The Response of Violent Mortality to Economic Crisis in Russia / Gavrilova N.S. [et al.] // Population Research and Policy Review. 2000. Vol. 19. P. 415.

[75] *Leon D., Shkolnikov V.* The Role of Alcohol and Social Stress in Russia's Mortality Rate: Reply // Journal of the American Medical Association. 1999. Vol. 281. P. 322.

[76] *Treisman D.* Op. cit.

Злоупотребление алкоголем — явление, чаще встречающееся в маргинальных, депривированных слоях, отличающихся очень низкими доходами, чем в хорошо обеспеченных в материальном отношении стратах. В то же время, обеспеченные россияне употребляют спиртные напитки чаще и в больших количествах, чем люди с невысокими доходами. В 1990-е гг. и начале прошлого десятилетия отмечается тенденция к росту потребления алкоголя, однако вопрос о том, какие именно слои и в какой мере были в это вовлечены, требует дальнейшего изучения. Не известно также, что происходило с социальными различиями в употреблении спиртного в 2000-е гг. — в каких социальных группах продолжался рост и каковы были его темпы.

Показатели курения, характеризующие российских мужчин, являются одними из самых высоких в мире. Несмотря широкую распространенность курения среди мужчин в советскую эпоху, в 1990-е годы она, скорее всего, продолжала расти. Хотя среди женщин курящих было в этот период гораздо меньше, чем среди мужчин, тенденция распространения курения проявлялась в женской половине населения даже с большей отчетливостью, чем в мужской. Большая приверженность курению стала характерной для представительниц категории с низким образовательным уровнем (и молодых женщин). Без дополнительных исследований трудно сказать, продолжилась ли эта вызывающая обеспокоенность тенденция в 2000-е гг.

Таким образом, в проведенных к настоящему времени исследованиях, посвященных изучению социальных различий в здоровье россиян и употреблении ими алкоголя и табака, было начато систематическое изучение этих различий и тенденций их изменения — в кризисные 1990-е гг. и начале следующего десятилетия. Важнейшее направление дальнейших изысканий — описание общих трендов, охватывающих весь постсоветский период, включая благополучные 2000-е гг. Попытка такого описания как раз и предпринимается в настоящей работе.

Задачи и методология исследования

Задачи и гипотезы

Цель исследования, предпринятого в настоящей работе, — выявление социальных различий в здоровье и распространенности поведения, несущего риски для здоровья, среди представителей населения России зрелого возраста, а также тенденций изменения таких

социальных различий в 2000-е гг. по сравнению с кризисными годами середины — второй половины 1990-х.

Изучение указанных социальных неравенств и трендов подразумевало аналитическую работу по нескольким направлениям. Во-первых, в центре внимания было не только состояние здоровья россиян, но и их приверженность поведению, с которым связываются риски для здоровья, — курению и употреблению алкоголя. Во-вторых, мы следовали установившемуся в научной литературе подходу, согласно которому анализ показателей здоровья и поведения, связанного с рисками для него, целесообразно проводить раздельно для женской и мужской половины населения, поскольку эти показатели существенно в них различаются. В-третьих, поиски социальных различий здоровья и поведенческих рисков осуществлялись по двум социально-структурным индикаторам — стратификации по уровням доходов и образования, рассматривавшимся по отдельности, так как дифференциация здоровья по тому и другому фактору отражают, согласно результатам исследований, разные аспекты социального неравенства. В-четвертых, выявление трендов проводилось двояким образом. Один из подходов подразумевал анализ тенденций сокращения или расширения социальных различий в здоровье и поведении, отражающих результирующие перемены с учетом ежегодных изменений с 1994 по 2009 гг. Другой — рассмотрение общего характера перемен здоровья и поведенческих рисков в 2000-е гг. по отношению к 1990-м, усредняя ежегодные флуктуации, обусловленные случайными причинами и не учитываемыми нами факторами. В этом случае сопоставлялись социальные неравенства, характерные для трех временных периодов — середина–вторая половина 1990-х гг., первая половина прошлого десятилетия и вторая половина этого же десятилетия (2000–х гг.).

Важность исследования трендов, характеризующих изменения в социальной стратификации здоровья в России, связана с тем, что в постсоветскую эпоху в нашей стране происходили радикальные изменения социальной структуры и перераспределение доступа различных общественных групп к экономическим, социальным, институциональным и психологическим ресурсам, необходимым для поддержания здоровья. Предшествующие исследования состояния здоровья российского населения, его социальной дифференциации и тенденций изменения после начала радикальных социально-экономических преобразований в нашей стране в 1990-е гг., охарактеризованные в разделе, посвященном постановке проблемы, позволяют говорить об отчетливых негативных

сдвигах в первое пореформенное десятилетие, обусловленных резким падением уровня жизни большей части российских граждан, ростом стрессовых нагрузок и их продолжительности, распространением поведения, свидетельствующего о расширении и углублении приверженности наших соотечественников алкоголю и курению, а также ухудшением качества медицинских услуг и неспособностью государства выполнять свои социальные гарантии. В середине–второй половине этого десятилетия состояние здоровья немалой части россиян было неудовлетворительным — особенно заметной эта часть была среди тех, кто оказался на нижних ярусах социально-экономической стратификации, тогда как в верхних ее слоях показатели здоровья были существенно выше.

Имеющиеся факты, однако, пока не позволяют с полной определенностью говорить о том, что происходило со здоровьем россиян в последующие годы. После дефолта 1998 г. и вплоть до мирового финансового кризиса 2008 г. экономика России росла быстрыми темпами (что было связано в первую очередь с высокими ценами на энергоносители на мировых рынках), вследствие чего основные факторы, с которыми связывалось ухудшение здоровья в 1990-е гг., постепенно утрачивали свою силу. В 2000-е гг. происходило отчетливое повышение уровня жизни населения, снизились стрессовое давление и психологическая напряженность, а субъективное благополучие (удовлетворенность жизнью, уверенность в завтрашнем дне), напротив, неуклонно повышалось. В силу этого можно предположить, опираясь также и на результаты, полученные нашими предшественниками, что в десятилетие экономического роста здоровье россиян стало постепенно улучшаться. Труднее высказать предположение о том, что в этот период происходило с социальными неравенствами в здоровье. Несмотря на общее улучшение здоровья, расхождение между его состояниями у тех, кто занимает разные позиции в социальной структуре, могло сохраниться в неизменном виде: за этими неравенствами, возможно, скрываются глубоко укорененные культурные различия между общественными слоями, проявляющиеся и в особенностях стилей жизни, связанных с поддержанием здоровья. Другая вероятная возможность — сокращение неравенств за счет более быстрых темпов улучшения здоровья в нижних слоях вследствие появления у государства возможности выполнения своих обязательств по обеспечению социальных гарантий и улучшения работы системы здравоохранения. Но не исключено также, что тенденция была не к сокращению, а к расширению неравенств —

больших темпов изменения здоровья к лучшему в верхних стратах вследствие развития сектора негосударственных услуг, связанных с платной медициной и рекреацией. Прогнозирование вероятной тенденции затрудняет еще одно важное обстоятельство: оценки неравенства, учитывающие расхождения в здоровье у полярных групп, могут сильно отличаться от общей оценки неравенств, учитывающей как состояние здоровья на всех уровнях социальной стратификации, так и изменяющийся со временем характер распределения населения между этими уровнями.

Социальная дифференциация поведенческих рисков для здоровья и характеризующие ее тенденции исследованы в России еще менее систематически, чем само здоровье. Известно, что в 1990-е гг. наша страна отличалась высокими уровнями потребления алкогольных напитков и распространенности курения. Это было связано как с формировавшейся еще в советскую эпоху (а может быть, и ранее) культурой повседневности, проведения досуга и праздничного общения, так и с необходимостью психологической разрядки в трудные годы первого периода реформ. Систематическое употребление алкоголя и курение в целях преодоления стрессов, подпитывая и усиливая эту культуру в постсоветский период, могли стать неотъемлемой чертой стиля жизни определенных социальных групп, распространению которого способствовали и широкое предложение и агрессивная реклама заинтересованного и высокодоходного бизнеса. Так что подъем уровня жизни в 2000-е мог не только не привести к снижению приверженности россиян алкоголю и курению, но, напротив, вызвать дальнейшее распространение этих видов поведения. Поведенческие риски для здоровья были в 1990-е и остаются в последующие годы, скорее всего, неодинаковыми для представителей различных социальных слоев, однако для выявления характера их дифференциации в эти периоды и тенденций, описывающих социальные расхождения во времени, требуются дополнительные исследования. Взаимосвязь между положением в социальной структуре и склонностью к алкоголю и курению вовсе не обязательно будет очень отчетливой или описываться обратной зависимостью (чаще или больше пьют в нижних стратах, чем в верхних). Например, есть основания полагать, что такие социальные различия могут оказаться небольшими в мужской половине населения. В женской же половине эти виды поведения могут быть в большей степени распространены среди наиболее материально обеспеченных и образованных слоев. Отдельные исследования тенденций, в которых рассма-

тривались социальные различия в поведенческих рисках, показывают, что к началу прошлого десятилетия распространение опасных для здоровья видов поведения протекало более быстрыми темпами у представителей нижних социальных слоев. Не исключено, что эта тенденция сохранялась и в дальнейшем.

В следующих подразделах этой части статьи будут описаны эмпирические данные, которые анализируются в нашей работе, а также представлены методические решения, с помощью которых мы попытались решить поставленные в исследовании задачи и проверить высказанные предположения.

Эмпирические данные

В настоящей работе представлен анализ эмпирических данных, собранных в массовых опросах российского населения, проводившихся в рамках проекта «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» (RLMS), в настоящее время — «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ–ВШЭ» (RLMS–HSE). RLMS–HSE — международный исследовательский проект, осуществляемый Национальным исследовательским университетом — Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле, США (Carolina Population Center, The University of North Carolina at Chapel Hill) и Института социологии РАН. Координаторами проекта от Центра народонаселения является Барри Попкин, а с российской стороны — П.М. Козырева, М.С. Косолапов и Я.М. Рощина. Развернутую информацию о проекте см. на сайтах Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики: http://www.hse.ru/rlms/ и Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле: http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms-hse.

Мониторинг представляет собой лонгитюдное обследование домохозяйств, осуществляемое ежегодно с помощью общенациональных репрезентативных опросов на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки. Используемая в этих обследованиях модель выборки («повторяющаяся выборка», repeated sample, с «разделяющейся панелью», split-panel, впервые предложенная Лесли Кишем) позволяет репрезентировать население России в каждом ежегодном временном срезе (волне опросов), как на уровне домохозяйств, так и членов этих домохозяйств, и проводить панельный анализ изменений материального благосостояния и здоровья россиян.

В нашем исследовании рассматриваются данные второго этапа RLMS–HSE — ежегодных опросов с 1994 по 2009 г. (исключая 1997 г.) — для членов домохозяйств в возрасте от 26 до 70 лет. Использование указанного возрастного ограничения связано с тем, что именно в этом диапазоне воздействие социальных факторов на здоровье проявляется с наибольшей отчетливостью, тогда как в младших и старших возрастах оно зависит в значительной степени от возрастных особенностей организма. Например, было показано, что выраженность социального градиента в здоровье (т.е. пошагового ухудшения здоровья на каждой более низкой ступени социальной иерархии), меняясь на протяжении жизненного цикла человека, достигает своего максимума в средних возрастах[77]. Важно отметить и то обстоятельство, что в пореформенной России, в соответствии с выводами демографов, именно для этих возрастов были характерны повышенные риски преждевременной смертности[78].

Основные характеристики 14-ти опросов, которые будут нами рассматриваться в этой работе, приведены в таблице 1.

Полевая стадия каждого из опросов приходится, как правило, на три последних месяца соответствующего года. Общее число опрошенных составляет 78690 человек — 44625 женщин и 34065 мужчин. Число изучавшихся нами респондентов в каждой из волн колеблется между пятью и шестью с лишним тысячами человек, больше половины которых — женщины.

Показатели состояния здоровья
и приверженности курению и алкоголю

В настоящем исследовании для характеристики здоровья россиян нами был выбран показатель самооценки участниками опросов его состояния, которое фиксировалось с помощью ответов на закрытый вопрос анкеты «Скажите, пожалуйста, как Вы оцениваете Ваше здоровье?» с пятью вариантами возможных ответов — «очень хорошее», «хорошее», «среднее, не хорошее и не плохое», «плохое» и «совсем плохое».

Этот показатель широко применяется в исследованиях здоровья с использованием опросных методов (см., например, [79]) и входит в число

[77] *Kim J., Durden E.* Socioeconomic Status and Age Trajectories of Health // Social Science and Medicine. 2007. Vol. 65. Issue 12. P. 2489–2502.

[78] *Вишневский А., Школьников В.* Смертность в России: главные группы риска и приоритеты действия : науч. Доклады. Московский Центр Карнеги. Вып. 19. М., 1997.

[79] Trends in Social Class Inequalities in Health Status, Health-Related Behaviors, and Health Services Utilization in a Southern European Urban Area (1983–1994) / Borrell C. [et al.] //

пяти индикаторов, рекомендованных Всемирной организацией здравоохранения для определения неравенств в здоровье[80]. Самооценка здоровья отражает различные физические, эмоциональные и личностные компоненты благополучия человека и позволяет получить представление об его общем самочувствии.

Таблица 1

Характеристика эмпирических данных, рассматривавшихся в исследовании (из опросов RLMS–HSE)

Опросы	Полевой этап	N		
		Вся выборка	Женщины	Мужчины
Волна 5	11.1994–12.1994	6481	3575	2906
Волна 6	10.1995–12.1995	6008	3332	2676
Волна 7	10.1996–12.1996	5755	3191	2564
Волна 8	10.1998–01.1999	5515	3057	2458
Волна 9	10.2000–12.2000	5168	2923	2245
Волна 10	10.2001–12.2001	5315	3035	2280
Волна 11	10.2002–12.2002	5280	2995	2285
Волна 12	10.2003–12.2003	5196	2959	2237
Волна 13	10.2004–12.2004	5196	2965	2231
Волна 14	10.2005–12.2005	4916	2832	2084
Волна 15	10.2006–12.2006	6310	3631	2679
Волна 16	10.2007–12.2007	6124	3516	2608
Волна 17	10.2008–12.2008	5795	3354	2441
Волна 18	10.2009–12.2009	5631	3260	2371
Всего		78690	44625	34065

N — респонденты в возрасте от 26 до 70 лет

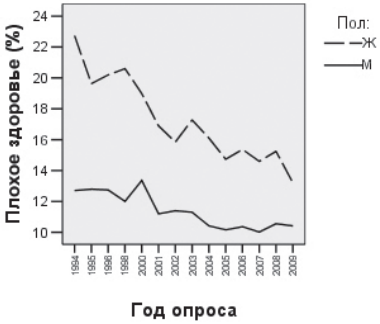
Preventive Medicine. 2000. Vol. 31. Issue 6. P. 691–701;, Trends in Socioeconomic Health Inequalities in the Netherlands, 1981–1999 / Dalstra J.A.A. [et al.] // Journal of Epidemiology and Community Health. 2002. Vol. 56. № 12. P. 927–934; *Davies A.R.*, *Ware J.E.* Measuring Health Perceptions in the Health Insurance Experiment. Santa Monica, CA: The RAND Corporation (publication No. R-2711-HHS). 1981; *Lahelma E.*, *Rahkonen O.*, *Huuhka M.* Changes in the Social Patterning of Health? The Case of Finland 1986-1994 // Social Science and Medicine. 1997. Vol. 44. No. 6. P. 789–799; *McDowell I.*, *Newell C.* Measuring Health. N. Y.: Oxford University Press, 1987.

[80] Third Consultation to Develop Common Methods and Instruments for Health Interview Surveys: Report on a WHO meeting. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe. 1992 (document EUR/ICP/HST 124).

Для дальнейшего анализа описанный показатель преобразуется в дихотомический индекс воспринимаемого состояния здоровья, отделяющий респондентов, оценивающих свое здоровье как «очень хорошее», «хорошее» или «среднее» (градация индекса «0»), от тех, кто указывает, что оно «плохое» или «совсем плохое» (градация «1»). На рис. 1 можно видеть, как менялись значения этого индекса на протяжении изучаемого периода времени в основных демографических срезах рассматриваемой части российского населения.

На рис. 1а с полной определенностью проявляются половые различия, что лишний раз подтверждает надежно установленные факты, свидетельствующие об особенностях восприятия своего здоровья мужчинами и женщинами — у женщин оценки сдвинуты в негативную сторону (см., например,[81]). Представленные на рис. 1б возрастные расхождения в самочувствии — о плохом здоровье чаще сообщают представители старших возрастов по сравнению с младшими — вполне очевидны.

(а) Женщины и мужчины



(б) Возрастные категории

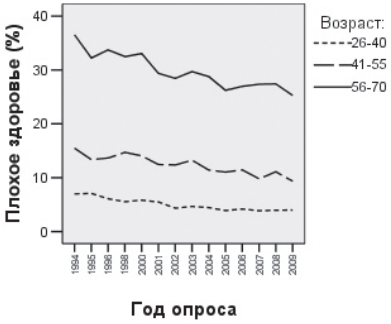


Рис. 1. Изменение оценок здоровья: 1994–2009 гг.

[81] *Браун Дж. В., Панова Л.В., Русинова Н. Л.* Гендерные неравенства в здоровье // Социологические исследования. 2007. №6. С. 114–122; Socioeconomic Factors, Perceived Control and Self-Reported Health in Russia: A Cross-Sectional Survey / Bobak M. [et al.] // Social Science and Medicine. 1998. Vol. 47. Issue 2. P. 269–279; *Lane S.*, *Cibula D.A.* Gender and Health / G.L. Albrecht, R. Fitzpatrick, S.C. Scrimshaw (Eds.) // Handbook of Social Studies in Health and Medicine. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. 2000. P. 132–153; Social Patterning of Ill Health in Helsinki and Moscow: Results from a Comparative Survey in 1991 / Palosuo H. [et al.] // Social Science &. Medicine. 1998. Vol. 46. No. 9. P. 1121–1136; *Walters S.*, *Mare S.*. Socio-economic inequalities in health and health care access in central and eastern Europe and the CIS: a review of the recent literature. WHO European Office for Investment for Health and Development. Working paper 2005/1. World Health Organization, 2005.

Согласно приведенным на рисунках данным, здоровье россиян постепенно менялось с течением времени в лучшую сторону — доля респондентов, оценивающих свое здоровье как плохое или очень плохое, медленно сокращалась, хотя нельзя сказать, что эта тенденция была очень отчетливой — между 1994 и 2009 г. индекс снизился лишь на считанное число процентных пунктов. Более выразительным такой тренд был в женской половине населения, чем в мужской (рис. 1а), а также в старшей возрастной группе (56–70 лет) по сравнению со средней (41–55 лет) и младшей (26–40 лет) группами (см. рис. 1б). Несмотря на более чем скромные сдвиги к лучшему для всего населения в целом, позитивные изменения, характеризующие именно эти демографические страты, подчеркивают значимость произошедших перемен, поскольку женщины и немолодые люди наиболее восприимчивы к своему самочувствию и обеспокоены состоянием своего здоровья.

Таким образом, изменение общественной ситуации и психологического настроя в 2000-е гг., сопровождавшие быстрый рост экономики, находили, как мы и предполагали, свое отражение в улучшении самочувствия наших сограждан, хотя — в отличие от того, что мы ожидали обнаружить, — это улучшение было более чем скромным.

В России важными факторами, оказывающими негативное влияние на здоровье населения, являются широкое распространение курения и злоупотребление алкоголем. В настоящей работе для фиксации первого из этих факторов использовались сведения о том, курит ли респондент: вопрос «Вы курите в настоящее время?» предполагал ответы «да» (присваивалось значение «1») или «нет» (значение «0»). Показатель приверженности алкоголю выстраивался из ответов на следующий вопрос анкеты: «Как часто Вы употребляли алкогольные напитки в течение последних 30 дней?» (возможные варианты — «каждый день», «4–6 раз в неделю», «2–3 раза в неделю», «один раз в неделю», «2–3 раза в течение последних 30 дней» и «один раз в течение последних 30 дней»). Поскольку женщины в своем большинстве употребляют алкоголь заметно реже и в меньших количествах, чем мужчины, в данном исследовании будут использоваться — для тех и других — два различных индекса алкогольной приверженности. Индекс систематического употребления алкоголя для женщин отделяет тех, кто пьет какие-либо алкогольные напитки не реже одного раза в неделю (градация индекса «1»), от остальных участников опроса, которые делают это реже или совсем не пьют такие напитки (градация «0»). В аналогичном индексе для мужчин граница проходит между теми, кто пьет не реже

2–3 раз в неделю (градация «1»), и прочими респондентами, употребляющими алкоголь не так часто или вовсе его не употребляющими (градация «0»).

Направления изменений, которые происходили в 1994–2009 гг. с указанными показателями приверженности курению и алкоголю у женщин и мужчин, можно оценить, обратившись к рис. 2. Доля курящих женщин на протяжении этого периода неуклонно нарастала — с 8 % в первой временной точки до 16 % в 2009 г., как росло и число женщин, систематически — не реже одного раза в неделю — употребляющих алкоголь: с 9 % до 18–20 % (рисунок 2а).

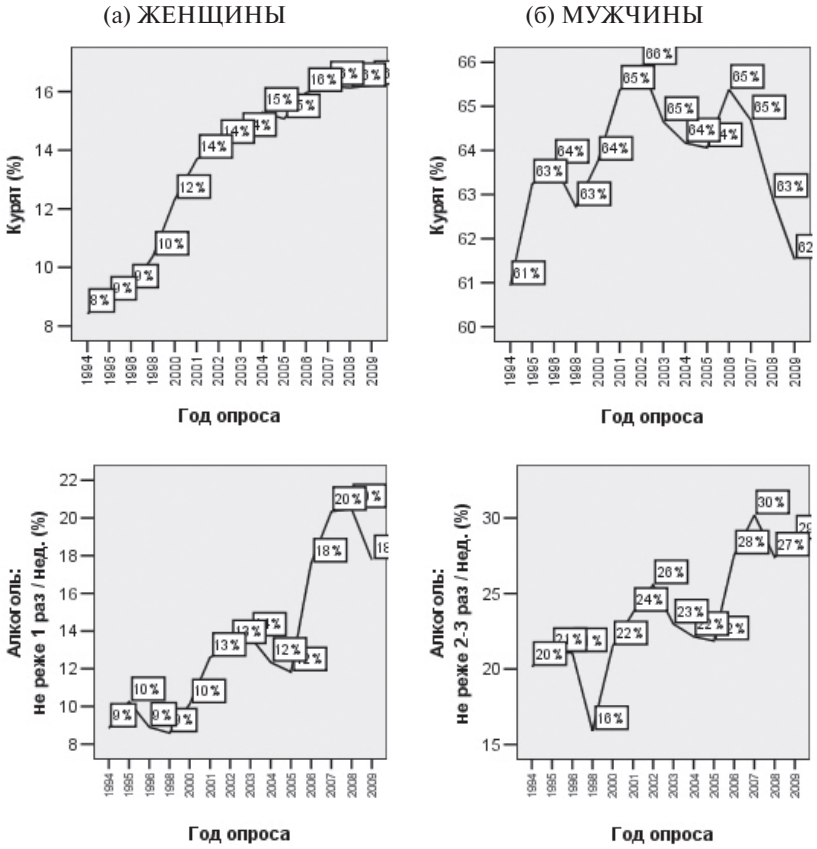


Рис. 2. Приверженность курению и алкоголю: изменения за 1994–2009 гг.

Распространенность курения среди мужчин оставалась в течение всех лет очень высокой (более 60 % курили). Колебания этого показателя во времени были очень небольшими — после некоторого повышения, продолжавшегося до середины прошлого десятилетия, он в дальнейшем чуть-чуть понизился. Немало в рядах мужчин было и тех, кто систематически употребляет алкогольные напитки (не реже 2–3 раз в неделю), причем к концу рассматриваемого периода их стало заметно больше, чем было в его начале: если в середине 1990-х гг. наш индекс насчитывал около 20 % приверженных алкоголю мужчин, то в 2007–2009 гг. его значение приблизилось к 30%-ной отметке (см. рис. 2б).

Как видим, несмотря на рост благосостояния и снижение психологического дискомфорта в 2000-е гг., поведенческие риски для здоровья россиян, связанные с приверженностью алкоголю и курению, не только не понизились, но, напротив, заметно выросли. Отчетливое большинство мужчин как курили, так и курят, и все больше среди них становилось тех, кто систематически употребляет алкогольные напитки. Тревожные тенденции характеризуют не только мужскую часть российского населения, но и его женскую половину. Все больше женщин — во второй половине прошлого десятилетия уже около пятой части — стали курить и регулярно пить алкогольные напитки.

Дифференциация позиций в социальной структуре

Двумя ключевыми переменными, с помощью которых можно охарактеризовать позицию индивида в социальной структуре, являются показатели уровня образования и дохода. Доход фиксирует материальную составляющую социально-экономического статуса, свидетельствуя о различиях между людьми в уровне жизни, доступности материальных благ и возможности удовлетворять иные жизненные потребности, важные для поддержания здоровья. Различия по образованию, сопряженные в определенной мере с доходной дифференциацией, могут проявляться также в ценностных и поведенческих аспектах отношения человека к своему здоровью. В частности, с образованием связаны особенности обыденной концептуализации здоровья, выраженность индивидуальной ответственности за его состояние, а также различия в информированности людей по проблемам здоровья, здорового образа жизни и медицинского обслуживания[82].

[82] *Русинова Н.Л, Браун Дж.* Социально-статусные группы: различия в субъективном здоровье // Петербургская социология. 1997. № 1. С. 38–59; *Они же*. Социальное неравенство и здоровье в Санкт-Петербурге: Ответственность и контроль над здоровьем // Журнал

Люди с высшим образованием вовлечены, как правило, в более разветвленную систему межличностных связей, связанную с возможностями получения инструментальной и эмоциональной поддержки[83]. Неоднократно отмечались и различия в распространенности деструктивных для здоровья типов поведения в зависимости от образовательного уровня[84].

Показатель доходной дифференциации, который применялся в настоящем исследовании, рассчитывался в опоре на информацию о месячных доходах домохозяйства, зафиксированную с помощью следующего вопроса: «Скажите, пожалуйста, каким был денежный доход всей Вашей семьи в течение последних 30 дней? Включите сюда все денежные поступления всех членов семьи: заработную плату, пенсии, стипендии, любые другие денежные поступления, в том числе и в валюте, но валюту переведите в рубли». Используя эти сведения, вычислялся месячный душевой доход (по известной формуле) — доход домохозяйства делился на корень квадратный из числа членов семьи. Затем полученные для каждого года опросов показатели пересчитывались — с учетом инфляции (по данным, представленным на сайте Госкомстата) и деноминации, так что в результате месячный душевой доход респондентов, опрошенных в любой из волн, выражался в рублях 2009 г.

На рис. 3а приведены средние значения описанного показателя доходов для каждого из рассматриваемых временных срезов. Объективную картину материального благосостояния в 1994–2009 гг. дополняет рисунок 3б, который представляет перемены за эти годы в субъективном благополучии — оценках удовлетворенности жизнью (доли тех, кто был «полностью удовлетворен» или «скорее удовлетворен», отвечая — по 5-балльной шкале — на вопрос анкеты «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?»). Экономический подъем в 2000-е годы сопровождался, как хорошо видно на этих рисунках, отчетливым ростом материального благосостояния и повышением

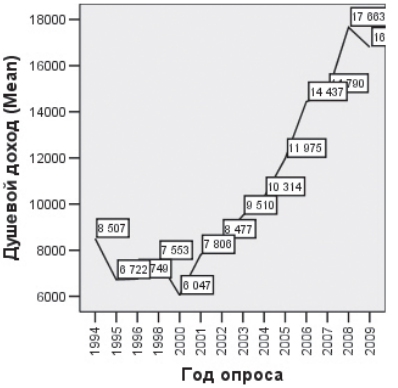
социологии и социальной антропологии. 1999. № 1. С. 103–114; *Rusinova N.L.*, *Brown J.V.* Social Inequality and Strategies for Getting Medical Care in Post-Soviet Russia // Health: An Interdisciplinary Journal for the Social Study of Health, Illness, and Medicine. 2003. Vol. 7. № 1. P. 51–71.

[83] *Браун Дж. В., Русинова Н. Л.* Личные связи в системе здравоохранения и «карьеры болезни» // Социологические исследования. 1993. № 3. С. 30–36.

[84] *Демьянова А.А.* Факторы и типы потребления алкоголя и табака в России // Экономическая социология. Электронный журнал. 2005. Т. 6. № 1. URL: www.ecsoc.msses.ru; *Cockerham W.C.* Health Lifestyles in Russia // Social Science and Medicine. 2000. Vol. 51. Issue 9. P. 1313–1324; Determinants of Smoking in Eight Countries of the Former Soviet Union: Results from the Living Conditions, Lifestyles and Health Study / Pomerleau J. [et al.] // Addiction. 2004. Vol. 99. Issue 12. P. 1577–1585.

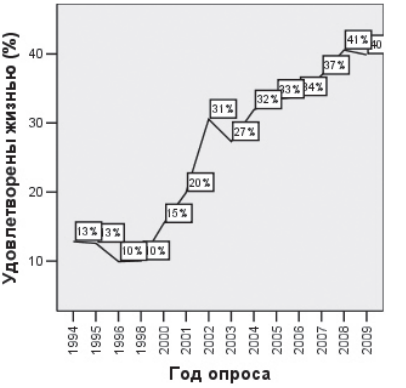
удовлетворенности жизнью. Так, если во второй половине 1990-х гг. месячный доход на члена домохозяйства (в рублях 2009 г.) в среднем составлял около 6-7 тысяч рублей, то в последующий период он с каждым годом становился все больше, достигнув к концу десятилетия примерно 17 тысяч рублей, т.е. увеличившись почти в три раза. Впечатляющим был и подъем субъективного благополучия: от 10 % в конце 1990-х гг. до примерно 40 % в последние годы обследований.

(а) Доход



Доход: в рублях 2009 г.

(б) Удовлетворенность жизнью



Удовлетворенность жизнью: полностью или скорее удовлетворен (5-балльная шкала)

Рис. 3. Месячный душевой доход и удовлетворенность жизнью: тренды 1994–2009 гг.

В последующем анализе, нацеленном на изучение социальных неравенств, охарактеризованная переменная доходов преобразовывалась в индекс душевых доходов, позволяющий сравнивать уровни материального благосостояния четырех категорий россиян, первая их которых объединяет наименее обеспеченных, а четвертая — наиболее обеспеченных людей. Границы между этими категория соответствуют делению на квартили общего массива данных о доходах, включающего всех индивидов, опрошенных в 1994–2009 гг. Распределение участников исследований по категориям этого индекса в 1990-е гг. очень сильно отличается от того, каким оно стало во второй половине следующей

декады. В таблице 2 приведены эти распределения для трех периодов, которые будут рассматриваться при изучении трендов: 1994–1998 гг., 2000–2005 гг. и 2006–2009 гг.

Таблица 2.

Распределение участников опросов по доходу и образованию, %

Переменные:	ЖЕНЩИНЫ			МУЖЧИНЫ		
	1994–1998	2000–2005	2006–2009	1994–1998	2000–2005	2006–2009
Доход:						
Категория 1 (нижняя)	43	26	6	41	25	6
Категория 2	29	29	18	28	28	15
Категория 3	18	26	30	19	27	30
Категория 4 (верхняя)	10	18	46	12	20	50
N	12722	17082	12893	10197	12821	9398
Образование:						
Ниже среднего	22	14	11	20	13	13
Среднее	58	63	62	60	67	65
Высшее	20	23	27	20	20	22
N	13104	17680	13758	10579	13363	10107

Действительно, если в женской выборке в 1994–1998 гг. 43 % оказались в категории наименее обеспеченных людей, а в категории наиболее обеспеченных — лишь 10 %, то к 2006–2009 гг. соотношение тех и других стало обратным и выражалось пропорцией 6 % к 46 %. В мужской половине происходили аналогичные перемены: соотношение нижней и верхней доходных страт равнялось в 1994–1998 гг. 41 %:12 %, а 2006–2009 гг. оно стало 6 %: 50 %. Эти изменения в распределениях по доходным категориям могут очень сильно повлиять на общую оценку состояния неравенств в здоровье, учитывающую не только его различия между уровнями стратификации, но и представительство населения на каждом из них.

Другой показатель положения в социальной структуре, также изучавшийся в нашей работе, — дифференциация по уровням образования. Ответы на вопрос о полученном образовании были сгруппированы нами в три категории: ниже среднего, среднее (включая общее, профессиональное и среднее специальное) и высшее (в том

числе и незаконченное высшее). Распределения россиян (напомним, зрелого возраста — 26–70 лет) по этим образовательным уровням в 1994–1998, 2000–2005 и 2006–2009 гг. можно найти в таблице 2. Общая тенденция, фиксирующая изменение этих распределений, говорит о повышении образовательного уровня с течением времени. С большей определенностью она проявляется в женской половине населения. Так, между 1994–1998 и 2006–2009 гг. доля женщин с образованием ниже среднего уменьшилась с 22 % до 11 %, а доля тех, кто получил высшее образование, напротив, увеличилась — с 20 % до 27 %. Среди мужчин также стало несколько меньше людей, не имеющих среднего образования (с 20 % до 13 %), и больше тех, у кого оно было выше. Эти перемены, как и в распределениях по доходу, важно учитывать при обсуждении того, как менялась общая для всего изучавшегося населения выраженность образовательных неравенств.

Выявление социальных неравенств и тенденций их изменения

К настоящему времени в мировой исследовательской практике разработан стандартный набор показателей, которые широко применяются для оценки выраженности социальных неравенств в здоровье[85]. Некоторые из этих показателей использовались и в нашей работе.

Первоначальное впечатление о различиях в здоровье и поведенческих рисках, связанных с положением в социальной структуре, можно получить при сопоставлении значений описанных индексов плохого здоровья, курения и систематического употребления алкоголя, характеризующих людей с неодинаковым доходом или образованием. Углубленное исследование таких различий осуществлялось с помощью регрессионного анализа. Используя статистический аппарат логистической регрессии (Logistic Regression), производился расчет парциальных показателей социально обусловленных неравенств в здоровье и приверженности курению и алкоголю — показатели Odds ratio, соответствующие в регрессии значению Exp (B). Эти показатели

[85] *Kunst A.E., Mackenbach J.P.* Measuring Socioeconomic Inequalities in Health. Copenhagen: World health organization regional office for Europe, 1994; *Mackenbach J.P.*, *Kunst A.E.* Measuring the Magnitude of Socio-Economic Inequalities in Health: An Overview of Available Measures Illustrated with Two Examples from Europe // Social Science and Medicine. 1997. Vol. 44. No.6. P. 757–771; *Pamuk E.R.* Social-Class Inequality in Infant Mortality in England and Wales from 1921 to 1980 // European Journal of Population. 1988. Vol. 4. № 1. P. 1–21; *Wagstaff A.*, *Paci P.*, *Doorslaer van E.* On the Measurement of Inequalities In Health // Social Science& Medicine. 1991. Vol. 33. Issue 5. P. 545–557.

свидетельствуют о степени отчетливости таких неравенств для каждого из уровней стратификации по доходу или образованию в соотнесении с референтной категорией — верхней стратой, объединяющей наиболее обеспеченных (Категория 4 по доходу) или образованных респондентов (высшее образование).

Кроме того, вычислялись две разновидности интегральных показателей интересующих нас социальных неравенств. Одни из них, также получаемые с помощью логистической регрессии, — это так называемые «относительные индексы неравенства» (Relative Index of Inequality, см.[86]). Они дают возможность оценить выраженность различий между верхними и нижними слоями стратификации по доходам или образованию с учетом дифференциации здоровья или поведения для всех социальных страт и представительства этих страт в структуре изучавшегося населения. Такой результат достигается благодаря включению в регрессионное уравнение специфическим образом преобразованной переменной социального положения. Последовательности позиций, упорядоченной от самого высокого статуса к самому низкому, приписываются на шкале числовые значения (от 0 до 1), отражающие характер распределения населения по этим позициям. Высокие значения индекса свидетельствуют о значительных социальных различиях в здоровье или поведении изучавшегося населения, а низкие — о том, что такие различия в обществе не выражены. Другая разновидность интегральных показателей, которые использовались нами только для общей характеристики неравенств в здоровье, — индексы риска для населения (Population Attributable Risk, PAR), показывающие насколько могла бы уменьшиться доля людей с плохим здоровьем среди всего населения, если бы на каждом уровне доходной или образовательной стратификации она была такой же, как в соответствующих верхних стратах (формула для вычисления: разность между долями с плохим здоровьем во всей выборке и в верхней социальной страте, выраженная в процентах от первой, см.[87]).

При исследовании трендов, характеризующих динамику социальных неравенств в здоровье и изменения структурных различий в поведенческих рисках, в нашей работе использовались два аналитических подхода. Один из них предполагает рассмотрение общего характера

[86] *Mackenbach J.P., Kunst A.E.* Measuring the Magnitude of Socio-Economic Inequalities in Health. P. 761.

[87] *Kunst A.E., Mackenbach J.P.* Op. cit. P. 52.

перемен самооценок здоровья и поведенческих рисков в 2000-е гг. по отношению к 1990-м гг. В этом случае сопоставлялись описанные выше парциальные и интегральные показатели социальных неравенств, характеризующие три временных периода — 1994–1998 гг., 2000–2005 гг. и 2006–2009 гг., усредняя для этих периодов ежегодные флуктуации самооценок здоровья и приверженности курению и алкоголю, обусловленные случайными причинами, не учитываемыми нами факторами и ошибками измерения. Второй подход был нацелен на выявление результирующих перемен в социальных неравенствах с учетом их динамики за все годы проведения опросов с 1994 по 2009 г. Он подразумевал проведение логистического регрессионного анализа, в котором состояние здоровья или поведенческие риски рассматривались в зависимости не только от социально-структурных факторов, но и интеракции этих факторов с переменной, фиксирующей год проведения опроса.

Дифференциация здоровья: контролируемые факторы

Состояние здоровья людей связано со многими факторами. В настоящем исследовании в фокусе внимания — влияние на здоровье россиян социально-структурных различий и общественных изменений, произошедших между 1994 и 2009 гг. При изучении этого влияния необходимо помнить о том, что состояние здоровья в значительной мере обусловлено и демографическими переменными. Как мы видели, даже в нашей выборке, сужающий возрастной диапазон респондентов до 26–70 лет, проявляются сильные различия в самооценках здоровья, связанные с дифференциациями по возрасту и полу. Поскольку интересующие нас социально-экономические стратификации по доходу и образованию накладываются в определенной степени на демографическую структуру (например, среди людей, наименее обеспеченных в материальном отношении и имеющих невысокий уровень образования, выше представительство старших когорт), нам нужно убедиться в том, что социально-структурные факторы оказывают самостоятельное воздействие на расхождение мнений людей о своем здоровье, не связанное с демографическими переменными.

С целью вычленения важнейших факторов, оказывавших на протяжении двух последних десятилетий воздействие на здоровье населения России, и проверки предположения о существование в нашем обществе социальных неравенств в здоровье мы обратились к логистическому регрессионному анализу, который проводился отдельно для мужской и женской совокупностей, объединяющих участников

опросов за все годы их проведения. Зависимая переменная в этом анализе — дихотомический индекс воспринимаемого здоровья (отделяющий, напомним, респондентов с удовлетворительным или хорошим его состоянием от тех, кто оценивает свое самочувствие как плохое или очень плохое) — рассматривается при включении в регрессионное уравнение демографических (возраст) и социально-структурных (образование и доход) факторов, а также переменной, фиксирующей время проведения опроса. Контроль демографических параметров позволяет говорить о самостоятельном воздействии на субъективное здоровье интересующих нас социальных факторов, «очищенном» от эффектов, обусловленных частичной сопряженностью демографической и социальной структур. А включение в уравнения обеих структурных переменных — образования и дохода — позволит проверить приводившееся ранее утверждение, согласно которому дифференциации самочувствия по образованию и доходу отражают разные аспекты социального неравенства. Результаты этого анализа приводятся в таблице 3.

Таблица 3

Дифференциация оценок здоровья в России за период 1994–2009 гг.: основные факторы

Факторы:	ЖЕНЩИНЫ		МУЖЧИНЫ	
	Exp(B)	95 % CI	Exp(B)	95 % CI
Возраст	1.067	1.065–1.070	1.067	1.064–1.071
Доход:				
Категория 1	1.561	1.427–1.708	2.085	1.846–2.355
Категория 2	1.404	1.289–1.529	1.804	1.607–2.027
Категория 3	1.161	1.065–1.266	1.353	1.204–1.521
Образование:				
Ниже среднего	1.838	1.680–2.010	1.735	1.536–1.960
Среднее	1.297	1.204–1.398	1.316	1.184–1.463
Год опроса	0.978	0.972–0.984	1.007	0.999–1.015
Nagelkerke R Squared	0.18		0.15	
N	42509		32256	

Logistic Regression, зависимая переменная — дихотомический индекс самооценок здоровья («плохое» или «очень плохое» = 1; «среднее», «хорошее» или «очень хорошее» = 0). Референтные категории: доход — четвертая категория, наиболее высокий уровень, образование — высшее (контраст — simple). Год опроса — число лет, прошедших с 1994 г. (1994 = 0). Полужирный шрифт — статистически значимые различия. CI — 95 % доверительные интервалы.

Каждая из перечисленных выше независимых переменных, согласно таблице 3, — это важный самостоятельный фактор, влияющий на восприятие респондентами своего здоровья. У женщин, как и мужчин, с возрастом здоровье становится, естественно, хуже. Фактор времени оказывается статистически значимым только для женщин — их здоровье с 1994 по 2009 г. постепенно улучшалось, меньше становилась доля тех, кто оценивал его как плохое. У мужчин эта доля, в общем, менялась мало.

Приведенные результаты показывают также, что каждая из социально-структурных переменных вносит свой вклад в объяснение различий в здоровье. В любом из временных срезов — при контроле возраста — самочувствие у представителей наименее образованной страты, как и тех, кто относится к среднему образовательному уровню, заметно отличается в худшую сторону по сравнению с верхней стратой. И эта зависимость проявляется как в женской, так и мужской выборках. Для обеих выборок справедливым является и тот факт, что по отношению к самым обеспеченным людям с понижением дохода состояние здоровья становится все хуже и хуже, особенно сильно различаясь у представителей верхнего и нижнего доходных слоев, причем такие различия с большей отчетливостью проявляются у мужчин, чем у женщин.

Учитывая эти результаты, дальнейшее исследование социальных различий в здоровье и их изменений целесообразно проводить отдельно для стратификаций по образованию и по доходу (продолжая контролировать половую дифференциацию — анализируя эти различия и изменения раздельно у мужчин и женщин). Кроме того, необходим и контроль возрастного фактора — возрастная структура на разных уровнях образовательной и доходной стратификаций в любом из временных срезов заметно отличаются, как отличаются они и в разных срезах. В связи с этим проводилась стандартизация образовательной и доходной стратификаций по возрасту (отдельно в мужской и женской половинах), устраняющая также и отличия между срезами — для трех временных периодов: 1994–1998, 2000–2005 и 2006–2009 гг. В качестве стандартов использовались средние для доходной (или образовательной) структуры распределения по шести возрастным группам (26–32 года, 33–40, 41–47, 48–55, 56–62, 63–70 лет), рассчитанные на общем массиве данных за все годы поросов. Все результаты, описанные в последующих разделах настоящей работы, получены на стандартизированных по возрасту данных о социальных различиях.

Последовательность аналитических шагов

Представленные ниже результаты исследования подразделяются на два раздела. В одном из них рассматривается социальная стратификация здоровья изучавшейся части российского населения и изменение этой стратификации во времени, а в другом — социальные различия поведенческих рисков для здоровья, связанных с приверженностью курению и алкоголю, и динамика этих различий на протяжении двух последних десятилетий. В каждом из этих разделов представлены исследования указанных различий и тенденций, характеризующие влияние стратификации по доходам, а также — по образованию. При анализе таких влияний приводятся факты, позволяющие оценить (а) распространенность изучавшихся феноменов, (б) выраженность социальных различий по парциальным и интегральным показателям, рассчитанным для трех временных периодов — 1994–1998, 2000–2005 и 2006–2009 гг., а также (в) общий характер трендов — результирующие изменения этих различий за все годы наблюдения, определяемые в регрессионном анализе благодаря учету интеракций между переменными социальной структуры и фактором времени.

Социальная стратификация здоровья и ее изменение

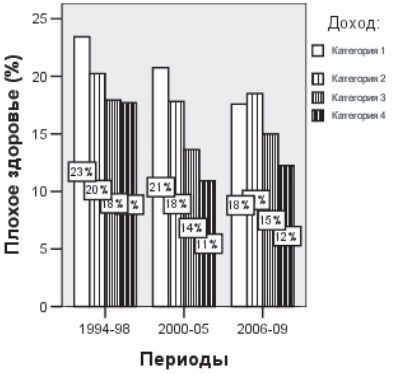
В России, согласно результатам предшествующих исследований, указанных в обзорной части статьи, в постсоветский период состояние здоровья (оцениваемое по объективным и субъективным показателям) у людей, занимающих неодинаковое положение в социальной структуре, заметно различалось — наиболее уязвимыми были представители нижних слоев. Сохранялись ли социальные неравенства такого рода вплоть до настоящего времени? Стали ли они меньше или, наоборот, увеличились? Поиск ответов на эти вопросы начнем с рассмотрения неравенств в здоровье по доходам, а затем обратимся к анализу различий по образованию.

Неравенства в здоровье по доходу

Первое впечатление о том, как сказываются различия в доходах на воспринимаемом здоровье, можно получить, обратившись к рисунку 4. На этом рисунке представлены доли женщин и мужчин с плохим здоровьем в четырех доходных категориях, зафиксированные в 1990-е годы, первой и второй половине прошлого десятилетия.

В женской части населения, как видно на рисунке 4а, интересующие нас неравенства действительно проявляются с достаточной определенностью. В любом из трех периодов, будь то 1994–1998, 2000–2005 или 2006–2009 гг., респондентов с плохим здоровьем было несколько больше среди тех, кто относится к нижним слоям доходной стратификации, чем у женщин из верхнего ее слоя. Так, в 1990-е гг. такое различие между 1-й и 4-й категориями выражалось соотношением 23 %:18 %, в первой половине прошлой декады — 21 %:11 %, а во второй ее половине — 18 %:12 %. Хотя эти различия не очень велики, они, скорее всего, не случайны: просматривается общий паттерн или социальный градиент, характерный для всего временного диапазона наблюдений, — по мере спуска по лестнице доходов с четвертой категории до первой происходит постепенное ухудшение здоровья, увеличивается доля женщин с плохим здоровьем. На рисунке можно заметить также некоторое улучшение самочувствия по мере перехода от 1990-х гг. к последнему периоду, характерное почти для всех доходных категорий. В то же время, опираясь только на эти данные, трудно что-либо сказать о тенденциях, характеризующих динамику доходных различий в здоровье, — колебания не настолько заметны, чтобы их можно было охарактеризовать без обращения к специальному статистическому анализу.

(а) ЖЕНЩИНЫ



N: 1994–98 = 12674,
2000–05 = 17041, 2006–09 = 12851

(б) МУЖЧИНЫ

N: 1994–98 = 10142, 2000–05 = 12783,
2006–09 = 9368

Рис. 4. Различия оценок здоровья в доходных категориях для трех периодов опросов

В рядах мужчин, как видно на рисунке 4б, в каждом из трех периодов также наблюдаются заметные расхождения оценок здоровья у представителей верхней доходной категории и нижних категорий, свидетельствующие о существовании градиента — постепенного улучшения самочувствия людей при подъеме на очередную ступеньку лестницы доходов. Соотношение в полярных категориях (1-й и 4-й) этой лестницы тех, кто признается в неудовлетворительном состоянии своего здоровья, составляло в 1994–1998 гг. 15 %:8 %, в 2000–2005 гг. — 16 %:8 % и в 2006–2009 гг. — 14 %:8 %. В любой из доходных категорий доли респондентов, отличающихся плохим здоровьем, мало менялись от одного из рассматриваемых периодов к другому.

Итак, складывается впечатление, что в 2000-е, как и в 1990-е гг., существовали неравенства в здоровье, сопряженные с дифференциацией по доходам. Не прибегая к дополнительному анализу, трудно сказать, были ли такие расхождения неслучайными и менялись ли они на протяжении периода наблюдений.

В связи с этим обратимся к рассмотрению парциальных регрессионных показателей, свидетельствующих о выраженности доходных различий в здоровье в трех анализируемых периодах. Они — отдельно для женщин и мужчин — представлены в таблице 4 (строки таблицы, где показателем является признак «Доход» и его категории).

Женщины из нижних доходных категорий, согласно приведенным данным, отличаются от представительниц верхней страты по состоянию здоровья — в них больше доля тех, кто обладает плохим здоровьем, и эти различия являются статистически значимыми. В 1994–1998 гг. неравенства такого рода были сравнительно невелики — они существовали между верхней и двумя нижними доходными стратами, причем наиболее отчетливо — между полярными слоями. В нижних слоях женщин с плохим здоровьем можно было встретить чаще, чем на верхнем ярусе. В следующий период, 2000–2005 гг., от 4-й категории отличались в худшую сторону уже все три остальные доходные категории, и неравенства между любой из этих трех категорий и наиболее обеспеченными женщинами стали проявляться более отчетливо (значения Exp(B) выросли[88]). В 2006–2009 гг.

[88] Сопоставление коэффициентов переменных, полученных с помощью логистических регрессий при анализе временных срезов (даже если уравнение включает одни и те же независимые факторы), может оказаться некорректным (вследствие «ненаблюдаемой гетерогенности», unobserved heterogeneity, моделей, см. *Mood C.* Logistic Regression: Why We Cannot Do What We Think We Can Do, and What We Can Do About It // European Sociological Review. 2010. Vol. 26 (1). P. 67–82). Тем не менее, сравнение здесь и далее по-

парциальные неравенства несколько уменьшились по сравнению с предшествующим периодом, но все же были больше, чем в 1990-е гг.: в любой из доходных категории — от первой до третьей — доля респондентов с плохим здоровьем была больше, чем в 4-й, верхней категории.

Таблица 4

Доходные неравенства в здоровье для трех временных периодов: парциальные регрессионные показатели, относительный индекс неравенства, степень риска для населения

Показатели	1994–1998		2000–2005		2006–2009	
	Exp(B)	95 % CI	Exp(B)	95 % CI	Exp(B)	95 % CI
ЖЕНЩИНЫ						
Доход:						
Категория 1	1.42	1.22–1.66	2.13	1.87–2.44	1.53	1.25–1.87
Категория 2	1.18	1.00–1.39	1.77	1.55–2.02	1.63	1.43–1.86
Категория 3	1.02	0.85–1.21	1.29	1.12–1.48	1.26	1.12–1.42
RII	1.69	1.44–1.98	2.63	2.26–3.05	2.01	1.67–2.41
	PAR (%)	95 % CI	PAR (%)	95 % CI	PAR (%)	95 % CI
Степень риска	15.5	6.1–24.9	32.6	26.3–38.9	15.6	11.2–20.1
МУЖЧИНЫ						
Доход:						
Категория 1	1.92	1.54–2.40	2.26	1.90–2.69	1.92	1.48–2.50
Категория 2	1.54	1.22–1.94	1.88	1.58–2.24	2.07	1.72–2.49
Категория 3	1.16	0.90–1.49	1.12	0.93–1.35	1.69	1.45–1.98
RII	2.34	1.87–2.92	3.19	2.61–3.90	3.03	2.37–3.88
	PAR (%)	95 % CI	PAR (%)	95 % CI	PAR (%)	95 % CI
Степень риска	32.5	20.4–44.5	33.5	25.2–41.8	26.5	20.7–32.3

Показатели **Exp(B)** получены в Logistic Regression. Зависимая переменная — дихотомический индекс самооценок здоровья («плохое» или «очень плохое» = 1; «среднее», «хорошее» или «очень хорошее» = 0). Доход: референтная категория — четвертая, наиболее высокий уровень (контраст — simple). RII — Relative Index of Inequality, относительный индекс неравенства. Полужирный шрифт — статистически значимые различия для каждого из периодов. Показатели **PAR** — Population Attributable Risk, степень риска для населения. CI — 95 % доверительные интервалы.

казателей Exp(B) позволяет, на наш взгляд, оценить — по крайней мере, в первом приближении — характер перемен, поскольку демографические факторы, оказывающие существенное и неодинаковое в разные периоды воздействие на здоровье, контролируются не в регрессионном уравнении, а благодаря раздельному анализу женщин и мужчин и стандартизации социальных различий по возрасту.

Тот факт, что в 2000-е гг. по сравнению с 1990-ми гг. доходные неравенства в здоровье женщин стали более выраженными, подтверждается анализом доверительных интервалов: в 2000–2005 гг. эти интервалы для статистик Exp (B), характеризующих 1-ю и 2-ю категории доходов по отношению к верхней страте, не пересекаются с соответствующими значениями, полученными для 1994–1998 гг. Не пересекаются и доверительные интервалы Exp (B) для 2-й доходной категории (в сравнении с 4-й), вычисленные в 2006–2009 и 1994–1998 гг. Итак, рассмотрение парциальных показателей, рассчитанных для женской половины, позволяет с уверенностью утверждать, что в 2000-е гг., как и в 1990-е, в России существовали социальные неравенства в здоровье, обусловленных доходной стратификацией. Причем эти неравенства не только не стали меньшими в период роста благосостояния, но и, возможно, увеличились.

Парциальные показатели, рассчитанные для мужчин, говорят о статистически значимых расхождениях самочувствия респондентов, представляющих две нижние категории доходной структуры и верхнюю страту. В каждом из трех периодов у первых оно было хуже, чем у вторых. В 2006–2009 гг. хуже оно было и у представителей 3-й категории в соотнесении с 4-й. Несмотря не некоторое увеличение парциальных неравенств в 2000-е гг. по сравнению с 1990-ми гг., такая тенденция не получает статистического подтверждения — границы соответствующих доверительных интервалов накладываются друг на друга. Исключение составляет только переход от первой ко второй половине прошлой декады для Exp(B), сопоставляющей 3-й и 4-й уровни доходов, — в этом случае произошло некоторое расширение различий (интервалы не пересекаются). В общем, приведенные данные свидетельствуют о существовании в мужской части населения доходных неравенств в здоровье, которые мало менялись на протяжении 1990-х и 2000-х гг.

Теперь обратимся к сопоставлению интегральных показателей различий в здоровье по доходам. Они, наряду с парциальными показателями, приведены в таблице 4 — для женщин в ее верхней половине, а для мужчин — в нижней части.

У женщин статистически значимые значения относительного индекса неравенства (Relative Index of Inequality, RII), зафиксированные в каждом из трех временных периодов, вновь свидетельствуют о дифференциации здоровья по уровням доходов и его уязвимости у менее обеспеченных слоев. Несмотря на существенный рост благосостояния в 2000-е гг. и изменение распределения респондентов по

уровням доходной стратификации — сокращение представительства в нижних стратах и увеличение — в верхних (см. табл. 2), неравенства в здоровье продолжали сохраняться. В женской совокупности значения рассматриваемого индекса в 2000–2005 и 2006–2009 гг. выросли по отношению к 1994–1998 гг. (особенно заметно в первой половине прошлой декады), указывая на тенденцию к расширению неравенств. Это утверждение оказывается обоснованным (с точки зрения общепринятых статистических критериев) только применительно к переходу от 1990-х к началу 2000-х гг.: в этом случае доверительные интервалы не пересекаются друг с другом. Другой интегральный показатель — оценочных рисков для населения (Population Attributable Risk, PAR) — подтверждает данный вывод. В 2000–2005 гг. его значение увеличилось по сравнению с 1994–1998 гг. более чем в два раза (доверительные интервалы не пересекаются). В последующие годы он опять понизился и стал таким же, каким был в 1990-е гг. (доверительные интервалы для первой и второй половины прошлого десятилетия тоже не пересекаются).

В мужской половине доходные различия были большими, чем в женской выборке, что хорошо видно при сопоставлении интегральных показателей. Относительный индекс неравенства у мужчин несколько вырос в 2000-е гг. по сравнению с предшествующим периодом, однако статистического обоснования такого тренда наш анализ не дает (нетрудно заметить, что доверительные интервалы для значений этого индекса, характеризующих 1990-е гг., первую и вторую половину прошлого десятилетия, налагаются один на другой). Показатели риска для населения подтверждают, что отчетливые неравенства сохранялись у мужчин в каждом из рассматриваемых периодов, а небольшие колебания этих показателей говорят об их устойчивости (имеет место пересечение доверительных интервалов).

Представления о возможных трендах, вытекающие из сопоставления показателей неравенства для трех периодов, требуют проверки, позволяющей учесть весь диапазон изменений, происходивших от года к году — начиная с 1994 и кончая 2009 г. Результаты такой проверки, проведенной с использованием логистической регрессии, отображены в таблице 5. В ней отдельно для женщин и мужчин приведены две регрессионные модели — дихотомический показатель «плохое здоровье» в одной из них рассматривался в зависимости от факторов дохода и времени, истекшего с 1994 г. (модель 1), а в другой — от этих факторов и их интеракции (модель 2).

Таблица 5

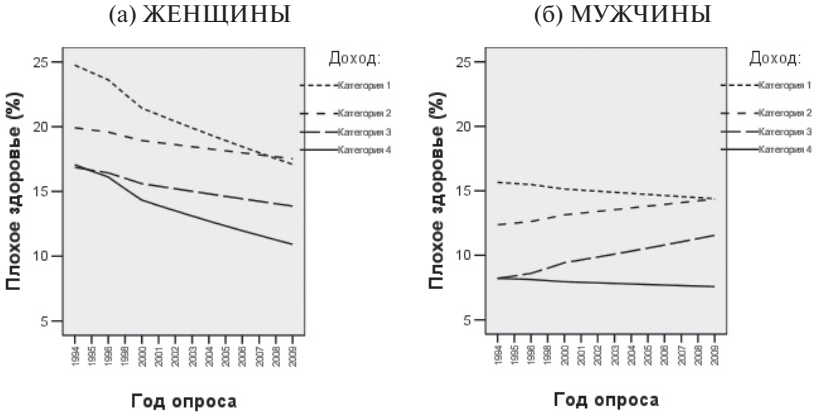
Неравенства в здоровье по доходу и тенденции их изменения

Независимые переменные:	Модель 1			Модель 2		
	Exp (B)	95 % CI	Sig.	Exp (B)	95 % CI	Sig.
ЖЕНЩИНЫ						
Доход:			0.000			0.000
Категория 1	1.743	1.609–1.889		1.599	1.361–1.879	
Категория 2	1.492	1.380–1.614		1.208	1.023–1.428	
Категория 3	1.189	1.097–1.287		0.985	0.823–1.180	
Год опроса	0.979	0.973–0.985	0.000	0.977	0.972–0.983	0.000
Доход * Год опроса						0.008
Категория 1 * Год опроса				1.003	0.986–1.021	
Категория 2 * Год опроса				1.024	1.008–1.041	
Категория 3 * Год опроса				1.019	1.002–1.037	
Константа	0.238			0.242		
МУЖЧИНЫ						
Доход:			0.000			0.000
Категория 1	2.217	1.987–2.472		2.074	1.655–2.600	
Категория 2	1.864	1.675–2.076		1.577	1.249–1.991	
Категория 3	1.346	1.207–1.501		0.999	0.773–1.292	
Год опроса	1.007	0.999–1.015	0.071	1.006	0.998–1.014	0.137
Доход * Год опроса						0.015
Категория 1 * Год опроса				0.999	0.976–1.024	
Категория 2 * Год опроса				1.018	0.995–1.041	
Категория 3 * Год опроса				1.032	1.007–1.056	
Константа	0.120			0.120		

Logistic Regression, зависимая переменная — дихотомический индекс самооценок здоровья («плохое» или «очень плохое» = 1; «среднее», «хорошее» или «очень хорошее» = 0). Доход: референтная группа — четвертая категория (наиболее высокий уровень). Год опроса — число лет, прошедших с 1994 г. (1994 = 0). Sig. — значимость изменения модели при удалении переменных или их интеракции (Likelihood Ratio). N: женщины = 42566, мужчины = 32293. Полужирный шрифт — статистически значимые переменные в модели 1 или их интеракции в модели 2.

Согласно 1-й модели, градиент, характеризующий все большее отличие в худшую сторону состояния здоровья на каждом более низком уровне доходов по сравнению с верхним уровнем, проявлялся у женщин и мужчин, как правило, в любой из волн опросов. В то же время, если у мужчин в любой из доходных категорий самочувствие практически не менялось, то в женской половине происходило постепенное его улучшение — доля участниц опросов с плохим здоровьем становилась с течением времени все меньшей.

Модель 2 показывает, что различия в здоровье менялись по мере продвижения от 1990-х гг. к 2000-м гг. — некоторые из интеракций переменных, фиксирующих доходную структуру и год проведения опроса, оказались статистически значимыми. Характер произошедших перемен в наглядном виде представляет рис. 5. На этом рисунке доли респондентов среди женщин и мужчин, отличающихся «плохим здоровьем», вычислены по уравнениям регрессии, учитывающим эти интеракции.



Оценки «плохое здоровье» получены в регрессионных уравнениях, представленных в таблице 5 (модель 2).

Рис. 5. Тренды оценок здоровья в доходных категориях: 1994–2009 гг.

В женской выборке (рис. 5а) тенденция, свидетельствующая об улучшении здоровья (сокращении доли с плохим самочувствием), проявлялась с большей отчетливостью среди тех, кто относился к верхней

страте нашей стратификации по доходам, тогда как позитивные изменения такого рода у представителей 2-й и 3-й категории были менее выраженными (именно на это указывают статистически значимые интеракции, приведенные в верхней половине таблицы 5). В результате неравенства в здоровье между этими слоями увеличились. Однако темпы положительных перемен у женщин из нижнего слоя были такими же, как и в верхней страте (интеракция не значима), — различия между ними на протяжении всех лет были самыми заметными, оставаясь в общем неизменными.

Тренды, описывающие изменение неравенств у мужчин (рис. 5б), сходны с тенденциями для женской половины: между полярными категориями доходной стратификации различия были выражены в наибольшей степени и не менялись за время обследований, в то время как между верхней стратой и 2-й и 3-й категориями эти неравенства увеличивались (статистическое обоснование получает только тренд, фиксирующий расхождение между двумя верхними слоями, см. таблицу 5, модель 2 для мужчин). В отличие от женщин, у которых расширение указанных неравенств происходило за счет неодинаковых темпов позитивных перемен, здесь это расширение было связано с некоторым ухудшением здоровья у представителей средних уровней доходной структуры.

Таким образом, исследование социальных различий в здоровье, связанных со стратификацией по доходам, позволило установить следующие факты. Во-первых, на протяжении всего постсоветского периода в нашей стране сохранялись отчетливые неравенства в здоровье, обусловленные различиями материального благосостояния людей. Представительство россиян с неудовлетворительным состоянием здоровья на нижних ярусах дифференциации по доходам было выше, чем в относительно обеспеченном слое. Во-вторых, несмотря на повышение уровня жизни в 2000-е гг. и изменение доходной структуры (перераспределение из категорий с низкими доходами в более обеспеченные слои), неравенства в здоровье оставались выраженными, как и в 1990-е гг., не только между полярными уровнями этой структуры. Они были зафиксированы также интегральными показателями, учитывающими характер распределения между всеми уровнями дифференциации по доходам. Такие интегральные неравенства оказались, по крайней мере, не меньшими, чем в первое пореформенное десятилетие. В-третьих, с 1994 по 2009 г. наметилась тенденция к улучшению самочувствия, характерная для женщин, имеющих как низкие,

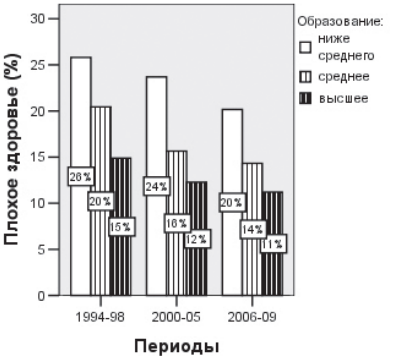
средние, так и относительно высокие доходы. Такое улучшение было чуть более отчетливым у женщин, представляющих наименее и наиболее обеспеченные страты, чем в рядах участниц опросов со средними уровнями доходов. У мужчин такой тенденции не наблюдалось — структурирование самочувствия по доходам оставалось фактически неизменным, исключая разве только наметившееся расширение неравенств между двумя верхними слоями нашей стратификации (за счет ухудшения самочувствия в 3-й категории).

Неравенства в здоровье по образованию

В представленном ниже исследовании различий в здоровье, связанных с неодинаковым образованием наших сограждан, воспроизводится логика анализа, изложенная при изучении доходных неравенств.

Рассмотрим сначала, расходятся ли представления о состоянии своего здоровья у участников опросов с разным уровнем образования, подразделяя его на три уровня — ниже среднего, среднее и высшее. Сведения об этом позволяет получить рис. 6, на котором раздельно для женщин и мужчин, опрошенных в 1994–1998, 2000–2005 и 2006–2009 гг., приводятся значения нашего дихотомического индекса «плохое здоровье» в зависимости от образования.

(а) ЖЕНЩИНЫ



N: 1994–98 = 13046,
2000–05 = 17622, 2006–09 = 13711

(б) МУЖЧИНЫ

N: 1994–98 = 10524,
2000–05 = 13321, 2006–09 = 10073

Рис. 6. Различия оценок здоровья в образовательных категориях для 3-х периодов опросов

Как видно на рисунке 6а, относящемся к женщинам, среди менее образованных респондентов больше доля тех, кто оценивает свое здоровье как плохое или очень плохое, чем в категории россиянок, имеющих высшее образование. И чем ниже образовательный уровень, тем эта доля выше. Такой градиент оценок проявляется с достаточной определенностью в любом из трех временных периодов. Например, выраженность различий между теми, у кого нет аттестата о среднем образовании, и респондентами с дипломом вуза характеризуется следующими соотношениями показателей «плохое здоровье»: в 1990-е гг. — 26 %:15 %, в первой половине прошлой декады — 24 %:12 %, а во второй ее половине — 20 %:11 %. Несмотря на некоторое улучшение самочувствия, происходившее с течением времени в любой из образовательных категорий, неравенства по образованию, похоже, менялись мало.

У мужчин, как показывает рис. 6б, различия здоровья по образованию тоже хорошо просматриваются. Оно было хуже у представителей нижнего и среднего ярусов образовательной стратификации, чем высшего ее уровня, — в каждом из периодов обнаруживается соответствующий градиент. Пропорция, отражающая распространенность «плохого здоровья» в нижней и верхней страте, составляла в 1994–1998 гг. 17 %:9 %, в 2000–2005 гг. — 17 %:8 % и 2006–2009 гг. — 14 %:7 %. Изменения самочувствия в позитивную сторону с переходом от 1990-х к 2000-м гг., какую бы образовательную категорию мы ни взяли, были у мужчин едва заметными. Практически без перемен оставались и неравенства между этими категориями.

Соображения, возникающие при описании приведенных выше рисунков, подтверждаются регрессионным анализом, с помощью которого рассчитывались парциальные показатели неравенств в здоровье по образованию. Эти показатели, характеризующие женскую и мужскую совокупности и относящиеся к трем изучаемым временным периодам, можно найти в таблице 6 (строки «Образование» и его уровни).

В 1990-е гг., а также в последующие периоды, в женской части населения самооценки здоровья («плохое здоровье») у представителей наименее образованной страты статистически значимо отличались от соответствующих показателей наиболее образованного слоя (см. верхнюю половину таблицы 6). Отличались они и у респондентов со средним образованием и тех, кто имеет вузовский диплом. Перемещение снизу вверх по уровням образовательной структуры сопровождается

Таблица 6

Неравенства в здоровье по образованию для трех периодов: парциальные регрессионные показатели, относительный индекс неравенства, степень риска для населения

Показатели	1994–1998		2000–2005		2006–2009	
	Exp(B)	95 % CI	Exp(B)	95 % CI	Exp(B)	95 % CI
ЖЕНЩИНЫ						
Образование:						
Ниже среднего	1.99	1.74–2.28	2.22	1.94–2.53	2.00	1.70–2.35
Среднее	1.47	1.30–1.66	1.33	1.19–1.47	1.32	1.18–1.49
RII	2.37	2.00–2.81	2.61	2.21–3.09	2.25	1.85–2.74
	PAR (%)	95 % CI	PAR (%)	95 % CI	PAR (%)	95 % CI
Степень риска	27.4	21.3–33.5	23.0	17.3–28.7	20.7	14.3–27.0
МУЖЧИНЫ						
Образование:						
Ниже среднего	2.20	1.82 — 2.66	2.34	1.94 — 2.81	2.16	1.73 — 2.71
Среднее	1.49	1.26 — 1.77	1.37	1.18 — 1.60	1.56	1.30 — 1.86
RII	2.67	2.12 — 3.57	2.81	2.23 — 3.53	2.55	1.95 — 3.33
	PAR (%)	95 % CI	PAR (%)	95 % CI	PAR (%)	95 % CI
Степень риска	31.4	22.5–40.2	26.8	18.3–35.3	31.0	21.6–40.5

Показатели **Exp(B)** получены в Logistic Regression. Зависимая переменная — дихотомический индекс самооценок здоровья («плохое» или «очень плохое» = 1; «среднее», «хорошее» или «очень хорошее» = 0). Образование: референтная категория — высшее (контраст — simple). RII — Relative Index of Inequality, относительный индекс неравенства. Полужирный шрифт — статистически значимые различия для каждого из периодов. Показатели **PAR** — Population Attributable Risk, степень риска для населения. CI — 95 % доверительные интервалы.

на протяжении всего диапазона наблюдений сокращением представительства людей, признающих состояние своего здоровья неудовлетворительным. Женские парциальные показатели, зафиксированные в 1994–1998, 2000–2005 и 2006–2008 гг., очень мало отличаются друг от друга, а относящиеся к ним доверительные интервалы (для каждого уровня образовательной структуры в соотнесении с ее верхним уровнем) взаимно пересекаются. Это указывает на сохранение парциальных неравенств в эти периоды в неизменном виде.

Результаты, приведенные в таблице 6 для мужчин (нижняя ее часть), говорят о неслучайном (с точки зрения статистических критериев)

расхождении мнений о своем здоровье у мало, средне и хорошо образованных респондентов. В большей мере такое расхождение характеризует мужчин с самым низким образованием по сравнению с наиболее образованными, но проявляется и между средним и высшим образовательными уровнями. Какой бы из трех периодов мы ни взяли, с переходом на более высокий уровень образовательной структуры снижается доля мужчин, оценивающих свое здоровье как плохое. Приведенные данные не позволяют говорить ни о сокращении таких неравенств, ни об их расширении при продвижении от одного периода к следующему (это утверждение вытекает из сопоставления соответствующих доверительных интервалов — они пересекаются). Парциальные различия, существовавшие в 1990-е гг., сохранились и в последующие годы.

В дополнение к парциальным показателям в таблице 6 представлены и интегральные индексы неравенств (в верхней ее половине — для женщин, в нижней — для мужчин). В каждом из периодов относительные индексы неравенств (RII), характеризующие как женскую, так и мужскую половину изучавшегося населения, являются статистически значимыми, что свидетельствует — здоровье наименее образованных россиян существенно отличалось в худшую сторону от его состояния у наиболее образованного слоя, и это отличие не исчезает в 2000-е гг., несмотря на изменение распределения респондентов по уровням образовательной структуры (сокращение малообразованного слоя и расширение слоев со средним и высшим образованием, см. табл. 2).

Относительный индекс неравенств у женщин во втором периоде по сравнению с первым немного вырос, а затем — в третьем — снизился ниже исходного значения, отмеченного в 1990-е гг. Показатель риска для населения (PAR) последовательно снижался от первого периода к третьему. Создается впечатление, что к концу прошлого десятилетия интегральные неравенства в здоровье, обусловленные различиями образования, сократились. Это впечатление, однако, не подкрепляется статистикой — доверительные интервалы, характеризующие и один, и другой интегральный показатель в первом, втором и третьем периодах, пересекаются между собой. Тенденция состоит, скорее всего, в неизменности образовательных различий.

Относительный индекс неравенства у мужчин, как и индекс рисков для населения, при переходе от 1994–1998 гг. к 2000–2005 гг. немного повышается, а затем — к 2006–2009 гг. — начинает снижаться. Однако колебания значений этих индексов были незначительными — все характеризующие их доверительные интервалы накладываются друг

Таблица 7

Неравенства в здоровье по образованию и тенденции их изменения

Независимые переменные:	Модель 1			Модель 2		
	Exp (B)	95 % CI	Sig.	Exp (B)	95 % CI	Sig.
ЖЕНЩИНЫ						
Образование:			0.000			0.000
Ниже среднего	2.041	1.882–2.214		2.047	1.772–2.365	
Среднее	1.366	1.278–1.459		1.448	1.273–1.645	
Год опроса	**0.968**	**0.963–0.973**	0.000	0.970	0.964–0.976	0.000
Образование * Год опроса						0.351
Ниже среднего * Год опроса				1.001	0.984–1.017	
Среднее * Год опроса				0.993	0.979–1.006	
Константа	0.265			0.261		
МУЖЧИНЫ						
Образование:			0.000			0.000
Ниже среднего	2.234	1.994–2.503		2.262	1.851–2.766	
Среднее	1.463	1.329–1.610		1.434	1.199–1.715	
Год опроса	0.984	**0.977–0.991**	0.000	0.983	0.975–0.991	0.000
Образование * Год опроса						0.853
Ниже среднего * Год опроса				0.998	0.975–1.021	
Среднее * Год опроса				1.003	0.983–1.022	
Константа	0.148			0.149		

Logistic Regression, зависимая переменная — дихотомический индекс самооценок здоровья («плохое» или «очень плохое» = 1; «среднее», «хорошее» или «очень хорошее» = 0). Образование, референтная категория — высшее. Год опроса — число лет, прошедших с 1994 г. (1994 = 0). Sig. — значимость изменения модели при удалении переменных или их интеракции (Likelihood Ratio). N: женщины = 44421, мужчины = 33891. Полужирный шрифт — статистически значимые переменные в модели 1 или их интеракции в модели 2.

на друга, так что преобладающая тенденция говорит, как и в женской выборке, о сохранении образовательных различий самочувствия — на протяжении трех рассматривавшихся периодов — без изменений.

В завершение данного раздела нам остается проанализировать тренды, свидетельствующие о темпах годичных изменений состояния

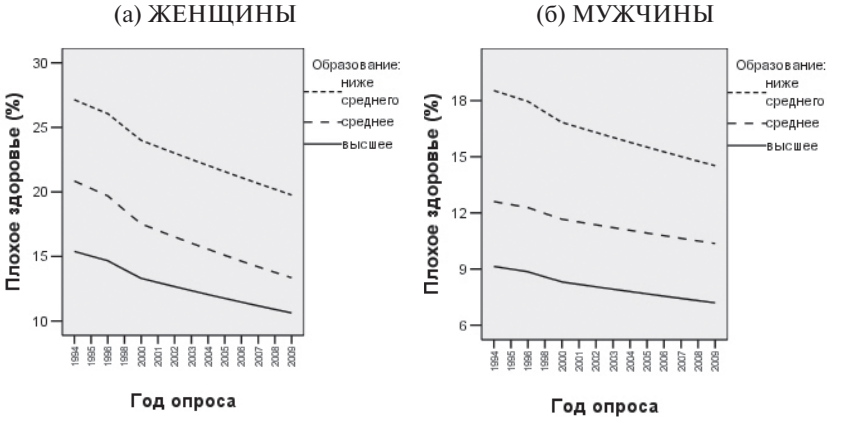
здоровья на нижних ярусах образовательной стратификации в соотнесении с ее верхним уровнем. С этой целью, как и при изучении доходных неравенств и их динамики, проводился логистический регрессионный анализ «плохого здоровья» в зависимости от переменных образования и времени, протекшего с начала исследований (второго этапа RLMS–HSE — с 1994 г.), а также — этих переменных и их интеракции. Его результаты, описываемые соответственно моделью 1 и моделью 2, нашли отражение в таблице 7: ее верхняя половина описывает эти модели для женщин, а нижняя — для мужчин.

Согласно уравнению регрессии, представленному 1-й моделью, как у женщин, так и у мужчин, в любой из волн опросов оценки здоровья в нижних образовательных стратах были, как правило, ниже, чем у тех, кто имеет диплом о высшем образовании. На протяжении периода обследований, начиная с 1994 г. и вплоть до 2009 г., здоровье женщин постепенно, от года к году, улучшалось, причем такое улучшение происходило не только в верхнем слое, но и в категориях со средним и низким уровнями образования. У мужчин наблюдает сходная картина улучшений, хотя они были выражены не так отчетливо, как в женской половине.

При позитивных переменах здоровья к лучшему, произошедших во всех образовательных стратах, разделяющих как женщин, так и мужчин, различия между этими стратами, как показывают модели 2, продолжали сохраняться в неизменном виде. На это указывает отсутствие статистически значимых интеракций между переменными образования и года проведения опроса. Наглядное представление о выявленных тенденциях позволяет получить рис. 7. На этом рисунке (7а для женщин и 7б для мужчин) оценки «плохое здоровье», относящиеся в каждой из волн опросов к респондентам с неодинаковым уровнем образования, рассчитаны по уравнениям регрессии 2-й модели (табл. 7).

На рис. 7а и 7б действительно хорошо видны общие для всех образовательных категорий тренды, подтверждающие выводы о небольшом сокращении в любой из них доли людей, указывающих на неудовлетворительное состояние своего здоровья, а также — о сходных темпах этого сокращения и, следовательно, неизменности образовательных неравенств в здоровье на протяжении 1990-х и 2000-х гг.

В целом результаты представленного в разделе исследования приводят к следующим заключениям. Во-первых, в середине — второй половине 1990-х гг., а также в первое десятилетие 2000-х гг., состояние здоровья наиболее образованного слоя было заметно лучше, чем



Оценки «плохое здоровье» получены в регрессионных уравнениях, представленных в таблице 7 (модель 2).

Рис. 7. Тренды оценок здоровья в образовательных категориях: 1994–2009 гг.

у менее образованных слоев, и с расширением образовательных неравенств такие различия проявлялись все более отчетливо. Эти неравенства здоровья по образованию можно обнаружить как в женской, так и в мужской части изучавшегося российского населения. Во-вторых, в течение периода наблюдений — с 1994 г. по 2009 г. — происходило медленное позитивное изменение состояния здоровья россиян — тенденция, проявляющаяся с большей определенностью в женской совокупности, чем мужской. В-третьих, темпы таких позитивных перемен были на разных уровнях образовательной структуры сходными, вследствие чего неравенства в здоровье по образованию в рассматривавшийся период оставались неизменными.

Тренды социальных неравенств в здоровье: комментарии

Сопоставляя самооценки здоровья у представителей различных социальных слоев, выделенных по признакам дохода и образования, мы обнаружили, что в нашей стране на протяжении 1990-х и первой декады 2000-х гг. существовали достаточно отчетливые неравенства в здоровье. На нижних ярусах социальной пирамиды чаще встречаются люди, признающие состояние своего здоровья неудовлетворительным («плохим» или «очень плохим»), чем в верхней ее части.

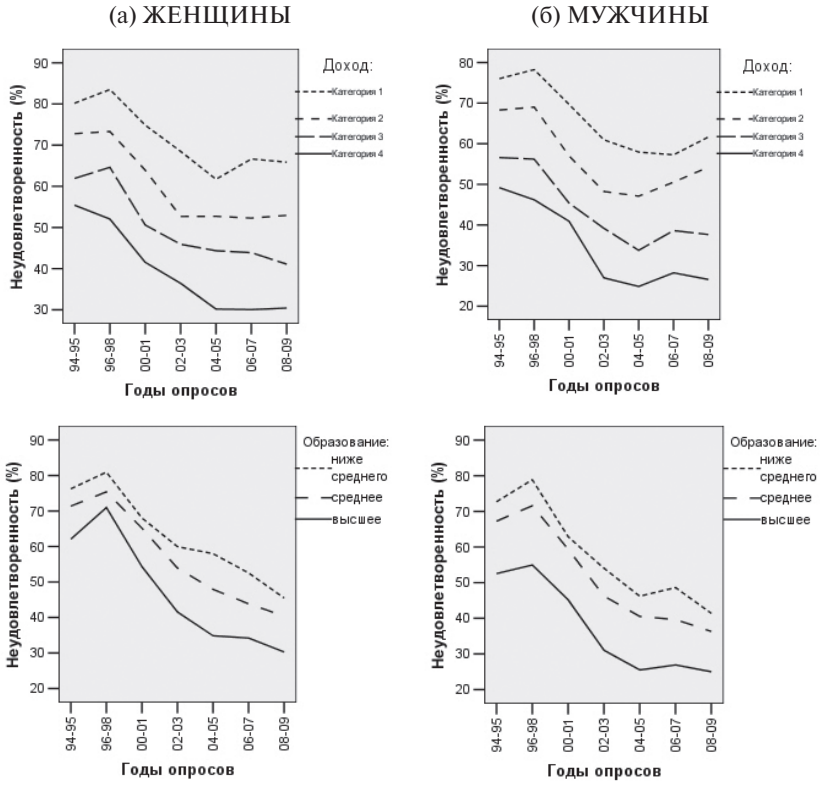
Правда, различия даже между крайними слоями были относительно небольшими, колеблясь — в зависимости от рассматриваемого периода, мужской или женской выборки — от 5 % до 10 % для доходной стратификации и от 7 % до 12 % для дифференциации по образованию. Необходимо, однако, иметь в виду, что эти цифры отражают расхождения между социальными категориями, стандартизированными по возрасту (с учетом изменений возрастного распределения по социальным категориям в изучавшиеся временные периоды). Они свидетельствуют о социальной дифференциации здоровья, «очищенной» от эффектов, обусловленных частичным совмещением возрастной и социальной структур (среди менее образованных и обеспеченных людей выше представительство старших возрастных когорт, чем в категориях относительно обеспеченных и высокообразованных респондентов) и большей или меньшей степенью этого совмещения в разные периоды. Поэтому зафиксированные нами социальные расхождения в определенной мере занижают реально существующие доходные и образовательные различия в здоровье.

По сравнению с 1990-ми гг. ко второй половине прошлого десятилетия здоровье россиян стало улучшаться, однако такая тенденция, наметившаяся в женской половине населения, почти неуловима у мужчин. Но даже в том случае, когда она проявлялась с наибольшей отчетливостью, улучшение составляло лишь несколько процентных пунктов. Так, у женщин из относительно обеспеченной страты это улучшение выражалось изменением в 6 %, в любой из образовательных категорий — также не более 6 %. В мужской половине ни в одном из доходных срезов изменения не превышали 3 % (в сторону к тому же ухудшения здоровья), как не превышали они этого значения и в образовательных срезах (в сторону улучшения). Что же касается трендов в неравенствах, изменения, происходившие между 1994–1998, 2000–2005 и 2006–2009 гг., выражались еще более скромными процентными показателями. По доходу они не превышали 5 % у женщин и 2 % у мужчин, а по образованию — 3 % у первых и 2 % у вторых. Хотя некоторые из тенденций, свидетельствующих об улучшении здоровья россиян, и трендов, характеризующих динамику социальных неравенств в здоровье, получают убедительное статистическое обоснование, произошедшие перемены по своему масштабу не столь значительны, чтобы можно было говорить о каких-либо серьезных изменениях как статуса здоровья россиян, занимающих разные позиции в социальной стратификации, так и этих неравенств.

Худшее состояния здоровья у представителей нижних слоев социальной стратификации по отношению к верхним стратам объясняется, как показывают исследования, целым рядом причин — плохим питанием, недоступностью для них рекреационных услуг и качественной медицинской помощи, повышенными стрессовыми нагрузками и психологической незащищенностью, социальной изоляцией, отсутствием необходимых для поддержания здоровья знаний и навыков, закрепившимся стилем жизни, для которого характерна невысокая ценность здоровья и приверженность вредным привычкам. Наметившаяся у женщин, относящихся к нижним слоям, тенденция к улучшению самочувствия может говорить о расширении в 2000-е гг. государственной поддержки незащищенных слоев населения и социальных программ, направленных на защиту женщин, а также об улучшении медицинского обслуживания в рамках системы обязательного медицинского страхования, обусловленных экономическим подъемом и возможностями увеличением бюджетных расходов на социальные нужды. Такая же позитивная тенденция, характеризующая верхние страты женской совокупности, указывает, возможно, на расширение у представителей этих страт — с переходом от1990-х гг. к 2000-м — возможностей для поддержания своего здоровья, связанных с негосударственными услугами — большей доступности широкого ассортимента качественных продуктов, отдыха на курортах и занятий в рекреационных центрах, эффективного лечения в платных медицинских учреждениях.

На наш взгляд, общий фактор, определяющий позитивные перемены на любом из уровней социальной иерархии (и отчасти, вероятно, связанный с указанными причинами), — снижение стрессовых нагрузок в условиях роста общего благосостояния в 2000-е гг., постепенная психологическая адаптация и рост уверенности людей в собственных силах и способности справиться с трудностями. В пользу этого объяснения говорит отчетливое повышение между 1990-ми и 2000-ми гг. (в любой из доходных и образовательных страт) субъективного благополучия, измеряемого показателем удовлетворенности жизнью (см. рис. 8).

Тем не менее, несмотря на существенное снижение психологической напряженности, даже в женской совокупности позитивные тренды, характеризующие здоровье, были, как мы отмечали, достаточно скромными, не говоря уже о мужской половине, где они едва улавливались — и то только при рассмотрении дифференциации по образованию. Не исключено, что мелкий масштаб положительных изменений обусловлен влиянием сдерживающих факторов, которые вызывают



Неудовлетворенность жизнью — градации «совсем не удовлетворен» или «не очень удовлетворен» пятибалльной шкалы ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящий момент?».

Рис. 8. Неудовлетворенность жизнью в доходных и образовательных стратах: изменения в 1994–2009 гг.

ухудшение здоровья. Важнейшими среди таких факторов в постсоветской России, как признают многие исследователи, являются чрезмерное употребление алкоголя и широкое распространение курения, влияющие в первую очередь на здоровье мужчин. В следующем разделе нам предстоит проанализировать социальные различия в приверженности этим вредным привычкам и изменения этих привычек у представителей разных социальных слоев на протяжении 1994–2009 гг.

Поведение, несущее риски для здоровья: социальные различия и тренды

В разделе, посвященном методологии исследования, были представлены данные об изменении за время обследований приверженности курению и алкоголю мужчин и женщин в изучавшемся российском населении. Согласно этим данным, с течением времени все больше тех и других стали систематически употреблять алкогольные напитки, все больше женщин стали курить, преобладающая часть мужчин как курили в1990-е гг., так и продолжали это делать в последующие годы. Являются ли эти тенденции общими для представителей различных социальных слоев или в одних из этих слоев они выражены с большей определенностью, чем в других? Отыскивая ответы на этот вопрос, мы рассмотрим в последующих параграфах сначала динамику социальных различий в курении, а затем — в приверженности алкоголю.

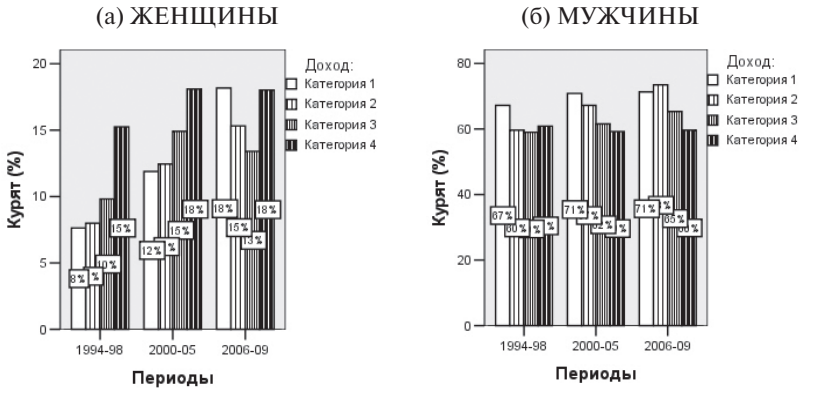
Курение

Социальные различия по доходу

Степень распространенности курения в социальных слоях, различающихся по своим доходам, была неодинаковой в 1990-е и 2000-е гг. Об этом свидетельствуют данные, представленные на рис. 8.

Согласно распределениям, отображенным на рис. 9а для женской совокупности, в 1994–1998 гг. среди наиболее обеспеченных участниц обследований доля курящих была заметно больше, чем в любой другой доходной страте. С переходом по уровням доходной структуры снизу вверх эта доля чуть заметно увеличивается, образуя слабый градиент. В следующий период, 2000–2005 гг., этот градиент становится более отчетливым — с повышением доходов распространенность курения растет. Однако в 2006–2009 гг. такая закономерность нарушается — среди наименее обеспеченных женщин привычка к курению встречается с не меньшей частотой, чем в верхней страте (сократилось расхождение и между этой стратой и 2-й доходной категорией). Причина изменившегося характера распределения в том, что распространение этой привычки в 2000-е гг., происходившее на всех уровнях стратификации, быстрее протекало как раз в низко доходных слоях.

Как показывает рис. 9б, у мужчин картина была иной. В каждый из периодов преобладающая часть мужчин в любой доходной группе относились к числу курящих (не менее 60 %). Их было несколько больше среди респондентов с низкими доходами, чем в верхней категории,



N: 1994–98 = 12692, 2000–05 = 17069, 2006–09 = 12868

N: 1994–98 = 10176, 2000–05 = 12808, 2006–09 = 9390

Рис. 9. Распространенность курения в доходных категориях для 3-х периодов опросов

и именно в нижних слоях с течением времени ряды курильщиков, похоже, пополнялись.

Сформулированные выше суждения о доходных различиях в курении и о тенденциях его распространения более быстрыми темпами в нижних слоях дифференциации по доходам по отношению к верхним нуждаются в статистическом обосновании. С этой целью мы вновь обратились к логистической регрессии (зависимая переменная — дихотомический признак, отделяющий курящих респондентов от некурящих) и получили для каждого из трех периодов парциальные показатели доходных различий (в соотнесении с верхней стратой), а также интегральные показатели таких различий — относительные индексы неравенств. Эти показатели, относящиеся к женской части населения, можно найти в верхней половине таблицы 8. В нижней ее половине приводятся результаты для мужчин.

В 1990-е гг. в 1-й, 2-й и 3-й категории доходной структуры курящих женщин было определенно меньше, чем на верхнем уровне этой структуры — все парциальные коэффициенты статистически значимы. Точно так же обстояло дело и в 2000–2005 гг., но при этом значения всех этих коэффициентов заметно увеличились, сдвинувшись в сторону «1» (это значение говорит об отсутствии различий). То есть

Таблица 8

Различия в распространенности курения по доходу
в трех временных периодах: парциальные регрессионные показатели
и относительный индекс неравенства

Показатели	1994–1998		2000–2005		2006–2009	
	Exp(B)	95 % CI	Exp(B)	95 % CI	Exp(B)	95 % CI
ЖЕНЩИНЫ						
Доход:						
Категория 1	0.46	0.38–0.55	0.61	0.54–0.69	1.01	0.83–1.23
Категория 2	0.48	0.40–0.59	0.64	0.57–0.73	0.82	0.72–0.94
Категория 3	0.61	0.49–0.74	0.79	0.70–0.90	0.70	0.63–0.79
RII	0.45	0.36–0.57	0.53	0.45–0.62	0.72	0.60–0.86
N	12692		17069		12868	
МУЖЧИНЫ						
Доход:						
Категория 1	1.32	1.15–1.50	1.67	1.50–1.87	1.68	1.39–2.04
Категория 2	0.95	0.83–1.09	1.41	1.27–1.57	1.87	1.64–2.14
Категория 3	0.93	0.80–1.07	1.10	0.99–1.22	1.28	1.16–1.41
RII	1.66	1.43–1.92	2.01	1.76–2.29	2.28	1.94–2.68
N	10176		12808		9390	

Logistic Regression, зависимая переменная — дихотомический признак, отделяющий курящих респондентов (= 1) от некурящих (= 0). Доход: референтная категория — четвертая, наиболее высокий уровень (контраст — simple). RII — Relative Index of Inequality, относительный индекс неравенства. Полужирный шрифт — статистически значимые различия для каждого из периодов. CI — 95 % доверительные интервалы.

расхождения стали менее отчетливыми. В 2006–2009 гг. парциальные показатели еще больше сместились к «1»: хотя между двумя средними категориями и верхним уровнем сохранились статистически значимые различия, они стали еще меньше, чем во второй и тем более первый периоды, тогда как наименее и наиболее обеспеченные слои перестали различаться. Постепенное схождение — по мере перехода от одного периода к следующему — между крайними слоями по представительству в них курящих подтверждается при сопоставлении соответствующих доверительных интервалов. Между первым и вторым периодом

они едва накладываются друг на друга, а в третьем периоде этот интервал уже не пересекается не только с тем, каким он был в 1990-е гг., но и с интервалом для первой половины прошлой декады. Сходная тенденция к схождению с верхней стратой характеризует и вторую снизу доходную категорию, хотя в этом случае такая тенденция проявлялась не так выразительно, как с категорией наименее обеспеченных женщин — доверительные интервалы, относящиеся к первому и третьему периоду, не пересекаются, а — ко второму и третьему периодам — едва пересекаются.

Даже если принять во внимание изменившийся характер распределения женщин между уровнями доходной стратификации (отмеченное ранее резкое сокращение представительства в категориях с низкими доходами и его увеличение в верхних слоях), описанная тенденция все равно будет хорошо просматриваться. В самом деле, относительный индекс неравенства (RII) постепенно увеличивается от первого к последнему периоду (приближаясь к «1»), оставаясь статистически значимым, и доверительный интервал для его значения, зафиксированного в 2006–2009 гг., выходит за пределы, очерченные в 1994–1998 гг.

Парциальные показатели, отражающие доходные различия в курении среди мужчин, свидетельствуют о большей распространенности этой привычки на нижних ярусах социальной пирамиды, чем на ее верхнем уровне. В 1990-е гг. такие различия были сравнительно небольшими и существовали только между крайними категориями (остальные парциальные коэффициенты были статистически не значимыми). В 2000–2005 гг. они стали гораздо заметнее — в двух нижних категориях доля курящих была больше, чем в референтной категории (статистически значимые отличия). В 2006–2009 гг. от наиболее обеспеченных респондентов отличались уже все три нижележащих слоя. Как видим, с течением времени происходит постепенное увеличение различий между верхней доходной категорией и нижними стратами — доля курящих в малообеспеченных слоях росла быстрее, чем в верхнем слое. Это заключение подтверждается тем фактом, что доверительные интервалы для парциальных коэффициентов, соотносящих 1-ю и 4-ю категории в первый и второй периоды, между собой не пересекаются. Не пересекаются они и у коэффициентов для 2-й / 4-й категории при сравнении второго периода с первым и третьего со вторым периодом. То же самое можно сказать о показателях для 3-й и 4-й категорий, если соотнести третий и первый периоды.

Относительный индекс неравенства у мужчин постепенно увеличивался от одного периода к следующему. Он фиксирует статистически значимые доходные различия в курении как в 1994–1998 гг., так и в 2000–2005 и 2006–2009 гг. Хотя к последнему из этих периодов большая доля респондентов переместилась из нижних страт в верхние, различия между крайними категориями не только не уменьшились, но и выросли — доверительные интервалы, вычисленные для относительных индексов в первый и последний периоды, не имеют общих точек.

Итак, анализ парциальных и интегральных показателей, рассчитанных для трех временных периодов, приводит к заключению о дальнейшем распространении в 2000-е гг. привычки к курению, особенно — среди малообеспеченных слоев, причем не только мужчин, но и женщин.

Следующая задача состоит в том, чтобы проверить это заключение, учитывая перемены, происходившие год за годом на протяжении всего периода обследований — с 1994-го по 2009 г. Ее решение осуществлялось с использованием уже знакомого нам (по исследованию различий в здоровье) аналитического инструментария — расчета двух моделей логистической регрессии (зависимая переменная теперь — дихотомия «курит / не курит»), в одной из которых рассматриваются факторы «доход» и «время, прошедшее с 1994 г.», а во второй — кроме этих факторов — их интеракция. Регрессионные коэффициенты (Exp (B)), полученные при расчете этих моделей для женщин и мужчин, сведены в таблицу 9.

Среди женщин из наиболее обеспеченного слоя, как показывает 1-я модель, привычка к курению была распространена на протяжении всех изучавшихся лет, как правило, несколько шире, чем в других доходных слоях. И в любой из категорий стратификации по доходу с течением времени происходило увеличение доли людей, сообщающих, что они курят. Регрессионное уравнение для женской половины населения, которое описывает модель 2, свидетельствует о статистически значимых интеракциях между переменной, указывающей на год проведения опроса, и каждой из доходных категорий (рассматриваемых в соотнесении с верхней стратой). Статистики Exp (B) для этих интеракций указывают на неодинаковые темпы прироста за время обследований числа курящих в этих категориях — по сравнению с женщинами с наибольшими доходами быстрее всего оно росло в самой низко доходной страте, немного медленнее — во 2-й категории и еще медленнее — в 3-й доходной категории.

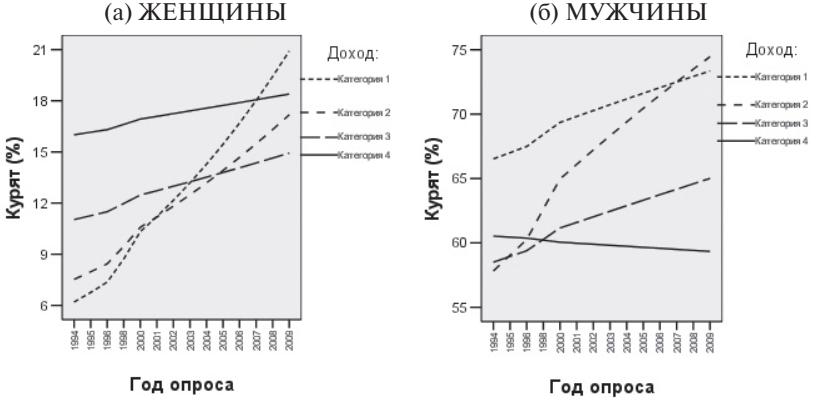
Таблица 9

Различия в распространенности курения по доходу
и тенденции их изменения

Независимые переменные:	Модель 1			Модель 2		
	Exp (B)	95 % CI	Sig.	Exp (B)	95 % CI	Sig.
ЖЕНЩИНЫ						
Доход:			0.000			0.000
Категория 1	0.661	0.605–0.722		0.347	0.289–0.417	
Категория 2	0.705	0.650–0.764		0.427	0.355–0.514	
Категория 3	0.765	0.709–0.826		0.651	0.539–0.786	
Год опроса	**1.043**	**1.036–1.050**	0.000	1.048	1.041–1.056	0.000
Доход * Год опроса						0.000
Категория 1 * Год опроса				1.085	1.063–1.106	
Категория 2 * Год опроса				1.053	1.034–1.071	
Категория 3 * Год опроса				1.012	0.995–1.030	
Константа	0.105			0.106		
МУЖЧИНЫ						
Доход:			0.000			
Категория 1	1.677	1.563–1.798		1.296	1.130–1.487	
Категория 2	1.392	1.302–1.488		0.894	0.779–1.026	
Категория 3	1.159	1.088–1.235		0.920	0.796–1.063	
Год опроса	**1.021**	**1.016–1.026**	0.000	1.022	1.017–1.027	
Доход * Год опроса						
Категория 1 * Год опроса				1.025	1.009–1.042	
Категория 2 * Год опроса				1.055	1.040–1.070	
Категория 3 * Год опроса				1.022	1.008–1.036	
Константа	1.526			1.558		

Logistic Regression, зависимая переменная — дихотомический признак, отделяющий курящих респондентов (= 1) от некурящих (= 0). Доход: референтная группа — четвертая категория (наиболее высокий уровень). Год опроса — число лет, прошедших с 1994 г. (1994 = 0). Sig. — значимость изменения модели при удалении переменных или их интеракции (Likelihood Ratio). N: женщины = 42667, мужчины = 32394. Полужирный шрифт — статистически значимые переменные в модели 1 или их интеракции в модели 2.

Тенденции, на которые указывают рассмотренные интеракции, хорошо прослеживаются на рис. 10а — на этом рисунке доли курящих женщин, вычисленные с помощью уравнения логистической регрессии (модель 2 в табл. 9), рассматриваются в зависимости от времени проведения опроса и положения респондентов в доходной структуре. В 1990-е гг. курящих женщин можно было чаще встретить в двух верхних стратах, чем в нижних слоях, но к концу прошлого десятилетия картина изменилась. Теперь в этих слоях, особенно самом нижнем, курили не меньше женщин, чем наверху доходной стратификации. Если с 1994 по 2009 г. в обеспеченных слоях доля курящих выросла совсем незначительно, то в мало доходных категориях такой подъем был намного более быстрым. Например, среди самых бедных женщин эта доля увеличилась более чем втрое.



Доли курящих респондентов получены по регрессионным уравнениям, представленным в таблице 9 (модель 2).

Рис. 10. Распространенность курения в доходных категориях: тренды 1994–2009 гг.

Вернемся к таблице 9 — в ее нижней половине приведены обсуждаемые регрессионные результаты для мужчин. Согласно модели 1, в течение периода обследований мужчины из нижних доходных страт курили чаще, чем представители верхних уровней, и чем ниже располагалась такая страта, тем больше в ней было курящих людей. И едва ли

не в любой из доходных категорий между 1994 и 2009 г. привычка к курению распространялась все шире и шире. Модель 2 указывает на существование статистически значимых интеракций между всеми градациями доходной структуры (сопоставленными с верхней категорией) и фактором истекшего времени. Эти интеракции — свидетельство более быстрого роста представительства курящих мужчин в менее обеспеченных слоях, чем на верхнем ярусе стратификации по доходам. Эту зависимость иллюстрирует рис. 10б. На нем для каждой доходной категории приведены процентные доли мужчин, которые курили в каждой из волн опросов, — эти доли подсчитаны по обсуждаемому уравнению регрессии (с интеракциями). Как можно видеть на этом рисунке, на фоне практически неизменного числа курящих респондентов в верхней страте, составляющих около 60 %, с 1994 г. по 2009 г. доля таких респондентов в мало обеспеченных слоях заметно выросла — она все больше превышала этот показатель (у представителей второго снизу доходного слоя, где такой рост был наиболее отчетливым, к концу периода курили уже почти 75 %).

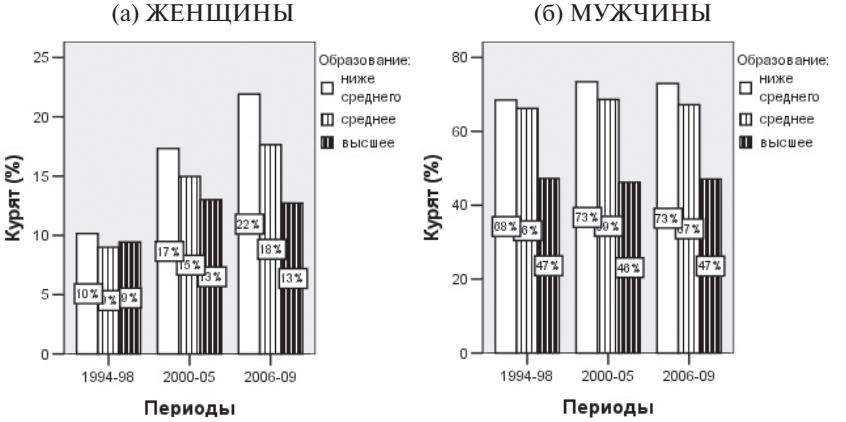
Таким образом, исследование распространенности привычки к курению в разных социальных слоях, выделяемых по признаку дохода, показывает, что в постсоветский период наблюдалось постепенное расширение круга лица, придерживающихся этой привычки, особенно заметное на нижних уровнях стратификации по доходам. Эта тенденция характеризует не только мужскую часть населения, но и его женскую половину. Если в начале 1990-х гг. курение было больше распространено среди лучше обеспеченных женщин, чем в рядах тех, у кого были низкие доходы, то в 2000-е гг. — вследствие быстрых темпов прироста у последних — они уже мало различались между собой. У мужчин как в 1990-е гг., так и в 2000-е гг. меньше курили представители высокодоходной страты, чем россияне с невысокими или низкими доходами (но даже у первых доля курящих была очень высокой). Однако к концу изучавшегося периода это расхождение стало гораздо явственней, чем было в его начале — малообеспеченные мужчины, как и женщины, с течением времени не только не стали меньше курить, но, напротив, все большее их число усваивало привычку к курению.

Курение: социальные различия по образованию

Приступая к изучению влияния стратификации по образованию на приверженность курению и ее динамики, рассмотрим сначала данные, представленные на рис. 11. На этом рисунке — отдельно для женщин

и мужчин — показано соотношение курящих респондентов в группах с низким, средним и высоким уровнями образования, зафиксированное в трех укрупненных периодах — 1990-х гг., первой и второй половинах первого десятилетия 2000-х гг.

Согласно результатам, полученным на выборках женщин (см. рис. 11а), в 1994–1998 гг. в любой из образовательных категорий курили примерно каждая десятая из участниц опросов. В 2000–2005 гг. начинает проявляться еще слабый, но вполне определенный градиент — распространенность курения оказывается выше в менее образованных стратах, чем у респондентов с высшим образованием. В последующий период, охватывающий 2006–2009 гг., этот градиент становится еще более отчетливым — теперь среди респондентов, имеющих вузовский диплом, курящих женщин оказывается гораздо меньше, чем в рядах тех, кто не получил аттестата о среднем образовании, как и среди представительниц средней образовательной страты. Такое расширение образовательных различий происходило за счет ускоренного прироста доли курящих женщин в менее образованных слоях, тогда как в наиболее образованной группе этот прирост был незначительным.



N: 1994–98 = 13109, 2000–05 = 17677, 2006–09 = 13745

N: 1994–98 = 10571, 2000–05 = 13338, 2006–09 = 10090

Рис. 11. Распространенность курения в образовательных категориях для 3-х периодов опросов

У мужчин (рис. 11б) уже в 1990-е гг. существовало очень отчетливое различие между высокими долями курящих респондентов, принадлежащих к нижнему и среднему ярусам дифференциации по образованию, и относительно более низкими значениями этого показателя в наиболее образованной страте. Эта закономерность сохранялась и в оба последующих периода — в 2000–2005 и 2006–2009 гг. Причем, представительство курящих мужчин среди респондентов с дипломами вузов оставалось неизменным от одного периода к другому (как и среди тех, кто был отнесен к среднему уровню образовательной структуры), а в низшей страте оно несколько увеличилось.

Статистическая проверка изложенных фактов предусматривала, как и на предыдущих стадиях нашего анализа, вычисление парциальных показателей различий и относительных индексов неравенства. Их можно найти в таблице 10.

Таблица 10

Различия в распространенности курения по образованию в трех временных периодах: парциальные регрессионные показатели и относительный индекс неравенства

Показатели	1994–1998		2000–2005		2006–2009	
	Exp(B)	95 % CI	Exp(B)	95 % CI	Exp(B)	95 % CI
ЖЕНЩИНЫ						
Образование:						
Ниже среднего	1.09	0.91–1.30	1.40	1.22–1.61	1.93	1.65–2.25
Среднее	0.95	0.82–1.11	1.18	1.06–1.31	1.47	1.32–1.64
RII	1.13	0.89–1.42	1.50	1.27–1.78	2.28	1.89–2.74
N	13109		17677		13745	
МУЖЧИНЫ						
Образование:						
Ниже среднего	2.42	2.14–2.75	3.21	2.82–3.66	3.03	2.61–3.52
Среднее	2.19	1.98–2.42	2.54	2.33–2.78	2.30	2.09–2.54
RII	3.15	2.68–3.70	5.01	4.30–5.85	4.60	3.87–5.47
N	10571		13338		10090	

Logistic Regression, зависимая переменная — дихотомический признак, отделяющий курящих респондентов (= 1) от некурящих (= 0). Образование: референтная категория — высшее (контраст — simple). RII — Relative Index of Inequality, относительный индекс неравенства. Полужирный шрифт — статистически значимые различия для каждого из периодов. CI — 95 % доверительные интервалы.

В верхней части этой таблицы приведены коэффициенты, полученные в логистических регрессиях для женской совокупности. В 1994–1998 гг. ни один из парциальных показателей не был статистически значимым — доля курящих в нижней и средней стратах практически не отличались от того, какой она была в верхнем образовательном слое. В 2000–2005 гг. появляются значимые различия — привычка к курению чаще встречается среди наименее образованных респондентов, чем в рядах тех, кто закончил вуз. По сравнению с последними несколько больше курящих женщин и среди участниц опросов со средним образованием. Такие отличия стали еще более явственными в следующие годы (2006–2009). Все парциальные показатели увеличивались от одного периода к следующему, причем доверительные интервалы, относящиеся к их значениям, зафиксированным в 2006–2009 и 1994–1998 гг., не имеют точек пересечения. Относительный индекс неравенства тоже увеличивался, несмотря на сокращение малообразованной категории и расширение средней и верхней категорий. Если в 1990-е гг. он был статистически не значимым, что свидетельствовало об отсутствии различий в курении по образованию, то в последующие периоды этот индекс, как и парциальные показатели, стал указывать на неслучайные расхождения между крайними стратами (с учетом характера распределения респондентов по образовательной структуре). Доверительные интервалы, характеризующие относительные индексы неравенства в 1990-е гг. и 2006–2009 гг., не пересекаются между собой. В целом, описанные факты говорят о расходящихся траекториях, которыми описываются изменения в распространенности курения на нижних этажах и на верхнем ярусе стратификации по образованию. С течением времени все больше женщин с невысоким уровнем образования оказывались вовлеченными в ряды курящих, как это происходило и с представительницами наиболее образованного слоя, однако темпы этого роста у первых были заметно выше, чем у вторых.

В нижней части таблице 10, посвященной мужчинам, все парциальные показатели — в каждом из трех периодов — были статистически значимыми, а их значения — заметно выше, чем для женской выборки. Это говорит о существовании — на протяжении всех лет обследований — явственных различий в приверженности курению у респондентов с разным уровнем образования. Среди малообразованных людей курение было гораздо шире распространено, чем среди тех, кто учился в вузе. По сравнению с 1990-ми гг. в 2000–2005 гг. парциальный показатель, сопоставляющий крайние категории, существенно увеличился

(доверительные интервалы не пересекаются), т.е. различия в это время выросли. Хотя и все прочие парциальные коэффициенты в 2000-е гг. стали выше, что указывает на усиление дифференциации в курении по образованию, это утверждение не получает статистического подтверждения (вследствие наложения соответствующих доверительных интервалов друг на друга). Относительный индекс неравенства существенно вырос во второй период по сравнению с первым (доверительные интервалы не пересекаются), а затем — в 2006–2009 гг. — несколько уменьшился, но все равно не случайным образом отличался от 1994–1998 гг. (доверительные интервалы тоже не имеют общих точек). Согласно приведенным данным, от периода к периоду курение все шире распространялось среди мужчин с низким образовательным уровнем, тогда как в наиболее образованной страте такая тенденция была выражена менее отчетливо или вовсе не была выражена.

Описанные выше результаты для трех временных периодов, говорящие о расходящихся траекториях прироста числа курящих среди участников опросов с разным образованием, дополнительно проверялись в логистических регрессиях, включающих интеракции показателей дохода и времени, прошедшего с начала обследований (контрольное уравнение включало эти показатели в качестве автономных факторов). Регрессионные коэффициенты, соответствующие контрольному уравнению (модель 1) и уравнению с интеракцией (модель 2), собраны в верхней (для женщин) и нижней (для мужчин) половинах таблицы 11.

Согласно модели 1, описывающей женщин, едва ли ни в каждой из волн опросов, начиная с 1994 г. и заканчивая 2009 г., доля курящих была выше в наименее образованном слое (а также в среднем слое, но в меньшей степени), чем в верхней страте. И в любой образовательной категории — в большей или меньшей степени — происходило год за годом увеличение доли курящих респондентов. Это увеличение, как показывает модель 2, было действительно неодинаковым у людей с разным уровнем образования — обе интеракции, сопоставляющие во времени низкий и средний его уровни с высоким, оказались статистически значимыми. Статистики Exp (B) для этих интеракций указывают на более высокие темпы прироста курящих в нижних слоях, чем в верхней образовательной страте. В наглядном виде эти тенденции представлены на рисунке 12а. Используя уравнение регрессии с интеракциями (модель 2 для женщин в табл. 11), были вычислены значения показателя «курит / не курит» — именно они приведены на

этом рисунке для каждой волны опросов в зависимости от уровня образования участниц обследования.

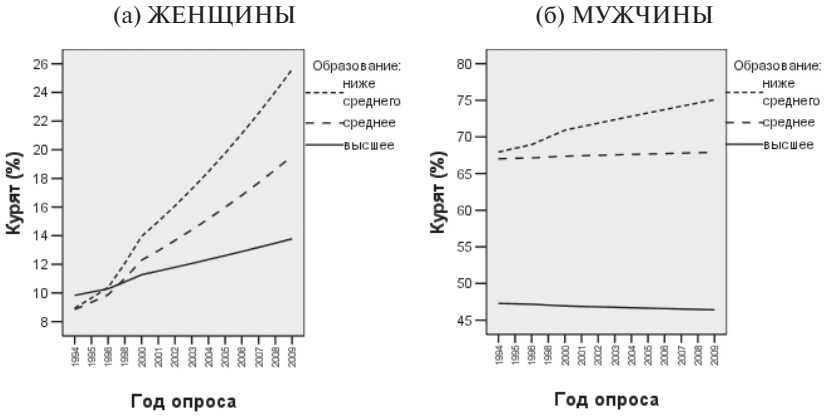
Таблица 11

Различия в курении по образованию и тенденции их изменения

Независимые переменные:	Модель 1			Модель 2		
	Exp (B)	95 % CI	Sig.	Exp (B)	95 % CI	Sig.
ЖЕНЩИНЫ						
Образование:			0.000			0.304
Ниже среднего	1.488	1.360–1.627		0.901	0.751–1.080	
Среднее	1.239	1.157–1.326		0.889	0.765–1.033	
Год опроса	**1.060**	**1.054–1.066**	0.000	1.058	1.051–1.066	0.000
Образование * Год опроса						0.000
Ниже среднего * Год опроса				1.060	1.040–1.080	
Среднее * Год опроса				1.036	1.021–1.052	
Константа	0.099			0.101		
МУЖЧИНЫ						
Образование:			0.000			0.000
Ниже среднего	2.836	2.626–3.062		2.363	2.065–2.705	
Среднее	2.360	2.234–2.493		2.266	2.038–2.520	
Год опроса	1.005	1.000–1.009	0.052	1.008	1.002–1.014	0.005
Образование * Год опроса						0.003
Ниже среднего * Год опроса				1.026	1.010–1.042	
Среднее * Год опроса				1.005	0.994–1.016	
Константа	1.598			1.569		

Logistic Regression, зависимая переменная — дихотомический признак, отделяющий курящих респондентов (= 1) от некурящих (= 0). Образование: референтная категория — высшее. Год опроса — число лет, прошедших с 1994 г. (1994 = 0). Sig. — значимость изменения модели при удалении переменных или их интеракции (Likelihood Ratio). N: женщины = 44531, мужчины = 33999. Полужирный шрифт — статистически значимые переменные в модели 1 или их интеракции в модели 2.

Если в 1990-е гг., как видно на рис. 12а, доли курящих женщин в разных образовательных слоях были очень близки, то в 2000-е гг. они стали все больше и больше различаться. Темпы распространения курения были особенно высоки в наименее образованной страте, несколько ниже эти темпы были в слое со средним образованием, а самыми низкими — среди женщин с вузовскими дипломами.



Доли курящих респондентов получены по регрессионным уравнениям, представленным в таблице 11 (модель 2).

Рис. 12. Распространенность курения в образовательных категориях: тренды 1994–2009 гг.

В мужской половине на протяжении всего периода обследований различия в приверженности курению между образовательными уровнями были существенно большими, чем в женской совокупности, в чем можно убедиться, вернувшись к регрессионной модели 1, представленной в нижней части таблицы 11. Кроме того, коэффициент для переменной год проведения опроса, оказавшийся на грани статистической значимости, говорит о незначительном (в среднем для разных ярусов стратификации по образованию) увеличении числа курильщиков между 1994 и 2009 гг. Однако, как показывает значимая статистически интеракция, полученная во 2-й модели, такое увеличение представительства курящих людей в нижней страте шло с опережением по сравнению с тем, что происходило в наиболее образованном слое. Это

хорошо видно на рисунке 12б, который демонстрирует зависимость предсказанных (по регрессионному уравнению с интеракциями) оценок числа курящих респондентов с неодинаковым образованием от времени проведения опроса. Если среди мужчин с высшим образованием, а также со средним его уровнем, представительство курильщиков практически не менялось, то в рядах наименее образованных респондентов постепенно — с 1994 по 2009 г. — это представительство расширялось.

Анализ различий в курении по образованию, представленный в настоящем параграфе, убеждает в том, что за время, прошедшее с 1994 по 2009 г., все больше женщин в любой образовательной страте приобретали привычку к курению. Эта закономерность с особой отчетливостью проявлялась в слое с самым низким уровнем образования (менее выражено — в средней страте), вследствие чего к концу прошлой декады появились заметные расхождения в приверженности курению между уровнями образовательной структуры, которых не было в середине 1990-х гг. Хотя очень многие мужчины — с разным уровнем образования — курили как в 1990-е гг., так и в 2000-е гг., между образовательными стратами были очень большие различия — респонденты с высшим образованием были склонны к этой привычке в гораздо меньшей степени, чем мужчины с самым низким или средним уровнем образования. Доля курильщиков в верхней и средней стратах фактически не менялась за все время наблюдений, тогда как в нижнем образовательном слое она постепенно росла.

Употребление алкоголя:

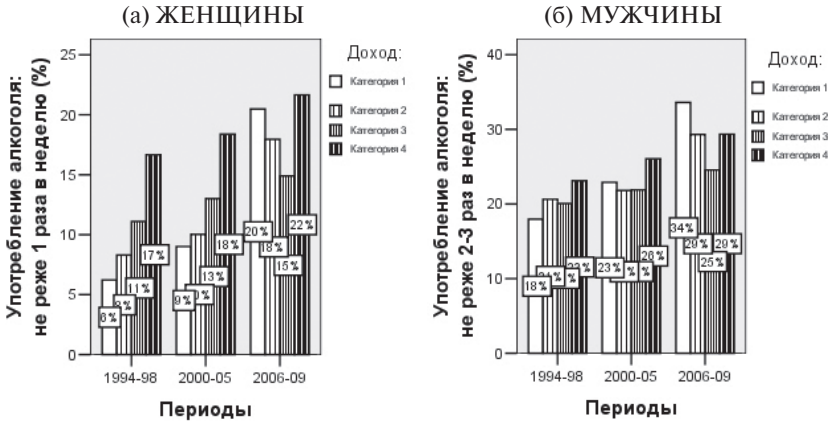
Социальные различия по доходу

Как отмечалось при описании методов исследования, в настоящей работе рассматривается только один из аспектов поведения, относящегося к употреблению алкоголя, — частота этого употребления (не затрагиваются вопросы о количестве и качестве напитков, о времени, месте, людях, с которыми связано это поведение, и т.п.). Напомним, что в нашей работе используются два различных — для женщин и мужчин — частотных показателя приверженности алкоголю. Критериями систематического употребления алкоголя выступали: женщины — «не реже одного раза в неделю», мужчины — «не реже 2–3 раз в неделю».

Представление о приверженности в 1990-е и 2000-е гг. наших соотечественников спиртному, определяемой этими критериями, дает рисунок 13. На этом рисунке для трех периодов постсоветской

истории и каждого из четырех срезов стратификации по доходам представлены доли респондентов, систематически употреблявших алкогольные напитки.

На рис. 13а, который описывает женщин, видно, что в 1994–1998 и 2000–2005 гг. существовал достаточно хорошо выраженных прямой доходный градиент, свидетельствующий о большей склонности к частому употреблению спиртных напитков в верхней страте, чем в нижних слоях. В 2006–2009 гг. картина меняется — нижний и верхний слои отличаются несущественно. Эта картина является следствием быстрого прироста от одного периода к следующему часто пьющих женщин в двух нижних доходных стратах — хотя доля таких женщин увеличивалась и в верхних стратах, темпы здесь были не такими высокими, как на нижних ярусах.



N: 1994–98 = 12667, 2000–05 = 16981, 2006–09 = 9120

N: 1994–98 = 10107, 2000–05 = 12722, 2006–09 = 7678

Рис. 13. Систематическое употребление алкоголя в доходных категориях для 3-х периодов опросов

Характер перемен в потреблении алкоголя у мужчин (см. рисунок 13б) был сходным с тем, что происходило у женщин. В два первые периода наиболее обеспеченные мужчины отличались чуть большей приверженностью спиртным напиткам, чем представители других доходных категорий. К 2006–2009 гг. их догоняют и перегоняют респонденты из

наименее обеспеченной категории и следующей за ней страты. Во всех доходных слоях от одного периода к следующему наблюдался определенный рост представительства респондентов, не реже 2–3 раз в неделю пьющих алкогольные напитки, и особенно быстрым он был у мужчин с низкими доходами.

Для дальнейшего прояснения ситуации обратимся к результатам анализа, представленным в таблице 12. В этой таблице различия в систематическом употреблении алкоголя женщинами и мужчинами из разных доходных слоев охарактеризованы парциальными регрессионными показателями, а также относительными индексами неравенства.

В 1994–1998 гг. среди наименее обеспеченных женщин было заметно меньше участниц опросов, которые, по крайней мере, один раз в неделю пили алкогольные напитки, чем в рядах тех, у кого были самые высокие доходы, как меньше их было и во 2-й и в 3-й доходной категории, хотя и не в такой степени, как в первой (все различия являются статистически значимыми). В следующий период, охватывающий 2000–2005 гг., описанные различия сохранились практически в неизменном виде. Однако к 2006–2009 гг. парциальные коэффициенты, характеризующие две нижние страты, существенно выросли, став ближе к «1», что говорит о сокращении отличий этих страт от наиболее обеспеченных женщин. В особенности это относится к представительницам слоя с самыми низкими доходами (доверительный интервал указывает на отсутствие статистически значимых расхождений). Если при переходе от первого ко второму периоду парциальные коэффициенты для любого слоя менялись очень мало (доверительные интервалы пересекались), то к 2006–2009 гг. они заметно выросли: тенденция к сокращению различий в третий период между 4-й, референтной категорией и 1-й и 2-й категориями проявляется с полной определенностью (доверительные интервалы для парциальных показателей, вычисленные в третий период, не имеют пересечений с соответствующими интервалами как для первого, так и для второго периодов).

Утверждение о сокращении доходных различий в приверженности алкоголю у женщин подкрепляется при анализе относительных индексов неравенства (RII). Эти различия (притом, что к третьему периоду произошло масштабное перераспределение в сторону расширения относительно обеспеченных слоев) были статистически значимыми в любом из трех изучавшихся периодов. В то же время, значение относительного индекса существенно выросло к 2006–2009 гг. — продвижение

к «1» указывает на сокращение различий (о том, что такое сокращение не было случайным, говорит сопоставление соответствующих доверительных интервалов — в третьем периоде этот интервал не имеет общих точек с диапазонами, относящимися к первому и второму периодам).

Парциальные коэффициенты, характеризующие в таблице 12 мужчин, говорят о менее выраженной доходной дифференциации их приверженности алкоголю, чем это было у женщин (все значения ближе к «1»). Тем не менее, в начале 2000-х гг., как и в 1990-е гг., в верхней

Таблица 12

Различия в систематическом употреблении алкоголя по доходу в трех периодах: парциальные регрессионные показатели и относительный индекс неравенства

Показатели	1994–1998		2000–2005		2006–2009	
	Exp(B)	95 % CI	Exp(B)	95 % CI	Exp(B)	95 % CI
ЖЕНЩИНЫ						
Доход:						
Категория 1	**0.33**	**0.28–0.40**	**0.44**	**0.38–0.50**	0.93	0.73–1.18
Категория 2	0.45	0.38–0.55	0.50	0.44–0.56	0.79	0.68–0.92
Категория 3	0.63	0.51–0.76	0.66	0.59–0 75	0.63	0.56–0.72
RII	0.26	0.21–0.33	0.34	0.29–0.41	0.62	0.51–0.76
N	12667		16981		9120	
МУЖЧИНЫ						
Доход:						
Категория 1	**0.73**	**0.62–0.85**	**0.84**	**0.75–0.95**	1.22	0.99–1.50
Категория 2	0.87	0.74–1.02	**0.79**	**0.70–0.89**	1.00	0.86–1.16
Категория 3	0.84	0.70–0.99	0.80	0.71–0.90	0.78	0.70–0.88
RII	**0.70**	**0.59–0.84**	**0.84**	**0.72–0.97**	0.93	0.77–1.13
N	10107		12722		7678	

Logistic Regression, зависимая переменная — Женщины: дихотомический признак, отделяющий респондентов, которые пьют алкогольные напитки не реже 1 раза в неделю (= 1), от тех, кто это делает реже или совсем не пьет (= 0); Мужчины: дихотомический признак, отделяющий респондентов, которые пьют алкогольные напитки не реже 2–3 раз в неделю (= 1), от тех, кто это делает реже или совсем не пьет (= 0). Доход: референтная категория — четвертая, наиболее высокий уровень (контраст — simple). RII — Relative Index of Inequality, относительный индекс неравенства. Полужирный шрифт — статистически значимые различия для каждого из периодов. CI — 95 % доверительные интервалы.

страте систематически пили алкогольные напитки чуть больше респондентов, чем в нижних слоях (расхождения не случайны с точки зрения статистических критериев). Однако к концу прошлого десятилетия эта разница стирается — парциальные показатели для 1-й и 2-й категории становятся статистически не значимыми. Наиболее отчетливо такая тенденция просматривается при сравнении наименее и наиболее обеспеченных респондентов: доверительный интервал для коэффициента 2006–2009 гг. не пересекается с интервалами, которые определяют его в оба предшествующих периода.

Относительные индексы неравенства (RII), описывающие мужскую совокупность в первый, второй и третий периоды, увеличиваются. Если в 1990-е и 2000–2005 гг. в нижнем слое регулярное употребление алкогольных напитков встречалось немногим менее часто, чем в верхнем слое (статистика подтверждает обоснованность этого утверждения), то к концу 2000-х гг. такое различие полностью исчезает (доверительный интервал включает «1»).

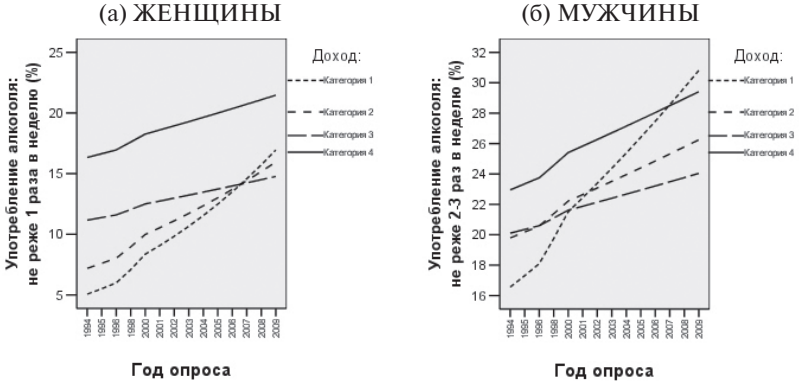
Результаты представленного анализа указывают на то, что в 2000-е гг. приверженность алкоголю у представителей любого социального слоя, выделенного по признаку дохода, не только не уменьшилась, но, напротив, продолжала расти. Такая закономерность отчетливо проявляется даже среди женщин, которые пьют спиртные напитки гораздо реже, чем мужчины. В то же время темпы роста были, похоже, неодинаковыми в различных слоях — с опережением показатель систематического употребления алкоголя увеличивался (как у мужчин, так и женщин) в нижних стратах.

Дополнительная проверка этих результатов проводилась, как и в предшествующих параграфах, с помощью логистических регрессий (зависимые переменные — показатели систематического употребления алкоголя женщинами и мужчинами), описываемых моделью 1 (факторы — доход и время, прошедшее с начала опросной серии — с 1994 г.) и моделью 2 (факторы — доход, время и их интеракция). Регрессионные коэффициенты для этих моделей можно найти в таблице 13 (верхняя половина — женщины, нижняя — мужчины).

На протяжении большей части лет, составляющих период обследований, у женщин, согласно модели 1, проявлялся достаточно отчетливый доходный градиент, свидетельствующий о большей склонности к регулярному потреблению алкогольной продукции в верхней страте, чем на нижних уровнях стратификации по доходам. С течением времени, начиная с 1994 г. и кончая 2009 г., доля респондентов, не реже

раза в неделю пьющих спиртные напитки, неуклонно увеличивалась, причем увеличивалась она как на нижних, средних, так и на верхних ярусах этой стратификации. Статистически значимые интеракции между переменными дохода (категории 1 и 2) и года опроса, зафиксированные 2-й моделью, свидетельствуют об ускоренном расширении этой доли в низко доходных стратах по сравнению с наиболее обеспеченными женщинами.

Эти тенденции (для женщин) иллюстрирует рисунок 14а — показатель систематического употребления алкоголя, представленный на этом рисунке для каждой из доходных категорий и всех волн опросов, рассчитывался по уравнению регрессии, которая в таблице 13 представлена 2-й моделью. На этом рисунке виден как общий тренд — в сторону все большей алкогольной приверженности, объединяющий женщин из нижних и верхних слоев, так и особенности его проявления у тех и других — более высокие темпы приращения зависимой переменной в двух стратах с низкими доходами.



Доли респондентов, систематически употребляющих алкоголь, получены в регрессионных уравнениях, представленных в таблице 13 (модель 2).

Рис. 14. Систематическое употребление алкоголя в доходных категориях: тренды 1994—2009 гг.

Вернемся к таблице 13 — ее нижней части, посвященной мужчинам. Как показывает 1-я модель, в течение анализируемого периода среди мужчин с относительно высоким уровнем доходов можно было

Таблица 13

Различия в систематическом употреблении алкоголя
по доходу и тенденции их изменения

Независимые переменные:	Модель 1			Модель 2		
	Exp (B)	95 % CI	Sig.	Exp (B)	95 % CI	Sig.
ЖЕНЩИНЫ						
Доход:			0.000			0.000
Категория 1	0.439	0.399–0.483		0.273	0.225–0.331	
Категория 2	0.554	0.509–0.604		0.397	0.329–0.479	
Категория 3	0.659	0.608–0.714		0.644	0.533–0.777	
Год опроса	**1.041**	**1.034–1.049**	0.000	1.049	1.042–1.057	0.000
Доход * Год опроса						0.000
Категория 1 * Год опроса				1.069	1.046–1.094	
Категория 2 * Год опроса				1.038	1.018–1.058	
Категория 3 * Год опроса				0.999	0.981–1.017	
Константа	0.102			0.100		
МУЖЧИНЫ						
Доход:			0.000			0.000
Категория 1	0.806	0.743–0.874		0.666	0.567–0.783	
Категория 2	0.853	0.789–0.922		0.829	0.705–0.974	
Категория 3	0.802	0.744–0.864		0.845	0.712–1.002	
Год опроса	**1.027**	**1.021–1.033**	0.000	1.029	1.023–1.036	0.000
Доход * Год опроса						0.000
Категория 1 * Год опроса				1.032	1.013–1.051	
Категория 2 * Год опроса				1.002	0.985–1.019	
Категория 3 * Год опроса				0.993	0.977–1.009	
Константа	0.246			0.246		

Logistic Regression, зависимая переменная — Женщины: дихотомический признак, отделяющий респондентов, которые пьют алкогольные напитки не реже 1 раза в неделю (= 1), от тех, кто это делает реже или совсем не пьет (= 0); Мужчины: дихотомический признак, отделяющий респондентов, которые пьют алкогольные напитки не реже 2–3 раз в неделю (= 1), от тех, кто это делает реже или совсем не пьет (= 0). Доход: референтная группа — четвертая категория (наиболее высокий уровень). Год опроса — число лет, прошедших с 1994 г. (1994 = 0). Sig. — значимость изменения модели при удалении переменных или их интеракции (Likelihood Ratio). N: женщины = 38796, мужчины = 30512. Полужирный шрифт — статистически значимые переменные в модели 1 или их интеракции в модели 2.

чаще обнаружить тех, кто регулярно пил алкогольные напитки, чем среди респондентов из средних или нижних слоев, хотя такие различия были невелики. По мере продвижения от 1990-х гг. к концу периода во всех доходных слоях показатель приверженности спиртному стал выше. В то же время, модель 2 — статистически значимая интеракция дохода (категория 1) на временную переменную — указывает на то, что повышение склонности к алкоголю было особенно заметным в рядах самых малообеспеченных мужчин. Наглядное представление об этой интеракции дает рис. 14б (показатель склонности к алкоголю, представленный на этом рисунке, вычислялся по регрессионному уравнению — модель 2 в табл. 13).

Таким образом, исследование социальных различий в систематическом употреблении алкоголя в 1990-е и 2000-е гг. позволило выявить общие тенденции, говорящие о сходном характере их изменения в мужской и женской совокупностях изучавшегося российского населения. В течение всего периода обследований приверженность алкоголю постепенно увеличивалась, и такая закономерность характеризует перемены, происходившие как на нижних, средних, так и верхних ярусах доходной стратификации. Тем не менее, темпы этих перемен на разных уровнях были различными — расширение доли лиц, регулярно обращающихся к алкоголю, было более отчетливым у людей с низкими доходами, чем у тех, у кого они были относительно высокими.

Употребление алкоголя:

Социальные различия по образованию

С общей картиной употребления алкогольных напитков мужчинами и женщинами с разным уровнем образования в начале–середине 1990-х гг., первой и второй половине прошлой декады можно познакомиться, обратившись к рис. 15.

В женской части населения, представленной на рисунке 15а, в 1994–1998 и 2000–2005 гг. просматривается прямой градиент различий по образованию, хотя они и были очень небольшими — всего несколько процентных пунктов. Склонность к алкоголю была чуть выше у более образованных слоев. Во второй половине прошлого десятилетия ситуация изменяется — среди малообразованных женщин доля пьющих не реже раза в неделю становится даже выше, чем в самой образованной страте. От периода к периоду показатели приверженности алкоголю, характеризующие женщин с любым образовательным уровнем,

постепенно становились все выше и выше. И быстрее всего этот показатель рос у женщин, не получивших даже среднего образования.

Мужчины с разным образованием, согласно рисунку 15б, в 1994–1998 гг. мало различались по своей склонности к алкоголю. В следующий период (2000–2005 гг.) различия были также невелики — чуть большую приверженность проявляли представители наименее образованного слоя, чем слоев со средним или высшим образованием. Этот приоритет они сохранили и в 2006–2009 гг. — среди мужчин, не имеющих аттестата о среднем образовании, можно было еще чаще, чем прежде, найти человека, регулярно употребляющего алкоголь. Переходя от одного временного среза к следующему, нетрудно заметить, что в любой образовательной страте наши показатели обращения к спиртным напиткам становились все выше, и с особой отчетливостью такая тенденция прослеживается применительно к наименее образованным респондентам.

(а) ЖЕНЩИНЫ

N: 1994–98 = 13062, 2000–05 = 17586, 2006–09 = 9701

(б) МУЖЧИНЫ

N: 1994–98 = 10491, 2000–05 = 13250, 2006–09 = 8193

Рис. 15. Систематическое употребление алкоголя в образовательных категориях для 3-х периодов опросов

Следуя логике, которой мы придерживались в предшествующих разделах, на очередном аналитическом за шаге производился расчет парциальных показателей и относительных индексов неравенства, которые дают возможность судить о выраженности различий в система-

тическом потреблении спиртных напитков, обусловленных признаком образования, в каждом из изучавшихся нами трех периодов. Эти показатели приводятся в таблице 14 (верхняя половина — женщины, нижняя — мужчины).

Таблица 14

Различия в систематическом употреблении алкоголя по образованию в трех периодах: парциальные регрессионные показатели и относительный индекс неравенства

Показатели	1994–1998		2000–2005		2006–2009	
	Exp(B)	95 % CI	Exp(B)	95 % CI	Exp(B)	95 % CI
ЖЕНЩИНЫ						
Образование:						
Ниже среднего	**0.64**	**0.53–0.77**	**0.68**	**0.58–0.80**	1.12	0.94–1.34
Среднее	0.74	0.64–0.85	0.74	0.67–0.83	0.70	0.71–0.89
RII	**0.56**	**0.44–0.70**	**0.59**	**0.49–0.70**	0.89	0.72 –1.08
N	13062		17586		9701	
МУЖЧИНЫ						
Образование:						
Ниже среднего	1.01	0.87–1.18	**1.20**	**1.04–1.38**	**1.29**	**1.09–1.52**
Среднее	**1.14**	**1.01–1.30**	1.03	0.93–1.14	1.03	0.91–1.16
RII	1.01	0.84–1.23	**1.22**	**1.03–1.44**	**1.29**	**1.06–1.57**
N	10491		13250		8193	

Logistic Regression, зависимая переменная — Женщины: дихотомический признак, отделяющий респондентов, которые пьют алкогольные напитки не реже 1 раза в неделю (= 1), от тех, кто это делает реже или совсем не пьет (= 0); Мужчины: дихотомический признак, отделяющий респондентов, которые пьют алкогольные напитки не реже 2–3 раз в неделю (= 1), от тех, кто это делает реже или совсем не пьет (= 0). Образование: референтная категория — высшее (контраст — simple). RII — Relative Index of Inequality, относительный индекс неравенства. Полужирный шрифт — статистически значимые различия для каждого из периодов. CI — 95 % доверительные интервалы.

В 1990-е гг. и первой половине прошлой декады парциальные коэффициенты, рассчитанные для женщин, были очень близки — регулярное употребление спиртного (раз в неделю или чаще) было несколько шире распространено в самой образованной страте, чем среди

респондентов с более низкими уровнями образования (статистически обоснованные различия). Во второй половине этой декады отличия между верхним и нижним слоем становятся несущественными. Эти данные говорят об опережающих темпах приращения среди женщин, не имеющих среднего образования, доли респондентов, систематически обращающихся к алкоголю, — по отношению к тому, что происходило среди участниц опросов с дипломами вуза.

Этот вывод подкрепляется результатами сопоставления значений относительного индекса неравенств (RII), характеризующих женскую выборку в трех периодах обследований. Этот показатель, свидетельствуя о существенных (статистически значимых) расхождениях между образовательными слоями в 1994–1998 и 2000–2005 гг. (приверженность спиртному ниже у малообразованных женщин, выше — у высокообразованных), в 2006–2009 гг. указывает на отсутствие различий между ними. Причем такое изменение было не случайным — соответствующие доверительные интервалы между собой не пересекаются.

Как показывают результаты, собранные в таблице 14 для мужчин, различия между образовательными категориями были небольшими. Какой период ни возьми, респонденты со средним образованием были склонны к спиртному примерно в той же мере, как и обладатели вузовских дипломов (единственный статистически значимый коэффициент относится к 1990-м гг., но по величине он, как и коэффициенты для двух последующих периодов, достаточно скромен). Парциальный показатель для наименее образованных мужчин постепенно растет — если в 1994–1998 гг. между ними и верхней стратой различий не было, в последующие годы они появляются (статистически значимые коэффициенты) и делаются все более определенными: приверженность алкоголю в нижнем слое встречается — относительно верхней страты — теперь все чаще. Однако такая тенденция лишь начала намечаться и не подтверждается статистически: доверительные интервалы, характеризующие соответствующие парциальные показатели в первом, втором и третьем периодах, взаимно пересекаются.

Вероятный характер трендов, проступающих при сопоставлении парциальных и интегральных показателей для трех изучавшихся периодов, уточнялся в дальнейшем анализе с помощью уже знакомых нам двух моделей логистической регрессии, в которых учитывались ежегодные изменения в склонности наших сограждан с различным образованием к спиртному. Регрессионные коэффициенты, полученные в модели 1 (независимые переменные — образование и число лет,

Таблица 15

Различия в систематическом употреблении алкоголя
по образованию и тенденции их изменения

Независимые переменные:	Модель 1			Модель 2		
	Exp (B)	95 % CI	Sig.	Exp (B)	95 % CI	Sig.
ЖЕНЩИНЫ						
Образование:			0.000			0.000
Ниже среднего	0.768	0.696–0.846		0.567	0.466–0.689	
Среднее	0.759	0.710–0.812		0.721	0.622–0.836	
Год опроса	**1.068**	**1.061–1.075**	0.000	1.075	1.067–1.083	0.000
Образование * Год опроса						0.001
Ниже среднего * Год опроса				1.040	1.019–1.062	
Среднее * Год опроса				1.006	0.991–1.021	
Константа	0.089			0.086		
МУЖЧИНЫ						
Образование:			0.018			0.052
Ниже среднего	1.136	1.041–1.241		0.989	0.840–1.166	
Среднее	1.057	0.989–1.129		1.131	0.992–1.291	
Год опроса	1.034	**1.028–1.039**	0.000	1.040	1.033–1.046	0.000
Образование * Год опроса						0.001
Ниже среднего * Год опроса				1.020	1.002–1.039	
Среднее * Год опроса				0.992	0.978–1.006	
Константа	0.240			0.231		

Logistic Regression, зависимая переменная — Женщины: дихотомический признак, отделяющий респондентов, которые пьют алкогольные напитки не реже 1 раза в неделю (= 1), от тех, кто это делает реже или совсем не пьет (= 0); Мужчины: дихотомический признак, отделяющий респондентов, которые пьют алкогольные напитки не реже 2–3 раз в неделю (= 1), от тех, кто это делает реже или совсем не пьет (= 0). Образование: референтная категория — высшее. Год опроса — число лет, прошедших с 1994 г. (1994 = 0). Sig. — значимость изменения модели при удалении переменных или их интеракции (Likelihood Ratio). N: женщины = 40365, мужчины = 31931. Полужирный шрифт — статистически значимые переменные в модели 1 или их интеракции в модели 2.

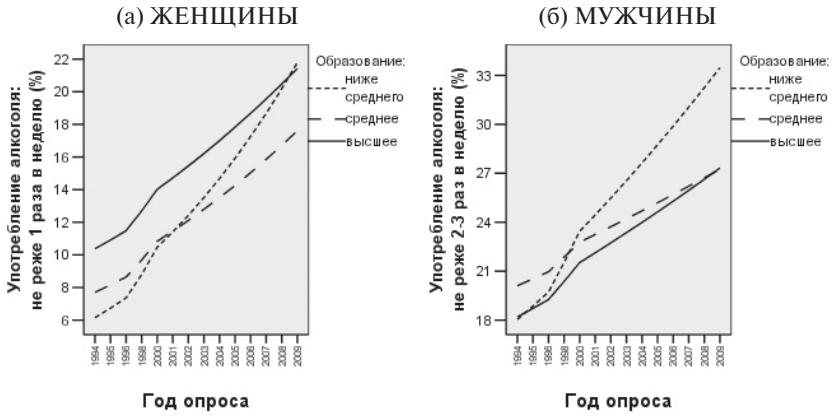
прошедшее с 1994 г.) и модели 2 (те же независимые переменные, что и в первой модели, плюс их интеракция), представлены в таблице 15 (верхняя половина описывает женщин, нижняя — мужчин).

Согласно модели 1, приверженность спиртному у женщин, получивших высшее образование, на протяжении большего числа лет была несколько выше, чем среди менее образованных участниц обследований. С течением времени — с 1994 г. по 2009 г. — в рядах и тех и других все больше становилось респондентов, прибегавших к спиртному раз в неделю или чаще. В наименее образованной страте, как показывает модель 2, такое нарастание происходило заметно быстрее, чем в наиболее образованном слое (об этом говорит статистически значимая интеракция).

С целью наглядного представления этих результатов по регрессионному уравнению, включающему интеракции, вычислялись значения нашего показателя склонности к алкоголю, которые затем отображались на рис. 16а — в зависимости от факторов образования и времени проведения обследования. Как видно на этом рисунке, общая тенденция, относящаяся ко всем женщинам вне зависимости от их уровня образования, — быстрый рост приверженности алкоголю, приведший за время обследований, по крайней мере, к удвоению численности тех, кто регулярно пьет спиртные напитки. Линия роста, характеризующая женщин с самым низким образованием, идет вверх наиболее круто.

Возвращаясь к мужской половине таблицы 15, отметим, что среди респондентов, не получивших даже среднего образования, систематическое употребление алкоголя в течение всех волн опросов было шире распространено, чем в верхней образовательной страте, и что для любой из страт (с низким, средним или высоким образованием) этот показатель неуклонно увеличивался (см. модель 1). Статистически значимая интеракция, сопоставляющая во времени тренды для нижнего и верхнего слоя, свидетельствует об ускоренном вовлечении в алкогольное потребление мужчин без среднего образования (модель 2).

Рис. 16б иллюстрирует описанные тенденции. Показатель алкогольной приверженности на этом рисунке — это предсказанные значения, подсчитанные по регрессионному уравнению 2-й модели для мужчин. Систематическое употребление алкоголя стало к 2009 г. более распространенным явлением, чем было в 1994 г., причем в любой из образовательных категорий. Но самым быстрым этот процесс был в страте, отличающейся низким уровнем образования.



Доли респондентов, систематически употребляющих алкоголь, получены в регрессионных уравнениях, представленных в таблице 15 (модель 2).

Рис. 16. Систематическое употребление алкоголя в образовательных категориях: тренды 1994–2009 гг.

В целом, изложенные в настоящем разделе факты свидетельствуют о том, что регулярное употребление спиртных напитков становится к концу прошлого десятилетия более широко распространенной практикой среди изучавшегося российского населения, чем это было в середине 1990-х гг. Этот вывод относится как к женщинам, так и к мужчинам, хотя первые в течение всего анализируемого периода гораздо реже пили такие напитки, чем вторые. Относится он и к любой из категорий наших сограждан, отличающихся уровнем своего образования. В то же время, ускоренное распространение этой практики было характерно для нижнего слоя стратификации по образованию. У женщин представительницы этого слоя, отличавшиеся в 1990-е гг. меньшей приверженностью алкоголю по сравнению с верхней стратой, к 2009 г. ее догоняют, тогда как в мужской совокупности прежде несущественные различия между слоями становятся отчетливо видными — среди малообразованных респондентов доля тех, кто регулярно пил спиртное, превысила их представительство в наиболее образованной категории.

Тренды социальных различий в курении и употреблении алкоголя: комментарии

Представленные выше исследования склонности российского населения к двум наиболее опасным для здоровья разновидностям поведения — употреблению алкоголя и курению — позволяют говорить о существование на протяжении изучавшегося периода — с 1994 г. по 2009 г. — общей тенденции, указывающей на все большее их распространение в нашем обществе. За эти годы среди как женщин, так и мужчин, к каким бы социальным слоям, выделенным по признакам дохода и образования, они ни принадлежали, наблюдалось расширение круга лиц, систематически употреблявших алкогольные напитки. Все больше женщин в любом из этих слоев проявляли также пристрастие к курению. В годы обследований привычка к курению была очень широко распространена среди мужчин с любым социальным статусом, но особенно — в нижних слоях. Именно в этих слоях доля курящих мужчин продолжала увеличиваться. Чем же была вызвана эта тенденция — продолжающееся распространение (или сохранение на высоком уровне) в разных общественных слоях пристрастия к спиртному и курению?

Согласно одной из трактовок, в последние десятилетия существования советской системы употребление алкоголя и курение прочно закрепились в культуре нашего общества, выступая для многих людей защитными реакциями при столкновении с жизненными трудностями, обусловленными социетальными проблемами — экономической стагнацией и политическим авторитаризмом. Постсоветские преобразования первого десятилетия сопровождались резким падением уровня жизни значительной части российского населения и разрастанием нижних слоев — для многих людей жизнь стала гораздо хуже, чем прежде. В относительно благополучных стратах жизнедеятельность также была сопряжена с высокими рисками и неопределенностью и требовала от человека полной самоотдачи. Все это вызывало резкое нарастание в различных общественных слоях стрессовых нагрузок, приобретавших затяжной характер. Для преодоления психологического дискомфорта все больше наших сограждан обращались к алкоголю и курению — испытанным средствам, помогающим справиться с тяготами жизни. Эта трактовка, в определенной мере, надо полагать, справедливая, если иметь в виду развертывание интересующих нас процессов в первое пореформенное десятилетие, не позволяет, однако, объяснить того, что

происходило в последующий период. С ней плохо согласуется тот факт, что в 2000-е гг. показатели потребления алкоголя и курения не только не стали ниже, но продолжали расти, хотя в эти годы стрессовое давление стало гораздо слабее по сравнению с 1990-ми гг. — вследствие возможностей, открывшихся в условиях быстрого экономического роста (во всех изучавшихся нами стратах субъективное неблагополучие, как отмечалось ранее — см. рис. 8, значительно понизилось).

Наряду с культурной преемственностью и фактором стрессов, порождаемых ухудшением и усложнением жизни после развала советской системы, необходимо, на наш взгляд, учитывать и особенности самих кардинальных преобразований общественного устройства, произведенных в два последних десятилетия, а также изменения в культуре, которых требовали развитие капиталистических отношений и демократизация политической системы.

Важнейшая причина, приведшая в 1990-е и 2000-е гг. к росту потребления алкоголя и табака, — ослабление государственного контроля, регулирующего их производство и потребление. Институционально это нашло проявление в отказе от государственной монополии и развитии высокодоходного бизнеса, успешно лоббирующего собственные интересы в политических структурах и навязывающего обществу свою продукцию посредством рекламы в зависящем от него информационном пространстве. Согласно докладу Общественной Палаты РФ, посвященному проблеме злоупотребления алкоголем и его социальным последствиям (Злоупотребление алкоголем в Российской Федерации... 2009), критическое обострение этой проблемы с 1990-х гг. было обусловлено резким повышением доступности (ценовой, пространственной и суточной) крепких спиртных напитков и пива: алкогольная угроза порождалась индустрией, производящей эти напитки. В докладе, как и в нашем исследовании, отмечается тенденция к росту потребления алкоголя. В изучавшийся нами период происходило следующее. По сравнению с 1992–1994 гг. (резкий рост потребления крепких напитков после отмены государственной монополии и относительного снижения реальной цены на водку; невмешательство государства для смягчения социальных последствий шоковой терапии), в 1995–1998 гг. отмечалось некоторое снижение алкогольного потребления (вследствие усиления контроля со стороны государства — Закон 1995 г. «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта...»), сопровождавшееся, однако, ростом потребления пива (появились крупные частные производители, умеющие

отстаивать свои интересы — так, например, пиво не было признано алкогольным напитком). В 1999–2005 гг. этот рост продолжился (под давлением пивного лобби), и к тому же резко подскочило потребление крепкого алкоголя (снижение стоимости производства спирта после кризиса 1998 г., не сопровождавшееся ростом акцизов на алкоголь, и повышение доходов населения в условиях подъема экономики привели к росту экономической доступности водки; заинтересованность региональных властей, поскольку акцизы в эти годы существенно пополняли местные бюджеты). Затем потребление крепких напитков несколько снизилось (2006–2007 гг., опять же благодаря усилению контроля со стороны государства — внесению ряда поправок в упоминавшийся базовый Федеральный закон 171). В целом же, в течение двух последних десятилетий потребление алкоголя увеличивалось — то быстрее, то медленнее. Рост потребления табачной продукции, зафиксированный в наших исследованиях, также, скорее всего, был в значительной мере связан с расширением предложения со стороны табачных компаний, подкрепляемого агрессивной рекламой (ср. Hinote Cockerham Abbott 2009).

Говоря о влиянии культуры, упоминавшийся выше тезис о культурно укорененных (в советские годы) предпосылках пристрастия к алкоголю и табаку следует дополнить, учитывая процессы культурного изменения. Стрессы 1990-х — не только следствие материальной депривации, возросших профессиональных рисков и нагрузок, но и аномии (в 2000-е гг. влияние этого фактора если и сохранялось, то было менее выраженным — с течением времени происходила адаптация к новым общественным условиям). Кардинальная переделка общественного устройства вызывала у многих и многих наших сограждан отчуждение от внедрявшихся институтов — усвоенные в советскую эпоху ценностно-нормативные системы уже не могли регулировать поведение в обществе, в котором ускоренно внедрялись капиталистические отношения. Следствием аномии и стал подъем потребления алкоголя и табака. Кроме того, осуществлявшийся в советское время социальный контроль (средствами массовой информации, партийными и другими общественными организациями) таких форм девиантного поведения, как пьянство, утрачивал свое значение. В новых общественных условиях предполагалось, что ответственность за то, как складывается у человека жизнь, должна в значительной мере возлагаться на него самого, а не на государство, как это было при советском строе. Это расширяло свободу выбора индивидом своего стиля жизни — давление

социальных норм, регулирующих употребление спиртного и курение, оказывалось менее выраженным, чем в прежнюю эпоху. Отметим также, что неудовлетворенность в советское время многих базисных материальных потребностей и обострение у многочисленных депривированных слоев нужды в 1990-ее гг. способствовали укреплению среди ценностных приоритетов россиян материалистических предпочтений и ориентаций на потребление — культуры консьюмеризма. Возможности расширения предложения со стороны алкогольной и табачной индустрии были в определенной мере связаны с повышенным спросом, поддерживаемым меняющейся культурой — ослаблением социальных норм и распространением потребительских ценностей.

В наших исследованиях была не только выявлена общая тенденция к росту потребления алкоголя и табака, прокомментированная выше, но и установлено, что это потребление существенно отличалось в демографических и социально-структурных срезах российского общества и что тренды его изменения — в рамках общей тенденции — были в этих срезах неодинаковыми.

Пристрастия к спиртному и курению на протяжении всего периода обследований резко отличались в мужской и женской половинах изучавшегося населения. Распространенность этих пристрастий была намного большей среди мужчин, чем женщин, к каким бы социальным стратам они ни принадлежали. Этот факт свидетельствует о сохранении традиционных культурных норм, определяющих гендерные роли в отношении курения и употребления алкоголя. Несмотря на эмансипацию женщин в советскую эпоху, в результате которой они перестали отличаться от мужчин по уровню своего образования и оказались, за редкими исключениями, вовлеченными в общественное производство, эти нормы, даже если стали более мягкими, все же продолжали ограничивать им доступ к алкоголю и табаку.

Социально-структурные различия (по доходам и образованию) в употреблении спиртных напитков и курении, характеризующие мужчин и женщин, имеют характерные особенности.

На протяжении всех лет проведения опросов, но особенно в 1990-е гг., среди наиболее обеспеченных и образованных женщин больше было тех, кто не реже раза в неделю пил алкогольные напитки, чем в нижних стратах. Больше среди женщин с относительно высокими доходами было и курящих (в 1990-е гг. и первой половине прошлой декады). Такие различия с течением времени становились все менее выраженными — доля пристрастившихся к спиртному и курению быстрее всего

прирастала в категории женщин с низкими доходами. Курение самыми быстрыми темпами также распространялось среди наименее образованной страты — к концу 2000-х гг. соответствующий показатель у женщин с низким образованием стал заметно выше, чем в верхнем образовательном слое, хотя в начале изучавшегося периода различий между ними не было. Существовавшие в начале 1990-х гг. различия свидетельствуют о большей мягкости традиционных гендерных норм в верхних стратах социальной структуры, что было обусловлено модернизационной эмансипацией, развертывавшейся еще в советскую эпоху. Ослабление этих норм в постсоветский период, вызванное разложением прежних ценностно-нормативных систем и расширением свободы индивидуального выбора, способствовало вовлечению в потребление спиртного и курение представительниц тех слоев, в которых традиционные регуляторы к концу прежней эпохи все еще были сильны, — бедных и малообразованных женщин. К тому же приоритетное место в культуре этих слоев потребительских ориентаций, обусловленное ограниченностью жизненных смыслов, состоящих по преимуществу в удовлетворении базисных материальных потребностей, делала их более уязвимыми к отмечавшейся ранее экспансии предложения со стороны алкогольной и табачной индустрии.

В мужской совокупности социальная дифференциация пристрастий к спиртному была выражена с меньшей отчетливостью, чем в женской половине населения. Употребление алкоголя занимало важное место в жизненном мире как обеспеченных и высокообразованных мужчин, так и тех, кто им уступал по своему материальному достатку или образованию, — это общая черта мужской культуры. В то же время, на фоне общей тенденции, свидетельствующей о вовлечении все большего числа представителей различных социальных слоев в систематическое (не реже 2–3 раз в неделю) употребление спиртных напитков, этот процесс быстрее всего протекал в нижних стратах — среди самых бедных и наименее образованных мужчин. Эта закономерность связана, по нашему мнению, с особенностями субкультур нижних и верхних слоев, на которые мы указывали выше при обсуждении аналогичных трендов в женской части населения. Ценностные ориентации, составляющие основу культуры нижних слоев, предполагают в первую очередь удовлетворение относительно узкого круга материальных потребностей (тогда как в верхних слоях наряду с этими потребностями большое значение придается личностной самореализации, ценностям культуры и духовного развития, общественным

целям). Расширяющаяся доступность алкоголя, в обеспечении которой был заинтересован бизнес, способствовала вовлечению в его потребление именно тех людей, у которых работа и досуг были инструментально подчинены потребительским смыслам. Сходные тренды характеризуют и динамику социальных различий в курении — если в верхних доходных и образовательных стратах доля курящих мужчин оставалась в 1994–2009 гг. практически неизменной, то в нижних она от года к году увеличивалась. При этом по показателю распространенности курения между верхними и нижними слоями, выделенными как по признаку дохода, так и образования, на протяжении всех этих лет оставался очень большой разрыв. Хотя большинство мужчин курили, среди малообразованных россиян их было намного больше, чем среди представителей наиболее образованного сегмента, как больше их было и в рядах малообеспеченных по сравнению с хорошо обеспеченными мужчинами. Охарактеризованные ранее различия субкультур этих слоев проявлялись здесь с полной определенностью.

Оценивая полученные нами факты с точки зрения опасности для здоровья людей из различных социальных слоев, необходимо учитывать еще одно важное обстоятельство. Большая опасность для представителей нижних ярусов социальной структуры связана не только с тем, что они ускоренно втягивались в систематическое потребление алкоголя и курение. Согласно работам наших предшественников, в нижних слоях чаще употребляют крепкие алкогольные напитки и пьют их большими разовыми дозами, чем в верхних стратах. В курении между ними также есть различия — первые употребляют более крепкие табачные изделия и выкуривают в день больше сигарет, чем вторые.

Таким образом, результаты изучения социальных различий в курении и употреблении алкоголя свидетельствуют о том, что на фоне нарастания в постсоветский период рисков для здоровья всего российского населения наибольшая угроза к настоящему времени нависла над представителями самых бедных и необразованных слоев, в особенности — мужчин.

Заключение

Предпринятое в настоящей работе исследование социальных различий в состоянии здоровья российского населения продемонстрировало, что в постсоветский период — с 1994-го по 2009 г. — самочувствие людей, принадлежащих к нижним слоям доходной и образовательной

стратификации, заметно отличалось в худшую сторону по сравнению с теми, кто принадлежал к достаточно обеспеченным и высоко образованным слоям. И такие различия отчетливо просматриваются как в женской, так и в мужской совокупностях изучавшегося населения.

Несмотря на некоторое улучшение за время обследований состояния здоровья россиян, чуть более заметное у женщин, чем мужчин, ни в одной из социальных страт это улучшение не было столь значительным, чтобы можно было говорить о серьезном изменении к лучшему ее статуса здоровья. Быстрый рост общественного благосостояния в 2000-е гг. и расширение возможностей для поддержания здоровья как низко статусных групп (посредством направленной социальной политики), так групп с высоким социальным положением (вследствие развития частного сектора медицинских и рекреационных услуг) к позитивным переменам, однако, не привели.

Одна из причин этого, как показывает наш анализ, — пристрастие наших соотечественников к алкоголю и курению. В течение всего периода обследований, как в 1990-е гг., так и в 2000-е гг., наблюдалась общая — для мужчин и женщин, любых социальных слоев — тенденция, свидетельствующая о все большем распространении в российском обществе систематического употребления спиртных напитков и курения. Особенно высоки темпы этого распространения были в нижних социальных слоях — среди бедных и плохо образованных людей.

Сопоставление результатов, полученных при анализе состояния здоровья и поведенческих рисков, показывает, что как раз те слои российского общества, у которых было больше всего проблем со здоровьем — малообеспеченные и плохо образованные женщины и мужчины, быстрее других продолжали втягиваться в потребление алкоголя и табака. Поскольку мужчины в России курят и употребляют спиртное гораздо чаще и в больших количествах, чем женщины, наибольшие риски для здоровья существуют как раз для нижних социальных слоев мужского населения.

Завершая обсуждение полученных в нашем исследовании результатов, отметим, что решение проблемы плохого состояния здоровья российского населения едва ли осуществимо без проведения государством политики, направленной на ограничение потребления в стране алкогольной и табачной продукции.

ВЛИЯНИЕ УРБАНИЗАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

О.Б. Божков, С.Н. Игнатова

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ТИПОЛОГИИ СЕЛЬСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

Статья посвящена поиску подходов к развитию «теории практик» и ее применению для социологического анализа. В частности, рассмотрена структура феномена «практика», а также понятие «социальная ситуация». В качестве предметного поля анализируются образовательные практики представителей сельской элиты по отношению к детям. Предложена типология образовательных практик в семьях сельских муниципальных руководителей и руководителей сельскохозяйственных предприятий. Апробация типологии реализуется на массиве глубинных интервью, полученных в социологических экспедициях 2005–2008 гг. в рамках проектов «Сельские руководители среднего и низшего звена управления в условиях кардинальных социально-экономических и политических трансформаций» (грант РГНФ № 04-03-00367а) и «Социально-культурные факторы процесса трансформации современной российской деревни (на материалах Северо-Западного региона РФ) (грант РГНФ № 07-03-00571-а).

Ключевые слова: практика, жизненная/социальная ситуация, макроповедение, глубинное интервью, образовательные стратегии, сельские руководители.

В настоящей статье авторы продолжают поиск подходов к развитию «теории практик» и ее применению для социологического анализа[1],

[1] См. *Божков О.Б.* Возможности социальных изменений: о применении «теории практик» // Петербургская социология сегодня : Сб. науч. тр. Социологического ин-та РАН. СПб. : Нестор-История, 2010. С. 199–219.

сосредоточившись на образовательных практиках представителей сельской элиты по отношению к своим детям. Фрагментарные исследования образовательных стратегий семей все чаще появляются в социологической литературе[2]. Однако, как правило, объектом исследования в них выступают жители столичных или провинциальных городов. Поскольку уже много лет наша исследовательская группа изучает современную российскую деревню, социо-культурные и экономические процессы, происходящие в ней[3], мы решили, исходя из материала, собранного в ходе социологических экспедиций 2005–2008 гг. на Северо-Западе РФ, рассмотреть какие образовательные практики выстраиваются на селе.

Объектом исследования выступили главы сельских и районных администраций и руководители сельскохозяйственных предприятий, как представители среднего и низшего уровней государственного и экономического управления на селе. Они являются носителями целого комплекса разнонаправленных ценностей. Это люди, погруженные в проблемы современного села, имеющие относительно высокий уровень принятия решений и ответственности. И с этой точки зрения они могут выступать как эксперты по вопросам развития села, оценить его прошлое и будущее. Обращение к их профессиональному опыту может прояснить, какие коллизии происходят на селе, что мешает его трансформации в направлении развития. В то же время они являются рядовыми участниками процессов, происходящих на селе уже многие десятилетия. Траектория их жизни является самостоятельным исследовательским паттерном[4].

---

[2] *Авраамова Е.М.* Поступление в вуз как начало формирования индивидуальных социальных практик // Вестник общественного мнения. 2004. №2. С. 54–60; *Авраамова Е.М., Шабунова А.А., Логинов Д.М.* Студенты столицы и провинции социальные ресурсы и ожидания // Социологические исследования. 2005, №9. С. 98–103; *Петренко Е., Галицкая Е.* У кого сегодня синица в руках, или Попытка типологизации российских семей // Социальная реальность. 2007. №6. С. 82–97; Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы / Д.Л. Константиновский [и др.]. М. : Институт социологии РАН, 2011. 277 с (или С. 277?) и др.

[3] Работа выполнялась при поддержке РГНФ: грант № 04-03-00367а «Сельские руководители среднего и низшего звена управления в условиях кардинальных социально-экономических и политических трансформаций», грант № 07-03-00571-а «Социально-культурные факторы процесса трансформации современной российской деревни (на материалах Северо-Западного региона РФ), а также грантов по проведению и организации экспедиций в 2005-2008 гг. Научный руководитель проектов — О.Б. Божков.

[4] См. например *Божков О.Б., Игнатова С.Н.* Административный ресурс на селе: социологический анализ // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы. 2007. №1 (31). С. 75–83.

Одна из задач нашего многолетнего проекта состояла в изучении механизмов адаптации повседневной жизнедеятельности к резко изменяющимся социально-экономическим и социально-политическим условиям и изменений менталитета и ценностных ориентаций сельских жителей. Для сбора информации использовался метод глубинного полуструктурированного интервью, которое включало две части: биографическую и специальную (экспертную). Первая часть обеспечивала установление контакта с информантом и была призвана получить общее представление о его жизненном пути, о траектории, приведшей к нынешнему социальному статусу, и о мотивах деятельности в этом статусе. Во второй части информанты действительно выступали в качестве экспертов, глубоко погруженных в конкретную социальную ситуацию.

Обширный биографический материал позволил выделить образовательные стратегии семей как самостоятельный предмет исследования в рамках анализа эмпирических данных. Остановимся чуть подробнее на взаимоотношении понятий «образовательные стратегии» и «образовательные практики». Под образовательными стратегиями мы, вслед за А.В. Очкиной[5], понимаем совокупность относительно устойчивых ценностных и поведенческих установок в семье по поводу приобретения того или иного образовательного статуса. При этом образовательные практики — это набор конкретных шагов, действий, которые предпринимаются индивидом или его семьей в целом для реализации выбранной ими стратегии с целью получения того или иного вида образования с учетом наличествующих в семье социокультурных и экономических ресурсов.

Первоначально опыт обращения к материалу биографической части интервью вызвал острое разочарование: практики почти не «прочитывались». Информанты очень скупо описывали интересующие нас ситуации и свои действия. Первым вариантом объяснения такой неудачи была констатация ошибки при инструктаже интервьюеров, когда в качестве основной задачи биографической части интервью было декларировано установление контакта с информантом. Однако гайд этой части интервью был разработан достаточно подробно для того, чтобы можно было описать не только основные профессиональные (служебные) мотивы деятельности, но и жизненную позицию наших информантов.

[5] *Очкина А.В.* Культурный капитал семьи как фактор социального поведения и социальной мобильности. На материалах исследования в провинциальном российском городе // Мир России. 2010. №1. С. 67–88.

К тому же информанты довольно искренне рассказывали о своих детях. И вместе с тем информация этого блока вопросов, на первый взгляд, показалась весьма скудной. Таким образом, при первых прочтениях текстов интервью под интересующим нас углом зрения они (тексты) не дали возможности разглядеть какие-либо практики. И мы обратились к теории, в первую очередь — к понятиям теории практики.

Немного теории

Итак, практика — способ освоения (приспособления, адаптации к...) актуальных условий жизни, или же способ «обхода» (уклонения от них), или же — изменения этих условий. Очевидно, что понятие «практика» тесно связано с понятием «социальной ситуации», а точнее — с изменением социальной ситуации, требующим изменения поведения. Кроме этого, практики вариативны в отношении конкретных социальных ситуаций в том смысле, что в рамках одной и той же типовой ситуации разные индивиды используют разные практики.

Стоит также напомнить существенные, с нашей точки зрения, характеристики практик. А именно — их непременную осмысленность и воспроизводимость, повторяемость. В отличие от рутины, обыденщины практика, по крайней мере первоначально, есть реакция на нестандартную социальную ситуацию.

В абстрактных и конкретных примерах практик, которые мы рассматривали в предыдущих статьях[6], имплицитно вводилось описание их структурных элементов. Во-первых, мы описывали цепочки действий, составлявших разные практики. Одни цепочки были короткими, другие — достаточно длинными. Во-вторых, в некоторых практиках непременно фигурировали другие персонажи (друзья, родители и т. п.), а в некоторых случаях — и определенные социальные институты (брачное агентство, клуб знакомств, интернет-магазин и т. д.). В-третьих, в описание вводились ресурсы, ибо некоторые практики невозможно реализовать, не обладая определенными (и разными) ресурсами. На схеме 1 представлены структурные элементы практик, соподчиненность которых поможет осмыслить и структурировать эмпирический материал.

[6] Например, *Божков О.Б.* Возможности социальных изменений: о применении «теории практик» // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб. : Нестор-История, 2010. С. 199–219.

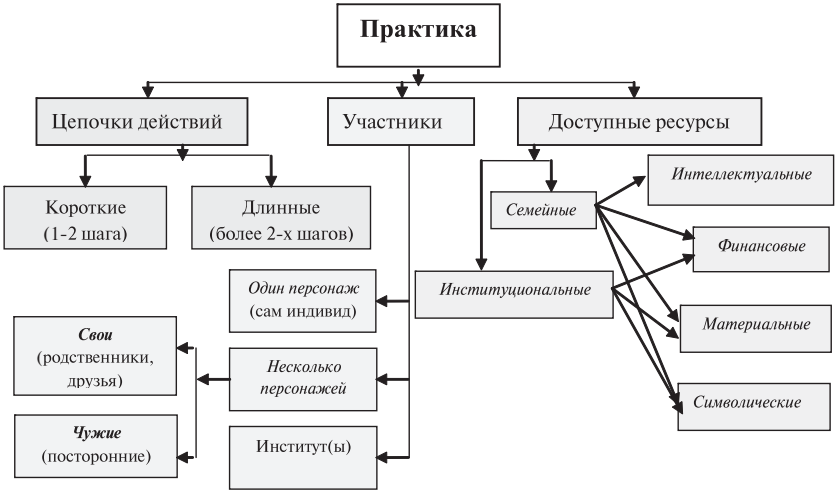


Схема 1. Структурные элементы практик

В результате анализа данных в ходе исследования различных семейных практик было выявлено, что практика, приобретающая массовый, регулярный характер, становится уже неким иным явлением, которому В.Б. Голофаст дал название «макроповедение» и ввел в научный оборот. Он писал: «Жизненные истории обычных людей заполнены описанием таких событий, которые для каждого из них индивидуально кажутся уникальными, неповторимыми, однократными, словом — личными; их восприятие, переживание и описание несут в себе следы такой личной событийности. Но в другой перспективе многие из таких событий оказываются *рядовыми, массовыми, почти лишенными ореола случайности и редкости* — они, напротив, выступают примерами реализации массового потока, серии, осуществление которых подчинено очень простым социальным, структурным закономерностям» [7] (курсив наш. — *О. Б.* и *С. И.*). И далее: «Понятие “макроповедения” выводит события индивидуальной жизни из рамок индивидуально-семейного, группового обихода подчас совсем в неожиданные уровни... <...> Смысл понятия макроповедения наполняется собственным

[7] *Голофаст В.Б.* Многообразие биографических повествований //На перепутьях истории и культуры. Труды С.-Петерб. филиала Института социологии РАН: Сер. 3 : Материалы текущих исследований. № 2. СПб., 1995. С. 107.

содержанием особенно, когда рассматриваешь генеалогические схемы, на которых изображена жизнь и взаимосвязи многих поколений, состав и характеристики нескольких, иногда более трех десятков семей или групп кровных родственников и свойственников»[8].

И еще одна цитата, прямо относящаяся к нашей теме: «На всякой генеалогической схеме[9] можно выделить зоны городского и сельского населения, а также проследить процесс мощного движения или преобразования сельских жителей в горожан. Каковы бы ни были мотивы и конкретные индивидуальные причины движения, легко выделяются два основных фактора закрепления в городах: военная служба или работа на оборонных предприятиях (дававшая преимущества в прописке в общежитии, жилье, статусе) и *образовательные миграции*»[10] (курсив наш. — *О. Б.* и *С. Н.*).

Иными словами, макроповедение — это поведение, обусловленное непреодолимыми обстоятельствами определенных социальных ситуаций, характерное для больших социальных групп. Например, жизнь семьи военнослужащего зависит от того, куда направляют офицера. Отсюда значительное число офицерских семей часто меняют место жительства, жены офицеров чаще, чем жены штатских людей, вынуждены «отказываться» от занятий, соответствующих их образованию, и т. д. и т. п. Таких примеров можно привести немало: массовый феномен «челноков» в 1990-е гг.[11]; бомжи; люди, отбывшие тюремное заключение; беженцы и многие-многие другие. В определенном смысле таким «непреодолимым обстоятельством» оказывается и жизнь на селе, особенно в Нечерноземной зоне и в зонах рискованного земледелия, где низкий уровень развития сельского хозяйства и неудовлетворительное состояние социально-бытовой инфраструктуры вымывает население из сельской местности, заставляя его мигрировать в иные типы населенных пунктов. Миграция сельского населения является типичным примером макроповедения большой группы людей.

---

[8] Там же. С. 108–111.

[9] Генеалогические схемы здесь упоминаются не случайно. В то время, когда писался цитируемый текст, один из авторов настоящей статьи активно занимался социологическим анализом генеалогических деревьев, которые охватывают длинные периоды семейных историй.

[10] *Голофаст В.Б.* Многообразие биографических повествований. С. 113–114.

[11] Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / под общ. ред. В.А. Ядова, Е.Н. Даниловой, К. Клеман. М. : Логос, 2010.

Сходные условия порождают сходные модели поведения (в том числе практики). Анализируя подходы П. Бурдье, В.А. Ядов пишет: «Схожие условия жизни некоторой социальной общности (у Бурдье — класса) приводит к формированию схожих представлений о значимых для входящих в общность социальных фактах и одновременно — к производству схожих практик»[12]. Именно поэтому, думается, эмпирический материал, взятый для анализа в данной статье, и показался на первый взгляд, как мы уже отмечали, довольно скромным: это просто подтверждение существования макроповедения. Респонденты говорят об этом как о некоей банальности, понятной каждому[13]. Тем не менее, при внимательном анализе с помощью описанной выше схемы удается обнаружить некоторую вариативность семейных практик, связанных с образованием детей.

Понятие «социальная ситуация» также требует более детального рассмотрения и уточнения. Говоря о жизненной и социальной ситуациях, определим их как «целостный комплекс рутинных социальных взаимодействий в конкретных условиях повседневной реальности. <...> Существенно и то, что сами по себе жизненные ситуации надындивидуальны и образуют как бы общую рамку (фрейм), в которой осуществляются поведенческие акты или практики. Подавляющее большинство метаконтекстуальных ситуаций так или иначе «прописаны», артикулированы в культуре и культурно маркированы и описывают наличные (реально существующие) и заданные обществом конкретные условия жизни»[14].

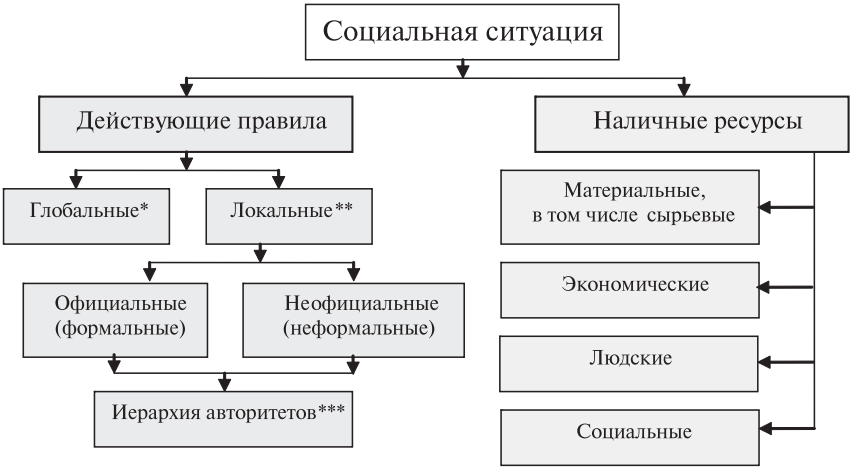
Однако социальная ситуация — это не просто «комплекс взаимодействий», но прежде всего комплекс правил, регламентирующих поведение людей. Эти правила определяются на разных уровнях и имеют разные источники: законодательство (законы и подзаконные акты), решения различных органов управления (как государственных, так и общественных), корпоративная этика, нормы, местные обычаи

---

[12] *Ядов В.А.* Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. №2 (55). С. 92–93.

[13] При чтении прямой речи респондентов (цитат из интервью) стоит обратить внимание на отрывочность, «разорванность» повествования, на некоторую «невнятность» речи, на «фигуры умолчания». Многие цитаты — это не повествование даже, а так... намеки (ведь и так все ясно всем).

[14] *Божков О.Б.* Возможности социальных изменений... С. 204–205. В данном контексте понятия жизненная ситуация и социальная ситуация можно воспринимать как синонимы.



* Под глобальными правилами здесь понимаются: международное право, государственные законы, постановления правительства и т. п.
** К локальным относится в первую очередь «законотворческая продукция» субъектов федерации и их административных единиц, но также и местные обычаи, традиции, нормы.
*** Полагаем, что «иерархия авторитетов» является одним из существенных элементов социальной ситуации, ибо это один из каналов преодоления наличных обстоятельств.

Схема 2. Элементы социальной ситуации

и традиции и т. п.[15] Существенным элементом социальной ситуации оказываются также разнообразные ресурсы: материальные (в том числе сырьевые); экономические, людские и социальные.

Анализируемые понятия взаимосвязаны и весьма существенны для осмысления практик. Можно сказать, что макроповедение — это своеобразный результат влияния определенного комплекса социальных условий (социальных ситуаций), обладающего мощным воздействием на людей и порождающего чувство сопричастности и самоидентификации. Социальная ситуация сама по себе может быть как благоприятной (дружественной), так и неблагоприятной для человека.

[15] Особое внимание стоит уделить ситуациям аномии, когда разлаживается система регламентации, когда одни нормы и правила уже осознаны людьми как негодные, а другие нормы еще не сложились. Кстати, для современного этапа нашей истории характерна известная аномичность. Это особенно отчетливо проявляется в наших интервью, когда информанты говорят о несовершенстве законодательства или просто об отсутствии законодательной базы для решения тех или иных хозяйственных и социальных вопросов.

Эмпирические данные и их обсуждение

Общая картина и немного статистики

Уточним социальную ситуацию, в рамках которой живут и действуют наши информанты. В качестве поля исследования была выбрана типичная российская глубинка — семь районов в четырех областях Нечерноземной полосы России,— районы, в которых доля сельского населения достаточно высока, максимально удаленные от областных центов.

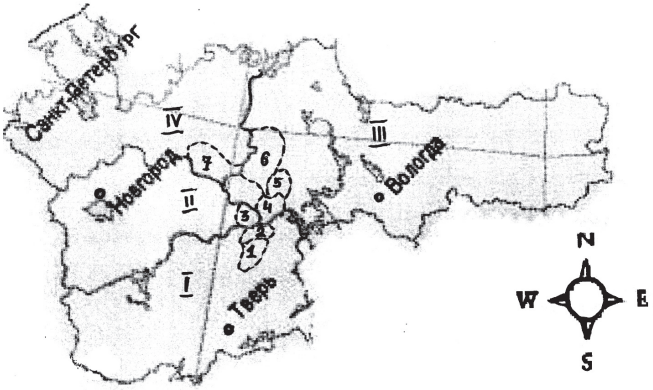


Рис. 1. Зона обследования по проектам 2004–2009 гг.[16]

На рис. 1 видно, что все обследованные районы находятся на значительном удалении от областных центров. Так, от **Вологды** до пос. Кадуй — 178 км, до г. Устюжна — 234 км, до г. Бабаево — 292 км; от **Твери** до пос. Максатиха 120 км, до села Лесное — 200 км; от **Новгорода** до г. Пестово 294 км и от **Санкт-Петебурга** до г. Бокситогорска — 245 км.

Среди обследованных районов два можно назвать скорее промышленными, нежели сельскохозяйственными: это Кадуйский район Вологодской области и Бокситогорский район Ленинградской области. В первом из них всего пять сельскохозяйственных предприятий,

[16] На схеме римскими цифрами обозначены субъекты РФ: I — Тверская, II — Новгородская, III — Вологодская и IV — Ленинградская области; арабскими цифрами обозначены обследованные районы: 1 — Максатихинский, 2 — Лесной, 3 — Пестовский, 4 — Устюженский, 5 — Кадуйский, 6 — Бабаевский, 7 — Бокситогорский. Эти районы входят в зону бассейна реки Молога. В зону обследования не вошел Чагодощенский район Вологодской области, экономика которого по преимуществу ориентирована на промышленное производство.

а во втором — четыре. Хотя, как отмечают наши респонденты, еще недавно сельское хозяйство было одной из ведущих отраслей экономики этих районов. Доминанты Пестовского района Новгородской области — совместное российско-финское деревообрабатывающее предприятие «Пестово-Ново» и крупный железнодорожный узел. Глава района, выпускник Ленинградской лесотехнической академии, к сельскому хозяйству относится довольно равнодушно, хотя поддерживает пару-тройку показательных хозяйств. Бабаевский район Вологодской области — также железнодорожный узел, однако район в целом располагает несколькими довольно крепкими сельхозпредприятиями. Рабочий поселок Максатиха — это, во-первых, крупный транспортный узел, во-вторых, здесь расположен большой деревообрабатывающий комбинат (ДОК). В то же время Максатихинский район в целом сельскохозяйственной ориентации, в основном занимается производством молока. Преимущественно сельскохозяйственными, пожалуй, можно назвать Лесной район Тверской области и Устюженский район Вологодской. Кстати, эти районы — соседи, и некоторые устюженские фермеры наладили хорошие взаимосвязи с Лесным и Сонковским районами Тверской области.

Деревни и села в обследованных нами районах определенно находятся в неблагоприятной социальной ситуации. Об этом свидетельствуют социально-экономические показатели (данные районных статуправлений и архивов)[17], а также оценки информантов. Какой из наличных ресурсов села ни возьми, почти все они в исследованных районах оказываются в большом дефиците.

Материальные ресурсы — ощущается острая нехватка кормов, топлива, техники, а та, что имеется — морально и физически устарела и т. д.

Экономические ресурсы — финансирование села крайне скудное, собственный бюджет сельских поселений почти исключительно дефицитный. Практически во всех обследованных районах доля расходов на сельское хозяйство в бюджете смехотворно мала: даже затраты на содержание управленческого аппарата муниципальных образований превышают их в несколько раз. Сельскохозяйственное производство хоть и наращивается, но очень медленно, и достижение даже уровня конца 1980-х гг. представляется маловероятным.

[17] В ходе реализации исследовательских проектов для сбора информации мы использовали не только метод полуструктурированного интервью — немаловажная роль отводилась также анализу документов. В частности, на материалах районных архивов и статуправлений анализировалось социально-экономическое положение этих районов за период с 1958 г., когда начинались хрущевские экономические реформы, по настоящее время.

Людские ресурсы — демографические характеристики говорят о надвигающейся депопуляции: смертность заметно превышает рождаемость; доля трудоспособного населения резко сокращается. По свидетельству наших информантов работать в сельском хозяйстве некому.

Социальные ресурсы (это, прежде всего, социальные связи и статусы) также весьма и весьма ограничены. В лучшем случае это «покровительство» со стороны губернатора или «добрые отношения» с главой администрации района. «Рабочие контакты» глав поселений с руководителями местных сельхозпредприятий — это тоже ресурс, но вес его в силу экономической слабости сельхозпредприятий очень мал.

Такая вот социальная ситуация — повторим — характерна практически для всех обследованных районов[18]. Конечно, между конкретными районами есть некоторые различия, которые объясняются скорее их экономико-географическим положением, нежели принципиальными социально-экономическими характеристиками.

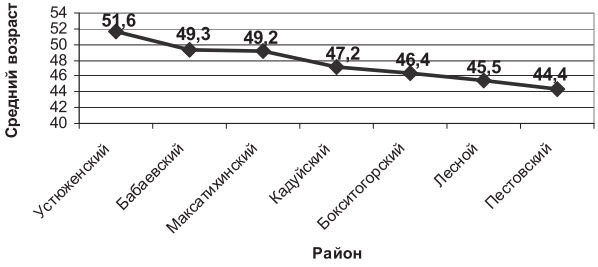
Как специфику наших информантов можно отметить следующие характеристики: это представители сельской элиты, единственные представители власти на селе; их отличает высокий образовательный уровень: выше, чем в среднем среди жителей села. С точки зрения трудовой активности они имеют постоянную и престижную работу (особенно в сравнении с высоким уровнем скрытой безработицы в сельской местности) и постоянный заработок, достаточно высокий по меркам села. Бóльшая часть респондентов активно ведет личное подсобное хозяйство и в значительной мере обеспечивает себя и своих детей продуктами питания. Наши респонденты в отличие от существенной части сельских жителей не испытывают проблем с алкоголизмом, то есть более стабильны с точки зрения жизненных планов и возможностей их реализации. Их жизненную ситуацию в целом можно рассматривать как пример успешной карьеры и формирования жизненной стратегии на селе, они образуют высокостатусную группу сельских жителей. Эти общие сведения нам очень пригодятся при интерпретации эмпирических данных.

---

[18] См. *Корнев Н. Р.* Проблемы качества жизни в сельской местности центра России (опыт взгляда через Интернет) // Настоящий сборник трудов СИ РАН. Занимаясь совсем другой проблемой, автор этой статьи удивительным образом подтвердил наш вывод о катастрофическом положении нечерноземных сел и деревень, а также и тезис о макроповедении, затрагивающем большие массы людей вне зависимости от их желаний и установок.

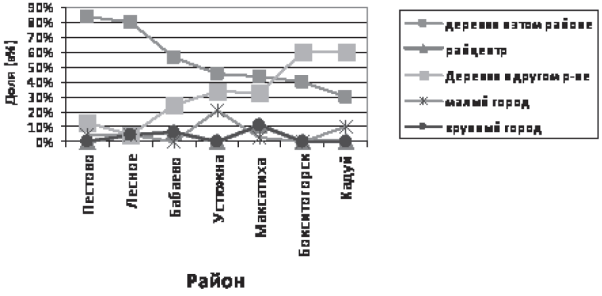
Приведем основные количественные характеристики обследованной совокупности информантов. 58 % опрошенных являются главами МО и 42 % — руководители сельскохозяйственных предприятий. Как правило, это люди активных трудоспособных возрастов (см. диаграмму 1). Как видим, диапазон средних значений возраста не очень велик. И действительно, подавляющее большинство информантов (от 56 до 71 % в разных районах) принадлежит возрастной группе 41–55 лет.

Диаграмма 1
Средний возраст информантов



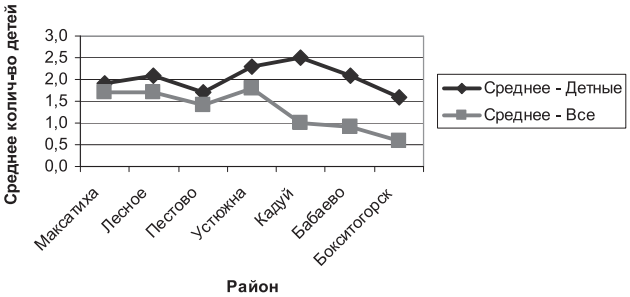
В основном это коренные сельские жители, уроженцы малых или крупных городов в каждом из обследованных районов не превышают 20 % (см. диаграмму 2). Причем, в трех районах из семи (Пестовском, Лесном и Бабаевском) доля уроженцев этих районов существенно выше 50 %.

Диаграмма 2
Место рождения информантов



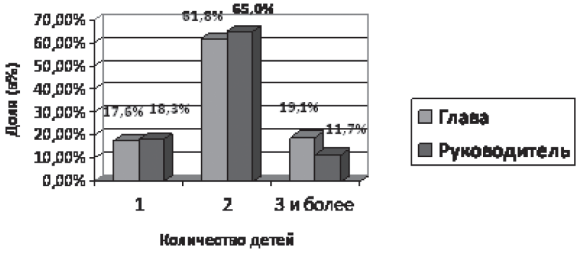
У 157 из 175 информантов есть дети. Всего в массиве интервью упоминается 308 «детей». Если за «базу» взять всех информантов, то в среднем на каждого из них приходится 1,58 ребенка, а если только тех, кто реально имеет детей, то этот показатель окажется существенно выше — 1,97. Естественно, от района к району показатель варьируется (см. диаграмму 3).

Диаграмма 3
Количество детей на одного информанта



Причем по два ребенка у 62 % глав поселений и у 65 % руководителей хозяйств (см. диаграмму 4). У 15 % опрошенных — трое и более детей. Значительная часть — это взрослые дети, ведущие собственное домохозяйство. Кроме того, существенную долю среди детей составляют студенты, учащиеся и школьники старших классов. В силу возрастного сдвига наших респондентов в сторону средней и старшей возрастной группы детей-дошкольников относительно мало.

Диаграмма 4
Дети информантов



Из анализа мы исключили дошкольников и школьников младших классов, так как предположения информантов относительно образования своих детей преимущественно свидетельствуют об их ориентациях, но не о фактически применяемых образовательных стратегиях. Таким образом, в базе данных у нас осталась информация о 261 ребенке информантов. Их возрастные характеристики распределились следующим образом: старшие школьники до 18 лет — 34 человека; возрастная группа от 18 до 23 лет (период активного обучения в высшем, средне-специальном или профессиональном учебном заведении) — 91 человек; от 24 до 30 лет — 104 человека; старше 30 лет — 32 человека (из них старше 35 лет — 5 человек). Полученные данные позволяют говорить о том, что образовательные стратегии по отношению к своим детям в семьях информантов формировались в постсоветский период времени (преимущественно после 1990-го г.). Этот период характеризуется несколькими устойчивыми тенденциями в области развития образования: повышением спроса на высшее образование, ростом числа высших учебных заведений и численности обучающихся; снижением популярности профессионального образования[19].

Еще немного «статистики», прежде чем перейти к качественному анализу эмпирических данных и собственно к образовательным стратегиям и практикам. Данные для диаграммы 6 мы упорядочили по мере убывания доли детей, имеющих высшее или незаконченное высшее образование, а диаграмму 5 для удобства сравнения выстроили в таком же порядке, в каком выстроилась диаграмма 6, то есть по районам. В двух районах (Кадуйском и Бокситогорском), преимущественно промышленной, а не сельскохозяйственной ориентации, самая высокая доля информантов с высшим и незаконченным высшим образованием (диаграмма 5). И их дети по преимуществу имеют такое же образование (диаграмма 6).

Более 50 % детей информантов из Устюженского района имеют высшее или незаконченное высшее образование и лишь менее 10 % получили среднее специальное образование (диаграмма 6). Таким образом, в своем образовательном статусе они (дети) заметно опередили своих родителей, у которых иное соотношение в уровне образования — 60 % имеют среднее специальное и лишь у 40 % — высшее или

[19] См. *Клячко Т.Л., Мау В.А.* Тенденции развития высшего профессионального образования в Российской Федерации// Вопросы образования. 2007. №3. С. 46–64; Образование и жизненные траектории молодежи: 1998– 2008 годы / Константиновский Д.Л. [и др.]. М.: Институт социологии РАН, 2011.

Диаграмма 5
Образование информантов

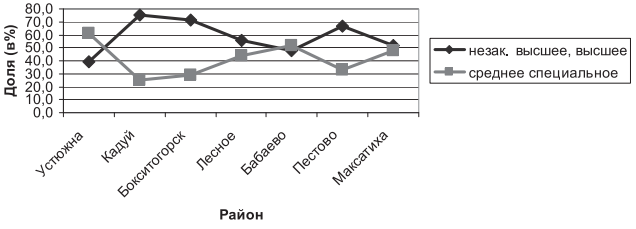
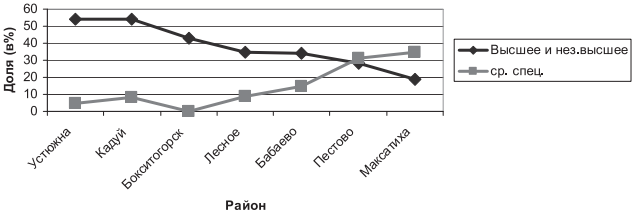
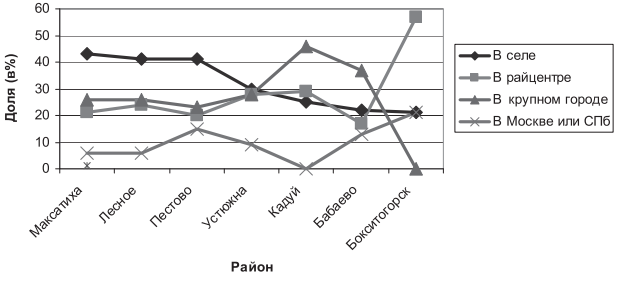


Диаграмма 6
Образование детей информантов



незаконченное высшее (диаграмма 5). Устюженский район Вологодской области — «крепкий» сельскохозяйственный район. Достаточно отметить, что это единственный район из обследованных нами, где успешно занимаются картофелеводством около 60 фермерских хозяйств. Многие фермеры этого района прошли стажировку в Германии и освоили современные европейские технологии и зарубежную технику.

Диаграмма 7
Место жительства детей информантов



Дети наших информантов из преимущественно сельских районов в основном живут в сельской местности. Тогда как дети руководителей из «промышленных» районов (Кадуй и Бокситогорск) предпочитают жить либо в районных центрах, либо в крупных городах (диаграмма 7)[20].

Диаграмма 8
Тенденции миграции детей из села

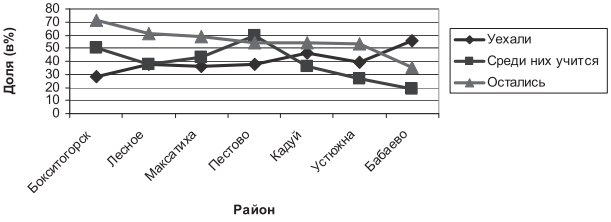


Диаграмма 8 вселяет некоторый оптимизм: от 70 до 35 % детей наших информантов (в зависимости от района проживания) остались на селе[21]. Это не означает, что они живут вместе с родителями, большая часть из них имеет собственное жилье. Мигрировали в другие места, преимущественно в города, от 30 до почти 60 % детей. Однако этот оптимизм рассеивают сами информанты, которые не уверены в том, что дети, уехавшие учиться, вернутся в село. Более того, многие информанты и сами не желают их возвращения, называя в качестве причин выбора подобной семейной стратегии бытовую неустроенность села, отсутствие интересной и хорошо оплачиваемой работы, перспектив роста и т. д.

[20] * Высокая доля «детей», живущих на селе, формируется за счет школьников, учащихся районных учебных заведений, живущих дома, и взрослых жителей села, работающих как в районном центре, так и в сельской местности.

[21] В результате детального анализа высказываний респондентов исследователями были сконструированы две категории «уехавшие» и «оставшиеся». Под понятием «уехавшие» мы подразумеваем мигрировавших в города и другие места страны (в т.ч. за границу); а «оставшиеся» — тех, кто проживает в районном центре и на селе. Объединение «детей», проживающих в разных типах поселений (малый город, поселок, село, деревня), в категорию «оставшиеся» определяется в первую очередь тем фактом, что все они ведут по преимуществу сельский образ жизни независимо от места проживания, так как социально-бытовые и экономические условия жизни в этих поселениях ближе к тем, что характерны для сельской местности, нежели для города.

Описание типологии практик

Многократное прочтение интервью с использованием метода категоризации позволило выделить структурные элементы различных образовательных практик в семьях наших респондентов по отношению к своим детям. Рассмотрим эти элементы более подробно. Чаще всего как участники таких практик отмечаются сами дети, чуть реже родители, что говорит о преимущественно коллегиальном принятии решения о реализации той или иной образовательной стратегии. И лишь в нескольких интервью упоминалась роль того или иного института в принятии решений об образовании ребенка[22].

Более полно в материалах интервью представлены доступные информантам ресурсы реализации тех или иных образовательных стратегий и практик.

— **личностные** ресурсы: среди них в первую очередь *личные способности* (ребенка) — их может быть достаточно или недостаточно для получения той или иной профессии, образования:

Р: Нет, ну как-то... У них была цель поставлена. У меня старшая дочка кончила с серебряной медалью. Она как бы умница, умничать любила, она выбрала экономический институт.

(Инт. №7-03[23], ж., 56 л., глава администрации, Устюженский р-н Вологодской обл.)

— **финансовые** ресурсы семьи: достаточно или недостаточно их для образования детей, включая оплату самого образования, проживания детей в месте обучения и т.п.:

Р.: А теперь, как говорится, не только желания, что многие вузы и платно, взнос нужно платить что-то <...> Теперь я вот и говорю, не только желания, но и финансовая сторона...

(Инт. № 5-51, ж., 50 л., глава администрации, Лесной р-н Тверской обл.)

---

[22] В нескольких случаях в получении образования помогали колхозы — было дано направление на учебу, оплачена часть стоимости обучения. Часть из них относится к уже взрослым «детям» и можно понять, что подобная практика существовала в СССР; и один случай относится к современности: образование девушки из села поддержала финансово некая фирма.

[23] Здесь и далее первая цифра в номере интервью означает год, когда проходил опрос, вторая — порядковый номер респондента в этом году. В данном случае 7 означает опрос 2007 г.

— **материальные** *ресурсы*: прежде всего наличие или отсутствие жилья — в самом селе, в районном центре, в месте обучения детей (свое или родственников), общежитие, жилье мужа/жены (если за годы обучения женился или вышла замуж), возможность или невозможность приобрести для ребенка компьютер и т. п.:

Р.: Куплено свое жилье. <...> Тоже покупали ему дом и брали кредит, чтобы купить дом.

(Инт. №5-02, ж., 50 л., глава администрации,
Максатихинский р-н Тверской обл.)

Р.: Там (в городе) квартира у нас осталась после моих родителей.

(Инт. №5-12, ж., 48 л., глава администрации,
Максатихинский р-н Тверской обл.)

— **символический** ресурс: главное здесь — *мотивация*: получить образование; вернуться на село или остаться в городе и т. д.:

И.: Вот дочка сама решила выбрать эту стезю, путь медика?

Р.: Да, я ее так отговаривала, а потом решила: «Ну что я делаю»? — Ну, если хочется, так пусть попробует. Да, ей нравится, ей работа нравится.

(Инт. №6-01, ж., 51 г., глава администрации,
Пестовский р-н Новгородской обл.)

— но также и «*преемственность*» получаемого ребенком образования. То есть дети идут по стопам своих родителей и выбирают профессию либо матери, либо отца, либо кого-то из близких родственников:

Р.: Саша у меня (муж информанта) *<...> в Германии он служил, в танковых войсках, был командиром танка. Ну, в школе он был тоже, хорошо учился и был как... комсоргом класса, то его, значит ... И сына так выстраивает. В армию хочет. И вот именно, чтобы с военной службой хочет связать свою жизнь.*

(Инт. № 8-68, ж., 39 л., глава администрации,
Бабаевский р-н Вологодской области)

Теперь опишем те практики, которые более или менее отчетливо представлены самими информантами и являются типичными для данного массива. Выявленная типология — скорее эмпирическая и, конечно же, не «строгая»: при анализе качественных данных вряд ли возможно и целесообразно применение «жестких» инструментов.

Именно поэтому в процессе работы возникали определенные трудности с идентификацией сконструированных типов (в основном из-за недостатка эмпирической информации). Впрочем, это естественно, ведь любой, построенный нами тип — это «идеальный тип» (в веберовском смысле), а сама по себе типология — это лишь инструмент, а не самоцель. Однако коллективная работа повышает надежность и устойчивость результатов анализа. По сути — это своеобразная триангуляция, которая и обеспечивает их надежность[24].

Основа практики **первого типа** состоит в нацеленности персонажа на получение совершенно определенного образования (медицинского, юридического, педагогического и т.д.). Для ее реализации необходим высокий уровень мотивации. Поэтому мы назвали этот тип образовательной практики ***«целевым».*** Он включает следующие структурные элементы:

- интеллектуальный ресурс персонажа;
- актуализируется весь спектр участников (сам персонаж, родители, родственники или друзья);
- возможна длинная цепочка поведенческих актов;
- символический ресурс (в т.ч. семейная преемственность);
- финансовые и материальные ресурсы не очень важны.

Как типичный пример можно привести образовательную практику девушки 24 лет из семьи главы администрации, которая еще в школе твердо решила получить профессию юриста.

Р.: Вы знаете, она, когда еще маленькая была, в школе училась в классе пятом-шестом, она все время говорила: я буду адвокатом. (смеются) Не знаю, почему. Она кого-то хотела защитить, значит. Потом уже в восьмом-девятом классе у них начали изучать что-то такое, и она изучала этот предмет, она выбрала его на экзамен. Она сказала: «Мама, я поступать буду на юридический».

(Инт. №5-32, ж., 48 л., глава администрации,
Максатихинский р-н Тверской обл.)

В силу нехватки средств для получения юридического образования в вузе семья выбирает «непрямой путь»: экономический техникум, дающий соответствующую специальность, затем гуманитарный

[24] При анализе массива качественных данных каждый из авторов выступал в качестве самостоятельного эксперта. Затем результаты анализа сопоставлялись, а спорные ситуации разрешались путем достижения экспертного консенсуса.

институт, специализация «юрист». О высокой степени мотивации и достаточных интеллектуальных ресурсах говорит тот факт, что девушка училась очень хорошо, и переводом поступила после техникума в институт без сдачи экзаменов. После окончания высшего учебного заведения она занялась активным поиском работы по специальности с временным трудоустройством продавцом, так как семья не обладала финансовыми ресурсами для содержания дочери.

Р.: Как она закончила институт, а она не хотела просто кое-куда идти на работу, стала работать просто продавцом в магазине и искать потихонечку работу.

(То же интервью)

И как результат такой стратегии — хорошая работа с высокой карьерной перспективой (специалист в учреждении юстиции).

Р.: Сказала, что я хочу карьеру себе обеспечить. Она по школе такая была, что если задалась целью какой-то, она ее обязательно достигнет. Характер спокойный, папин, а целеустремленность — мамина.

(То же интервью)

Или другой пример, молодого человека 20 лет, выбравшего специальность медика.

Р: А я сама даже удивилась, как он выбрал эту специальность, сам, самостоятельно все сам решил. <...> Медицинский колледж. Тихвинский медицинский колледж. Учим платно, потому что Ленинградская область, там только с Вологодской области уже учатся платно.

И: Просто потому, что из другой области?

Р: Да, только из-за этого.

(Инт. № 8-63, ж., 46 лет, глава администрации, Бабаевский р-н Вологодской обл.)

В этом случае образовательная практика также отличается длинной цепочкой, так как молодой человек планирует впоследствии обязательно поступить в медицинский вуз. Однако такая цепочка вовсе не обязательна — зачастую дети поступают в желаемое учебное заведение с первого раза и вполне плавно реализуют в рамках данной практики свою образовательную стратегию.

Как пример короткой образовательной цепочки можно привести путь девушки 20 лет, студентки Тверской медицинской академии.

Поступив в это учебное заведение сразу после окончания школы, она реализовала свою детскую мечту стать врачом.

Р.: Ну а дочка пошла, захотела сама в мед. Она детский вроде врач, но специализацию хочет, чтобы быть детским хирургом. У нее мечта.

(Инт. №5-55, м., 55 л., руководитель колхоза, Лесной р-н Тверской обл.)

Для данного типа практики также характерен выбор профессии в соответствии с семейными традициями, базовым профессиональным образованием одного из родителей — учитель, врач, милиционер и т. д.

Второй тип образовательной практики (условное название — «необходимость получения образования») демонстрирует стремление семьи обязательно дать ребенку образование (высшее или среднеспециальное). При этом актуализуется иная комбинация структурных элементов:

- короткая цепочка поведенческих актов;
- значение интеллектуального ресурса;
- значимость родителей, как активных участников;
- символический ресурс (установка на образование);
- финансовые и материальные ресурсы могут иметь высокое значение, но не обязательно.

По нашим наблюдениям, этот тип образовательной практики сопровождается, как правило, ориентацией на популярные профессии (юристы, менеджеры, экономисты, маркетологи и т.п.). При описании образовательного пути своих детей, составляющего данный тип практики, родители чаще всего отмечают необходимость получения высшего или специального образования для своих детей.

Р.: Ну да. И все равно нужно было образование, куда-то нужно было поступать.

(Инт. №6-09, ж., 40 л., глава администрации,
Пестовский р-н Новгородской обл.)

Эта мотивация превалирует перед мотивацией выбора конкретного вида образования. Причем семья (родители и дети) ориентируются на получение немедленного результата. Вторая попытка поступить в учебное заведение совсем не рассматривается как возможный элемент данной практики. Возникающие сложности с поступлением решаются за счет финансового ресурса семьи.

И.: Она на бюджете учится?

Р.: Да. Первый год она училась на платном, а потом ее перевели, она на отлично учится, ее на бесплатное перевели.

(Инт. №6-15, ж., руководитель колхоза,
Пестовский р-н Новгородской обл.)

Р.: А как <...> получить, сейчас все платное. Сейчас не поступить, надо еще брать частные уроки. Где-то квартиру надо, чтобы ему учиться. <...> А сейчас, наверное, надо такие бешеные деньги иметь <...>. Бешеные деньги! У нас таких денег нет. Вот сейчас он поступал, а сам думаю — овечек этих ой-ой-ой, дай Бог хватило бы, чтоб его выучить. А он же мне сейчас помогать уже не будет. Ему надо учиться. Вот проблема!

(Инт. №6-23, м., 45 л., глава администрации,
Пестовский р-н Новгородской обл.)

Именно для такого типа практики характерна одновременная подача документов в разные вузы на близкие, а иногда и не очень, специальности. Или выбор такой стратегии, чтобы ребенок обязательно поступил в учебное заведение.

Р.: Если они выбирали эти специальности... Ну, немножко с дочкой, тем более у нее... Сын с серебряной медалью закончил. Поэтому он поступал во многие, в Вологду он поступал, в Новгороде поступал, поступал туда и сам выбрал <...> А с дочкой выбирали — дело в том, что у нас тут школа сельская, все равно тут не тот уровень знаний, что в городе, поэтому выбирали то, что мы лучше знаем. Сдавали экзамены те, что уже знали конкретно, что она поступит.

(Инт. №6-15, ж., руководитель колхоза,
Пестовский р-н Новгородской обл.)

Р.: А третья (дочка) сейчас поступает. Вот подала документы в Череповецкий пединститут. Правильно я назвала, да? И подала документы вот в Ленинград, в Политехнический университет, на инженерно-строительный факультет.

(Инт. № 8-44, ж., 42 г., глава администрации,
Бабаевский р-н Вологодской обл.)

Причем конкретная специальность не столь важна при поступлении в учебное заведение, более важно направление — техническое или гуманитарное, или склонность самого ребенка, а также востребованность будущей профессии на рынке труда.

Р.: А вот сейчас буду готовить его или на связиста, ну по связи, или строителем. Это востребовано везде. Ну, юристы что-то уже зашкаливают. Программистом — он так у меня по компьютерам дома, как говорится, хорошо понимает в этом, и в школе там помогал всем, программы делал. Но это, я думаю, побочное. <...> Техническое образование получит нормальное, а потом уже.

(Инт. №6-23, м., 45 л., глава администрации,
Пестовский р-н Новгородской обл.)

Р: Ну, например, больше математику любили. <...> Какой-то интерес был вот к этим вот наукам больше. <...> Наверное, и у них то же самое. Склонность, наверное, такая, математическая больше.

(Инт. №7-18, глава администрации, ж., 52 г.,
Устюженский р-н Вологодской обл.)

Зачастую мотивом выбора учебного заведения становится сложившаяся в районе практика учиться в конкретном учебном заведении.

Р.: Многие у нас отсюда там учатся. Учатся и учились.

(Инт. №7-30, ж., 49 л., глава администрации,
Кадуйский р-н Вологодской обл.)

Практика получения «любого» образования вовсе не предполагает обязательным условием остаться жить в городе. Зачастую дети наших информантов получают специальное образование именно в районном центре, если там есть некий набор подходящих учебных заведений (техникум, филиал вуза). Также, обучаясь в крупном городе или даже областном центре, и не найдя там подходящей работы или испытывая проблемы с жильем, участники данного типа образовательной практики возвращаются в свой район, если полученная специальность предполагает возможность найти работу в районном центре.

Р.: Ведь изначально все, и мы уезжали, учились, но кто-то возвращался, кто-то уезжал куда-то... Поэтому и сейчас так же: заканчивают школу, кто-то уезжает, кто-то приезжает. А потом уже, конечно, когда они закончили, ведь уже в то время прекратилось вот это распределение, например, как мы раньше, было по распределению, да, меня направили — я поехала. Если б там мне что-то понравилось, я б осталась, не понравилось — домой вернулась. А теперь ведь потом прекратили это распределение. Ну и куда? Выучиться выучились, а работу искать

и квартиру искать — это сложно все. Поэтому у меня, например, они вернулись в Устюжну. Работа как раз была по специальности.

(Инт. №7-18, ж., 52 г., глава администрации,
Устюженский р-н Вологодской обл.)

Поэтому, даже закончив вуз в Санкт-Петербурге, молодая женщина, о которой идет речь выше, возвращается в родной районный центр, так как здесь у нее есть квартира и она смогла найти работу по специальности: закончив отделение менеджмента, работает исполнительным директором в финансовом кооперативе.

Р.: И собственно, если куда рваться-то — надо куда-то. То есть должно быть конкретное место. А у нас там нет богатого дядьки, который там все приготовил. То есть надо куда-то пробиваться.

(Инт. №7-04, м., 57 л., фермер,
Устюженский р-н Вологодской обл.)

При реализации **третьего типа** образовательной практики как мотив выбора образования и образовательного учреждения на первое место выходит стремление получить профессию, применимую в городе. Поэтому мы ее назвали очень условно «городской», ибо здесь главная целевая установка — это закрепление в городе. При этом не очень важны содержание образования и его уровень (высшее или среднее специальное). Для этого типа образовательной практики также характерно такое действие, как подача документов сразу в несколько разных по профилю вузов. Актуальными для нее оказываются следующие структурные элементы:

- короткая цепочка поведенческих актов;
- обязательное участие родителей и родственников (а может быть, и друзей);
- финансовые и материальные ресурсы семьи.

Заметим, что недостаток последних существенно снижает эффективность данного типа практики. Ориентация на получение образования как средство социальной мобильности ребенка из села в город характерна как для самих детей, так и для их родителей. Так, например, молодой человек 18 лет выбирает Металлургический колледж в Череповце с целью остаться работать в городе.

Р.: Ну, я не знаю. Я не вижу здесь его места работы, честно говоря. Ему нравится жить в деревне, приезжать сюда на выходные, но работать он

здесь не хочет. Он говорит: «Я как папа работать не буду». За копейки уже это все.

(Инт. №7-17, ж., 36 л., глава администрации,
Устюженский р-н Вологодской обл.)

Крупный промышленный центр обладает довольно емким рынком труда и большими возможностями для реализации себя в иных областях деятельности.

Р.: То, что я хочу — его мало волнует уже. Уже самостоятельно решает. Он хочет остаться в городе. Но работу связывает не с заводом, а с предпринимательством.

(То же интервью)

Девушка 20 лет, стремясь остаться в городе — *«ну, та девочка больше склонна к городу, чем к селу»,* — получает образование инженера-технолога в Вологодском сельскохозяйственном институте. И хотя институт дает специальность, связанную с сельским хозяйством, конкретная профессия востребована только в городе, где находятся предприятия молочной промышленности.

Р.: Понятно, что на... В деревне таких... Надо ей на завод.

(Инт. №7-11, ж., 50 л., глава администрации,
Устюженский р-н Вологодской обл.)

При этом родители, стремясь реализовать стратегию закрепления ребенка в городе, — «у*чится неплохо, хотелось бы, чтоб получила высшее образование и осталась где-то»; «они молодежь, им надо в город»* — либо вкладывают определенные финансовые ресурсы в образование детей, если бесплатное образование получить не удалось, либо выбирают такую профессию, которую ребенок может получить бесплатно, так как семья ограничена в средствах.

Р.: Платно я не в состоянии детей выучить.

(Инт. № 7-11, ж., 50 л., глава администрации,
Устюженский р-н Вологодской обл.)

Четвертому типу практики мы дали условное название «путь в рабочие», ибо главный мотив здесь — получение рабочей профессии. При этом не очень существенна длина цепочки: она может быть как короткой, так и длинной. Основной участник практики — сам ребенок, хотя возможно участие родителей, впрочем, не очень активное.

Также неважно наличие высокого интеллектуального ресурса. Пожалуй, самый существенный признак данной практики — отсутствие мотивации к образованию как таковому. Выбор ее может быть определен невысокими способностями самого ребенка, а следовательно, единственный путь для него — получение конкретной профессии, которая сможет его прокормить.

Р.: А сын — а куда ему еще было идти? Учился он — ну, так, двойки не имел, но так средненько. А потом, если отец водитель, то и сын туда тянется. <...> Так что он по стопам отца пошел, на машину. Ему сразу поле армии дали <...> машину. Он работал на машине.

(Инт. №5-13, ж., 52 г., глава администрации,
Максатихинский район Тверской обл.)

Р: Ушел он после 9-го класса. У меня в Кадуе брат живет, и там мы или на электрика хотели. И там раз в три года набирают группу. Как бы он у меня по русскому, по математике у меня плохо шло, по гуманитарным-то неплохо, и мы, значит, решили, что у брата поживет, и как раз после 9-го-то класса набирали.

(Инт. № 8-68, ж., 39 л., глава администрации,
Бабаевский р-н Вологодской обл.)

Такая практика может быть выбрана ребенком сознательно, в силу желания получить рабочую специальность.

Р.: Я тоже хотела в десятый класс, но он не захотел, пошел учиться. <...> Ну, он мечтает водителем работать, тоже его мечта — водителем. Мне кажется, что он смог бы жить и на селе, и в городе.

(Инт. №6-04, ж., 50 л., глава администрации,
Пестовский р-н Новгородской обл.)

Р: Нет, он кончил школу, кончил, и у него была с малых лет, как говорится, к технике. Так он пошел, никуда, ни в техникум, никуда не пошел учиться, закончил хорошо, что только на водителя кончу, что просто так, получу категорию, и все, больше никуда не пойду.

(Инт. № 8-63, жю, 46 л., глава администрации,
Бабаевский р-н Вологодской обл.)

В обоих вышеприведенных случаях участники этой практики вполне удовлетворены выбранной специальностью, правда, второй молодой человек по настоянию матери получил в училище профессию

автослесаря. Оба работают водителями — один на селе, другой в городе, имея довольно высокий доход.

Пятый тип образовательной практики можно назвать «путь к земле». Для него характерна ориентация именно на сельскохозяйственные профессии, вне зависимости от уровня образования (высшее, среднее специальное или просто профессиональное), с целью дальнейшего трудоустройства в сельском хозяйстве. Для этого типа практики характерны следующие структурные элементы:

- скорее короткая цепочка поведенческих актов;
- значение родителей как участников практики;
- высокое значение символического капитала;
- семейные ресурсы (наличие собственного прибыльного хозяйства)
- институциональные ресурсы (например, наличие успешного и привлекательного с/х предприятия на территории района).

Например, старший сын руководителя сельскохозяйственного предприятия заканчивает Сахаровский сельскохозяйственный институт в Твери, получает профессию агронома и преподает в районном СПТУ соответствующую специализацию. При этом он одновременно содержит небольшое товарное личное подсобное хозяйство.

Р.: Ну, доход-то, может быть, и не приносит, но здесь хоть держишь скот, вот, сдал, да как-то кучкой деньги получишь, и что-то можно купить. Вот у меня сын живет там, в деревне. Он держит корову. Он работает в СПТУ, вот. У него четыре теленка, два поросенка и пчелы. И вот он мед продаст, скот продаст тоже...

(Инт. №5-56, м., 49 л., председатель колхоза, Лесной р-н Тверской обл.)

Или другой пример. Дочка главы администрации, 26 лет, получила специальность агронома в Сельскохозяйственном институте в Вологде, и после окончания работает в успешном колхозе по специальности.

Р: Ну, наверное, по маминым стопам, где мама училась, туда и детей повезло. Отучились, нравится.

И: Нравится...

Р: (Она) работает с удовольствием, главным агрономом.

(Инт. №7-11, ж., 50 л., глава администрации, Устюженский р-н Вологодской обл.)

Мужчина, 36 лет, сын успешного руководителя крупного крестьянского хозяйства, получает сельскохозяйственное образование в Воло-

годском молочном институте, второе высшее образование в области менеджмента, занимает должность помощника своего отца, осуществляя значительную часть работы по сбыту продукции.

И.: А он сам хотел получить такую специальность, или вы настояли, ваше влияние?

Р.: Сам, сам. До сих пор сам. Двадцать раз говорил — бросай это грязное дело, иди займись. А он говорит — я не хочу заниматься нелюбимым делом.

(Инт. №7-48, м., 58 л., руководитель КХ, Бабаевский р-н Вологодской обл.)

Характерно, что дети наших респондентов, получившие (или получающие) сельскохозяйственное образование, работают в хозяйствах своих родителей (колхозах, КФХ) или других хозяйствах, занимая должности от помощников руководителя до бригадиров и трактористов.

Р.: Да, на тракториста там. Два года отучился, сейчас работает в совхозе на тракторе, подрабатывает. Я тоже как бы прошу (помощи) на заготовке...

(инт. №5-58, ж., 44 г., руководитель КФХ, Лесной р-н Тверской обл.)

Р.: Да, у нее высшее образование. Она ветврач. Училась в Вологде, Молочный институт.

И.: А она у вас работает?

Р.: Нет, у Горбунова.

И.: А сама охотно осталась в деревне? Вообще, по какой причине? Это с той точки зрения, что многие уезжают.

Р.: Ну, у нее много возможностей было. Но она решила остаться здесь.

(Инт. №7-04, м., 57 л., фермер, Устюженский р-н Вологодской обл.)

Шестой тип образовательной практики, который мы назвали «поиск себя», характеризуется:

- длинными цепочками действий;
- основной участник — сам персонаж;
- личные и семейные ресурсы могут быть довольно разнообразными.

Участник данной практики может сменить несколько учебных заведений разного уровня, не закончив ни одного из них. При этом для него не важны уровень и тип полученного в конце концов образования. Практика этого типа может завершиться «многоточием»: *«пока мне это все не нравится, не подходит, там будет видно»*.

Например, сын главы администрации легко поступает в Институт оптики и механики в Санкт-Петербурге, постепенно теряет интерес к учебе, берет академический отпуск, а затем бросает институт вовсе. Параллельно находит подходящую работу и ждет призыва в армию, отложив принятие окончательного решения.

Р.: А сейчас не хочет учиться, учиться не будет, бросает все <...> А сказал, пока год отслужу, чтобы потом на два не идти. То есть так. Работает, нравится работа. Он работает по установке пожарной сигнализации техником. То есть, ему нравится. Может быть, не тот институт выбрал. После школы же становление личности начинается позже, родители-то толкают туда, куда...

И.: Может быть после армии, когда придет, что-то захочет?

Р.: Ну уже видно будет. Но с этим-то институтом он решил расстаться. Хотя институт, я считаю, что очень хороший.

(Инт. №8-47, ж., 53 г., глава администрации,
Бабаевский р-н Вологодской обл.)

При определенных условиях этот тип образовательной практики может трансформироваться в седьмой тип — то есть отказ от дальнейшего получения какого-либо образования.

Седьмой тип, который мы назвали «отказ от образования» (навсегда или на время)**,** характеризуется следующими позициями:

— длинной или короткой цепочками действий (в зависимости от того, на каком этапе принято решение образование не продолжать);

— основной участник — сам персонаж.

Для этой практики также не важно, какими ресурсами располагает семья. Здесь возможно как полное отсутствие попыток получить какое-либо образование, кроме школьного («и так устал учиться»), так и довольно длинные цепочки действий. Значимым признаком этого типа практики оказывается явно артикулированный отказ учиться дальше.

Сын руководителя колхоза поступает в высшее учебное заведение, но бросает его и нанимается в бригаду, которая занимается строительством домов на выезде. Для сельского жителя это хорошо оплачиваемая работа, позволяющая достойно содержать семью.

Р.: А сын строит, ездит. Теперь у нас все, наверно, с Пестовского района так. В Питер да в Москву. Все дачи строят. <...> Он заочно поступил в наш сельскохозяйственный на инженера-технолога.

И.: В Новгород?

Р.: Да, в Новгород. Но три курса закончил и вот уехал на выезда. Все некогда ему.

(Инт. №6-08, ж., 50 л., председатель колхоза,
Пестовский р-н Новгородской обл.)

Сын руководителя СПК, даже не имея среднего образования, открывает небольшой магазин в районном центре и занимается предпринимательской деятельностью.

И.: А образование у него какое?

Р.: По-моему, 9 классов.

И.: А он в армии служил?

Р.: Служил.

И.: И дочка только что школу окончила.

Р.: Да. Сын на вольных хлебах, там крутится-вертится.

(Инт. №5-11, м., 43 г., руководитель СПК,
Максатихинский р-н Тверской обл.)

Для женщин — участниц данной практики отказ от получения образования зачастую связан с появлением семьи и невозможностью выкроить время для обучения. Например, дочка руководителя колхоза (31 год) после окончания школы не стала поступать в иное учебное заведение, а сначала устроилась на работу учительницей в школе, а затем в отделение связи. На момент опроса занимала должность начальника отдела связи, продолжать образование не собиралась.

* * *

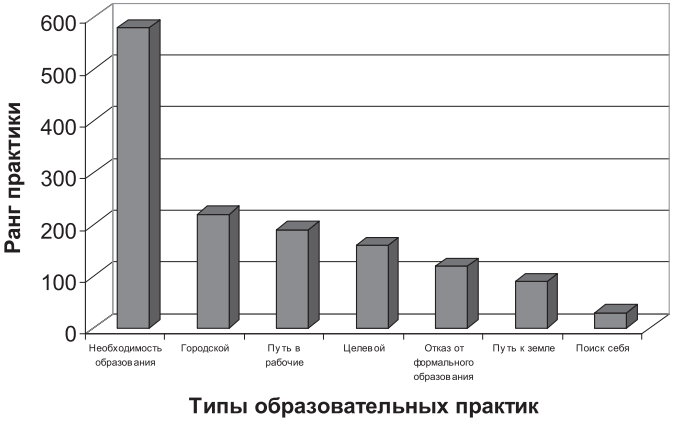
Теперь рассмотрим насколько часто та или иная образовательная практика встречается в семьях наших респондентов.

Согласно диаграмме 9 *«необходимость получения образования»* — наиболее популярная образовательная практика в семьях наших информантов. К такому же по сути выводу приходят и другие исследователи на основе анализа образовательных ориентаций жителей крупных городов и провинции[25]. Основной целью образовательных стратегий семей, таким образом, становится стремление получить сертификат об образовании ребенка. Если объединить этот тип практики и практику закрепления в городе *(«городская»)*, то по популярности они значительно

[25] См., например, *Очкина А.В.* Культурный капитал семьи как фактор социального поведения и социальной мобильности // Мир России. 2010. №1. С. 67–88.

опережают те образовательные практики, которые в большей степени ориентированы на содержание и качество получаемого образования («целевая», «путь к земле», отчасти — «путь в рабочие»).

Диаграмма 9
Популярность разных образовательных практик



В чем причина такого рода социального поведения? Эти два типа образовательных практик демонстрируют высокую степень приспособляемости наших респондентов к сложившейся социальной ситуации на селе. Для начала напомним основные миграционные потоки сельских жителей: районный центр — крупный город (или областной центр) — две столицы. Если проанализировать причины, по которым в семье принимается решение об отъезде ребенка из села, то наиболее распространенной является «бесперспективность села»: здесь нет работы помимо сельского хозяйства, низкие заработки, неразвитая социально-бытовая инфраструктура (нет отопления, водопровода, газового снабжения, закрываются школы, детские сады, клубы, низкий уровень медицинского обслуживания и т.д.). И лишь затем родители отмечают, что у детей есть способности к профессиям, которые нельзя применить на селе, что дети хотят «сделать карьеру», «добиться большего», что в сельской местности нет и никогда не было высших и специальных учебных заведений, и поэтому дети вынуждены уезжать учиться.

При этом образование в настоящее время является важнейшим механизмом социальной мобильности, когда его наличие становится су-

щественным условием получения достойной работы, воспроизводства социального статуса, что немаловажно для детей наших респондентов, выходцев из высокостатусных для сельской местности семей. Воспроизвести семейный статус на селе довольно сложно в силу ограниченности мест приложения труда: в основном это либо работа в сельском хозяйстве, либо в бюджетной сфере. А достойные и высокооплачиваемые места уже заняты.

Реализация образовательных практик *«необходимость получения образования»* и *«городская»* (закрепление в городе) могут облегчить социальную мобильность детей сельских жителей, но одновременно входить в противоречие с более глубинными ценностями и потребностями самих детей. Лишь некоторая часть жителей села, получив то или иное образование, остается жить в крупных городах. Многие, не найдя достойной работы в городе, испытывая затруднения с жильем, а также не справившись с эмоциональной нагрузкой города, возвращаются домой. Или остаются жить в городе, испытывая постоянный дискомфорт. При этом дети возвращаются не в родное село, а довольно часто закрепляются в районном центре. Обе вышеуказанные образовательные практики не «сковывают» возможности применения полученного образования: они в основе своей не предполагают жесткой связи между образованием и дальнейшей занятостью. Именно поэтому так легко дети наших респондентов расстаются с полученной профессией, перемещаются из более крупного города в районный центр и обратно в город в силу тех или иных жизненных причин, в основном в целях поиска работы.

Образовательную практику *«путь к земле»* можно считать в том числе и частным случаем *«целевой»* образовательной практики. Однако важность ее выделения определяется именно тем фактом, что цель ее участников — остаться работать на селе, в сельском хозяйстве. Собственно, это наиболее перспективная практика с точки зрения сохранения и развития села. Следует отметить, что подавляющее большинство тех, кто реализует этот тип образовательной практики, так или иначе уже включен в процесс сельскохозяйственного производства: в основном это дети успешных фермеров, руководителей колхозов (СПК) или глав муниципальных образований, которые имеют собственное товарное хозяйство. Именно на участников этой практики ориентируются родители как на прямых «наследников» накопленных знаний и капитала.

Реализация *«целевого»* типа образовательной практики в большей степени зависит от внутренней мотивации, упорства ее участника (самого ребенка). Она также не предполагает обязательного закрепления в городе, поэтому персонажи, избравшие ее, свободны в выборе места жительства. Если для участника практики высока ценность жизни в сельской местности, а также позволяет полученное образование, он с легкостью обустраивается в районном центре. Это в большей степени относится к тем, кто получил профессию врача, учителя, работника милиции, которые всегда востребованы на селе. Высокий уровень мотивации к получению образования создает и необходимые условия для более легкой адаптации в крупном городе. К этой же образовательной практике частью примыкает практика *«путь в рабочие»*, там, где она относится к осознанному, целенаправленному выбору профессии.

Заключение

Теоретический анализ, уточнение и операционализация основных понятий позволили структурировать предмет исследования и выделить в нем существенные черты и признаки и, в конечном счете, построить концептуально осмысленную типологию сельских образовательных практик. Описанный в статье инструмент — схемы структурных элементов практик и социальных ситуаций, а также типология — вполне эффективен для анализа слабо структурированных, «свободных» текстов, таких, как глубинные полуструктурированные интервью и биографические нарративы.

Многие из выделенных нами типов образовательных практик «универсальны», то есть могут оказаться задействованными и в городских условиях. Анализ показал, что образовательные практики тесным образом связаны с другими социальными практиками семьи или индивида: занятости, миграции и т.д., хотя в данной работе мы не акцентировали на этом внимание. Образовательные практики формируют эти — иные — практики, и в тоже время зависят от них. Сходные социальные условия порождают сходные модели поведения, а соответственно и практики, их составляющие.

Еще один существенный вывод: для разных детей (в одной и той же семье) используются разные образовательные практики, прежде всего, в зависимости от интеллектуального потенциала (ресурса) конкретного ребенка, а также его ценностных ориентаций и практических установок.

Почти все описанные образовательные практики ведут к активному вымыванию жителей из сельской местности, к их миграции в города (как крупные, так и малые). Такой стиль поведения формируется неблагоприятными социально-экономическими условиями жизни на селе. В результате возникает ощущение воспроизводства зафиксированного нами соотношения образовательных практик при существующей государственной политике по отношению к селу. В то же время процесс сокращения численности сельского населения — это естественный процесс, сопровождающий индустриальное развитие любого общества.

Образовательная практика *«путь к земле»* формирует более-менее устойчивый контингент тех, кто останется жить на селе как активный и заинтересованный деятель. Но только в том случае, если будут созданы необходимые и достаточные условия для восстановления и развития сельскохозяйственного производства. Кроме того, с сельским образом жизни связывают свою судьбу те, кому родители, жители села, могут передать значимый не только социальный, в том числе образовательный, но в первую очередь — экономический капитал.

Н.Р. Корнев

ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ЦЕНТРА РОССИИ (опыт взгляда через Интернет)

На основе качественной методологии и данных о сельской жизни, доступных через Интернет, в статье анализируются социальные факторы, определяющие качество жизни и способность к устойчивому воспроизводству российской сельской глубинки. Альтернативные подходы к развитию различаются ценностно-концептуально, имеют своих сторонников в органах власти разных уровней, приводят к множественным конфликтам при организации повседневной жизни и формируют не только будущее российской деревни, но и жизнеспособность страны в целом.

Ключевые слова: российская деревня, неравенство, реформы и качество сельской жизни, планы и конфликты социального развития, Интернет.

В названии статьи обозначены несколько центров смысла последующего анализа. Для автора это эксперимент с опорой исследования, прежде всего, на ресурсы Интернета. И с рефлексией относительно видов информации, доступной через Интернет в настоящее время по рассматриваемым темам/объектам; о ее характеристиках; об особенностях фиксации материалов, извлеченных из источника, постоянно меняющегося по содержанию, где часть публикаций со временем удаляется; а также по другим методологическим вопросам. При этом объектом исследования выбраны село и сельские жители, находящиеся в России на одном из нижних уровней социальной иерархии и мало представленные в Интернете непосредственно — в блогах, в других публикациях с *их* прямой речью. Где можно рассчитывать найти оценочные, эмоционально окрашенные, аффективные составляющие *их* картины мира/жизни, учет которых необходим в анализе *качества* жизни. Так считают, например, Е.В. Давыдова и А.А. Давыдов[1], и нам этот подход ближе, чем объективно-количественный с опорой на статистику (его пример — известная монография Е.И. Капустина «Уровень, качество и образ жизни населения России»)[2]. Обращение к жизни «социального низа» является частью работы СИ РАН по изучению

[1] *Давыдова Е.В., Давыдов А.А.* Измерение качества жизни. М.: ИС РАН, 1993.

[2] *Капустин Е.И.* Уровень, качество и образ жизни населения России, М.: Наука, 2006.

социального неравенства[3]. Фокусируя внимание на сельской местности в центре России (в основном это будет Тверская область), мы предполагаем напряженность сосуществования бедности села и богатства двух российских столиц, Москвы и Санкт-Петербурга. Наши объекты относительно недалеки от столиц географически (по российским меркам, в сравнении с деревнями, например, европейского Севера или Сибири), но далеки, «страшно далеки они» в пространстве социальном.

Качество сельской жизни в этой статье рассматривается с использованием качественной же методологии — сопоставлением и вторичным анализом текстов о различных проблемах нашего объекта — жителей села/деревни. Стремясь выйти на материалы о качестве их жизни, мы начали поиск в Интернете сведений о деятельности сельских учреждений образования и здравоохранения, об их проблемах. Второй подход состоял в поиске ярких сюжетов, связанных с жизнью деревни, где ее проблемы имели бы концентрированное выражение, с аффективно-эмоциональной составляющей со стороны нашего объекта — жителей села. Последнее служило для нас индикатором острой актуальности случая, возможно — наличия в нем некоего обобщения, важного для понимания комплекса проблем сельской жизни, подчеркнем это еще раз, *с позиций изучаемого объекта-субъекта*.

Одним из таких сюжетов-концентраторов стал сюжет со скоростным поездом «Сапсан», и прежде чем перейти к рассмотрению конкретных аспектов сельской жизни, остановимся на этом стартовом для нашей статьи случае.

«Сапсан» проносится между двумя российскими столицами со скоростью 250 км/ч по территории 4 областей (Тверской в том числе), где местные жители регулярно бросают в него камни. Это стало почти рядовым происшествием, и СМИ уже объяснили: атакуют «символ роскошной жизни», из-за «классовой ненависти» бедных провинциалов к столичным жителям и вообще к богатым[4,5]. Однако московский журналист Г. Бовт сумел сделать это лучше других[6], найдя яркие определения бросателям в «Сапсан»: «местная гопота», «спившиеся и опустившиеся

---

[3] Петербургская социология сегодня. СПб.: Нестор–История, 2010. С. 232–309.

[4] *Лурье Л.* Почему бросают камни в «Сапсан» // Деловой Петербург, 25.06.2010. URL: http://transport.vpeterburge.ru/news/article.php?num=2506103&chap=spb

[5] *Панкрашин В.* Камни для «Сапсана», или «Месть бедных». Русская служба BBC, 26.03.2010. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2010/03/100326_sapsan_stones.shtml

[6] *Бовт Г.* Русские луддиты // Газета.ru. 31.05.2010. URL: http://www.gazeta.ru/column/bovt/3377285.shtml

маргиналы», «изобильно» имеющиеся во всем российском Нечерноземье. Которых, считает Бовт, надо навсегда оставить в покое. Или навязать им новые стандарты жизни силой. Эти образы и мысли породили не менее яркий текст — «Ответ оккупанту», опубликованный главой Оленинского района Тверской области О. Дубовым в его блоге в мае 2010 г.[7] Этот «Ответ» быстро распространился в Интернете, а непосредственно под его текстом в ЖЖ О. Дубова — 260 комментариев. Во многих — слова благодарности автору «Ответа» за точность сказанного им об истоках проблем не только российской глубинки, но и общества в целом. Приведем ключевые по смыслу выдержки из «Ответа»:

«...Хотелось бы сказать несколько теплых слов “неспившемуся” столичному “немаргиналу”. А не для вас, москвичей, из русской провинции десятилетиями выкачивались все материальные и человеческие ресурсы даже в благополучные советские годы? <...> А сегодняшнее ваше благополучие разве не за счет нас построено, не ценой обнищания и деградации десятков российских областей? До сих пор успешные и богатые жители столицы смотрят на жителей провинциальной России как на быдло, как на туземцев, как на жителей оккупированного пространства, призванных служить “высшей расе”, которой повезло родиться с московской пропиской. <...>

Вот такие вот московские ребята, считающие нас быдлом, грабят и уничтожают русскую провинцию, ломают ее через колено.

Они нас презирают. Мы их ненавидим. К сожалению, пока стихийно. Кто-то с камнем ждет “Сапсан”, кто-то материт москвичей на кухне, кто-то пишет пост в ЖЖ. Самосознание российской провинции пока не приняло организованные формы — и в этом счастье таких вот бовтов. А ведь нас больше. В разы. И это наша земля».

Помимо эмоционального накала текста О. Дубова, отметим в нем социально-групповые обобщения/противопоставления: жители столицы — жители российской провинции. «Они...Мы». И отметим, что сказанное О. Дубовым «им» от лица «своих» (регионалов, провинциалов, сельчан) фактически подтвердила областная «Тверская газета», напечатав развернутый вариант «Ответа» не только без полемики с ним, но даже усиленный дополнительной аргументацией[8]. Впрочем,

---

[7] *Дубов О.* Ответ оккупанту. 31.05.2010. URL: http://oleg-dubov.livejournal.com/141387.html

[8] *Шацких В.* Ответ оккупанту. Тверская газета, 29.10.2010. URL: http://www.gazeta.tver.ru/articles.php?id=7256

областной газете сделать это было несложно — вслед за Российским Агентством АПН, для которого журналист В. Шацких и развернул дубовский «Ответ» в «Устный счет»[9].

Социальные последствия появления «Сапсанов» для жителей населенных пунктов вокруг линии Москва–Петербург на всем ее протяжении прояснил цикл статей «Новой газеты»[10]. Возможность проводки до 16 новых суперэкспрессов в день была получена ценой отмены на этой железнодорожной линии большинства электричек, перевозивших, также ежедневно, тысячи жителей четырех областей к месту их работы и учебы, по иным житейским нуждам и потребностям. Проблемы из-за «Сапсанов» возникли и у тех, кто никуда не ездил на электричке, а лишь пересекал железную дорогу по существующим переходам и переездам: не построив новых *над* путями, старые стали надолго закрывать перед каждым суперэкспрессом. Новое благо для немногих (пассажиров «Сапсана») стало источником проблем и лишений для многих (областных жителей). Для сегодняшней России это, увы, типично — продвижение по пути развития технического, без решения проблем сопутствующих социальных.

Уже после обнаружения сюжета с «Сапсаном», а через него — автора «Ответа» была найдена информация, что журнал «Форбс» по итогам 2009 года включил О. Дубова в число двадцати самых популярных чиновников-блогеров России, где он занял 8-е место[11] . Впереди него, вместе с блогером-президентом РФ Д. Медведевым на первой позиции оказались лишь чиновники федерального уровня. Губернатор Тверской области Д. Зеленин тоже попал в десятку лидеров рейтинга «Форбс» (10-е место), хотя и уступил одному из своих районных руководителей.

Что представляет собой Оленинский район, один из 36 районов в составе Тверской области? Все его население — 14,4 тыс. человек, из которых 9,2 тыс. (63,9%) живут в 337 деревнях, а 5,2 тыс. — в районном центре, *поселке* городского типа Оленино (и не деревня, и не город). Район — сельскохозяйственный. Это сведения с сайта

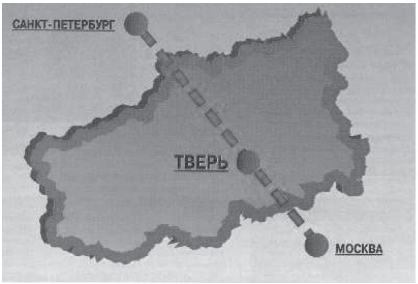
---

[9] *Шацких В.* Устный счет. 15.06.2010. URL: http://www.apn.ru/publications/article22877.htm

[10] *Костюченко Е., Артемьева А.* Жизнь на обочине «Сапсана» // Новая газета. № 60–62. 07–09.06.2010. URL: http://www.novgaz.ru/data/2010/060/23.html?print=201102041548; http://www.novayagazeta.ru/data/2010/061/19.html; http://www.novayagazeta.ru/data/2010/062/04.html

[11] URL: http://yavbloge.ru/chinovniki-blogery

администрации района[12]. Самая что ни на есть сельская глубинка в центре России (рис. 1), объект нашего внимания.



А. Б.

Рис. 1. Схемы локализации Тверской области (А) и Оленинского района (Б)

Лидерство в блогосфере главы района сельской глубинки, выступающего весьма эмоционально и ярко от лица ее жителей, привело к идее использовать его как интернет-проводника по проблемам сельской жизни, ее качества. Для построения первой версии мозаичной и одновременно *целостной* картины сельской жизни в глубинке конкретной. С расширением далее материалов case-study и выходом на обобщения по таким важнейшим составляющим сельской жизни, как образование и здравоохранение, а также по качеству жизни в целом. При этом глава районной администрации О. Дубов оказывается в двойственно-пограничной позиции: и представителя сельской элиты, информированного обо всех сторонах жизни села, и представителя одного из нижних уровней российского общества — по самоидентификации (см. «Ответ»).

Поисковый запрос на сайте «Тверской газеты»[13] публикаций О. Дубова или с его упоминанием дал 31 статью за период 2004–2010 гг., знакомство с которыми помогло, на наш взгляд, приблизиться к пониманию происходящего с тверским, и не только тверским селом[14].

[12] URL: http://www.olenino.ru/

[13] http://www.gazeta.tver.ru

[14] *Методическое примечание.* На сайте администрации Оленинского района (http://www.olenino.ru) в подразделе «Учрежденные СМИ» раздела «Местная власть» есть

О. Дубов стал главой администрации Оленинского района в 1996 г. и с тех пор занимает этот выборный пост бессменно. Это удалось немногим руководителям районов Тверской области, особенно после появления в декабре 2003 г. нового ее губернатора Д. Зеленина. Посетивший Оленино столичный журналист описал поселок сочувственно-кратко: «опрятная бедность»[9], у тверского журналиста, видевшего разные глубинки, впечатление об Оленино иное[15]:

«Каждый раз, когда приезжаешь в Оленино, поражаешься приятным переменам, происходящим в этом небольшом районном центре Тверской губернии. Гладко закатанные в асфальт улицы, нарядные клумбы, фонтан на месте снесенных бараков, ФОК, крытый рынок, клуб, баня, шесть школ, три новых храма, современные магазины, и... урны, урны — тут и там. Ухоженный оазис в нескольких километрах от раздолбанной рижской трассы».

Это расхождение двух оценок показательно — в нем проявлена *относительность* качества жизни, зависящего и от характеристик «нормы» у того, кто оценивает. Отметим это, прежде чем обратиться к публикациям, отражающим взгляды и позиции выбранного нами эксперта сельской жизни.

* * *

На главной странице сайта Оленинского района есть символическая деталь (справа вверху) — открытый ноутбук с этой самой страницей (см. Приложение 1)[16]. Получается этакая виртуальная «матрешка» информационной эпохи — образ жизни с ее проблемами, которые взаимно вложены друг в друга.

развернутая информация о районной газете «Наша жизнь». В частности, дан ее адрес в Интернете (http://nasheolenino.ru). С содержанием сайта этой газеты мы ознакомились *и скопировали его* 04.05.2011, но 23.05.2011 при попытке зайти на него появилось сообщение хостинга timeweb.ru, что сайт не существует (error_domain). Сообщаем об этом эпизоде нашего исследования в качестве примера изменчивости содержания Интернета, создающей проблемы его пользователям при работе с интернет-источниками данных.

[15] *Федоров Н.* В глубинке России // Тверская газета, 10.07.2009. URL: http://www.gazeta.tver.ru/articles.php?id=5674&day=10&month=7&year=2009

[16] *Методическое примечание.* В Приложении 1 — снимок страницы сайта, сделанный операцией Print screen (на клавиатуре компьютера), причем с фиксацией даты и времени операции — для этого курсор помещали на дату в правом нижнем углу экрана. Этот способ документирования изменчивого содержания Интернета нужен, полагаем, для доказательности исследования, основанного на материалах Интернета. Так имеет смысл фиксировать состояние ключевых для работы сайтов на момент извлечения информации.

Так, с сайта района можно перейти на сайт Управления образования районной администрации[17] (Приложение 2). А там (рубрика Общее образование) — самые маленькие информационные «матрешки»: годовые отчеты основных общеобразовательных (1–9 кл.) школ. Их в районе 18. Все, кроме двух оленинских — в деревнях. Отчеты 2009 и 2010 гг.[18] Во многих содержится не только информация о числе учащихся и учителей, о распределении первых по возрасту/классам и вторых — по преподаваемым предметам, но и сведения о населении обслуживаемой школой территории в целом, опосредованно о социальной ситуации (доля детей из малообеспеченных семей, семей неблагополучных, неполных и др.)[19]. Из этих отчетов мы узнаем (*непосредственно, с уровня деревни*), что значительная часть родителей вынуждена регулярно уезжать за пределы района на временные заработки. Каждый отчет завершается перечнем главных проблем конкретной школы. Везде это малокомплектность школы (чаще всего около 20 учащихся и 5–7 учителей; в самой малочисленной Первомайской школе — всего 11 учеников и 5 учителей), которая в ближайшие годы будет лишь обостряться, и второе — планы школьников уехать из родной деревни после завершения учебы. Из отчетов также виден состоявшийся отъезд выпускников предыдущих лет. Сначала для продолжения учебы в 9–11-м классе (или ПТУ) и далее в институты (и на работу — этих данных в отчетах уже нет). В школьных отчетах уже хорошо виден круг связанных проблем продолжающей пустеть деревни:

— отсутствие оплачиваемой работы;

— миграция из деревни в ее поисках;

— нарастание неустойчивости малокомплектных учреждений социальной инфраструктуры (школ);

— миграция из деревни из-за отсутствия инфраструктуры;

— дефицит работников для всех сфер сельской жизнедеятельности;

— финальное угасание жизни в деревне.

Обучение в сельской школе идет на фоне застойной бедности во многих семьях, о которой нам в годовых отчетах сообщает число детей, имеющих право на бесплатное питание в школе (20 руб.

[17] URL: www.olen-uprobr.nm.ru

[18] *Методическое примечание.* Мы просмотрели отчеты *всех* 18 школ за последний год, не выборочно.

[19] *Дополнение.* Наиболее содержательные данные о населении и социальной ситуации в целом (с диаграммами и таблицами) представлены в отчете Холмецкой школы.

в день на ребенка в 1–4 классах и 25 руб. в 5–9 классах). Кстати, все школы частично обеспечивают школьное питание своими силами (детскими), выращивая овощи на учебный год впрок на пришкольных участках[20].

Однако проблема причин исхода молодежи из села сложнее, чем цепочка факторов на схеме выше. Роль еще одного, отсутствующего в схеме, культурного сдвига усиливается компьютеризацией сельских школ и включением в Интернет. В настоящее время 1–2 компьютера с выходом в Интернет есть в *каждой* сельской школе Оленинского района. Это стало еще одним каналом поступления в российскую глубинку множества других культур, образов жизни — дополнительно к их потоку, распространяемому телевидением.

А мы в Интернете смогли увидеть конкурс самодеятельности дома культуры Холмецкого сельского поселения, состоявшийся весной 2011 г. и показанный Оленинским муниципальным телевидением. В нем победила пара из деревни Каденка, показавшая оригинальный танец[21] с легко читаемым подтекстом. Начинается танец в одежде явно российско-провинциальной. Девушка в традиционной длинной юбке, жакетке. На парне — великоватый, обвислый пиджак, кепка. По ходу танца они вдруг эту одежду скидывают, и под ней оказывается современная — короткая стильная юбочка у девушки, стильный жилет и модная рубашка у юноши. И танец стал современным, тоже другим. В целом же — вроде матрешки с сюрпризом модернизации. Всё жюри конкурса, включая главу района О. Дубова, оценило этот номер высшим баллом[22]. (Наш к этому комментарий: если бы всей российской деревне удалось «станцевать» сходный танец с «переодеванием» из ее нынешних «одежд» экономического и социального устройства...)

Отметим доступность через Интернет исследователям сельской жизни богатых содержанием ее эпизодов со множеством деталей.

---

[20] *Бурцева Е.* Позаботимся о здоровье в школе // Караван+Я. URL: http://www.karavan.tver.ru

[21] URL: http://www.youtube.com/user/MultiOMT?feature=mhum#p/a/f/0/5BUPB8IMlMI; сюжет: Избранное (1).

[22] *Дополнение.* Еще пример на ту же тему культурного сдвига молодежи в российской сельской глубинке: в другом телесюжете деревенские мальчишки 10–14 лет состязаются в стрит-дансе. Том самом, в котором лучше всех темнокожие «парни» американских городов и который с русским вприсядку роднит лишь фонтанирующая энергия танца.

* * *

Каковы данные статистики о динамике численности сельских школ? В Тверской области их число с 740 в 2003 г. в 2008-м уменьшилось до 554 (на 25 %)[23]. Этот показатель, вероятно, внес свой вклад в лидерство Тверской области по самому высокому уровню депопуляции в Центральном федеральном округе[24]. Отметим, что получить пригодные для сравнительного анализа статистические показатели сельского населения районов Тверской области по здравоохранению и образованию оказалось невозможно ни через сайт тверской областной администрации[25] (здесь лишь данные, усредненные по всему населению), ни через сайт федеральной службы[26], где нет многих данных именно для сельских поселений Тверской области. Рассматривая проблему по стране в целом, отметим, что за постсоветский период было закрыто 13 тысяч сельских школ (данные на 2010 г.)[27]. В оставшихся 33 тыс. сельских школ продолжают работать 43 % российских школьных учителей (или более 500 тыс. педагогов)[28]. В отношении малочисленных сельских школ позиция Министра образования РФ А. Фурсенко определена: *«Там, где в школе учатся пять ребят, невозможно дать достойного образования... Поэтому мы всецело за создание базовых школ»*. Реализация этой установки, связанная с появлением для многих сельских детей необходимости ежедневно добираться до неблизкой школы, в Псковской области привела к тому, что две трети из них учиться прекратили[29].

В связи с острой проблемой незаменимости небольших сельских школ для села как важнейшего социального ресурса О. Дубов снова проявился на уровне страны, обратившись в декабре 2010 г. в блог Президента РФ Д.Медведева с письмом, в котором он предложил четыре

---

[23] И снова бюджет нетрадиционной ориентации // Тверская газета. 24.20.2008. URL: http://www.gazeta.tver.ru/articles.php?id=4538&day=24&month=10&year=2008

[24] ОАО «Тверьгражданпроект», Генеральный план Ивановского сельского поселения Весьегонского района Тверской области. Положение о территориальном планировании. Ч.1. С. 14. URL: http://www.vesegonsk.ru/index.php?id=1104

[25] URL: http://www.region.tver.ru/deps/

[26] URL: http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst28/DBInet.cgi

[27] *Рыбина Л.* Будет ли государство финансировать школы и больницы, Новая газета, 14.05.2010; URL: http://www.novayagazeta.ru/data/2010/050/02.html

[28] *Андреева Н.* Тысяча смелых Марьиванн, Новая газета, 24.09.2010; URL: http://www.novayagazeta.ru/data/2010/106/14.html

[29] *Нараевская К., Поздняев М.* Наука закрывать // Новые известия, 13.08.2007; URL: http://www.newizv.ru/society/2007-08-13/74381-nauka-zakryvat.html

поправки в вынесенный на широкое обсуждение законопроект «Об образовании в Российской Федерации». Письмо было опубликовано Дубовым и в его блоге, став, таким образом, открытым и широко известным[30]. Письмо, с позиции поддержки, напечатала и «Тверская газета»[31]. В нем предлагается установить для сельских малокомплектных школ сметное финансирование вместо «нормативно-подушевого» (по проекту). И дать юридическое определение малокомплектной школы — это главное. Из 542 поправок к законопроекту по итогам обсуждения дубовская заняла 4-е место в обсуждении и поддержке. Министерство образования не ответило Дубову, но его поддержал запросом известный российский сайт. На сей раз реакция была, но не согласие с автором предложений, а отписка. Комментарий Дубова на это в его блоге был не менее резким, чем «Ответ оккупанту»:

...Социальный апартеид, устраиваемый против нас московскими либерал-реформаторами, является трагедией не только для нас, провинциалов, но и для всей России. <...> Творцы «реформ» как давили сельские школы (а значит, и село в целом), так и будут давить. На всякие общественные обсуждения и на стон тысяч российских деревень они плевать хотели с самой высокой березы[32].

Как видим, автор оценку действий одного из министерств обобщил до диагноза российским реформам в целом. Возвращаясь к профессиональной стороне образования, отметим: у автора есть представление о том, как надо учить детей для получения многими высоких результатов в разных дисциплинах, включая математику[33].

Однако выдержки выше — это идеология и оценочные суждения. Есть ли примеры успешного решения в Оленинском районе конкретных проблем школ, которые бесспорно можно было бы отнести на счет главы района? Есть. В момент прихода Дубова к власти в районе аварийными были восемь школ (одна треть), и за три года ему удалось полностью решить эту проблему. Дальше для большинства школ района достаточно было просто поддерживать их в порядке, вовремя

---

[30] *Дубов О.* Спасем школы! URL: http://spasem-shkoly.livejournal.com/

[31] *Максимов Д.* Спасет ли Оленино Россию? // Тверская газета, 10.12.2010; URL: http://www.gazeta.tver.ru/articles.php?id=7391&day=10&month=12&year=2010

[32] *Дубов О.* Они хотят, чтобы мы жили в каменном веке. 29.04.2011. URL: http://spasem-shkoly.livejournal.com/

[33] matholimp, Образовательный стандарт, в котором не нуждается Россия. 22.02.2011. URL: http://spasem-shkoly.livejournal.com/ со ссылкой на http://matholimp.livejournal.com/581056.html и др.

проводить необходимые текущие работы[34]. Трудно далось завершение строительства нового здания Холмецкой школы, когда работы в на 90 % построенном объекте были фактически остановлены из-за череды препятствий, создаваемых областным руководством. Тогда, в начале 2004 г., Дубов без обиняков объяснил в «Тверской газете» причину[35] — это из-за его приверженности предшественнику Зеленина на посту губернатора области и критики деятельности Зеленина, который сразу приступил к радикальному изменению управления Тверской областью. В том числе к «оптимизации сети образовательных учреждений исходя из численности школьников» — к сокращению числа школ. Совместными усилиями с районным советом и обращением к депутатам Государственной Думы РФ от Тверской области блокаду строительства школы в Холмеце удалось преодолеть, она была достроена.

В этом сюжете, прямо относящемся к процессу обеспечения качества жизни села, главное то, что совершенно не видно из статистических показателей (образования, в данном случае), прячущих за итоговыми цифрами политические решения. Которые часто и задают итог, способный быть совершенно иным при том же наборе исходных ключевых факторов. Итог во многом определяют системы ценностей и цели социальных групп/сил, управляющих развитием. В том числе — когда цели разных сил конфликтуют. Открытый наблюдению конфликт может проявлять качества объектов/субъектов развития, в иных условиях невидимые. Нам повезло найти в Тверской области случай яркого столкновения двух подходов к управлению селом, сельской жизнью — главы администрации области и главы одного из ее небольших районов, дотационного, сельскохозяйственного. Д. Зеленина и О. Дубова.

* * *

С взглядами второго мы уже начали знакомиться, о первом пока почти ничего не сообщили. Этот дисбаланс пора исправить. Ряд пунктов из биографии Д.Зеленина на сайте Администрации Тверской области[36]: уроженец Москвы, 1969 г.р.; окончил факультет управления и прикладной математики Московского Физтеха. В бизнесе с 1989 г.

---

[34] *Максимов Д.* Чтобы в глубинке продолжалась жизнь // Караван+Я. URL: http://www.karavan.tver.ru/html/n1216/article6.php3

[35] *Дубов О.* Ударим «оптимизацией» по селу? // Тверская газета. 11.06.2004. URL: http://www.gazeta.tver.ru/articles.php?id=295&day=11&month=6&year=2004

[36] URL: http://www.region.tver.ru/governor/bio.html

В 1993 г. — зам. председателя Правления «РАТО Банка»; далее — гендиректор «Интеррос», 1-й зам. гендиректора РАО «Норильский никель»; 1-й вице-президент, член Правления и Совета Директоров ОАО «ГМК «Норильский никель» и т. д. Президент «Ассоциации менеджеров России» — крупнейшего объединения бизнес-элиты страны. Последнее — самое сильное свидетельство успеха и авторитета среди соседей по российскому Олимпу бизнеса и политики.

Д. Зеленин в должности губернатора Тверской области стал последовательно осуществлять в различных сферах переход от системы категориальных дотаций и льгот к адресным субсидиям (как и во всей России в это же время), а также реформировать территориальное деление и управление. В 2005 г. им была сформирована новая система сельских поселений с укрупнением территориальных единиц относительно бывших ранее сельсоветов. В Оленинском районе добились, что таких единиц низовой администрации осталось 8 (а не 5 по новому делению), доказав целесообразность такого решения[37]. В 2008 г. в Тверской области началась подготовка к переходу от госдотаций организациям, снабжающим районы твердым и жидким топливом, к прямыми субсидиями населению, с одновременным ростом в разы тарифов на топливо. И здесь Оленинский район оказался среди тех, кто выступил против этих новаций[38]. Причем именно его глава с цифрами убедительно показал, что бремя платежей окажется самым неподъемным в «мазутных» районах (в Андреапольском, Торопецком, Оленинском и др. — рост в 4–5 раз) и для жителей сельской глубинки, где многие не смогут получить адресную субсидию из-за реалий в сфере занятости:

...для назначения субсидии в отдел соцзащиты должны быть представлены справки о доходах каждого члена семьи за последние шесть месяцев. Ни для кого не секрет, что значительная часть трудоспособного населения сельских районов выезжает на неофициальные сезонные заработки, в основном, за пределы Тверской области. Эти люди не имеют каких-либо официальных источников доходов, а значит, и никаких справок у них не может быть. И все эти люди вместе со всеми членами своих семей не имеют никаких юридических оснований для назначения субсидий, это четко обозначено в федеральном законодательстве. А таких семей у нас около 40 процентов[39].

---

[37] URL: http://www.olenino.ru/infomun/2008/10/doklad%20O.I.Dubova.pdf

[38] *Локтев Н.* А если бабахнет // Тверская газета. 03.10.2008. URL: http://www.gazeta.tver.ru/articles.php?id=4445&day=3&month=10&year=2008

[39] Спланированное самоубийство // Тверская газета. 17.10.2008. URL: http://www.gazeta.tver.ru/articles.php?id=4511&day=17&month=10&year=2008

Экономически и социально аргументированной была оппозиция Дубова к отмене «молочной дотации»[40] и монетизации льгот на оплату проезда ряду категорий населения. Добавим к этому модель муниципальных сельскохозяйственных предприятий, которую придумали и внедрили в Оленино, и которая показала свою жизнеспособность[41]. В результате район постепенно обрел репутацию «показательного во многих отношениях», а О. Дубов — «самого социалистического главы района в Тверской области»[42].

* * *

Отдельная интересная тема — как удается удерживаться во главе района активному оппозиционеру изменениям, осуществляемым не только в Тверской области, но и по всей стране? За счет поддержки «снизу». Оленинцы не раз укрепляли позиции своего главы, оказываясь первыми в области и по участию во всероссийских выборах[43], и по «правильности голосования», и демонстрируя сплоченность своей партийной организации «Единой России»[44]. Ее, после исключения из партии[45] и возвращения в нее, возглавил О. Дубов, владеющий искусством партийной риторики[46] и мобилизации всевозможных легитимных ресурсов, включая районный референдум[47], обращения к депутатам Государственной Думы РФ и др.[48]

Иллюстрацией того, как О. Дубову удается решать проблемы, может быть история несостоявшегося сокращения финансирования Оленинской районной больницы. Если в 2010 г. Тверской Фонд ОМС[49]

---

[40] *Максимов Д.* Не заступить за черту // Тверская газета. 25.09.2009. URL: http://www.gazeta.tver.ru/articles.php?id=5967&day=25&month=9&year=2009

[41] *Рыжов В.* Оленинский район. Парадоксы Олега Дубова // Тверская газета. 14.05.2005. URL: http://www.gazeta.tver.ru/articles.php?id=989&day=14&month=5&year=2005

[42] *Рыжов В.* Оленинский район. Парадоксы Олега Дубова // Тверская газета. 06.05.2005. URL: http://www.gazeta.tver.ru/articles.php?id=976&day=6&month=5&year=2005

[43] В Оленинском районе победила «Единая Россия» // Тверская жизнь. 22.03.2011. URL: http://www.tverlife.ru/news/41099.html

[44] 26 или 29? Политическая премьера в Тверской филармонии // Тверская газета. 09.04.2004. URL: http://www.gazeta.tver.ru/articles.php?id=169&day=9&month=4&year=2004

[45] *Николаев В.* Оленинцы пишут Грызлову // Тверская газета,14.11.2004. URL: http://www.gazeta.tver.ru/articles.php?id=572&day=14&month=11&year=2004

[46] Доклады О.И. Дубова на партийных конференциях местного отделения «Единой России» 16.06.2008, 15.05.2009, 18.09.2009. URL: http://www.olenino.ru/info_pol.html

[47] URL: http://www.olenino.ru/info_rech.html

[48] URL: http://www.olenino.ru/infomun/2008/12/obr.jpg

[49] *Пояснение*: Фонд ОМС — обязательного медицинского страхования.

профинансировал этой больнице 22,6 тыс. койко-дней, то в 2011 г. ОМС запланировал снизить эту цифру до 17 тыс. койко-дней, на треть меньше реальной потребности. Снижение обосновывалось «оптимизацией» медпомощи, с концентрацией средств в межрайонных родильных домах и центрах (кардиологическом, перинатальном) на фоне то ли трансформации небольшой районной больницы в амбулаторию (как и других аналогичных больниц в области), то ли сокращения ее штата примерно на 30%. В результате визита к губернатору Д. Зеленину (в декабре 2010 г.) О. Дубову удалось увеличить цифру плана ОМС на 2011 до 19 тыс. койко-дней[50]. Не более. Но когда на выборах в Законодательное Собрание Тверской области в марте 2011 г. Оленинский район дал самый высокий уровень поддержки «Единой России» по области (69,2 % голосовавших), объем медицинской помощи по линии ОМС в Оленинском районе был увеличен до 22 тыс. койко-дней. Подтвердив тем самым слова обращения О. Дубова к землякам, объяснявшего связь выборов с проблемами их жизни: «Результат нашего района на выборах в областное Законодательное Собрание скажется на дальнейшей жизни оленинцев. Районному руководству будет легче решать экономические и социальные вопросы на уровне областной администрации и областного парламента» [40]. Логика вполне парадоксальная. Ценой лидерства района в поддержке правящей партии, социальную политику которой руководитель района остро критикует по всем основным слагаемым, району (его жителям, «своим») обеспечивается право на отсрочку изменений, для села губительных, по мнению Дубова. И укрепление собственных позиций руководителя. Если осмысленность второго результата для Дубова понятна, то смысл первого далеко не столь ясен. Выигрыш времени при надежде на смену курса в социальной политике всей страны?

Но, похоже, таких надежд у Дубова нет. На открытом им сайте «Спасем школу» 26.04.2011 он откликается[51] на получившее большой резонанс выступление Л. Рошаля на Российском медицинском форуме, где были слова и о медицинской помощи на селе[52].

---

[50] *Лазаренко Л.* «Единая Россия» поддержала медиков // Наша жизнь. 31.03.2011. URL: http://www.tverlife.ru/news/41917.html

[51] Медицину в районах приговорили... 26.04.2011. URL: http://oleg-dubov.livejournal.com/221719.html

[52] Вызов врача // Новая газета (в Санкт-Петербурге). № 26 (1766). 18.04.2011. С. 2–3. URL: http://www.novayagazeta.ru/data/2011/041/00.html

Рошаль:

Ввели у нас в здравоохранении понятие рентабельности — жуткое дело! Закрывают больницы и поликлиники, не выстроив систему оказания помощи оставшимся. Съехал я с дороги, остановился у деревушки, идет женщина лет пятидесяти. «Как с медициной?» — спрашиваю я. Передаю суть без всех русских слов, которые я услышал от нее: ФАП закрыли, до ближайшего добираться 30 км. Один доктор. До «скорой» не дозвонишься. Автобус стал дорогим, ходит редко. Кому такая реформа нужна? Думаем про деньги. Впереди встал рубль, а про народ при таком подходе к рентабельности стали забывать. И про медиков тоже.

Дубов:

Доктор Рошаль безусловно прав и его оценки сегодняшнего положения дел в российском здравоохранении объективны. <…> Радикальное (в разы и целыми отделениями) сокращение больничных коек в районах — идея, которой одержимы руководители российского здравоохранения начиная с Зурабова. И преемственность этой идеи полностью сохранилась до наших дней. Официальные мотивы: количество коек должно быть одинаково по числу жителей. Какие-либо особенности при этом не учитываются. Например, то, что сельские жители, которые имеют автобусное сообщение с райцентром раз-два в неделю, просто физически не могут, в отличие от горожан, посещать дневной стационар. Не признается и необходимость стандартного набора стационарных отделений в небольших ЦРБ. <…> с 1 января 2012 года районным больницам вынесен смертный приговор. И не в каких-то отдельных регионах, а в целом по стране. <…> Вступят в силу изменения в федеральном законодательстве. <…> Меняется вся система финансирования больниц. Она становится «одноканальной», полностью за счет Фонда медицинского страхования, без участия не только районных бюджетов, но и областных. Соответственно, и нормативы с 01.01.2012 будут установлены ФОМС на федеральном уровне для всей страны. <…> Количество коек в Оленинской больнице будет определяться не в Оленино и не в Твери, а в Москве. Там, где сидят наши «уважаемые» реформаторы от медицины, ненавидящие российскую провинцию.

Большой объем приведенных выдержек оправдывает, на наш взгляд, то, что они дают ясное представление не только о качестве медицинской помощи жителям села, но и о факторах ее трансформации в современной России, о монетарной логике изменений.

Последние слова цитаты замкнули цепь сюжетов о проблемах и деградирующем качестве сельской жизни в круг. Здесь, как и в «Ответе», у Дубова оппозиция: Москва–провинция, с ее эмоциональной окраской.

* * *

В начале статьи мы определили роль Дубова в нашем исследовании как интернет-проводника по проблемам сельской жизни, ее качества. Своего рода эксперта, выразителя нужд и взглядов деревни как «социального низа». Но роль именно «выразителя», а не «автономного генератора», подразумевает наличие где-то в обществе этой выражаемой позиции, которую тоже можно обнаружить, пусть и не в столь концентрированном виде, как у «выразителя». На сайте тверской газеты «Караван+Я» был произведен поиск публикаций со словами «оккупант» и «колонизатор», маркерными для позиции Дубова — для отыскания его единомышленников. Результат дал поиск по второму слову — найден ряд статей трех тверских журналистов, М. Орловой, Е. Петрова и Г. Климова (главного редактора «Караван+Я»), где «колонизаторами» именуются москвичи, занявшие в Твери ряд крупных должностей в областной администрации. Круг порожденных ими проблем — тот же, что в статьях О. Дубова: разрушительные для села нововведения в сферах образования и здравоохранения, прежде всего.

Е. Петров:

Тверская область начала жить в условиях колонизации весной прошлого года, после того, как были объявлены досрочные выборы мэра Твери[53].

Передний край борьбы тверского народа с нашествием новых колонизаторов — это Конаково. <...> Черная кошка пробежала между главой Конаковского района и губернатором Зелениным, когда команда нового губернатора обнародовала концепцию экономии на социальной сфере. Было объявлено, что области грозит закрытие сельских школ и больниц. На каждый район спустили план, сколько школ и больниц надо закрыть. <...> Попович, человек принципиальный и честный, сразу сказал все, что он думает по этому поводу. <...> Там, где правят зеленинские ставленники, происходит настоящий обвал. Складывается ощущение, что против населения Тверской области развернут

[53] *Петров Е.* Кимры, Конаково, Зубцов и другие города области держат оборону // Караван+Я. № 47 (453). 10.11.2004. URL: http://www.karavan.tver.ru/rss/articles.php3?id=5709

настоящий геноцид, возможно, чтобы очистить эту лежащую между Москвой и Санкт-Петербургом территорию от населения[54].

М. Орлова:

Вновь прибывшим (...) была свойственна психология колонизаторов. Москвичи не понимали устройства политического пространства области и начали делать неуклюжие ходы[55].

...в регионе возник антагонизм между обществом с одной стороны и администрацией губернатора с другой. «Колониальный» стиль правления до добра не доводит, хотя даже британские колонизаторы делали для своих колоний больше, чем нынешние власти. Они открывали (а не закрывали) школы и больницы, боролись с коррупцией местных князьков (а не поощряли ее). Британцы понимали, что они застряли в какой-нибудь африканской глуши надолго и надо достойно нести «бремя белого человека». А нынешние «неоколонизаторы», приехавшие из столицы покорять «темную» провинцию, видимо, чувствуют себя временщиками[56].

Статья, посвященная освобождению из-под стражи экс-мэра Твери О. Лебедева, содержит фразу-восклицание: «*Оказывается, ОНИ могут быть побеждены!*». «ОНИ» — именно так, заглавными буквами — это «колонизаторы». Из других статей этих авторов можно узнать о наличии оппозиции «колонизаторам» среди влиятельных тверских предпринимателей, местных чиновников разного уровня, работников различных СМИ. И что среди их единомышленников «*есть публичные политики, а есть те, кто формирует реальную политику региона, оставаясь при этом в тени*»[57]. В ряде публикаций в контексте — единомышленник, «наш человек» — встречается фамилия оленинского Дубова[58,59]. Таким образом, можно утверждать: в текстах О. Дубова

---

[54] *Петров Е.* Конаково — передний край битвы за Тверскую область // Караван+Я. № 49 (455). 24.11.2004. URL: http://www.karavan.tver.ru/html/n720/article2.php3#3

[55] *Орлова М.* Политическое противостояние: где затихнет, а где вспыхнет // Караван+Я. № 69 (282). 30.08.2000. URL: http://www.karavan.tver.ru/html/n282/article2.htm

[56] *Орлова М.* Все свободны? // Караван+Я. №11 (679). 18.03.2009. URL: http://www.karavan.tver.ru/rss/articles.php3?id=18266

[57] *Орлова М.* Итоги–2008, прогнозы–2009 // Караван+Я. № 2 (670). 14.01.2009. URL: http://www.karavan.tver.ru/html/n1144/article1.php3

[58] *Климов Г.* Турбулентные вихри Куржиямского // Караван+Я. URL: http://www.karavan.tver.ru/html/n806/article4.php3

[59] Владимир Васильев: отвечая на острые вопросы (интервью с Г. Климовым) // Караван+Я. № 25(693). 24.06.2009. URL: http://www.karavan.tver.ru/html/n1190/; http://www.duma-er.ru/pubs/36996

представлена позиция по проблемам сельской жизни не только его, но и влиятельной части местной элиты, думающей о сохранении и развитии своего народа, о его жизни. И с обращением к ее взглядам на истоки проблем и пути их решения круг тверских экспертов для нашего исследования расширяется.

* * *

Для села происходящие изменения — вопрос жизни или смерти. Именно так оценил их главный редактор тверской газеты «Караван+Я» Г. Климов на проведенном им круглом столе по проблемам сохранения сельского уклада жизни и сельскохозяйственного производства. Его мнение:

Сейчас страна подошла к рубежу полной деградации аграрного сектора и самого уклада жизни на селе. Сельское хозяйство надо спасать сейчас, иначе через пять лет село мы просто потеряем. А село — это гарант национальной безопасности страны, её суверенитета. Это не только продовольственная безопасность, но это и обжитость территории и демографическая ситуация. Суверенитет любой нации определяет село.[60]

Другой организатор круглого стола, глава «Союза малых товаропроизводителей» Тверской области В. Солонбеков был согласен с оценкой крайней серьезности ситуации, отводя, впрочем, селу 10 лет до полного финала и увязывая движение к нему с политикой государства по отношению к сельской школе. Многие участники обсуждения говорили о главной, по их мнению, проблеме — как привлечь в сельское производство сельскую же молодежь, массово покидающую родные края после окончания школы — о проблеме кадров для всех сфер жизни российской деревни. И, соответственно, о необходимости повышения уровня и качества сельской жизни, без чего задачи не решаются.

* * *

На фоне тревоги о гибнущем российском селе, которой пронизано множество публикаций, доступных через Интернет, логично посмотреть, каковы контуры будущего в Проектах территориального развития, разработанных для ряда районов и всей Тверской области. И какие ориентиры заложены в этих проектах для населения, качества его жизни. На сайте Тверской области в разделе «Информация об

[60] Сохранится ли жизнь в российском селе? // Караван+Я. 03.2010. URL: http://www.karavan.tver.ru/html/n1262/article5.php3

области. Устройство Тверской области» в качестве образца выложены документы территориального планирования Спировского района. Цель разработки плана определена в них следующим образом: «создание рациональной пространственной организации территории Спировского района Тверской области, обеспечивающей его устойчивое социально-экономическое развитие до 2030 г., *характеризующееся ростом качества жизни населения* и экономики района»[61]. Курсивом мы выделили часть определения, важнейшую для нашего рассмотрения и звучащую вполне оптимистично. Аналогичные разработки тверской организации «Титан-Гео», доступные через Интернет, есть и для других районов, в том числе — Оленинского.

Для области в целом и Старицкого района План территориального развития (ТР) разработали специалисты известного проектного института ЭНКО из Санкт-Петербурга[62], которые решали сходную задачу «достижения устойчивого развития района для обеспечения комфортных условий проживания и высоких жизненных стандартов населения»[63]. Что тоже оптимистично. Планы такого рода содержат большой статистический материал, дающий многомерную характеристику объектного наполнения территорий, распределения на них населения и различных ресурсов. Нас в первую очередь заинтересовали демографические данные — status quo и динамика показателей. В приложении 3 приведен фрагмент карты-схемы Старицкого района, позволяющий увидеть разнообразие поселенческих демографических ситуаций, выделенные планировщиками типы населенных пунктов. Обратим внимание на значительное число «населенных пунктов» без населения (10 из 79 в Приложении 3) и наличие учтенного, но незарегистрированного населения также в значительной части деревень. Второе явление беспокоит тверское руководство не меньше, чем первое — тверские деревни активно заселяются выходцами с Кавказа и Средней Азии, что создает гремучую этническую смесь[64]. Однако

---

[61] Положения о территориальном планировании. ООО «Титан–Гео», Тверь, 2010. С. 10. URL: http://www.region.tver.ru/municipal-struct/stp/spirovo.html

[62] Научно-проектный институт проектного планирования «ЭНКО». URL: www.enko.spb.ru

[63] Старицкий район. Схема территориального планирования. Т. 2. СПб–Тверь : ЭНКО, 2010. С. 9. Раздел «Генеральный план Старицкого района». URL: http://www.starica.org/index.html,.

[64] *Климов Г.* Область в хорошем состоянии ищет население. Обращаться по адресу... // Караван+Я. № 33. 16.08.2006. URL: http://www.karavan.tver.ru/rss/articles.php3?id=11231

планировщики ЭНКО смотрят на это спокойно, как на решение проблемы депопуляции сельской местности, считая, что незначительная естественная убыль населения будет с избытком перекрываться положительным сальдо миграции (без уточнения — откуда и кто появится в качестве нового населения). По прогнозу в проекте общая численность населения Старицкого района к 2015 г. не только не снизится, но даже возрастет на 2,6 % (Приложение 4), хотя и не во всех сельских поселениях — примерно в половине из них. И возрастная структура населения в 2015 г. по прогнозу ЭНКО не катастрофична — дети составят 17,1 %.

Достаточно беглого взгляда на другие территориальные схемы Старицкого района (Приложение 5), где показано местонахождение учреждений здравоохранения (А) и образования (Б), чтобы увидеть главную проблему обитателей большинства сел/деревень не только этого района, а практически всей сельской России — их удаленность от ближайшей школы и пункта, где можно получить медицинскую помощь. В соединении с плохим состоянием многих проселочных дорог это превращается в *труднодоступность базовых социальных услуг*, в причину низкого качества жизни многих селян. И это скрыто в таких показателях, как, например, число коек (или медицинских работников) на тысячу жителей, которыми характеризуют уровень развития социальной сферы в сельской местности, как и в городах. Удаленность/труднодоступность — источник проблем для сельчан и при поиске мест трудоустройства.

В Схеме территориального развития Оленинского района[65] цель определена точно так же, как и в Спировском районе (см. выше) — с ростом и экономики района, и качества жизни населения. Для достижения этого в документе намечено решить 6 задач, 2 из которых — следующие:

— создание предпосылок для перераспределения деловой, градостроительной и человеческой активности из пгт Оленино на территорию Оленинского района, в первую очередь, за счет повышения транспортной доступности всех территорий района;

— реновация сложившейся структуры населенных мест в устойчивую систему расселения, направленную на рост качества сельской среды, в первую очередь, за счет организации новых рабочих мест и создания

[65] URL: www.olenino.ru/mun/tplan/ol_pol.doc

условий равноценного доступа населения района к услугам социально-культурной и бытовой сферы.

Обратим внимание на заявленное стремление к расширению территории района, доступной для всех видов активности и деятельности, и на возможность разных трактовок второго пункта — как с сокращением числа населенных пунктов, так и без него — путем повышения качества жизни по различным его составляющим. Мы видели, как глава Оленинского района борется за его развитие по второму варианту, но видели и мощное влияние решений федеральных и областных органов власти на возможность реализации местных устремлений.

В какой-то момент знакомства с объемистым документом плана продвижения Оленинского района в будущее (112 страниц, десятки таблиц с сотнями исходных и плановых показателей) возникает вопрос — возможно ли в нынешних российских условиях подобное долгосрочное планирование? Или это, скорее, ритуальный документ, отвечающий требованиям начальства, независимо от их выполнимости? Ведь известны последствия невыполнения для тех муниципалитетов, где к 1 января 2012 г. документы территориального планирования не будут готовы — их ограничат в полномочиях распоряжения земельными участками[66]. Как подтверждение нашего сомнения можно расценивать признание разработчиков плана для оленинцев, спрятанное глубоко в тексте документа (с. 41), в разделе о демографических перспективах: *«...методики расчета, позволяющего учесть возможные социальные и экономические изменения для малонаселенных территорий — отсутствуют»*[67]. И сделанный ими демографический прогноз построен на простой экстраполяции данных за прошлые годы на 2010 год (Приложение 6). Происходившая ранее депопуляция Оленинского района будет продолжаться, и общая численность населения с 13582 человек в 2007 г. к 2015 г. снизится, по прогнозу, до 12 тыс. человек. Ключевые факторы этого процесса по данному документу — старение населения и вынужденная трудовая миграция варьирующей продолжительности в поисках работы. И, кроме того: *«наиболее актуальными проблемами, после проблемы занятости, для всех слоев населения являются невозможность получения жилья, отсутствие газификации, отсутствие качественного медобеспечения, социальной*

[66] *Нестерова Н.* Торжокскому району планируют будущее // Тверские ведомости. № 28 (1812). 16.07.2010. URL: http://www.tveroblpress.ru/tverskie_vedomosti/186/4086.html

[67] URL: www.olenino.ru/mun/tplan/ol_pol.doc (с. 41).

помощи, детских садов, школ, отсутствие качественных автодорог.»[68] Разработчики Плана развития, характеризуя нынешнее состояние, по сути, признают — отсутствует почти всё, что необходимо для приемлемого качества жизни.

«Повышение качества жизни на селе» определено как Цель–1 принятой в 2008 году Программы Тверской области «Государственная поддержка развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Тверской области на 2009–2012 годы»[69]. В Программе есть пункт о проведении раз в год социологических исследований по изучению общественного мнения по вопросам, касающимся реализации целей Программы. Но в ней совершенно отсутствуют какие-либо иные элементы технологий социального конструирования/управления. Нет в ней и перечня каких-либо подлежащих мониторингу показателей качества жизни. В итоге «качество жизни населения» и его повышение оказываются лишь декларированным следствием конкретных бизнес-проектов в сфере сельского производства. Не более чем декларацией. Ответственный за продвижение к Цели–1 департамент по социально-экономическому развитию села Тверской области изначально имеет в тексте Программы объяснение того, что его работа не увенчается успехом: *«...возможно, деятельность других исполнительных органов государственной власти Тверской области будет создавать иные ориентиры развития в соответствующих сферах»* (с. 45). Характер этой программы по отношению к потребностям населения замечательно продемонстрирован наличием в ней таких абсурдных плановых показателей как «количество просмотров сайта департамента по социально-экономическому развитию села Тверской области» (за год) и «количество обращений за консультацией» граждан на него же (в табл. 2.3.4 Программы).

* * *

В серьезной статье под ироничным названием «Детская болезнь “правизны” в капитализме»[70] главный редактор еженедельника «Караван+Я» Г. Климов, оценивая в конце 2004 г. губернаторскую

[68] URL: www.olenino.ru/mun/tplan/ol_pol.doc (с. 43)

[69] URL: http://www.depagr.tver.ru/TGS/depagr_new/depagr.nsf/pages/dolgpogramma.html (с. 10).

[70] *Климов Г.* Детская болезнь «правизны» в капитализме // Караван+Я. № 51 (457). 08.12.2004. URL: http://www.karavan.tver.ru/html/n724/article2.php3

деятельность Д. Зеленина, отмечал тогда отсутствие важной для успешного развития Твери и Тверской области работы по социальному конструированию и управлению. Социального конструирования нет и в рассмотренных выше технократических Планах развития, появившихся после пребывания губернатора Зеленина на своем посту в течение нескольких лет. Независимо от этого статья Климова сохраняет свою актуальность для понимания процессов в меняющейся тверской жизни, поскольку в ней раскрыты глубинные основания того, что составляет суть «тверского, или русского, либерализма». Того, что определяет особую роль Твери, всей тверской земли с ее жителями — в России. Поэтому приведем здесь основные положения этой статьи.

«*Феномен Тверского региона* — отражать, как в капле воды, общерусские тенденции — объясняется тем, что в геополитическом и социокультурном плане это земля «пограничья». Запад области — это уже русская Европа, восток — это край русской «Азиопы» — «дурного синтеза Востока и Запада», называемого еще «русской ложью».

— «Земли восточнее Твери — это уже не Европа, а Московия, народы которой причудливо объединили в себе нравы Орды, Византии и Европы. При этом в Московии периодически возникают времена варварства, «безвременья», когда общество продуцирует ситуацию самоуничтожения, когда вдруг из западной и восточной культуры начинает браться все самое худшее и делаться нормой жизни.

— Тверские, или русские, европейцы всегда подвергались давлению со стороны носителей так называемой культуры Московии или «Азиопы». В ответ выстраивали свою идеологию развития, находя ответы для России не только на вопрос «*Что* делать?», но и «*Как* сделать так, чтобы не было хуже?».

— Поэтому Тверской регион — это своеобразная политическая лаборатория, которая оказывает огромное влияние на всю российскую историю.

Рассматривая идейные истоки «тверского либерализма», Г. Климов вспоминает и А.И. Герцена, и Г.В. Плеханова, и Г.П. Федотова, и А. Унковского, и Л. Гумилева. Особо отмечает он вклад в понимание современной России профессора МГУ А. Кара-Мурзы.

Г. Климов полагает, что в последние годы «тверской либерализм как идеология русского европейства приобрел новый импульс развития», вследствие чего «ученые, политологи, журналисты, общественные деятели стали широко развивать идеи *«нравственности власти»*. Эти новые идеи стали проникать в сознание масс, носителями их стала

значительная часть тверской элиты, в той или иной степени даже представители власти». Оппозиция ведомым Москвой реформам — тому в них, что от «азиопства» — усиливается за счет подключения исторического опыта борьбы российских западников и почвенников.

Очевидно, что этот контекст наполняет более высоким смыслом сопротивление жестким социально-политическим новациям в жизни села, которое мы наблюдали в Оленинском районе — в нем явным образом фиксируется нравственная основа неприятия и сопротивления. А за фигурой нашего эксперта-проводника по проблемам села О. Дубова появляется возможность увидеть общность людей, включая часть региональной тверской элиты, объединенных не ситуативно, а системно-мировоззренчески[71].

* * *

Подведем *итог на сегодня* нашего эксперимента с погружением — из Петербурга, через Интернет — в жизнь российской сельской глубинки для оценки ее качества. На примере конкретного региона России, материалов о нем в Интернете, сделан эскизный анализ сельской жизни, сопряженной с депривацией из-за труднодоступности основных услуг, образования детей и здравоохранения, наряду с другими причинами.

Мы убедились, что уже в настоящее время проникновение Интернета в социальные структуры на нижних уровнях общества позволяет получать разнообразную информацию об их состоянии от них непосредственно. При этом существует техническая возможность дистанционной обратной связи исследователя с изучаемыми объектами-субъектами, включения в их сетевые взаимодействия на правах одного из элементов Сети. И хотя в рамках данного исследования мы ограничились наблюдением-анализом, это — следующий шаг в развитии технологий мобилизации социальных ресурсов общества и для решения частных возникающих перед ним проблем, и выстраивания стратегии развития «в целом — системно».

Это — способ социально-сетевой *эволюционной* самоорганизации общества.

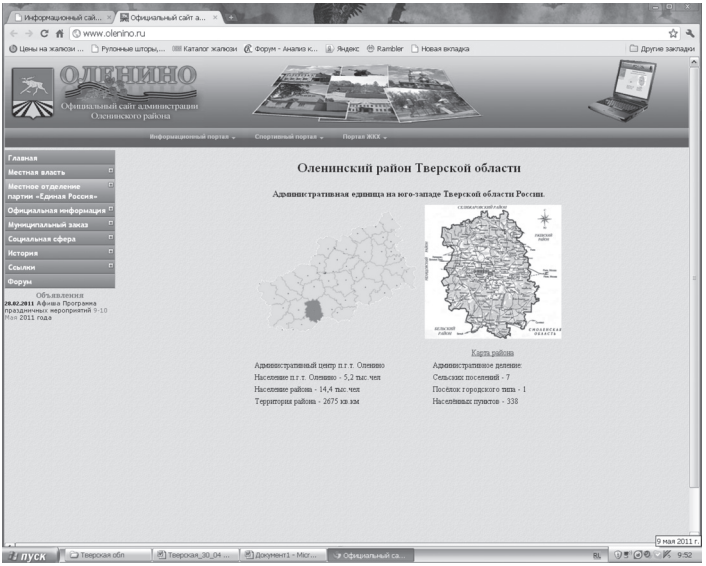
Мощь Интернета как ресурса *революционного* социального изменения уже не раз была продемонстрирована в последние годы во многих странах мира. В значительно меньшей степени накоплен опыт

[71] *Примечание.* Работа над статьей уже была завершена, когда СМИ сообщили (16.07.2001), что губернатор Д.Зеленин отправлен президентом России в отставку из-за неудовлетворительного положения дел в области.

использования ресурса Интернета для успешного эволюционного развития социума, с опорой на научный анализ его состояния и проблем. И социологам еще предстоит определиться и со своей ролью в этом, и с формами участия в реализации возможностей Интернета, и с кругом сетевых субъектов своих коммуникаций в ходе исследований с трансакцией. Пока же информационный взрыв в новом сетевом мире, как констатировал еще в 1995 г. Кришан Кумар, «не произвел никаких радикальных сдвигов ни в том, как организованы индустриальные общества, ни в том, куда направлено их развитие. Господствуют те же императивы получения прибыли, власти и контроля, как это было всегда в истории капиталистического общества»[72]. Добавим — общества, по-прежнему временами то там, то здесь сотрясаемого восстаниями социальных низов.

Приложение 1

Главная страница сайта администрации Оленинского района Тверской области



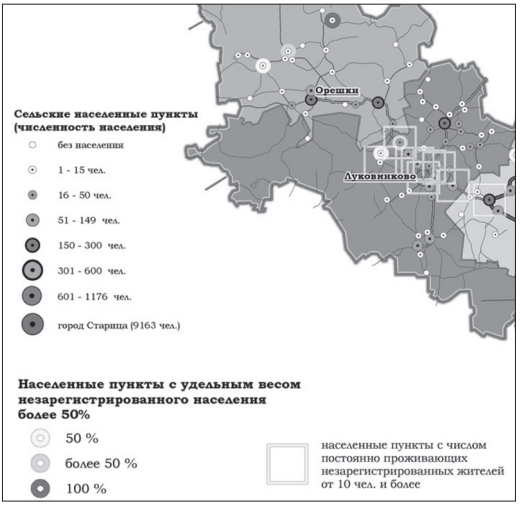
[72] *Kumar K.* From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theories of the Contemporary World. Oxford: Blackwell, 1995. P. 154. (Цит. по: *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 370).

Приложение 2

Главная страница сайта Управления образования Оленинского района

Приложение 3

Численность и состав жителей — зарегистрированных и незарегистрированных (фрагмент схемы из Плана ТР Старицкого района Тверской области)



Приложение 4

Прогноз численности и структуры
постоянного населения Старицкого района
(из Плана ТР Старицкого района Тверской области)

Территория	2009 г., факт, человек	2015 г., прогноз, человек	в т. ч.		
			Моложе трудо-способного	Трудо-способ-ного	Старше трудо-способного
ГП г. Старица	9153	9680	1650	5670	2360
Сельские поселения:					
Архангельское	1262	1360	230	680	450
Берновское	1379	1430	250	700	480
Васильевское	811	810	140	390	280
Емельяновское	1464	1200	200	540	460
Корениченское	415	350	60	160	130
Красновское	980	910	160	430	320
Луковниковское	2046	1590	270	700	620
Ново-Ямское	2509	2870	490	1460	920
Орешкинское	572	420	70	180	170
Паньковское	1205	1360	230	690	440
Старицкое	1981	2500	430	1310	760
Степуринское	1841	1880	320	920	640
ИТОГО	25618	26360	4500	13830	8030
Возрастная структура, %	100,0	100,0	17,1	52,5	30,4

Приложение 5

Местонахождение учреждений здравоохранения (А) и образования (Б) в сети населенных пунктов (фрагменты схем из Плана ТР Старицкого района Тверской области)

А.

Б.

Приложение 6

Результаты прогноза численности населения в Оленинском районе Тверской области (из районного Плана ТР)

	2007	2010	2015	2025
Общая численность населения:				
оба пола	13 582	12 950	12 024	10 718
мужчины	6 117	5 873	5 440	4 826
женщины	7 465	7 077	6 584	5 892

СУБЪЕКТИВНОЕ И ОБЪЕКТИВНОЕ В БИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ

Н.Н. Цветаева

БИОГРАФИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ: МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ЦЕННОСТНОЙ АДАПТАЦИИ К СОЦИАЛЬНЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ

В статье представлены некоторые результаты качественного исследования материалов Биографического фонда института[1]. На основе биографических нарративов представителей двух поколений анализируются различия их ценностной адаптации к социальным изменениям.

Ключевые слова: биографические нарративы, социальные изменения, ценностные ориентиры

Надо признать, что происходившие в российском обществе радикальные социальные изменения, начатые перестройкой, долгое время сопровождала неясность, какие ценностные ориентиры не на уровне лозунгов и слов, а на уровне повседневной жизни людей должны придти на смену советской модели жизненного устройства и наполнять новую нормативную модель, которая была обозначена словами «свобода», «рынок» и «демократия»[2]. В социологических опросах эта проблема рассматривалась посредством выяснения соотношения между либеральными

[1] Биографический фонд был создан в институте в 1989 г. В число материалов Фонда входят автобиографии, биографические интервью, генеалогии, дневники, семейные хроники, а также материалы нескольких тематических биографических конкурсов. Собрание Фонда постоянно пополняется, и сегодня Фонд насчитывает более 700 единиц хранения.

[2] О непроясненности представлений общества о новой нормативной модели жизненного устройства говорилось во многих публикациях. Наиболее интересно, на мой

и советскими ценностями, которые респонденты должны были ранжировать по тому или иному предложенному исследователями списку ценностных концептов. Однако результаты этих опросов почти невозможно было сравнивать из-за различий не только в смысловых характеристиках этих концептов, но и в структуре экспертного знания, вносящей свои коррективы в обзор получаемой разными исследователями картины.

Наиболее очевидным показателем ценностной адаптации общества к происходящим изменениям, по всей видимости, надо признать изучение мотивации достижения, которая рассматривалась как одна из основных либеральных ценностей[3]. И типологии адаптивного поведения, которые строились по результатам опросов населения, в основном опирались на составляющие этой ценности — активность, рациональность и стратегический расчет человека в его адаптации к переменам. Но результаты построенных таким образом типологий говорили о том, что и через десять лет перемен, которые должны были активизировать мотивацию достижения «простого советского человека», преобладали пассивные формы адаптации[4].

Изложенная в статье интерпретация биографических нарративов дополняет и расширяет диапазон видения того, как происходит и происходила ценностная адаптация общества к социальным изменениям, начатым перестройкой. Представляя смысловые структуры обыденного сознания «изнутри», в контексте реалий жизни людей, биографические нарративы позволяют увидеть структуру осознаваемого человеком жизненного опыта и тех ценностных ориентиров, в которых этот опыт осмысливается. Тем самым они дают возможность следить за динамикой и особенностями происходящих в обществе социально-культурных изменений, раскрывая сложность и противоречивость реальной жизни и продуцируя гипотезы для изучения еще не выраженных ясно тенденций общественного развития.

Статья основана на сравнительном анализе биографических нарративов представителей двух поколений — старшего поколения российского общества, формативный период жизни которого приходится на советское время, и молодого поколения, формативный период жизни

взгляд, эту проблему анализировал Б.Г. Капустин в своей статье «Конец «транзитологии»?» // Полис. 2001. №4. С. 6–26.

[3] См., например: *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 8.

[4] *Левада Ю. А.* Homo Post-Soveticus //Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 5–10.

которого приходится на время реформ при переходе к рыночной экономике. Понятие «формативный период» в терминологии Манхейма — период 17–25 лет, когда формируются нормы и ценности, которые почти без изменений остаются ориентирами на всю жизнь[5]. Таким образом, нарративы этих поколений дают возможность наиболее рельефно увидеть, что происходит с ценностными ориентирами советской эпохи, и как формируются ценностные ориентиры постперестроечной эпохи[6].

Ориентиры старших поколений: приоритет ценностей «высокой» культуры и духовности

Представители старшего поколения в своих биографических нарративах демонстрируют приверженность культурной модели советского времени, которая поддерживала приоритет ценностей «высокой» культуры и духовности, противопоставляя их ценностям материальным. Когда они рассказывают о материальных трудностях нового времени, то в качестве альтернативы этим трудностям называют «*духовную сторону жизни*», «*любовь к природе и чистому искусству*», стараются «*забыть материальную неустроенность, посещая филармонию и читая книги*», кланяются «*нашей культуре — театрам, музеям, концертам*», видят «*ценность жизни не в покупке нового ТВ, а в дружной и любящей семье*».

Разумеется, само по себе такое противопоставление «*духовной стороны жизни*» материальным ценностям довольно условно. Нельзя не согласиться, что в каждом человеке есть какая-то часть, которая играет по правилам инструментальной рациональности, и другая часть, которая закрыта и подавляется этим миром инструментальной рациональности: культурные корни, личностная идентичность, игра воображения. Однако в нарративах представителей старших поколений приоритет ценностей высшего уровня над материальными ценностями подчеркивается довольно демонстративно. Причем такую позицию занимают не только люди с высшим образованием.

Отметим и тот факт, что высказываемая представителями старшего поколения приверженность ценностям высшего уровня не связана с высоким уровнем их жизни. Таким образом, эта приверженность не

[5] *Семенова В.В.* Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М. : РОССПЭН. 2009. С. 21.

[6] Все анализируемые биографические нарративы хранятся в Фонде и написаны в начале 2000-х гг.

свидетельствует о сдвиге приоритета от материалистических ценностей к ценностям постматериальным, как это обнаружено в современных западных обществах[7]. В то же время эту приверженность нельзя назвать лукавством «простого советского человека», который демонстрирует одни ценности, а живет другими[8]. Скорее можно говорить о рассогласованном габитусе, несоответствии старой и новой систем восприятия и оценивания действительности[9]. Другой вопрос, что этот своеобразный идеализм представителей старшего поколения можно рассматривать как идеологический конструкт, как результат российских «волн Просвещения», просветительских тактик советского времени, а не экономических процессов[10]. И тогда, например, можно объяснить, почему приверженность старших поколений «высшим» ценностям спокойно уживается в их нарративах с противоречиями и незрелостью гражданского сознания[11].

Демонстрируемая представителями старшего поколения приверженность культурной модели советского времени объясняется также их разочарованием в произошедших переменах и является своего рода защитной реакцией, желанием сохранить смысловую целостность жизни. Объяснимо и то, что острее всего это разочарование обнаруживается в нарративах образованных людей. Для большинства из них статусные ценности, престиж образования и профессии, завоеванные в прежнюю эпоху, оказываются более значимыми, нежели прагматичный подход к реалиям настоящего времени. И они часто считают *унизительным* для себя быть прагматичными и поступаться этими ценностями ради материальных ценностей:

«В ноябре у нас дома каждый год встречаемся с бывшими сослуживцами. Нас перестройка раскидала кого куда, и теперь ни одной из нас не осталось в КБ. Некоторые уже пенсионеры и не работают, другие работают, например, у новых русских убирают квартиры, сидят с их детками. А ведь

---

[7] *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 8.

[8] *Левада Ю. А.* Homo Post-Soveticus // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 20.

[9] *Бурдье П.* Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 162.

[10] *Козлова Н.* Волны Российского просвещения, или Зачем люди играют в слова // Общественные науки и современность. 1993. № 2. С. 55.

[11] *Цветаева Н. Н.* Логика жизни и логика идеологии через призму советской эпохи // Петербургская социология сегодня : Сб. науч. тр. Социологического института РАН. СПб. : Нестор-История, 2009. С. 131–144.

эти женщины все получили высшее образование, были неплохими специалистами. Вот и меня одна женщина упрашивала пойти в домработницы к ее директору, но я отказалась, посчитала, что это унизительно для меня». (Ж., бывший ведущий инженер Кировского завода, 59 лет).

В этой позиции отчетливо выражено вполне понятное с точки зрения ценностей советского времени нежелание терять статус и неприятие новой модели социальной стратификации и новой жизненной перспективы, в которой «деньги» заменяют «культурный престиж». В принципе, такое столкновение «денег» и престижа не может иметь места в современном стабильном обществе, хотя история советского общества опровергает это. Так, советским людям было не привыкать, что статус и доход могли существенно расходиться, и инженер, например, мог зарабатывать меньше рабочего. Кроме того, в этой позиции отражена особая роль высшего образования в советском обществе, которое в условиях запрета частнопредпринимательской деятельности оказывалось едва ли не единственным средством повышения социального статуса.

Но даже те из представителей старшего поколения, кто не проявлял особой щепетильности в попытках адаптироваться к новому ценностному порядку жизни, часто сталкивался с проблемой тщетности собственных усилий. И в целом их нарративы свидетельствуют, что возможности социально продуктивного поведения, которые обнаружились в меняющемся российском обществе, оказались суженными и поставили перед многими из них вопрос о «цене» достижения: *«Да, я могла бы набрать абитуриентов, заниматься с ними с утра до ночи математикой и копить деньги. Но зачем? Купить лишнюю тряпку я при этом смогу, а виллу на Канарах — нет. Т. е. вкалывай как лошадь или не вкалывай, а в другой социальный слой не перейдешь»* (Ж., кандидат наук, 60 лет).

Однако наиболее серьезным ограничением для ценностной адаптации представителей старшего поколения к новому порядку жизни оказывается необходимость нарушать привычные нормы и моральные запреты. В своих нарративах они говорят о том, что потенциал их активности сдерживается доминированием неформальных «правил игры» над формальными. В результате даже те из них, кто имеет востребованные профессии, но не желает нарушать моральные нормы и запреты, приходят к следующему выводу: *«В общем, не вписываемся мы в рыночные отношения, если первым делом — “баксы”, а все остальное — в том числе и реальное дело — потом»* (М., инженер-изобретатель, 62 года).

При этом людей этого поколения часто трудно обвинить в пассивности. Описываемые ими в нарративах попытки приспособиться к новому порядку жизни располагаются в диапазоне от прямого сопротивления и морального осуждения произошедших перемен до попыток активно вписаться в него, используя не только смену работы и места жительства, но и такую новую практику, как покупка акций. В нарративах описывают и случаи, когда человек делает множество попыток адаптироваться к переменам и принять новое, но все эти попытки оказываются безуспешными и оставляют его в смятении: *«Споря с отцом когда-то, я обвиняла КГБ во всех смертных грехах. Но сейчас уже смотрю на все иначе. Бесконечная работа, вечно связанная с криминалом, жуткие разборки с квартирой... В стране все перевернулось с ног на голову... Я так устала от всего, что творится у нас вокруг. И не поймешь, какой у нас строй. И кто у нас правит всем в государстве. И почему это «мафия» сильнее государства. Газеты пишут о ком-нибудь, что он связан с криминалом, а он выставляет свою кандидатуру на выборах...»* (Ж., 62 года).

Ориентиры молодых: прагматизм и здравый смысл

Как свидетельствуют нарративы представителей молодого поколения, они легче, чем старшие, «*вписываются» в рыночные отношения*». Можно даже утверждать, что их нарративы упорядочивает новая логика, в которой на смену утверждаемым советской идеологией ценностям высокой культуры и духовности приходит жизнь «без идеологии» — жизнь, больше ориентированная на прагматизм и здравый смысл, нежели на объединяющую силу идеологических конструктов. Об этом свидетельствует общий фон их отношения к переменам, который характеризуется тем, что жизнь для них стала более откровенной, менее прогнозируемой или, если использовать часто употребляемое ими выражение, *нескучной: «Во время социализма было скучнее, спокойнее — была уверенность в будущем, люди спокойно ждали пенсии и не боялись умереть от голода — но все же скучнее»* (Ж., 26 лет).

Кроме того, в своих нарративах молодые люди открыто, иногда даже цинично говорят о материальных интересах, что было совершенно немыслимо для поколения их родителей, живших в советское время. Можно ли, например, представить, чтобы советская девушка в возрасте двадцати с небольшим лет говорила о том, что «*нашла себе через газету немолодого друга с достатком*» и тем самым «*решила материальные проблемы*», или же о том, что «*стыдно быть бедным*».

В этих откровенных высказываниях молодых читается не только разрушение ценностного порядка советского времени, но и довольно упрощенные представления о новом. Объяснить эти упрощенные представления вряд ли можно только тем, что молодежь во все времена является носителем упрощающих тенденций в силу отсутствия у нее исторической памяти[12]. Скорее это упрощение — результат жестких реалий жизни российского общества, того самого доминирования неформальных правил игры над формальными, о котором говорится и в нарративах старших поколений. Новый ценностный порядок воспринимается молодыми как необходимость «*жить в отсеке сегодняшнего дня*», т. е. не строить долгосрочных планов, а подходить к жизни инструментально, используя подвернувшиеся возможности и не затрудняясь моральными оценками: *«Эпоха перемен мне видится, прежде всего, в том, что нарушен привычный сценарий жизни людей. Раньше было примерно так: ясли–сад–школа–институт–брак–накопления– дети. В общем, планировать можно было на срок от 5 до 25 лет вперед. А сейчас, в период катаклизмов, нам рекомендуют "жить в отсеке сегодняшнего дня". А люди-то полуграмотные. Они все понимают буквально: надо пропить деньги сегодня, а то завтра их не будет. Чтобы не работать, нужно найти богатого спонсора. Или забеременеть от кого попало и шантажнуть»* (Ж., 25 лет).

К необходимости «*жить* в *отсеке сегодняшнего дня*», которая определяет прагматичный настрой молодых, можно добавить и такие хорошо известные факты, как падение престижа интеллигенции, коммерциализацию института образования и усилившуюся и «помолодевшую» социальную дифференциацию в возможностях его получения. Прагматичными молодых людей делают и фактически легализованная возможность (скорее необходимость) сочетать учебу на дневном отделении с работой (так называемая вторичная занятость студентов), и инфляционные процессы в сфере высшего образования, а также девальвация ряда дипломов на рынке труда и неустойчивость профессиональной карьеры дипломированных специалистов. Все эти свидетельства перехода общества к прагматизму рыночных отношений делают адаптивные практики молодых приземленными и конкретными: *«Я реально оцениваю свои силы — без денег и связей поступить на "модный" факультет в государственном вузе мне, как я тогда полагала, не светило...»* (Ж. 26 лет).

[12] *Козлова Н.Н.* Упрощение — знак эпохи? // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 11–21.

Когда же молодые люди не проявляют достаточной гибкости в понимании ориентиров сегодняшнего дня и возлагают надежды на родительские модели поведения (например, на получение высшего образования как единственный способ обретения высокого социального статуса), в их нарративах можно прочесть разочарование, следы так называемой «революции фрустрированности»[13]: *«Чтобы не сойти с ума от такой бредовой жизни, возникла не менее бредовая идея получить юридическое образование в дополнение к высшему техническому. В результате — нет никакого результата. Коммерческие институты переобучили все население на юристов. Куча дипломов и никакой специальности. По самой высшей протекции удалось устроиться оператором в котельную...»* (М., 29 лет).

Несмотря на то, что крен в сторону прагматичного отношения к жизни в нарративах молодых вполне очевиден[14], одни из них выглядят больше «идеалистами», другие — больше «прагматиками». Идеалистами, как правило, предстают молодые люди из образованных семей, в той или иной степени ориентированные на культурную модель своих дисциплинированных советской эпохой родителей: «*Почему у меня получается только про жизнь, ведь в ту пору уже вовсю шли перемены. Люди не только становились нищими, но и наживали капиталы. А я жила для любви и ради любви. Я всегда считала, что истинным тылом для человека является семья. И до сих пор (стыдно признаться) верю в эту скучную фразу "не в деньгах счастье" и даже про рай в шалаше... Но сейчас мне кажется, что в этом была моя ошибка — думать только о чувствах, и что теперь, в 27 лет, карьеру сделать очень сложно, сложно даже найти работу по специальности (кому нужен экономист без опыта работы?)...»* (Ж., 27 лет).

Эту позицию подтверждают и результаты исследования идентичности гуманитарной интеллигенции, которые говорят о том, что в рефлексивном проекте российского интеллигента среди традиционного набора качеств образованности, совестливости, духовности почти начисто

---

[13] *Согомонов А.Ю.* Феномен «революции притязаний» в культурно-историческом контексте // Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 годы. М.: Ин-т социологии РАН, 1998. С. 114.

[14] Надо заметить, что прагматичное отношение к жизни, которое читается в нарративах представителей молодого поколения, находится в русле описываемого многим социальными исследователями процесса индивидуализации. Зигмунт Бауман, например, полагает, что в современном «индивидуализированном» обществе каждый человек вынужден индивидуализироваться и быть прагматичным, что *это не его выбор*, *а судьба*, структурное принуждение. См.: *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 66.

отсутствуют составляющие успешной жизни: динамизм, признание, достижение, удачливость, карьера[15].

В свою очередь молодым людям из семей с низким социально-профессиональным статусом, как свидетельствуют их нарративы, не нужно учиться прагматичному отношению к жизни, и они демонстрируют «глубокий реализм адаптивного габитуса», который присущ людям из нижних страт общества[16]: «*Учиться я не видела необходимости, так как специалисты-педагоги уже не требовались, а экономистом я быть не могла — с математикой не дружу. Двоечницы наши сейчас бухгалтера, а хорошисты в глубинке растят детей, будучи безработными. Оценки в школе ни в коем случае не отражают уровень знаний о жизни, с высшим образованием сразу после института берут только на очень невысокий заработок как специалиста без стажа, а на что человек будет жить, никого из работодателей не волнует. Отсюда вывод: сначала научиться что-нибудь делать руками, а уже потом совершенствовать голову*» (Ж., 27 лет).

Однако реалистичное отношение к жизни молодых людей из низших слоев общества, вынужденных приспосабливаются к обстоятельствам, «выбирая необходимость»[17], не означает, что утрата иллюзий равенства, оставшихся от советской эпохи, дается им легко: «*Мамы, папы занимались формированием мировоззрения своих деток, а я плыла по какому-то вольному сценарию. Когда пришло ко мне прозрение, что я пишу свою жизнь почти без участия родителей, мне стало себя жаль из зависти: кому-то оплатили престижный вуз, кому-то нашли завидного жениха, кто-то очень умный и сам всего добился. А я, как же я? А я проявила себя способной швеей...*» (Ж., 26 лет).

Заключение

Обнаруженные в биографических нарративах представителей этих двух поколений особенности ценностной адаптации к происходящим в российском обществе социальным изменениям подтверждают ряд положений современной социальной теории.

---

[15] *Левичева В.Ф.* Гуманитарная интеллигенция: основания корпоративной идентичности // Социс. 2001. №2. С. 57.

[16] *Бурдье П.* Социальное пространство и генезис “классов”// П. Бурдье. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 66.

[17] *Пекка Руус*. От фермы к офису: уверенность в себе и новый средний класс // Вопросы социологии. № 1/2. 1993. С. 141.

Нарративы свидетельствуют, что социальные изменения всегда обусловлены не только новыми «правилами игры», установленными властью. Они во многом обусловлены также и тем, как эти правила в результате разного рода практик повседневной жизни (в том числе и называемых по результатам опросов населения «пассивными») становятся привычными для людей или же обходятся ими, не принимаются[18].

Нарративы проясняют и еще одно положение современной социальной теории. Для объяснения мотивации достижения, считающейся одной из основных ценностей современного общества, недостаточно обращения к стандартной рациональности. Люди часто ведут себя нерационально. «Агенты в некотором роде скорее *натыкаются* на собственную практику, чем выбирают ее свободно или подталкиваются к ней путем механического принуждения»[19]. Это значит, что мотивацию достижения (как и другие ценности) необходимо рассматривать как результат пересечения многих причинных взаимосвязей, тесно связанных с конкретным социально-культурным контекстом[20].

И, наконец, нарративы говорят о том, что адаптивные практики и мотивирующие их ценности нельзя строго разделить на старые и новые. Как известно, в советское время многие из используемых сегодня практик были довольно редкими, а некоторые из них — нелегальными, но в результате происходящих в обществе изменений превратились в массовые и легальные. И если иметь в виду их сегодняшнюю массовость и легальность, их можно назвать новыми, но если говорить об истории их становления до того, как они появились в массовом масштабе, они давно уже новыми не являются. Это переплетение старого и нового оказывается значимым для характеристики взаимосвязи практик и мотивирующих их ценностей, позволяя прочесть не только историю их появления, но и наиболее рельефные «узлы» этой взаимосвязи — и тем самым увидеть, как в переломные эпохи жизни общества происходит «переоценка ценностей» и, соответственно, как меняется логика повседневной жизни и культуры общества в целом.

---

[18] Это положение современной социальной теории в нашей литературе наиболее полно проанализировано в ряде работ Н.Н. Козловой. См., например: *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: ИФ РАН, 1996. С. 85.

[19] *Бурдье П.* Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 161.

[20] *Радаев В.В.* Хозяйственная мотивация и типы рациональности // Социологический журнал. 1997. № 1. С. 183–200.

К.С. Дивисенко

ГЕНДЕРНЫЕ ИДЕАЛЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В статье приводятся результаты исследования представления старших школьников о качествах идеальных женщин и мужчин. Исследование позволило сделать выводы, что в сознании школьников присутствует относительно четко сформированное представление об идеальной женщине с преимущественно традиционно патриархатными чертами, но ни у девушек, ни у юношей нет четкого представления о том, каким набором качеств должен обладать идеальный мужчина. Данное обстоятельство может быть интерпретировано как «кризис маскулинности».

Ключевые слова: старшие школьники, гендерный идеал, гендерный стереотип, кризис маскулинности

Введение

По степени публикационной активности и числу разрабатываемых учебных программ можно говорить о всё более возрастающем интересе исследователей в отечественной науке к изучению гендера[1]. Гендерные исследования, берущие свое начало в женских исследованиях (Women's Studies), традиционно направлены на анализ неравенства, возникающего на основе половой дифференциации, «культурно-символического определения пола»[2]. Изучение гендерных стереотипов было и остается традиционной областью гендерных исследований. Гендерный стереотип, являющийся частным случаем социального стереотипа, рассматривается как единица, на которой основываются различия и власть[3].

Существуют различные определения гендерного стереотипа. Например, «шаблонные житейские представления о различиях между

---

[1] *Гурко Т. А.* Социология пола и гендерных отношений // Социология в России. М. : Институт социологии РАН, 1998. С. 173–195; *Клёцина И.С.* Проблема качества преподавания гендерных дисциплин в системе высшего образования // Женщина в российском обществе. Российский научный журнал. № 2/3 (26–27). 2002. С. 8–18; *Здравомыслова О.* Гендерные исследования как опыт публичной социологии в России. URL: http://www.polit.ru/author/2009/09/24/gender.html (дата обращения 28.05.2011)

[2] *Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А.* Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. № 11. 2000. С. 17.

[3] *Рябова Т. Б.* Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. Т. V. Вып.1–2 (15–16). С. 120–139. URL: http://cens.ivanovo.ac.ru/publications/riabova-stereotipy.htm (дата обращения: 28.05.2011)

мужчинами и женщинами, предписание мужчинам и женщинам вести себя в соответствии с выработанными в обществе правилами для представителей определенного пола»[4]; «устойчивые представления о характере социальных взаимных отношений между полами, нормах, принципах, которые различаются в зависимости от пола и распространяются на всю область социальных отношений, общественного сознания»[5]; «схематизированные, нормативные, обобщенные представления о мужских и женских ролях, образах мужественности и женственности согласно общественным ожиданиям»[6]. Некоторые авторы также отмечают, что гендерный стереотип представляет собой когнитивную категорию (схему), позволяющую управлять поступающей информацией так, чтобы ее восприятие, запоминание и интерпретация соответствовала бы уже имеющимся представлениям[7]. Таким образом, под стереотипом понимается определенный набор представлений о характеристиках той или иной группы людей, который обеспечивает идентификацию групп и упрощенный способ репрезентации в повседневной жизни. Это своего рода знак (ярлык), под которым скрывается умышленно упрощенное многообразие отдельных репрезентаций. Гендерные стереотипы, представления и установки являются элементами системы субъективных социально-психологических детерминант социальных отношений[8].

Как отмечают исследователи, в последние годы происходят постепенные изменения в преодоления патриархатных норм, ценностей, установок, что фиксируется в сознании и поведении молодого поколения[9]. Изучение гендерных представлений молодежи обладает также определенным прогностическим потенциалом: в исследованиях молодого поколения можно зафиксировать сегодня, те изменения, которые вероятно появятся завтра.

---

[4] *Бендас Т. В.* Гендерная психология : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2006. С. 339.

[5] *Ильиных С. А.* Влияние гендера на картину мира: опыт социологического исследования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2009. № 28. С. 72.

[6] *Шумкова М. А.* Методологические подходы к исследованию гендерных стереотипов // Вестник Удмуртского университета, 2009. № 3-1. С. 107.

[7] *Берн Ш.* Гендерная психология. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.

[8] *Клёцина И. С.* Теоретические основания психологии гендерных отношений // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2003. № 3 (6). С. 162.

[9] *Шумкова М. А.* Методологические подходы к исследованию гендерных стереотипов. С. 107.

Если гендерный стереотип — это представление, включающее как положительные, так и отрицательные, само собой разумеющиеся характеристики абстрактных, «усредненных» женщин или мужчин, то гендерный идеал образуют только значимые, положительные, желаемые, то есть «идеальные» характеристики. Гендерные идеалы в равной мере могут быть подвергнуты анализу и как элемент общей гендерной системы (картины мира), и как автономная характеристика социальных групп.

В настоящей статье приводятся результаты изучения представлений старших школьников об образах идеальных женщин и мужчин. В исследовании гендерных идеалов была использована авторская методика Н.А. Нечаевой. Согласно данному подходу, под гендерными идеалами понимаются идеализированные представления о тех или иных свойствах мужчин и женщин, характерных для определенной культуры[10]. Гендерные идеалы вместе с общими гендерными диспозициями и ситуационными гендерными установками являются тремя структурными компонентами гендерной картины мира. Основой единства гендерной картины мира является гендерная доминанта сознания, обеспечивающая ее целостность и относительную непротиворечивость[11].

Методы и данные

Для выяснения гендерных идеалов респондентам предлагался закрытый набор из 16 черт, из которого необходимо было выбрать 7 наиболее значимых свойств идеальных женщин и мужчин. В исследовании приняли участие учащиеся 9–11 классов одной средней общеобразовательной школы Кировского района Санкт-Петербурга (n = 125, из них 61 юноша и 64 девушки).

Результаты

Вначале обратимся к распределению черт, характеризующих тот или иной гендерный идеал, и сопоставим полученные данные с результатами представлений о гендерном идеале более старшей группы

[10] *Нечаева Н. А.* Гендерные идеалы: новые тенденции во взглядах молодежи // Социология вчера, сегодня, завтра. Новые ракурсы. III Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаста. СПб. : Эйдос, 2011. С. 315.

[11] *Нечаева Н. А.* Идеал женщины в структуре гендерных картин мира // Гендерные тетради. Вып. 2. СПб. : С.-Петерб. филиал СИ РАН, 1999. С. 6.

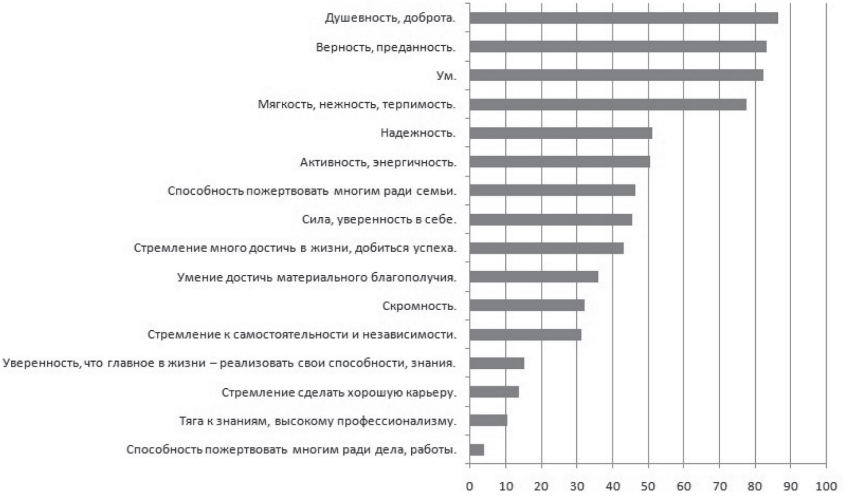


Рис. 1. Представления школьников о гендерном идеале женщины (доля респондентов, отметивших те или иные черты, %)

молодежи. Далее рассмотрим связи отдельных черт в структуре представлений об идеальных женщинах и мужчинах; в заключение попытаемся выяснить с помощью кластерного анализа гендерную доминанту сознания школьников.

Наиболее важными характеристиками идеальной женщины с точки зрения школьников являются душевность, доброта, верность, преданность, ум, мягкость, нежность, терпимость (рис. 1). Эти черты отметили как значимые более 75 % учащихся.

Наименее важными для женщин считают такие свойства как реализация своих способностей, знаний, карьеры, профессионализма, готовность пожертвовать многим ради работы. Таким образом, для школьников значимыми чертами в женщинах являются личностные свойства, а реализация в общественной сфере, профессионализм, карьера, работа расцениваются как менее важные характеристики.

Теперь рассмотрим данную иерархию свойств идеальной женщины относительно пола респондентов (рис. 2).

В целом представления юношей и девушек относительного женского идеала однородны. Статистические значимые отличия наблюдаются только у таких черт, как «верность и преданность» и «стремление

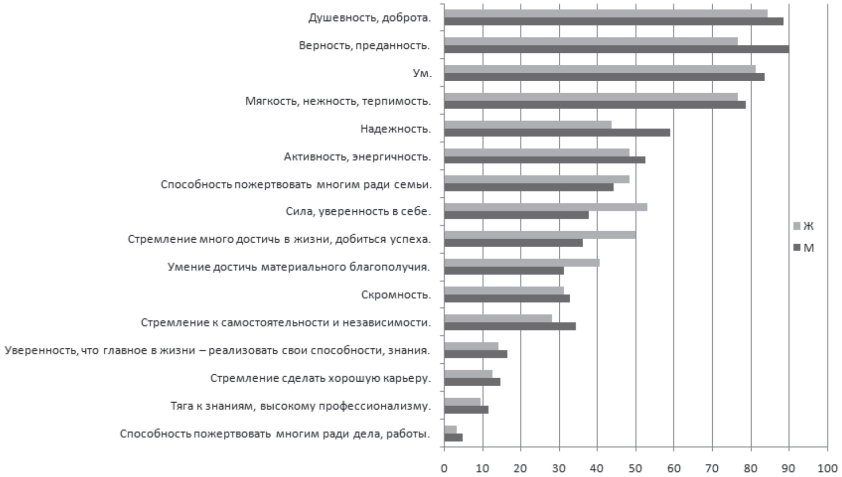


Рис. 2. Черты женского идеала (доля респондентов по полу, %)[12]

к самостоятельности, независимости» [13]. Эти обе черты, которые можно рассматривать как противоположные, более значимы для юношей.

При сопоставлении полученных данных с результатами исследования Н. А. Нечаевой гендерного идеала студенческой молодежи в 2007 г.[14], оказывается, что первые, наиболее значимые четыре черты (душевность, доброта; верность, преданность; ум; мягкость, нежность, терпимость) занимают в той или иной последовательности первые ранговые места в общей структуре гендерного идеала. Только три черты женского идеала — способность пожертвовать многим ради работы; сила, уверенность в себе; тяга к знаниям, высокому профессионализму — стали менее значимы и переместились соответственно на 3, 4 и 5 позиций ниже. Относительно других черт следует заметить, что их место в иерархии изменилось незначительно и колеблется от 0 до ±2.

Таким образом, в целом структуры гендерного идеала женщины у старших школьников и студентов оказываются близкими, но у школьников более выражены патриархатные взгляды на образ женщины.

[12] Последовательность черт сохранена относительно первого рисунка (упорядочено по общему значению во всем массиве).

[13] Статистическая значимость оценивалась по критерию χ^2, $p \leqslant ,05$.

[14] *Нечаева Н. А.* Гендерные идеалы: новые тенденции во взглядах молодежи. С. 318.

Теперь рассмотрим представления школьников о том, каким должен быть идеальный мужчина (рис. 3).

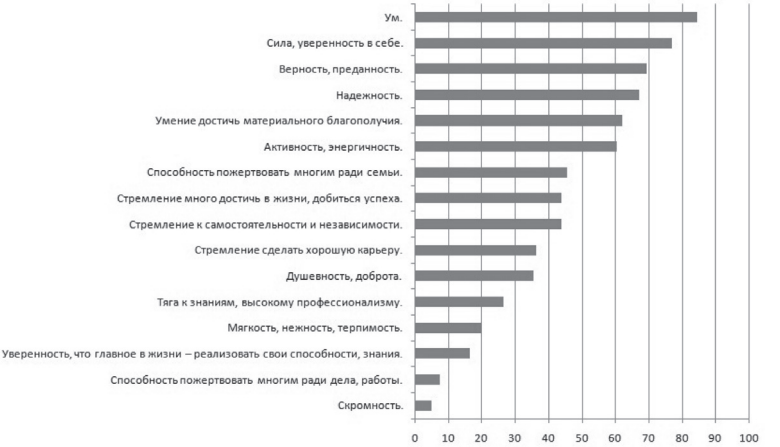


Рис. 3. Представления школьников о гендерном идеале мужчины (доля респондентов, отметивших те или иные черты, %)

Для большинства школьников идеальный мужчина — умный, сильный, уверенный в себе, одновременно верный и преданный, надежный, активный и энергичный, способный достичь материального благополучия. Также в мужском идеале, по мнению учащихся, должны быть мало выражены такие черты, как мягкость, нежность, терпимость, стремление реализовать свои знания, способности, пожертвовать многим ради дела, скромность. Мужчина наделяется учащимися умом, силой, уверенностью в себе как традиционно мужскими чертами, но некоторые из них нивелируются (профессиональная самореализация, ценность работы). Также мужскому идеалу приписываются традиционно женские черты — верность, преданность, нежность. В представлениях школьников, по-видимому, не соотносятся такие понятия, как работа и материальная сторона жизни: от идеального мужчины требуется умение достичь материального благополучия, но только не за счет готовности пожертвовать многим ради работы, реализаций собственных способностей, знаний, профессионализма и (в некоторой мере) карьеры.

Аналогично женскому идеалу рассмотрим мужской относительно пола респондентов (рис. 4).

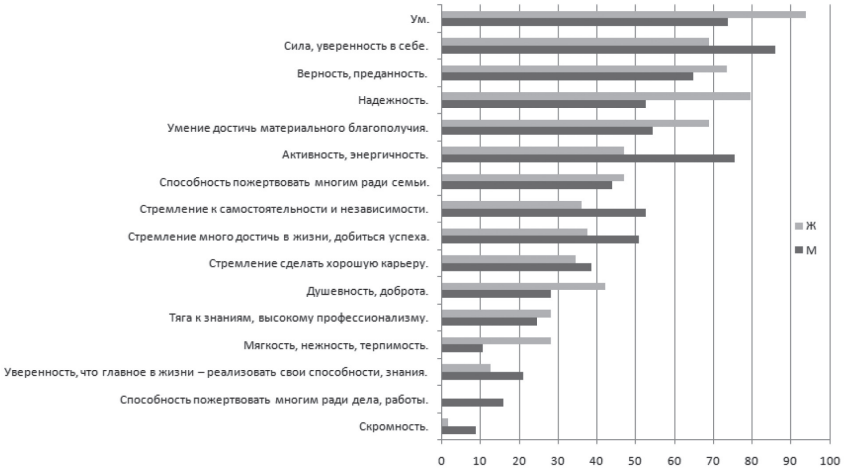


Рис. 4. Черты мужского идеала (доля респондентов по полу, %)

Сразу, даже при беглом взгляде на рисунок, становится заметно, что во взглядах школьников на идеального мужчину присутствует бóльшая рассогласованность, чем в женском идеале. Для девушек статистически более значимыми оказываются такие свойства мужчин, как ум; мягкость, нежность, терпимость; надежность. Для юношей — активность, энергичность; сила, уверенность в себе; способность пожертвовать многим ради дела, работы. Следует обратить внимание, что наделение идеального мужчины готовностью пожертвовать чем-либо ради работы появляется только у юношей.

В мужском гендерном идеале, в отличие от женского, наблюдается бóльшая степень статистически значимой несогласованности отдельных черт относительно пола респондентов (шесть против двух). Девушки наделяют мужской идеал такими традиционно женскими чертами, как мягкость, нежность, терпимость, душевность, доброта, а юноши — традиционно мужскими.

При сопоставлении с результатами исследования представлений студентов об идеальном мужчине[15] в целом можно отметить, что иерархия черт отличается незначительно — только три черты переместились более чем на две позиции. Так, стали более значимы верность,

[15] *Нечаева Н. А.* Гендерные идеалы: новые тенденции во взглядах молодежи. С. 323.

преданность, а менее ценными оказались стремление многого достичь в жизни, добиться успеха и тяга к знаниям, высокому профессионализму. То есть наблюдается некоторая феминизация образа идеального мужчины при более четкой выраженности патриархатного идеала женщины.

Сила, уверенность в себе и ум в настоящем исследовании и в результатах 1999 и 2007 гг.[16] являются максимально значимыми чертами, стабильно занимающими первые-вторые ранговые позиции.

Подводя итог распределению черт, следуют заметить, для школьников четко дифференцированы образы и женского и мужского идеала, так как статистически значимые отличия[17] касаются 10 из 16 черт. Так, по мнению учащихся, идеальная женщина, в отличие от идеального мужчины, должна обладать такими свойствами, как мягкость, нежность, терпимость (χ^2 = 60,05; p = ,000); душевность, доброта (χ^2 = 54,72; p = ,000); скромность (χ^2 = 25,93; p = ,000); верность, преданность (χ^2 = 5,92; p = ,015). Напротив, идеальному мужчине должно быть свойственно стремление сделать хорошую карьеру (χ^2 = 22,40; p = ,000); обладать силой, уверенностью в себе (χ^2 = 21,55; p = ,000); уметь достичь материального благополучия (χ^2 = 15,79; p = ,000); стремиться к самостоятельности и независимости (χ^2 = 14,58; p = ,000); иметь тягу к знаниям, высокому профессионализму (χ^2 = 10,03; p = ,002) быть надежным (χ^2 = 4,66; p = ,031).

Теперь обратимся к связи отдельных черт между собой для каждого идеала в отдельности. На рис. 5 приведены связи отдельных черт женского идеала между собой. Так как переменные, характеризующие гендерный идеал, являются дихотомическими, то для анализа связи между ними была получена матрица близости (корреляционная матрица) с применением четырехточечной φ-корреляции. При составлении этой и следующей схемы в расчет брался коэффициент $\varphi \geqslant 200$ и $\varphi \leqslant -200$. Черты идеала, имеющие положительное значение коэффициента φ заштрихованы и соединены жирной линией. На рисунке также обозначены те свойства идеала, которые исключаются чертами, имеющими положительный коэффициент связи: данные «исключаемые» черты не заштрихованы, и значимые отрицательные связи обозначены тонкой линией. Пунктирная линия разделяет отдельные черты

[16] Там же. С. 323.

[17] Статистическая значимость оценивалась по непараметрическому критерию Мак-Немара (McNemar) для парных выборок.

идеала, имеющие положительную связь между собой и исключающие другие «автономные» положительные связи, что позволяет выделить три группы (I–III) взаимообусловленных черт.

Рис. 5. Структура женского гендерного идеала

Следует обратить внимание, что связей с отрицательным коэффициентом в матрице близости оказалось больше, чем положительных, то есть чаще черты идеала оказываются взаимоисключающими. Только одна черта — «тяга к знаниям, высокому профессионализму» — оказалась несвязанной ни с какой-либо другой.

Как следует из рисунка, общая модель гендерного идеала женщины образована тремя группами взаимосвязанных черт. Первая объединила стремление к самостоятельности, независимости и умение достичь материального благополучия с исключением такой черты, как «надежность, верность, преданность». Также из первой группы черт исключены скромность; душевность доброта; верность, преданность. Последние образуют вместе с мягкостью и способностью пожертвовать многим ради семьи вторую группу взаимосвязанных черт традиционно-патриархатного женского идеала.

Подробное описание как положительных, так и отрицательных связей элементов каждой группы женского идеала достаточно громоздко и поэтому в настоящем тексте не приводится. Наиболее важным видится то, что, во-первых, практически все черты гендерного идеала так или иначе связаны друг с другом, и, во-вторых, четко «кристаллизовалась» патриархатная гендерная доминанта сознания учащихся (вторая группа черт). Можно заключить, что феминистические тенденции в сознании школьников нечеткие, что обусловлено поляризацией первой и третьей группы черт, статистически значимо не связанных между собой. Эмансипированный образ женщины связывается либо с независимостью, в том числе и материальной (первая группа), либо с самореализацией (третья группа).

По аналогичному алгоритму рассмотрим связи отдельных черт мужского идеала (рис. 6).

Рис. 6. Структура мужского гендерного идеала

Здесь картина принципиально иная: в корреляционной матрице только в 5 случаях обнаружен коэффициент φ, превышающий 0,2 (по модулю). Первая группа мужского идеала образована такими чертами, как верность, преданность и мягкость, нежность, терпимость с исключением активности, энергичности и стремления к самостоятельности. Эти четыре черты с аналогичными связями входят в патриархатную модель женского идеала. Вторая группа мужского идеала образована скромностью, способностью пожертвовать многим ради дела, работы и отрицает в мужчине такую характеристику, как надежность.

Очевидно, что у респондентов не наблюдается общеразделяемых стереотипов относительно образа настоящего мужчины. Идеального мужчину наделяют такими же чертами, что и идеальную женщину, т. е. взаимосвязь верности и мягкости является значимым общечеловеческим качеством.

Как показал анализ распределения ответов на вопрос о гендерном идеале и анализ связей отдельных черт, женский идеал более структурирован в сознании школьников, чем мужской. Также в сознании школьников наиболее четко структурирован патриархатный тип идеальной женщины. В заключение на основе женского идеала выясним долю респондентов, имеющих ту или иную доминанту гендерной картины мира. С этой целью для каждого респондента были построены индексы, показывающие степень выраженности традиционно-патриархатного и феминистского идеала женщины[18]. Наделение женщины такими чертами, как верность, преданность; мягкость, нежность, терпимость; способность пожертвовать многим ради семьи; скромность говорит о патриархатной доминанте в гендерной картине мира. Напротив, если идеальной женщине приписываются активность, энергичность; сила, уверенность в себе; убеждение, что главное в жизни — реализовать свои способности, знания; стремление к самостоятельности и независимости, то данное обстоятельство говорит о феминистских взглядах респондента. Следовательно, индексы патриархатности и феминизма относительно женского идеала, составленные каждый из четырех индикаторов, могут колебаться от 0 до 4, причем идеальным типом будет случай, когда имеются все черты одного идеала и полностью отсутствуют черты противоположного идеала. Наделение идеала в равной мере противоположными чертами свидетельствует о смешанном типе — значимости как традиционных, так и эгалитарных черт в сознании респондентов. Ниже приведена таблица сопряженности индексов феминности и патриархатности во взглядах респондентов на идеал женщины (табл. 1).

Идеальные типы обозначены буквами **a** и **b**, ячейки, отмеченные **a'** и **b'** - стремящиеся к идеальным типам, **c** обозначает смешанный тип, а **d** отмечены ячейки со слабой выраженностью признаков феминизма и патриархатности.

[18] Идеальные типы традиционно-патриархатного и феминистского идеала женщины были определены Н. А. Нечаевой на основе факторного анализа по восьми индикаторам, имеющим статистически значимую связь.

Таблица 1

Сопряженность индексов феминности и патриархатности

		Индекс феминизма					
		0	1	2	3	4	Сумма по строкам
Индекс патриархатности	**0**	0 d	0 d	1 b'	5 b	0 b	6
	1	0 d	2 d	10 d	7 b	0 b	19
	2	3 a'	15 d	16 c	2 c	0 b'	36
	3	10 a	32 a	5 c	1 c	0 c	48
	4	10 a	5 a	1 a'	0 c	0 c	**16**
Сумма по столбцам		**23**	**54**	**33**	**15**	**0**	125

Следует обратить внимание, что нет ни одного респондента, который отметил бы все 4 черты, относящиеся к феминистскому женскому идеалу. Патриархатный идеал наблюдается у 61 респондента, у 13 — феминистский, у 24 — смешанный тип.

На основе этих двух индексов был осуществлен иерархический кластерный анализ. В результате весь массив был разбит на 3 кластера (табл. 2).

Таблица 2

Количество и доля респондентов, относящихся к трем кластерам

		Количество респондентов	Доля (в %)
Кластер	1	76	60,8
	2	25	20,0
	3	24	19,2
Итого:		125	100,0

В первый кластер попали респонденты с ярко выраженными патриархатными взглядами на женщину. Второй кластер объединил учащихся, наделяющих женщину феминистскими чертами. Третий кластер собрал школьников, отметивших как традиционно-патриархатные, так и феминистские черты[19]. Таким образом, большинство учащихся

[19] При попытке осуществить кластерный анализ с выделением четырех кластеров происходит разделение самой большой группы на две подгруппы: 16 респондентов с «ультрапатриархатными» (индекс патриархатности не менее 4) и 60 человек — с «умеренно патриархатными» взглядами на женский идеал.

(60 %) придерживается патриархатных взглядов на личностные качества женщин, и лишь 25 % отмечают значимость феминистских черт.

Теперь обратимся к тому, как связаны остальные восемь черт женского идеала с той или иной гендерной доминантой (табл. 3).

Таблица 3

Связь отдельных черт женского идеала с тремя кластерами[20]

Черты идеала	**Уровень статистической значимости (критерий Крамера)**	**Доля респондентов, отметивших данную черту (%)**		
		Кластер		
		1 (патриархатный)	2 (феминистский)	3 (смешанный)
Душевность, доброта	***,013***	**93,4**	72,0	79,2
Ум	***,013***	85,5	**92,0**	62,5
Способность пожертвовать многим ради дела, работы	***,014***	0	**12,0**	8,3
Надежность	***,049***	**57,9**	52,0	29,2
Стремление много достичь в жизни, добиться успеха	*,058*	36,8	**64,0**	41,7
Умение достичь материального благополучия.	*,065*	31,6	**56,0**	29,2
Стремление сделать хорошую карьеру.	*,127*	13,2	**24,0**	4,2
Тяга к знаниям, высокому профессионализму.	*,805*	**11,8**	8,0	8,3

Патриархатные взгляды на женщину также связаны с наделением ее душевностью и добротой; надежностью. Феминистская доминанта сознания респондентов, напротив, умаляет значение данных качеств как значимых для идеальной женщины и приписывает ей в большей мере другие: ум; способность пожертвовать многим ради дела, работы; стремление многого достичь в жизни, добиться успеха; умение

[20] Строки таблицы упорядочены по уровню статистической значимости.

достичь материального благополучия; стремление сделать хорошую карьеру. Последние четыре качества, приведенные в таблице 3, к сожалению, не имеют достаточного уровня статистической значимости, но тем не менее распределение ответов не противоречит общей картине в целом.

Еще одним подтверждением обозначенного выше тезиса четкой дифференциации образов женского и мужского идеала в гендерной картине мира школьников является и тот факт, что только одна черта мужского идеала оказалась статистически значимо связанной с кластерным решением, построенном на основе ответов респондентов о наиболее значимых личностных чертах женщин[21].

Таким образом, у большинства школьников в целом сохраняются патриархатные взгляды на соотношение мужских и женских качеств. Феминистские взгляды, следует заметить, не связаны с полом респондентов.

Заключение

Подводя итог изложенному выше, следует сделать выводы.

Гендерные стереотипы о наиболее значимых качествах женщин и мужчин достаточно четко дифференцированы. В идеале женщины особенно ценятся личностные характеристики, ассоциируемые с традиционно патриархатным взглядами[22]. Здесь не наблюдаются значительные расхождения во взглядах девушек и юношей. Образ идеального мужчины, напротив, противоречив: девушки наделяют его теми же чертами, которые, по их мнению, значимы для женского идеала, а юноши полагают, что для мужчин важно обладать традиционно мужскими качествами.

При сравнении взглядов школьников и студентов (если не считать значимыми некоторые обстоятельства — временной интервал в три

[21] Этой единственной чертой является умение идеального мужчины достичь материального благополучия, выбор которого является более характерным для респондентов с феминистской и смешанной гендерной доминантой (V = ,234; p = ,037).

[22] Полученные нами результаты согласуются с данными других отечественных исследований, например: *Осипова Д.В.* Особенности гендерных представлений современной молодежи // Управленческое консультирование. 2009. № 4. С. 200–209; *Смирнова А.В.* Представления школьников и студентов о гендерных ролях мужчин и женщин в современном российском обществе // Женщина в российском обществе. 2005. № 1–2. С. 26–33.

года и особенности построения выборок) обнаруживается стабильность в наиболее значимых чертах как мужского идеала, так и женского. Следует отметить, что взгляды школьников более противоречивы: при более традиционно патриархатных взглядах на женский идеал они феминизируют образ идеального мужчины, то есть разрушение традиционных стереотипов происходит в направлении эмансипации мужчин, а не женщин.

В образе идеальной женщины практически все черты так или иначе связаны между собой. Напротив, в представлениях об идеальных мужчинах не наблюдается четкой структуры. В нашем исследовании, при анализе взаимосвязи черт гендерного идеала, тезис о том, что «мужчины показывают большую согласованность в отношении типично мужских качеств, чем женщины женских»[23], не нашел эмпирического подтверждения. Также мы вынуждены отвергнуть гипотезу о том, что гендерный автостереотип у юношей не сформирован в виду их некоторого отставания и более раннего развития девушек, т. к. юноши ни в чем не уступают девушкам, когда рассуждают об идеале женщины.

Другими словами, в сознании школьников присутствует относительно четко сформированное представление об идеальной женщине с преимущественно традиционно патриархатными чертами, но ни у девушек, ни у юношей нет четкого представления о том, каким набором качеств должен обладать идеальный мужчина. Данное обстоятельство может быть интерпретировано как «кризис маскулинности». Данное явление — «кризис привычного гендерного порядка и освящающей его идеологии, которая перестала соответствовать изменившимся социально-экономическим условиям. По всем трем главным макросоциальным осям — общественное разделение труда, политическая власть и брачные семейные отношения — социально-ролевые различия между мужчинами и женщинами резко уменьшились»[24]. Данные изменения в практической, социально-ролевой сфере обусловили изменения в наиболее неподвижной, стабильной области — области гендерных стереотипов сознания: представления о «гегемонной маскулинности» стали замещаться представлениями об альтернативных, множественных образах маскулинности[25].

---

[23] *Ильин Е.П.* Пол и гендер. СПб. : Питер, 2010. С. 71.

[24] *Кон И. С.* Маскулинность в меняющемся мире // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 26–27.

[25] *Мещеркина Е. Ю.* Социологическая концептуализация маскулинности // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 16.

ДЕВИАЦИИ, ПОТРЕБЛЕНИЕ И НЕРАВЕНСТВО

А. Яковлева

РЕТРЕТИЗМ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ[1]

Предметом статьи является ретретизм как форма сознательного изменения образа и уклада жизни, мотивированная стремлением «уйти» от норм и ценностей общества массового потребления. На основании анализа случаев рассмотрены конкретные действия по изменению образа жизни, а также повседневные практики нового жизнеустройства в контексте их связи с базовыми нормами, ценностями и образом жизни в потребительском обществе. Поставлен вопрос о «норме / девиации» такой жизненной стратегии.

Ключевые слова: ретретизм, общество потребления, образ жизни, повседневность, девиантность

В современном обществе потребление выходит за рамки обеспечения естественных потребностей человека и играет ключевую роль в формировании общностей и коммуникаций[2], жизненного стиля и повседневных практик[3]. Оно становится эффективным механизмом социального контроля, обеспечивающим конформное поведение

---

[1] Статья подготовлена в рамках работы по проекту сектора социологии девиантности и социального контроля СИ РАН «Девиантогенные эффекты потребительской культуры». Расширенный вариант анализа, а также теоретические материалы по тематике ретретизма в потребительском обществе планируется представить в коллективной монографии сотрудников сектора.

[2] *Ильин В.И.* Потребление как дискурс // Потребление как коммуникация. Спецвыпуск Журнала социологии и антропологии. 2007.

[3] *Глухих А.Ю.* Социология потребления в контексте акционистской парадигмы // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 2. С. 24–40.

индивидов[4], а сами индивиды рассматриваются, прежде всего, как носители определенных потребительских практик[5].

Но что происходит, если человек не хочет или не может жить в соответствии с нормами и ценностями общества массового потребления? Может ли он преодолеть общепринятый образ жизни? И, если да, то каковы механизмы формирования и модели существования иных способов, форм и условий индивидуальных и коллективной жизнедеятельности?

В последние годы в литературе, преимущественно научно-популярной, достаточно широкое распространение получил термин «дауншифтинг» (от *англ*. downshift — переход на пониженную передачу). Он используется для обозначения индивидуального поведения, связанного с осознанным отказом от успешной, но полной стрессов работы (с соответствующим понижением дохода и социального статуса) в пользу более спокойной жизни, позволяющей реализовать собственные мечты[6]. Феномен дауншифтинга зародился в США[7], Австралии[8] и некоторых странах Европы[9] в 1990-х гг., и пришел на постсоветское пространство в середине 2000-х гг.

Представляется, что термин «дауншифтинг» несколько узок и, во многом благодаря СМИ, получил оттенок некоторого «модного веянья»[10]. Поэтому в настоящей статье сознательно применяется иное обозначение изучаемого феномена — ретретизм. Этот мертоновский термин в данном контексте обозначает жизненную стратегию, связанную с «уходом» от общества массового потребления и формиро-

---

[4] *Белоусов К.Ю., Гольберт В.В., Костюковский Я.В.* Девиантогенность потребления. // Петербургская социология сегодня : Сб. науч. тр. Социологического ин-та РАН. СПб.: Нестор– История, 2010. С. 444–454.

[5] *Ильин В.* Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // «Мир России». 2005. №2. С. 3–40.

[6] *Мерзлякова В.* Альтернативные модели успешности в современной культуре: дауншифтинг // Вестник общественного мнения. 2008. №4 (96). С. 33–41.

[7] *Nelson M.R., Rademacher M.A., Paek H.-J.* Downshifting Consumer = Upshifting Citizen? An Examination of a Local Freecycle Community // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2007. 611. P. 141–156.

[8] *Hamilton C., Mail E.* Downshifting in Australia: A sea-change in the pursuit of happiness. Discussion Paper. The Australia Institute. 2003. № 50.

[9] *Hamilton C.* Downshifting in Britain. A sea-change in the pursuit of happiness. Discussion Paper. The Australia Institute. 2003. № 58.

[10] *Запольских Г.А.* Дауншифтинг как социокультурный феномен современного общества. // Потребление как коммуникация–2009: Материалы 5 междунар. конф., 26–27 июня 2009 г. / под ред. В.И. Ильина, В.В. Козловского. СПб. : Интерсоцис, 2009. С.75–77.

ванием образа жизни, основанного на иных, «не потребительских» нормах и ценностях.

Для описания механизмов формирования и особенностей реализации ретретизма были проанализированы случаи сознательного изменения образа и уклада жизни, мотивированные стремлением «уйти» от образа и уклада жизни, сформированных в обществе массового потребления.

При отборе случаев учитывалось следующее. Во-первых, интересовали случаи индивидуальной социальной мобильности в направлениях, противоположных общепринятым: (1) вертикальная мобильность в направлении «сверху вниз» (например, добровольный переход на более низкую должность или полный отказ от профессиональной карьеры); (2) горизонтальная в направлениях «из мегаполиса — в сельскую местность» или «из общества массового потребления — в общество с традиционной культурой» («из страны с развитой или переходной экономикой — в страну с развивающейся экономикой»).

Во-вторых, случаи должны были отражать полный спектр «удаленности» нового уклада жизни от норм и повседневных практик потребительского общества — от разумного сосуществования до создания альтернативных моделей индивидуальной или коллективной жизнедеятельности.

В-третьих, важным параметром отбора была доступность и полнота нарративов — текстов, содержащих описание повседневной жизни и мировосприятия людей, которые реализовали ретретистскую модель жизнедеятельности. Интересовали мотивация и конкретные действия по изменению образа и уклада жизни, повседневные практики нового жизнеустройства в контексте их связи с базовыми нормами, ценностями и образом жизни в обществе массового потребления.

Всего было проанализировано четыре случая:

Супруги В. (муж 36 лет, жена 28 лет) в 2006 г. уехали из Киева[11] на постоянное место жительства в украинское село. Они приобрели дом с участком земли, разбили сад и огород, завели домашнюю птицу. Оба отказались от карьеры — в пользу удаленной работы или ведения

[11] Исторические условия развития общества массового потребления в России и Украине во многом схожи. Поэтому с точки зрения цели исследования правомерно анализировать как «российские», так и «украинские» случаи, тем более, что объектом исследования были нарративы только на русском языке.

домашнего хозяйства. В новом образе жизни В. сохранили многие блага общества потребления.

С. (29 лет) со своей семьей уехал из Киева в небольшое село в отдаленной области Украины весной 2004 г. Ему удалось выстроить практически автономный быт, независимый от внешних факторов, в т. ч. и от финансов.

Р. (28 лет) увлеклась кайтсерфингом[12]. Летом 2009 г. она оставила успешную карьеру в Москве и уехала в небольшую вьетнамскую деревню М.-Н., чтобы иметь возможность больше времени посвящать своему хобби.

Л., московский предприниматель, в 2001 г. получил от властей Калужской области несколько десятков гектаров заброшенных земель, на которых организовал экологическое поселение[13]. Первые дома были построены в 2002 г., а к 2011 г. в поселении постоянно проживало около 40 семей (более 120 человек, включая детей). Летом 2009 г. поселение получило статус населенного пункта (деревни).

Анализ случаев сосредоточен на трех основных этапах ретретизма: (1) жизнь в обществе потребления в преддверии ретретизма, (2) принятие решения об изменении образа жизни (точка бифуркации), (3) построение ретретистской модели повседневной жизни.

В преддверии ретретизма

Потребительское общество определяет образ жизни и повседневные практики людей: если жить, то в столице; если получать образование, то высшее и по «престижной» специальности; если работать, то в крупной компании и на хорошей должности. И герои проанализированных случаев — не исключение.

Супруги В. жили в Киеве и с общепринятой точки зрения были успешными людьми. Супруг работал на ведущей должности в филиале иностранной компании (*«работа, к которой долго стремился»*) и обустраивал новую квартиру. Супруга была аналитиком в крупной бизнес-

[12] Кайтсерфинг или кайтинг — популярный вид спорта, основой которого является движение под действием силы тяги, развиваемой удерживаемым и управляемым спортсменом воздушным змеем (кайтом).

[13] Экологическое поселение (экопоселение) — это экологически чистое пространство, созданное для жизни группы людей; его идейной основой, как правило, является концепция устойчивого развития, а обеспечение жизнедеятельности производится за счет органического (экологического) сельского хозяйства.

компании (а до переезда в столицу она, окончив институт с красным дипломом, занимала высокую административную должность в областном центре). Примечательно, что о другой жизни В. и не помышляли:

Как-то раз в 1998 году я был в гостях у родственников в одном из поселков городского типа Киевской области, и в разговоре один из них сказал, что не променял бы свой частный дом на квартиру в Киеве. Тогда мне показалась такая мысль смешной.

С. также родился и вырос в Киеве, получил высшее образование (*«специальность биотехнология; довольно редкое образование»*). Он построил успешную карьеру в сфере информационных технологий: начинал программистом и системным администратором, а впоследствии работал начальником отдела в крупной компании.

Р. жила в Москве, окончила университет и работала юристом в американской компании *(«в стеклянном офисе с ежегодными бонусами»*).

Что же заставило этих людей изменить привычный образ жизни и выбрать ретретистскую жизненную стратегию? Очевидно, это чувство внутренней неудовлетворенности, связанное с объективными или субъективными причинами.

С одной стороны, в определенный момент негативные стороны жизни в мегаполисе перестали уравновешивать предоставляемые возможности. Например, с годами супруги В. начали острее ощущать перенаселенность и транспортные проблемы города (*«дороги стали пробками, тротуары — автостоянками», «метро — один из ужасов [Киева]», «ужасные киевские пробки..., загазованность на улицах, теснота»*). Это особенно проявилось на фоне слабых возможностей улучшения жилищных условий после рождения ребенка. Отчасти эти ощущения обострялись и воспоминаниями собственного детства, проведенного в мегаполисе (*«мы жили вчетвером в однокомнатной квартире, в 100-квартирном доме с маленьким двориком и одной песочницей на всех»*).

С другой стороны, немаловажным стимулом изменения образа жизни была неосуществленная мечта. Например, в случае Р. это была мечта покататься на кайте во вьетнамском местечке М.-Н., который по праву считается «кайтовым раем». Однако ритм и реалии современной жизни не позволяли ей это сделать (*«тысяча самых уважительных причин и невероятнейших обстоятельств, почему я пять лет собиралась и никак не доехала до Вьетнама»*).

У супругов В. также была мечта: они хотели *«идеальной жизни»* в деревне, представление о которой сложилось у них в детстве:

Мои каникулы в раннем детстве проходили в селе Полтавской области на обрывистом берегу Кременчугского моря, где жили мои дедушка и бабушка. Живописная природа, простор, чистый воздух, тишина, доброжелательные люди — все это осталось в памяти ассоциацией со словом «идиллия».

Жить в своем доме за городом было всегда моей мечтой. Даже не так, не мечтой, другой жизни я себе просто не представляла. Большой кусок моего детства прошел за городом. Для меня эти годы стали самыми запоминающимися.

Подобная идеализация деревенского образа жизни является одной из граней сложных взаимоотношений человека и природы в обществе потребления[14]. Еще одной иллюстрацией этих взаимоотношений является Л. и его экопоселение: в этом случае основной мотивацией ретретизма был *«поиск нового образа жизни, соединяющего консервативный уклад простой и здоровой сельской жизни и современные знания и технологии, используемые разумно и бережно»*. Это был осознанный отказ от удобства и комфорта городской жизни в пользу *«простых и естественных ценностей — свежего воздуха, чистой питьевой воды, живой природы вокруг, элементарной тишины, уверенности в завтрашнем дне»*.

Упомянутая в цитате «уверенность в завтрашнем дне» является чрезвычайно важным фактором ретретизма. Целый ряд футуристических концепций указывает на уязвимость и скорый крах современной технократической цивилизации и, как следствие, общества потребления и городского образа жизни. И, например, основная мотивация С. была связана именно с идеей подготовки к такому грядущему кризису. Он стремился выстроить свою жизнь вне зависимости от *«положительных факторов»* современного общества потребления, таких, например, как *«подвоз продуктов в магазины, вода в нашем водопроводе, электричество в наших проводах, тепло в наших батареях, бензин на заправках для наших машин, вывоз нашего мусора из дворов»* и т.д.

Очевидно, не последнюю роль сыграли и личностные особенности. Так, Р., не смотря на успешную карьеру, называла себя *«личностью неструктурной, неофисной, несистемной»*, *«ошибкой офисной жизни»*. Супруга В. *«поняла еще в студенческое время, ...что не хочет и, скорее всего, не будет винтиком в какой бы то ни было системе»*:

---

[14] *Ильин В. И.* Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность. // Мир России. 2005. Т. XIV. № 2. С. 3–40.

Слово «карьера» меня всегда пугало, моя работа аналитиком в крупной компании вспоминается как один из самых неприятных моментов моей трудовой биографии, а от словосочетания «корпоративная ответственность» меня трясет до сих пор.

Подобные внесистемные, антикорпоративные ценности, усиливавшие чувство внутренней неудовлетворенности, очевидно, являлись одним из ключевых факторов последующего выбора ретретистскоой жизненной стратегии.

Точка бифуркации

С чувством неудовлетворенности жизнью в обществе массового потребления можно оставаться достаточно долго, тем более, что само это общество предлагает многочисленные возможности его приглушения — от тренингов личностного роста и услуг психоаналитика до модных тусовок и экстремальных увлечений. Однако есть определенный момент, точка бифуркации, когда образ и уклад жизни необратимо меняются. Это момент принятия решения, подкрепленный стечением обстоятельств и условий. Причем по времени этот период может занимать от нескольких недель до нескольких лет.

Так, супруги В. в 2003 г. все лето ездили по деревням на велосипедах и гипотетически оценивали возможность жизни в деревне. Переломным моментом для них стало стечение двух обстоятельств: с одной стороны, отказ супруга от перспективной должности, его дальнейшее увольнение из компании и переход на фриланс[15], а с другой — появление финансовых средств (2005 г.). Это дало «степень свободы» для принятия решения о смене образа жизни и переезде в деревню:

Когда я стал фрилансером, я понял, что в Киеве меня почти ничего не держит, а жизнь за городом с Интернетом имеет массу преимуществ. Удивительно, но у моей жены было такое же мнение, и когда у нас появились деньги, мы решили купить дом в селе и переехать туда на постоянное жительство.

Поиски места нового жительства стали целенаправленными, и уже через год дом был куплен (конец 2005 г.), а еще через десять месяцев В. окончательно переехали в деревню (осень 2006 г.).

[15] Фриланс (от *англ.* free-lance) — выполнение определенного перечня работ на внештатных должностях, как правило, на удаленной основе, для различных работодателей без заключения долговременных трудовых договоров.

В случае С. «переходный» этап также длился несколько лет. На обдумывание и принятие решения ему понадобилось около полугода (рубеж 2002–2003 гг.), и уже через пару месяцев он нашел и приобрел дом в сельской глубинке (лето 2003 г.). Чтобы осуществить переезд, С. начал менять свою жизнь: сначала перешел на более спокойную работу (простым программистом) и стал проводить в деревне все выходные дни; а в начале весны 2004 г. полностью уволился с работы и уехал жить в свой дом. Через несколько месяцев, также уволившись с работы, к нему присоединилась его супруга.

Процесс изменения образа жизни Р. произошел очень быстро, в течение полугода. Вначале она трижды посетила М.-Н. в качестве туриста. С одной стороны, это позволило ей убедиться, что *«тут (или там) все равно хорошо»*, а различные жизненные обстоятельства ее не держат (*«терять-то нечего», «никому ничего в Москве не должна», «мне есть куда потом вернуться»*). Она рассталась с молодым человеком (*«чтобы не было лишних привязок в Москве, чтобы было нечего терять»*) и уволилась из компании, отказавшись от повышения заработной платы (*«купить меня в итоге не смогли — бюджет в кризисную пору не позволил заменить мечту о жизни босяком под пальмой на суровую реальность ежедневного бдения перед монитором в офисном костюме»*).

С другой стороны, во время туристических поездок Р. приобрела неформальные связи с людьми, которые уже несколько лет проживали в М.-Н. В частности, она познакомилась с Э. (*«семь лет только в М.-Н., а до этого весь мир объездил в погоне за ветром... реальный пример “серфера-невозвращенца”*) и получила обещание его опеки на первых порах. При этом ей пришлось доказать, что *«через 2–3 недели [она не будет] ходить с мрачным лицом, сходить с ума, слезно проситься домой и ненавидеть все вокруг, особенно жару и туристов, потому что потеряла работу, карьеру, потому что у [нее] тут никого нет, [ее] никто не ждет, нянчить не будет, и т. д. и т. п.»*.

Уже в начале июня 2009 г. Р. купила авиабилет в один конец (*«в оба денег не хватает, потому как только ...вернулась из Вьетнама»)* и отправилась в М.-Н., имея только *«абстрактные, практически выпрошенные возможности работать кем-нибудь “за еду и крышу”»*, 300 долларов наличных денег на первое время, *«два старых допотопных кайта, доску, несколько маек и шорт»*.

Впоследствии Р. написала в своем интернет-дневнике, что ей было очень страшно *«сделать шаг в сторону от привычной проторенной дорожки»*, и что время от момента подачи заявления об увольнении до

регистрации на рейс было *«самым страшным»*. Она специально купила авиабилет без возможности возврата, *«чтобы лишний раз отрезать путь назад»*, так как боялась *«совершить ошибку, которую уже не исправить»*. Были и другие страхи — страх одиночества в отсутствии близких людей (*«меня и впрямь никто не ждал... я боялась тотального душевного одиночества»*) и страх за собственное здоровье (*«с детства в моей медицинской карточке отмечали [болезнь], с которой в Азию ну никак нельзя»*). Представляется, что эти страхи были, в том числе, обусловлены отсутствием времени, необходимого на обдумывание и принятие решения (которое было в случаях В. и С.).

Реализация ретретистской жизненной стратегии

Ретретизм отражается на всех сферах повседневной жизни человека. То, каким именно будет новый образ жизни, во многом определяется основной мотивацией ретретизма. Это хорошо иллюстрируют проанализированные случаи.

Организация быта

Общество потребления оказывает существенное влияние на повседневную жизнь людей. На первый план выходят такие понятия, как комфорт, удобство, технологичность. Современный человек теряет простейшие навыки повседневной хозяйственной деятельности, потому что на каждый вид деятельности есть свой «технологический помощник»[16]. В этом смысле организация быта является существенным индикатором ретретистского уклада жизни.

Например, супруги В. стремились повысить качество жизни, и это прослеживается уже в том, по каким параметрам они выбирали свое новое место жительства. С одной стороны, обязательными были экологические факторы (относительная удаленность от столицы, крупных железнодорожных и автомобильных трасс), а с другой стороны — наличие «удобств» (асфальтированные дороги, газ). Выделяли супруги и такой параметр, как *«общий благополучный вид села»* (ухоженные дворы, отсутствие без дела слоняющихся людей, наличие церкви).

[16] *Гладарев Б.* Стратификационная модель общества потребления (интерпретируя Бруно Латура и Жана Бодрийяра) // Беспредельная социология. СПб. : ЦНСИ, 2006. С. 97–114.

Несмотря на то, что приобретенный ими дом был построен почти сто лет назад, В. не только сделали его пригодным для жизни, но и создали привычный жителю мегаполиса комфорт. Так, во время ремонта в доме были организованы водопровод и канализация, что позволило установить смесители, душевую кабину, унитаз. Для бесперебойного энергоснабжения были подключены бензиновый генератор и стабилизатор напряжения. Для упрощения решения бытовых вопросов В. активно пользуются современными бытовыми приборами — газовой плитой, холодильником, автоматической стиральной машиной, хлебопечкой. В доме есть компьютер с постоянным подключением к сети Интернет.

Сохранилось и стремление к автономности, свойственное жителям мегаполиса. Несмотря на то, что в селе, где поселились В., не принято ставить заборы, их участок полностью огорожен, в том числе со стороны улицы — двухметровым бетонным забором с автоматическими воротами. Дорожки на участке выложены тротуарной плиткой, в рекреативных целях организован искусственный водоем.

В случае В. использование атрибутов собственно деревенского образа жизни носит скорее экспериментальный, чем жизнеобеспечивающий характер. Так, овощи и фрукты они покупают на рынке, а на собственном огороде выращивают только зелень и клубнику. Попытки организовать более серьезные посадки не увенчались успехом:

«Все сделала по науке... А потом началась засуха, а потом у нас не было еще забора и периодически приходили соседские куры и все разгребали, а потом полез сорняк, а потом зарядили дожди... В общем, согласна я с мужем, огород — дело хлопотное и ненадежное».

Основное хозяйство В. — это куры, *«самые неприхотливые из домашних питомцев»*. Опытным путем была выработана схема разведения цыплят-бройлеров в инкубаторах *«с минимальными затратами сил и времени и минимальными потерями при этом»*. Стоит отметить, что с курами была связана одна из идеальных картин деревенского образа жизни супругов, которая оказалась несостоятельной:

«Когда мы представляли наш двор, воображение рисовало огромный газон вокруг дома, местами разбавленный цветочными композициями и декоративными деревьями, а среди них мирно пасутся разноцветные курочки, украшая собой пространство... Оказалось, что куры и газон с клумбами, а тем более огород — вещи не совместимые совершенно».

В семье готовят собственный хлеб в современной хлебопечке. Однако это связано не столько со стремлением к здоровому рациону или

независимости от продуктовых магазинов, сколько с невозможностью обеспечить сложившиеся стандарты потребления (*«мы привыкли есть хлеб с отрубями, а здесь о таком и не слыхивали»*).

После освоения приготовления домашнего хлеба у супругов возникло желание поэкспериментировать с молочными продуктами (*«мы решили, что и кисломолочные продукты стоит делать самостоятельно, чтоб уж совсем не было повода ездить лишний раз в райцентр или в Киев за продуктами»*). В результате из деревенского молока, которое В. покупают у соседки (*«предварительно поспрашивали о ней отзывы у односельчан — хорошее ли молоко, чистое ли, не разбавляет ли и т. п.; ...для профилактики сдали разок образец в лабораторию...»*), они готовят разнообразные кисломолочные продукты, творог, домашний сыр.

В целом, что касается питания, супруги В., по их собственным словам, остались *«городскими жителями, привыкшими к стерильности, продуктам в одноразовых пакетах, кисломолочным продуктам из пастеризованного молока, рафинированному подсолнечному маслу и прочим атрибутам горожанина»*.

Совершенно другая ситуация наблюдается в случае С. Его основная мотивация была связана с достижением *«максимальной автономности в основных аспектах жизнеобеспечения, к которым относится в первую очередь питание и жилье, ... [а также] по всем остальным сторонам жизнеобеспечения, к которым относится воспроизводство элементов материальной культуры»*.

Новый образ жизни С. строился на полном отказе от достижений современного потребительского общества, а все решения по жизнеобеспечению подчинялись принципу «жизненной необходимости». Так, жилище он обустраивал таким образом, чтобы оно *«обязательно обеспечивало абсолютно необходимые [вещи], без которых человек испытывает физический дискомфорт и опасность для жизни; по возможности — то, что непосредственно для жизни не необходимо, но является все же очень полезным и нужным [например, электричество]; ну а то, что доставляет удовольствие и комфорт, но большой реальной пользы не приносит — как получится»*.

В соответствии с этим, для отопления, приготовления еды и нагрева воды в доме используется дровяная печь, водоснабжение организовано из колодца (в дополнение планируется создать простейшую сточную канализацию из дома), припасы хранятся в погребе, туалет *«сельского образца»* — на улице. От современного образа жизни в хозяйстве С. осталось только электричество (*«освещение включено*

полчаса—час в летнее время, и 4—8 часов в зимнее... из других потребителей электричества у меня только компьютер»), от которого в дальнейшем также планируется отказаться (*«придется освоить освещение лучиной, или маслом, или чем-то подобным»*).

Санитарно-гигиенические вопросы также решаются «кустарными способами». Для стирки применяется запас недорогого хозяйственного мыла (позже планируется перейти на золу), крупные вещи «стираются ногами». Для мытья используются большая миска и кружка. К слову, С. стал носить бороду и длинные волосы (*«бритье занимает время и средства, не являясь реально необходимым..., за бородой же уход простой...; то же самое относится к длинным волосам»*).

Для обеспечения автономности жизнедеятельности С. выбрал стратегию накопительства, ориентируясь на вещи, которые жестко необходимы, недороги, долговечны и работают автономно. В частности, в больших количествах запасены расходные материалы (гвозди, веревки, мыло, спички, соль и т. д.), разнообразный ручной инструмент (в том числе сельскохозяйственный), домашняя утварь, одежда и обувь «секонд-хенд» на разные размеры и возрасты.

Примечательно, что в условиях потребительского общества, где приоритет отдается «одноразовым» и «взаимодополняющим» вещам, обеспечить такие закупки оказалось не просто:

«Нашел ...ведра [из нержавейки], однако покупать не буду...: цена одного... — как 20-ти обычных; ...в уязвимом месте, где ведра обычно ломаются, ...сделано... из тонкой стали и с плохой сваркой; теряется весь смысл покупки “вечного” ведра».

С. и его семья живут полностью за счет натурального хозяйства. Разнообразные овощи выращиваются на огороде, возделываемом по принципам экологичности (органичности) и ручного труда. Также С. держит коз, овец и кур, причем отбор животных для разведения строился на идее «рационального животноводства» (*«кормить животных тем, что человек съесть не может; и этот корм должен расти самостоятельно, без трудозатрат»*). В качестве транспорта используются лошади.

Совершенно иная ситуация в случае Р., для которой основной «движущей силой» формирования ретретистской жизненной стратегии стало ее хобби — кайтсерфинг. При выборе жилья (комната в гостевом доме) одним из параметров была шаговая доступность кайт-станции и наличие атрибутов современной жизни (беспроводной выход в сеть Интернет, кондиционер). Кроме того, в чем-то идеализируя «новую

жизнь», Р. хотела, чтобы комната имела отдельный выход к морю (*«фанатичная мания ближе к полуночи срываться купаться»*). Уже через пару недель Р. поняла, что большинство из параметров, которые казались актуальными по приезду в М.-Н., не имеют никакого отношения к реальной жизни (*«...купаться в море по ночам тянет не всегда, а иногда уже и не тянет вовсе, до Интернета не доходят руки, а еще ноги ленятся ходить десять минут пешком до кайт-станции...»*)

Быт Р. организован по современным меркам достаточно скромно. Жилье представляет собой небольшую комнатку с вентилятором вместо кондиционера и без холодильника, которую *«атакуют... кусающие до крови песчаные мухи.., а по потолку и стенам ползают ящерицы»*. Основной транспорт — *«ржавый велосипед»*. Стирка — в общественной прачечной, где оплата производится «за вес». Питание — в местных кафе, причем пища в основном традиционная и недорогая (рис, зелень, стеклянная лапша, местные фрукты). Все имущество Р. *«помещается в один рюкзак»*, а основной жизненный приоритет — это возможность кататься на кайте не менее трех часов ежедневно.

Интересным представляется опыт организации быта в экопоселении как модели ретретистского социума. Все решения, важные для поселения, принимаются на общем собрании путем дискуссии и простого голосования (*«высказываемся по кругу, дискуссия длится, пока не иссякнет, и тогда вопрос голосуется»*). Так были установлены правила проживания и нахождения на территории поселения, которые *«просты и логичны, хотя и отличаются от тех, которые стали допустимыми и даже привычными в современном обществе»*. Среди них — запреты на курение, появление на общей территории после употребления алкоголя и использование ненормативной лексики, принцип уважения свободы и спокойствия жителей (в частности, сведение к минимуму посторонних, искусственных звуков, таких как громкая музыка, автосигнализация и т.п.), грамотная утилизация мусора и некоторые другие.

Основной принцип проживания в поселении, напрямую связанный с базовой мотивацией ретретизма, — это экологичность или снижение негативного воздействия на окружающую среду. Он проявляется во всех сферах жизнедеятельности. Большинство построек поселения — это каркасные экодома из соломы с глиняной пропиткой, которые дешевы и легки в возведении, а также комфортны для проживания.

Водоснабжение организовано различными способами: вода для питья и приготовления пищи берется из колодцев (их всего 11), для

мытья и хозяйственных нужд используется речная вода, для полива — дождевая или из небольших искусственных прудов.

В течение первых лет к поселению не было подведено электричество. В то время жители пользовались свечами, керосиновыми лампами или автомобильными аккумуляторами (*«жизнь и без электричества вполне возможна, и никто не превращается в диких людей; наоборот, люди и читают, и пишут даже больше»*).

Многие хозяйственные нужды поселения удовлетворяются силами поселения, например, работают пилорама и столярная мастерская. Так, дома обставляются мебелью собственного производства (*«зайдешь в один дом — аккуратный стол со скамьями нашей столярки, в другом — тоже стол, в третьем месте стулья, в четвертом — детская двухъярусная кровать»*). Планируется также организовать кузницу — прежде всего, для обеспечения нужд поселенцев в инструменте, а по возможности — и для производства предметов ковки на продажу.

Агрохозяйство как основной источник продуктов питания организовано на принципах органичности (прежде всего, без использования синтетических удобрений). Земли поселения были неплодородными, поэтому в первые годы потребовались значительные трудозатраты по улучшению структуры почвы. Это позволило через несколько лет получить значительные урожаи (*«урожаи уже начинаются немалые... кто-то из мужиков уже понимает, ...что слишком маленький погреб заложил»*).

Отдельным направлением хозяйства является естественное пчеловодство, основанное на принципе *«пусть пчелы живут так, как в природе»*. Животноводство не практикуется: разведение скота на убой, а также охота на диких животных запрещены уставом поселения.

Еда приготавливается на газовых плитках. Многие поселенцы практикуют сыроедение (*«потребляется только свежая необработанная пища, например, свежие фрукты, или свежие овощи, или свежие орехи»*).

Санитарно-гигиенические вопросы также решаются экологично: для стирки применяется хозяйственное мыло (использованная вода является натуральным удобрением), а некоторые жители моются горчицей и отварами отрубей или овсяных хлопьев.

В то же время в поселении активно используются современные средства связи. Несколько лет назад была организована беспроводная локальная сеть и выход в Интернет через спутниковую антенну. Поселенцы пользуются мобильной связью (*«особенно по зиме, когда на другой край поселения сбегать долго...»*)

Финансы

Важным практическим вопросом ретретистского образа жизни является выстраивание финансовой стороны жизни. То, каким образом организуется процесс формирования и использования денежных средств, отчасти связано с ведущей мотивацией ретретизма, а отчасти — с условиями жизнедеятельности.

В случае В. основным источником дохода семьи после переезда в село стала удаленная работа супруга по созданию и развитию веб-сайтов (*«мне не нужно каждый день ездить на работу, я могу работать в любом месте, где есть Интернет»*). Более того, она во многом и позволила принять решение о переезде.

А вот потребление товаров несколько модифицировалось в связи со сменой места жительства. В деревенских условиях, где нет магазинов «шаговой доступности», В. разработали новые схемы совершения покупок. Они так же, как и ранее, закупаются в крупных супермаркетах, но не ежедневно, а раз в три-четыре недели «впрок» (*«уж когда попадаем в магазин, затариваемся под завязку*, *...забиваем полностью багажник, а иногда и переднее сидение машины»*).

Для покупки некоторых промышленных товаров В. освоили возможности интернет-магазинов и аукционов. Это является хорошей иллюстрацией «нецелевого шопинга» как атрибута современного потребительского общества, который сохранился и в новом образе жизни супругов. Например, были приобретены электрический ошейник для собак (*«в пять раз дешевле, чем такой же у нас в Украине»*) и *«настоящая ковбойская шляпа»*.

Совершенно иные взаимоотношения с денежными средствами выстроил С., который *«с самого начала организовывал жизнь так, чтобы денег не требовалось совсем»*. На первых порах он сохранял подработку в Киеве с гибким графиком (*«раз в 2–3 недели, на полдня»*), а с начала 2007 года основным источником денежных средств стал прокат лошадей (*«удобнее, чем ездить в Киев, да и доход больше; люди приезжают из Киева, катаются по лесу, счастливы, а я получаю деньги, не отходя от дома»*).

Получаемые средства благодаря автономному быту не «проживаются», а тратятся *«на строительство, увеличение запасов, расширение хозяйства»*. В. сохранил только две обязательных ежемесячных статьи расхода — оплату электричества и покупку хлеба (*«пока он есть в магазине, и дешев»*). Кроме того, ежегодно оплачиваются налоги (земельный, «дворовой»). Таким образом, С. значительно приблизился к обеспечению жизнедеятельности без финансовых средств.

В случае Р. финансовая сторона жизни также претерпела существенные изменения. Прежде всего, это затронуло расстановку приоритетов, а именно пропала ориентация на «зарабатывание денег» (*«работа — для удовольствия, а не ради того, чтобы заработать хоть что-то»*). Это позволило Р. с легкостью менять места и сферу трудоустройства: некоторое время она была продавцом в аптеке (*«график работы два через два — вторая смена»*), потом работала в баре при кайт-станции своеобразным «менеджером по работе с контрагентами» (*«я делала все то же самое, [что в Москве], только сидела в купальнике, на пляже под зонтиком»*), а позже — управляющей. Заработанных средств хватает Р. на обеспечение всех жизненных потребностей (*«я могу снимать жилье и питаться в кафе и ресторанчиках»*).

Позже ее работа и хобби соединились в единое целое — она стала инструктором по кайтсерфингу на станции, организованной выходцами из России (*«рядом — друзья и единомышленники, работа — для удовольствия»*).

Своеобразное, несколько двойственное отношение к финансам сложилось внутри экопоселения. С одной стороны, *«на проживание семьи требуется от 5 до 15 тыс. в месяц, не считая расходов по строительству»* (и последнее *«действительно сложно [сделать] без начальных накоплений сделать.., хотя и здесь всякое бывает»*). Поэтому вопрос обеспечения внешнего заработка актуален, и каждый решает его по-своему: кто-то выращивает и продает саженцы, кто-то выполняет столярные заказы, кто-то занимается веб-дизайном. Некоторые поселяне живут на доход от сдачи в аренду городской квартиры, что позволяет не только обеспечить все текущие нужды семьи, но и существенно улучшить финансовое положение (*«денег, которые получают [за однокомнатную квартиру на окраине], хватает на питание семьи из четырех человек, расходы на машину, отдачу долгов»*).

Само поселение также ведет коммерческую деятельность с целью обеспечения общих нужд — строительство сооружений, дорог, колодцев, подведение электричества и прочее. Это прежде всего проведение практических семинаров и распространение собственной печатной и видеопродукции по организации экопоселений, строительству экодомов, кладки печей, пчеловодству.

С другой стороны, внутри экопоселения развиваются взаимопомощь и бартерные отношения (*«помогают друг другу просто так, без денег»*). Некоторые поселяне полагают, что в скором времени *«финан-*

совые взаимоотношения внутри поселения должны свестись к минимуму», что будет чрезвычайно позитивно для его жителей:

«Стремление помочь соседу, поселению, бескорыстная помощь просто из желания помочь доставляют радость, цементируют внутренние отношения, а деньги, несмотря на их удобство, уничтожают дух».

Медицина и здоровье

Медицина и иные услуги по поддержанию здоровья получили чрезвычайное развитие в обществе потребления. Поэтому для ретретистского образа жизни эта сфера является также одной из ключевых, в которой требуются принципиальные решения.

Супруги В. активно пользуются услугами медицинских структур, которые есть в деревне и районном центре (поликлиника, аптека, лаборатория). Однако в *«серьезных»* случаях они ездят в столицу (*«зубы лечить.., рожать, например, к платному гинекологу, ребенку грыжу паховую зашивали — это все в Киеве, не рискуем проверять местное качество»*).

С. выбрал иную стратегию — все медицинские вопросы старается решать полностью своими силами. Он постепенно изучает практическую медицину, создает запасы медикаментов и медицинского оборудования. Главную ставку С. сделал *«на то, чтобы не болеть и иметь крепкое здоровье»*, и это *«более чем получается — физическая форма отличная.., питание отличное, воздух, вода чистые»*.

В целом С. указывает на существенное улучшение здоровья после переезда в деревню: излечился гастрит (*«желудок испортил на нервной работе»*), не появилось ни одного нового кариеса (*«связываю с отказом от употребления сахара и полноценным витаминно-кальциевым снабжением»*), сильно улучшилась общая физическая форма.

Улучшение состояния здоровья после смены образа жизни отмечает и Р. —пропали симптомы стресса (*«усталость и хандра.., ни разу [не было] ни аллергии, ...ни аритмии, ни скачков давления»*), улучшились аппетит и сон (*«легко просыпаюсь.., крайне редко мучаюсь бессонницей, которая преследовала в столице постоянно, и хорошо высыпаюсь»*).

Такие же тенденции улучшения здоровья жителей наблюдаются и в экопоселении: в плане медицинских услуг поселенцы рассчитывали на живущего там врача, однако практики у него почти не оказалось (*«чтобы квалификацию не потерять, теперь каждые выходные в город к больным ездит»*). В поселении проводятся домашние роды, а участие в этом процессе отцов считается нормой.

Образование

Еще одним важным и принципиальным решением, обусловленным отказом от образа жизни в обществе потребления, является вопрос образования детей.

Для супругов В. он пока остается открытым — дети еще маленькие и не было необходимости принятия окончательного решения. В то же время они дискутируют относительно целесообразности обучения детей по общепринятым стандартам (*«я учился в обычной киевской школе, с повышенными требованиями, очень много просиживал над учебниками, тратя время на изучения предметов, которые мне не интересны и не нужны; мне не хочется, чтобы мои дети повторили мой путь»*). В то же время В. позитивно и, возможно, в чем-то идеализированно, смотрят на обучение в сельской школе (*«требования к ученикам значительно ниже, а предметы, необходимые для поступления можно изучить самостоятельно; и отношения между учителями и учениками более доброжелательные»*).

С. считает вопрос образования детей одним из важнейших, в том числе потому, что современная система образования его не устраивает (*«школа в гораздо большей степени отбивает у детей охоту что-то узнавать и постигать, чем дает что-то полезное»*). Поэтому он планирует учить детей сам, ссылаясь на имеющийся преподавательский опыт.

В экопоселении вопрос образования детей решается следующим образом. Пока детей младшего школьного возраста было немного, они учились экстерном. А когда детей стало больше, поселенцы своими силами организовали постоянные занятия по собственной системе с «погружением в предмет» (*«на [таких] занятиях... дети реально сильнее устают, но и реально существенно больше понимают»*).

Досуг

В обществе потребления досуг занимает значимое место в жизни людей и существует в прочной связке с услугами и товарами для отдыха[17]. Поэтому очевидно, что эта сфера также претерпевает существенные изменения с переходом к ретретистскому образу жизни.

[17] *Понукалина О.В.* Досуг в обществе массового потребления: концептуальные рамки исследования. // Известия Саратовского ун-та. 2009. Т. 9. Сер. Социология. Политология. Вып. 1. С. 23–27.

С одной стороны, герои проанализированных случаев, очевидно, никогда не были активными потребителями досуговых услуг. Супруги В. не считают, что после переезда из города что-то лишились в *«культурном плане»*, так как и раньше у них *«не было особых развлечений»*. С. также не ощущает отсутствия культурных мероприятий (*«я не ходил в театры, когда жил в Киеве.., не хожу и сейчас»*).

С другой стороны, досуговые практики стали более избирательными. Так, С. собрал коллекцию *«отборных»* фильмов и музыки, а также большую библиотеку (*«около 700 томов книг; из них художественной литературы около 400–500 томов»*). Кроме того, досуговые практики часто замыкаются на ближайшее социальное окружение (*«к нам приезжают друзья в гости и родственники по праздникам»*).

Широкий спектр разнообразных досуговых практик существует в экопоселении: совместные вечера и праздники, музыкальные вечера (*«в большой комнате общего дома теперь два пианино, так что вечера получаются что надо»*) и детские встречи (*«мамы с детьми в общем доме собираются и детские песни поют»*). Организованы хор (*«заслуга профессионального хормейстера, живущего в поселении»*) и танцевальные классы (*«несколько человек танцам обучались, и постоянно мастер-классы устраивают»*), действует секция рукопашного боя.

В экопоселении так же, как и у С., сформирована собственная библиотека (около 1000 отсканированных книг и журналов) и видеотека из тщательно отобранных документальных фильмов и советских мультипликационных фильмов, снятых до 1970 года.

Особое место досуговые практики занимают в образе жизни Р. Это прежде всего разнообразные вечеринки (*«барабаны, факела, музыка и пестрые коктейли»*). Вот описание одного из месяцев жизни Р. в М.-Н.:

«Сначала был день рождения К.К., потом Ю. и Л. открыли бар, потом был день рождения С., потом новоселье у К. и Н., которые после долгих и упорных поисков сняли дом. Дальше пошла череда вечеринок в местных заведениях, потом О. приехала, потом у самого Ю. был день рождения, потом отъезд О. отмечали».

К слову, употребление алкоголя и «легких» наркотиков также является неотъемлемой частью жизни интернационального сообщества в М.-Н. (*«разливаемого алкоголя и выкуренной травы... будем говорить честно, тут на очень небольшой площади хватает»*).

Творчество и самореализация

Общество потребления порождает целый ряд парадоксов, в том числе высокую трудовую активность людей[18]. В условиях, когда значительная часть жизни тратится на обеспечение возможностей потребления и само потребление, индивидуальное творчество в классическом его понимании отходит на дальний план, а саморазвитие связано прежде всего с конкурентоспособным успехом и личными достижениями. В этом смысле интересны формы существования творчества и самореализации в условиях ретретистского образа жизни.

Для С. одной из целей построения жизни вне общества потребления было достижение *«максимального качества жизни»*, в том числе за счет *«наличия достаточного количества свободного времени для отдыха, творческой самореализации и т.д.»*. В качестве одного из позитивных моментов нового образа жизни он особо подчеркивает саморазвитие за счет освоения абсолютно разных профессиональных ролей:

«В городе я был только программист и системный администратор. Здесь же я огородник, животновод, лошадник, садовод, столяр, плотник, строитель (бетонщик, кровельщик, отделочник)... Уметь многое, осваивать новое, и чувствовать, что получается, — это очень приятное чувство. В городе это сложно».

Для Р. появление свободного времени также стало основой для творческой самореализации (*«я купила краски и альбом и учусь рисовать»*). Сходные тенденции, по ее мнению, проявляются у большинства новых жителей М.-Н.:

«У тех, кто так или иначе оказался здесь, ...все время выявляются какие-то таланты. ...Кто-то рисует, кто-то играет, кто-то вышивает бисером..., кто-то вдруг оказывается прирожденным барменом или жонглером, кто-то фотографирует... В общем много чего, благо возможностей попробовать себя в новом амплуа хватает».

В экопоселении к выбору занятия по душе относятся как к важной индивидуальной задаче каждого поселенца. Основной принцип при этом — *«заниматься надо тем, что приятно и доставляет удовольствие»*. Пока мужчины строят дома и обустраивают поселение, женщины, помимо ведения домашнего хозяйства и ухода за детьми, активно занимаются творчеством и ремеслами: шьют вещи из льна, плетут изделия из лозы и бересты, изготавливают украшения и керамику,

[18] *Ильин В. И.* Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность. // Мир России. 2005. Т. XIV. № 2. С. 3–40.

рисуют, делают кукол. Возрождение традиционных ремесел является одной из важных инициатив экопоселения.

Заключение

Важный вопрос: является ли ретретизм в потребительском обществе нормой или девиацией?

Если рассматривать девиацию как несоответствие фактически сложившимся в обществе нормам и ожиданиям[19], то очевидно, что ретретизм является отклонением.

Однако важно подчеркнуть конструктивный характер этой девиации (в противовес деструктивности образа жизни в обществе массового потребления, который отмечен целым рядом авторов, начиная с классиков — Дж. Гэлбрейта, Т. Веблена, Э. Фромма, Ж. Бодрийяра).

Ключевой мотивацией ретретизма для героев рассмотренных случаев — будь то девушка, занимающаяся кайтсерфингом в курортной вьетнамской деревне, или мужчина, построивший полностью независимый быт в украинской глубинке, — была неудовлетворенность жизнью в обществе, основанном на потребительских нормах и ценностях. А среди «жизненных приобретений» — такие значимые вещи, как здоровье, свободное время, возможность самореализации. Однако, несмотря на очевидные плюсы, выбор в пользу ретретизма не очевиден и не прост: герои проанализированных случаев признавали, что им пришлось пойти *«на многие жертвы»*.

Такого рода «перевернутость» нормативной системы является одним из парадоксов современного общества массового потребления и требует дальнейшего изучения, в том числе в контексте проблематики социального контроля.

[19] *Гилинский Я.* Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 72–78.

Я.В. Костюковский

ХАРАКТЕРИСТИКА ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Организованная преступность в современной России, унаследовав многие свои качества от феномена 90-х гг. XX в., развивается и приобретает новые качества, которые нуждаются в новых исследованиях. Возможно необходимо создание новой криминологической и социологической концепции, отражающей новые условия существования и природу организованной преступности XXI в.

Ключевые слова: организованная преступность, коррупция, преступная организация, экстремизм, беловоротничковая преступность

Говорить об организованной преступности в последние годы стало непросто по нескольким причинам. Во-первых, широко тиражируется медийное мнение о том, что бандиты ушли в прошлое, появился термин «лихие 90-е», криминальные войны отшумели, а теперь все заняты бизнесом и не более того. Во-вторых, открыто позиционировать себя гангстером (или же иметь такую известность) стало крайне немодно. Такое реноме ставит под удар бизнес и близких. Да и закрывает многие двери. Несколько попыток людей с откровенно криминальным прошлым занять общественные посты не увенчались большим успехом. Самую успешную карьеру сделал Владимир Викторович Николаев (кличка Винни-Пух), который с 2004-го по 2007 г. был мэром Владивостока. Впрочем, не только на Дальнем Востоке «лихие 90-е» еще не закончились. Для того чтобы проблема организованной преступности опять вошла в «повестку дня», потребовались вопиющие случаи в станице Кущевская, Гусь-Хрустальном, нескольких других регионах. Властные структуры опять заговорили об организованной преступности, причем тоном слегка удивленным и даже оскорбленным. Тот факт, что почти во всех городах России существуют преступные сообщества (той или иной степени организованности и масштаба), игнорируется. А это значит, что, несмотря на определенную закрытость, организованная преступность не просто существует по-прежнему, но и развивается и имеет неплохие перспективы для этого развития. В-третьих, говорить о ком бы то ни было как о представителе криминальных структур тоже стало «не модно». Преступная организация — не партия, не учреждение, членство в ней не оформляется, а стало быть, выводы о нем умозрительны, даже если известны буквально

всем. Известны случаи, когда оскорбленные подобным упоминанием подают в суд и даже выигрывают. Появился термин «авторитетный бизнесмен» для того, чтобы, не называя вещи своими именами дать понять, о чем идет речь. Из чего же «выросла» организованная преступность того образца, который в современной России представлен на сегодняшний день.

Дореволюционную (XIX — начало XX в.) преступность нельзя в полной мере определять как организованную, в том смысле, в котором это определение используется в современной социологии и криминологии. Тем не менее, основные группы, составившие впоследствии основу организованной преступности России, сложились именно тогда. Самая массовая группа преступников — бродяги. Частично это действительно были странствующие люди, не имеющие постоянного места проживания, зарабатывавшие себе на хлеб попрошайничеством и совершением мелких уголовных преступлений — краж, грабежей, мошенничества. Именно в этой среде зарождаются неписаные понятия и законы, определяющие стиль и правила жизни сообщества. В этой же группе складывается профессиональный язык преступников — феня. Уважаемые заключенные в местах лишения свободы до сих пор называются «бродягами». Объединения преступников, конечно, существовали уже тогда. Они носили артельный характер, но уже тогда были заложены основы того, что впоследствии стало основой жизни профессиональных преступников — места сбора и иногда проживания — «малины», общие кассы — «общаки», общий антисоциальный образ жизни, что формировало авторитет преступника, его влияние, криминализацию мест заключения. Складывается и еще одна важная особенность преступного мира, сохранившаяся до сих пор. Преступники окружают свой образ жизни многочисленными легендами, сказками, «правдивыми историями», появляется особая музыка («блатняк»), «тюремная лирика». Во всем этом творчестве правда причудливо перемешивается с вымыслом, так что отделить одно от другого практически невозможно. То же касается и разговоров с «блатными». Наврать «фраеру» (тому, кто не включен в преступный мир) считается за доблесть, поэтому любая, самая правдоподобная и очевидная информация подлежит проверке.

Вторая значимая группа — профессиональные преступники. В этот же период происходит довольно резкое профессиональное разделение преступников по профессиональной принадлежности. Насчитываются десятки специальностей воров, которые различались по виду

кражи (карманная или квартирная, совершенная на улице или на вокзале и т. п.), грабителей, налетчиков, взломщиков, мошенников, профессиональных игроков, фальшивомонетчиков, убийц и др. Преступный мир обрастает инфраструктурой: скупщиками краденого, содержателями притонов, наводчиками, информаторами и т. д. Возникают лидеры преступного мира — воры («воры в законе»).

Этот период можно назвать линейным развитием преступности. В России никогда не существовало единой мафиозной сети, никогда не было единых центров, штабов преступности. Воры, конечно, знали о существовании друг друга, клички, часто были знакомы лично, но преступные организации носили локальный характер или организовывались по принципу профессиональной (преступной) принадлежности. Преступность занимала свое место в ряду социальных институтов, имела свои правила существования и контролировалась правоохранительными органами. Конечно, это не значит, что не существовало коррупционных механизмов. Были и взятки, и двойные агенты, однако существовала линия водораздела, по одну сторону которой находился преступный мир, а по другую — те, кто с ним борется, занимается профилактикой и пенитенциарная система. Преступники не только позиционировали себя как нарушители закона, живущие по собственным законам, но часто демонстрировали это особым способом разговаривать, одеваться, специальными татуировками, которые отражали специальность, авторитет, особенности характера, количество, место и срок заключения и т. д. Существовали строгие запреты для истинных преступников на контакты с государством, невозможно было не только сотрудничество с правоохранительными органами, но и вообще контакты с какими бы то ни было государственными структурами и организациями. А настоящему вору не разрешалось даже состоять в браке, заниматься торговлей и обязательно следовало периодически садиться в тюрьму. В данном случае речь может идти о четко очерченном социальном феномене — преступности (с явными приметами организованности)[1]. ***Преступный мир имел четкую позицию — антиобщественную, противопоставлял себя не только закону, но и правилам, по которым живет социум.***

[1] Подробная история развития российской оргагнизованной преступности: *Gilinskiy Y.*, *Kostjukovsky Y.* From Thievish Artel to Criminal Corporation: The History of Organised Crime in Russia / C. Fijnaut, L. Paoli (eds.) // Organised Crime in Europe: Concepts, Patterns and Control Policies in European Union and Beyond. Springer, 2004. Vol. 4. P. 181–202.

Во времена Советского Союза борьба с уголовной преступностью велась весьма успешно. Профессиональные преступники все также занимались совершением преступлений. Однако к общеуголовной прибавилась еще одна разновидность преступности, которая ранее была слабо представлена на карте криминального мира — экономическая преступность. Речь идет о «цеховиках», которые по сути предоставляли услуги и товары населению, которое в них нуждалось крайне остро в условиях социалистического дефицита. Сращивания двух этих видов преступности не происходит, однако связь явно прослеживается. «Цеховики» платят налог (до 10 % дохода) в криминальные кассы — своеобразное разрешение заниматься бизнесом от криминальных авторитетов, плата за относительное спокойствие. Обращение же экономической преступности к легальному ресурсу выражается в коррупционных связях, иногда достигающих высот министерств и высших партийных органов, о чем свидетельствуют: «грузинское дело» (1971 г., обвинение в коррупции Василия Мжаванадзе, первого секретаря грузинского ЦК); «дело Полянского» (1976 г., обвинение в хищениях и приписках министра сельского хозяйства СССР Дмитрия Полянского); дело «Океан» (1978 г., директор магазина фирмы «Океан» Пруидзе арестован за передачу взятки заместителю министра Рытову); «икорное дело» (1981 г., схема контрабандных поставок черной икры за рубеж, к которой был причастен министр рыбного хозяйства СССР Александр Ишков и его заместители); дело Елисеевского гастронома (1982 г., директор гастронома № 1 Юрий Соколов был приговорен к расстрелу за взятки, хищения и валютные махинации); хлопковые дела (расследования 1983–1989 гг., многочисленные отдельные дела о коррупционных злоупотреблениях в высших эшелонах власти Узбекской ССР) и многие другие дела[2]. Понятно, что изучая обстоятельства того или иного уголовного дела, можно прийти к выводу, что «чистых» уголовных дел почти не было (все они имели побочные цели дискредитации того или иного чиновника), а вся экономика советского образца была пронизана неформальными отношениями совсем небескорыстного характера. Однако заметим: вся эта деятельность не просто оставалась за рамками

[2] *Гуров А.* Профессиональная преступность: прошлое и настоящее. М.,1990; *Он же*. Красная мафия; *Гуров А., Рябинин В.* Исповедь вора в законе. М., 1995; *Подлесских Г., Терешенок А.* Воры в законе: бросок к власти. М., 1994; *Разинкин В.С.* «Воры в законе» и преступные кланы. М., 1995; *Сидоров А.* Великие битвы уголовного мира: история профессиональной преступности Советской России. В 2 кн. Ростов-н/Д, 1999; *Чалидзе В.* Уголовная Россия. М., 1990; и др.

закона, ***она была уязвима для расследований и наказуема*** (пусть и почти негласно и незаметно для граждан СССР). То есть ***существовал барьер нарушения закона***.

Следующий виток развития организованной преступности приходится на конец 80-х — начало 90-х гг. XX в. Перестройка привела к социально-политическим изменениям в СССР и позже Российской Федерации. У населения появились новые возможности зарабатывания денег. Разрушались целые социальные институты, а вместе с ними и социальные сети, вместо них не всегда возникали новые, а возникающие часто имели совершенно иные качественные признаки. Государство оказалось не готово к самореформированию, а потому часто провоцировало нарушения закона. Слабость и противоречивость законодательства дополнялись неподготовленными, непрофессиональными решениями правительства. Уголовный мир, который является системой очень чувствительной к социальным переменам, а к тому же суперадаптивной, тоже изменился нелинейно. Возникли новые группы преступников, которых не устраивали сложившиеся правила, законы и порядки старого преступного мира. Бывшие спортсмены, бывшие военные (часто ветераны, принимавшие участие в вооруженных действиях), просто молодые люди, в большинстве своем никогда ранее не контактировавшие с уголовным миром, несудимые, активно включились в преступную деятельность. Бригады, объединяющие до 10 человек, быстро разрастались, вливались в ряды преступных сообществ, банальное вымогательство превращалось в «оказание услуг» в виде охраны и курирования (классический рэкет), налаживания новых связей, ведения переговоров, возврата долгов, привлечения инвестиций и др. Экономическая преступность, существовавшая в СССР, стремилась к легализации, курировавшие ее уголовные авторитеты старой формации также получали возможность стать бизнесменами, но денег перестало хватать на всех. Это стало причиной жестоких криминальных войн по всей России. Кроме того, государство не только не гарантировало, но, по сути, не предоставляло никаких возможностей социального лифта для слишком большого количества широких социальных групп. Бывшие спортсмены и бывшие военные — одни из самых незащищенных социальных групп. К началу 90-х гг. возникают тысячи групп (разной степени организации), основанных не на старых принципах существования уголовного мира, но так или иначе связанных с частным бизнесом. Поскольку частный бизнес в России всегда, с самого появления, связан с нарушениями закона, это облегчает до-

ступ к нему преступников. В России расцветает процесс отмывания денег, вначале просто заработанных в теневом секторе (укрытых от налогов), затем с появлением наркорынка, рынка оружия, краденых металлов, автомобилей и т.д. он принимает широчайшее распространение. Мизерные зарплаты с одной стороны и не виданные до тех пор возможности обогащения выталкивают государственных служащих и представителей правоохранительных органов в коррупционное поле. Приватизация государственных мест становится общепринятой практикой. Приобретение международных связей обусловлено решительностью, с которой российские преступники обустраивают свой бизнес в зарубежных странах, а также распадом СССР. Профессиональные преступники советских республик, оставшиеся на их территории, становятся иностранцами, но не утрачивают связи с бывшей метрополией, что также способствует интеграции российской организованной преступности в международные преступные синдикаты, а в России развиваются и ранее существовавшие этнические (и даже зарубежные) преступные сообщества. Воровской закон, до той поры непоколебимо охранявший моральный облик уважаемого преступника, также теряет позиции. Воры становятся богатыми (что ранее представить было просто невозможно), обрастают недвижимостью, фирмами, постами в деловых структурах, а часто и различными документами вроде депутатских мандатов[3]. Результатом вражды/сотрудничества различных видов преступности стала *более чем устойчивая организованная преступность, сочетающая в себе не только уголовный опыт предыдущих поколений, но и напор и инновативное мышление новых преступников и поддержку коррумпированных представителей государственных органов*.

Для развития организованной преступности в России не было толчка сильнее, чем социально-политические изменения 80–90-х гг. XX в. Россия приобрела возможность развития демократических ценностей и реформирования экономики. Однако для успешности этого процесса часто не хватало политической воли, профессионализма реформаторов. Например, многие зарубежные и отечественные исследователи считают, и небезосновательно, что основной импульс развития организованной преступности был дан горбачевской «борьбой

[3] В 1992–2002 гг. проведена серия интервью с представителями преступных организаций Санкт-Петербурга, Москвы, Екатеринбурга и некоторых других городов, на основе которых написана и защищена диссертация по социологии. В статье используются данные этих интервью, а также более поздние интервью, 2003–2011 гг.

с пьянством», по аналогии с американским «сухим законом». Только в США расцвела контрабанда спиртного из соседних государств, а в России огромное распространение получила фальсификация алкогольной продукции. Переоценить доходность этого криминального бизнеса трудно — по оценкам независимых экспертов, прямые убытки российских и зарубежных производителей, владельцев товарных знаков превышают 1,5 милл долл/ в год[4]. Что же касается общего курса реформ, которые всегда и везде проходят сложно, с ошибками, перекосами, потерями, но главным их качеством остается отсутствие общего стратегического курса — какое политико-экономическое устройство должно стать их конечной целью. Развитие организованной преступности в таких условиях естественно, но часто предсказуемо и не является необратимым. Однако разрушение социальных связей в обществе, утрата веры в силу государства и закона, исчезновение поддержки со стороны государственных институтов (суда, правоохранительных органов, социально ориентированных служб и др.) приводит к тотальному аномическому состоянию социума. На фоне растущего социального расслоения нет социальных классов. При прогрессирующем частном бизнесе нет поддержки мелкого бизнеса, развивается только крупный, который в свою очередь давит мелкий. Возникновение среднего класса проблематично и в связи с деятельностью госкорпораций. При богатейших возможностях социального творчества и самоорганизации населения исчезает взаимное доверие. На фоне многочисленных депривацій локального характера и общемирового кризиса число (только официальных) долларовых миллиардеров в России за год выросло в 1,5 раза (2010–2011 гг.)[5]. Картина не меняется на протяжении довольно длительного периода времени, последних лет десяти. А в начале 90-х только начинает складываться рынок коррупционных услуг и связей, который впоследствии принимает лавинообразный характер. Организованная преступность, прежде занимавшая определенные ниши, теперь получает неограниченные возможности развития и вторжения в области ранее недоступные этому социальному институту, — экономику, бизнес, влияние на политику.

---

[4] *Болатов А.С.* Противодействие и определяющие его факторы при расследовании преступлений по уголовным делам об обороте немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции // Вестник Московского ун-та МВД России. № 1. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 80–83.

[5] URL: http://www.newsinfo.ru/news/2011-04-15/item/751656/ (15 апреля 2011).

Важнейшим этапом в развитии организованной преступности становятся «нулевые» годы XXI в. Общая информационно-медийная картина создает следующий пейзаж: гангстерские войны отгремели, последние преступники посажены, убиты, а оставшиеся занялись легальным бизнесом, криминал вернулся в привычные ему ниши — наркотики, проституция и общеуголовные преступления. На самом же деле места устраняемых преступных сообществ, которые контролировали (крышевали) или же организовывали тот или иной вид криминального бизнеса, все чаще занимают те, кто с ними борется, — правоохранительные структуры. Причем происходит это все чаще в комбинации с представителями бюрократии. В начале «нулевых» огромное распространение принимает явление «рейдерских» захватов, то есть отъем бизнеса у одного хозяина и передача другому, или же последующая распродажа активов. Этот процесс включает в себя не только силовые акции, но и тщательную проработку юридической стороны дела, а также сотрудничество с административными, властными и правоохранительными органами. Коррупция охватывает все государственные органы и сферы от образования и медицины до армии и экономических ведомств. Видимая часть коррупции (например, деятельность дорожной полиции) известна почти всем, а о невидимой (например, откаты, кабинетная коррупция) можно судить по масштабам загородных и городских резиденций, стиле жизни российских чиновников[6]. Однако начавшая развиваться свобода слова («гласность») неожиданно приводит к тому, что практически никто не реагирует на печатное слово, а в самих СМИ прогрессирует самоцензура (в первую очередь в результате зависимости от финансовых источников, которые также принимают участие в коррупционных процессах). Результатом становится массовый отток читателя/зрителя в Интернет, куда также перетекает и журналистика. Проблема усиливается тем, что «сетевая» информация не гарантирует правдивости и оригинальности, часто непонятного авторства. Впрочем, на фоне существующих печатных изданий и телевидения (за редчайшими исключениями), потребитель информации мирится с тем, что происходит в Интернете. Реформы, модернизации парализуются вязкостью коррупционного поля, в котором проводятся. Организованная преступность все чаще встречается в виде срастания старого уголовного мира, преступников-безнесменов

[6] *Гольберт В. В., Костюковский Я. В., Прокопьев В. Н.* Эксцесс коррупции. Иркутск: БГУЭП, 2006.

и представителей властных структур (будь то просто бюрократы или представители правоохранительных структур, властных или партийных органов) доходящих до таких высот, где какие-то расследования и разоблачения просто теряют смысл, потому что граничат с антигосударственной деятельностью.

Залог успеха развития организованной преступности в том, что практически нет инструмента, который можно было бы противопоставить этому развитию. Кроме того, общая идеологическая направленность на то, что с организованной преступностью покончено, приводит к тому, что требуется феномен эксцесса исполнителя (как это случилось в Кущевской) для того, чтобы понять, что «мафия бессмертна». А в дополнение к этому стоит напомнить, что заявления об успешной борьбе с организованной преступностью тут же дополнились убийством Вячеслава Иванькова — «Япончика» (2009 г.), покушением на Аслана Усояна — «Деда Хасана». Даже официальные СМИ стали говорить о войне в «воровском мире».

Возникают и новые ракурсы, в которых деятельность преступных организаций рассматривалась и исследовалась нечасто. Один из них — экстремизм. До 90-х гг. нет причин утверждать, что экстремистская и террористическая деятельность была связана с организованной преступностью. Изменение политической карты мира, открытие межгосударственных границ, процессы глобализации провоцируют развитие международных связей организованной преступности и террористических организаций. Возникает международный рынок «технических» специалистов, прежде всего наемных убийц. Организованные преступные сообщества развивают и укрупняют бизнес в сфере наркоторговли, торговли оружием и вооружениями. Террористические организации все чаще вступают в контакт с организованной преступностью как клиенты. Мафиози, в свою очередь, пользуются услугами террористов и экстремистов, прежде всего как силовых структур. Таким образом, возникает поле, на котором интересы террористов и организованной преступности пересекаются. Здесь можно упомянуть и контрабанду, и торговлю людьми, и операции по отмыванию денег, и т. д.

Однако нельзя не упомянуть, что окончательные цели у организованной преступности и террористов различны. Организованная преступность сама по себе не является политической силой, даже несмотря на то, что способна оказывать огромное влияние на политику. Мафия готова финансировать практически любой политический режим или партию, способную обеспечить ей безопасность и извлечение супер-

прибылей. Так как это и является окончательной целью организованной преступности. Террористы борются с государственной машиной и стремятся к созданию нестабильности на территории, которую считают целью своих атак. Нестабильность региона может быть выгодна и для организованной преступности при определенных обстоятельствах. Однако гораздо чаще мафия является инструментом и механизмом социального контроля, определяющим уровень преступности. По некоторым данным, каждый 4-й житель, взрослый мужчина в России, имеет опыт тюремного заключения[7]. В некоторых регионах, в малых городах, этот процент так высок, что представители организованной преступности — практически единственная сила, способная поддерживать порядок на этих территориях. Вышеизложенное не означает, что организованная преступность — это инструмент, которым можно бороться с экстремизмом. Скорее это два вектора, направленные далеко не параллельно.

Описываемый феномен в своем развитии приближается по определению к концепту, предложенному Эдвином Сазерлендом в 1945 г.[8] и получившему впоследствии широчайшее использование. Речь о беловоротничковой преступности — виде преступности, выделение которого осуществляется по признаку принадлежности преступника к числу лиц, выступающих в роли представителей государства, бизнеса, должностных лиц и чиновников. Также беловоротничковой преступностью называется фиктивная экономика (которая является частью неформальной, теневой экономики), под которой подразумевают незаконную деятельность занятых в официальной экономике агентов, связанную со скрытым перераспределением легальных доходов. К данному типу преступлений относят мошенничество в сфере экономики, коррупцию, промышленный шпионаж, уклонение от уплаты налогов, ложные банкротства и другие. Среди всех видов преступлений этот, возможно, наносит наибольший экономический ущерб современному обществу, наиболее латентен и наименее заметен с точки зрения общественного мнения и медийной картины. В современной России именно этот вид преступности получил широчайшее распространение. Тем не менее, невозможно ограничиться мнением, что гангстерская преступность трансформировалась в беловоротничковую. Во-первых,

[7] URL: http://www.mhg.ru/publications/1D561FD (10 октября 2010)

[8] *Sutherland E.H.* Is “White Collar Crime” Crime? // American Sociological Review. 1945. Issue 10. P. 132–139.

на территории России до сих пор есть регионы, где взаимоотношения криминала и бизнеса выстроены по старой (90-х гг.) схеме. Во-вторых, кабинетная преступность (а это и есть суть беловоротничковой) часто имеет силовую поддержку, а это выводит ее за рамки определения Сазерленда. В-третьих, речь идет все-таки о преступности, а не об общепринятой практике, пусть даже и негласной (например в IT сфере). В 1996–1999 гг. откаты, по информации Ольги Усковой, главы Национальной ассоциации инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ), составляли в среднем 10 % суммы контракта, в 1999–2003 гг. — 20 %, в 2003–2005 гг. — 35 %, в 2005–2008 гг. — 40 %, в 2008–2009 гг. — 60 %, в 2009–2010 гг. — 70 %[9]; на рынке страхования строительно-монтажных работ в 2010 г. откаты достигли 80 %[10], за получение кредита в банке — 15 %[11] и т. д.). Цифры эти не секретные, добыть их несложно в Интернете, если же требуется более точная информация, то на рынке представлено достаточное число консультантов, которые обладают полной информацией и технологией процесса.

Видимо, дело не только и столько в создании «правильной» идеологии. Как относиться к организованной преступности с гражданской позиции, известно всем. Возможно, более продуктивными являются серьезное исследование и последующие действия государства (профилактика и/или борьба). Естественно встает вопрос об инструменте для этих действий. В 2008 г. Указом Президента РФ были расформированы УБОПы[12]. Это подразделение просуществовало почти 20 лет и являлось основным в борьбе с организованной преступностью. В прессе накоплено немало свидетельств криминализации УБОПа, связи с организованной преступностью, однако после его роспуска функцию никто не унаследовал. Текущая ситуация, видимо, все-таки требует создания подразделения, которое могло бы справляться с противостоянием организованной преступности, адекватно оценивая ее новые качества. Воссоздания УБОПа уже мало, необходимо новое подразделение, новые специалисты, новые подходы к работе.

Современная организованная преступность — сложный конгломерат симбиотического существования административно-властных органов, правоохранительной системы, бизнеса и экономических

[9] URL: http://www.marker.ru/news/450 (10 июня, 2011).

[10] URL: http://realty.newsru.com/article/24sep2010/strahotkaty (10 июня, 2011).

[11] URL: http://www.dp.ru/a/2011/05/24/Otkat_za_poluchenie_kredit/commentblock

[12] Управление по борьбе с организованной преступностью, региональный вариант — РУБОП.

структур с традиционными формами и формациями криминальными активности. И может быть, в этом нет социальной трагедии? Может быть, это и есть та форма государства, которая обеспечит существование России? Тем более, что для тех, кто определяет направление развития отечественного бизнеса и экономики, такое положение дел часто гораздо выгоднее, а его изменение чревато потрясениями, в том числе и социального характера. Но тогда необходима политическая воля, способная обосновать и определить *этот* курс развития. А пока отношение государства к процессам, происходящим в стране, иллюстрирует фраза, найденная в Интернете: «Герой России Рамзан Кадыров в свое время обвинил другого Героя России, Сулима Ямадаева, в причастности к убийству своего отца, Героя России Ахмада Кадырова. Герой России Сулим Ямадаев убит в Дубае и по обвинению в его убийстве дубайская полиция объявила в международный розыск Героя России Адама Делимханова. Брат убитого Героя России, Руслан Ямадаев, тоже Герой России, ранее убит в Москве... Я, как внук Героя Советского Союза, <ничего> не понимаю...»[13]

[13] http://blog.fontanka.ru/posts/57254/ (1 июня, 2011).

Г.А. Румянцева

ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ САМОУБИЙСТВ И СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Статья посвящена изучению институциональных эффектов самоубийств и социального контроля. Анализируются понятия девиаций и социальных норм, приводятся определения и классификации самоубийств, рассматриваются институциональные эффекты и теоретические концепции самоубийств и социального контроля. Подчеркивается, что современные концепции социального контроля отдают предпочтение контролю терапевтическому, образовательному и педагогическому. В современной России отсутствует адекватная система мер профилактики суицидального поведения. Утверждается, что в основе комплексной программы социальной политики по ранней диагностике и профилактике самоубийств должны лежать диверсифицированные стратегии действий.

Ключевые слова: девиации, самоубийство, суицидальное поведение, социальные нормы, социальный контроль, институциональные эффекты

Суицидальное поведение — один из сложнейших социальных феноменов. По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно свыше 500 тысяч человек добровольно уходят из жизни. Количество же покушавшихся на свою жизнь превосходит это число во много раз. Это свидетельствует о необходимости пристального изучения самоубийств.

Девиации и нормы. Негативное воздействие на индивида различных экономических, политических, правовых, религиозных, культурологических, индивидуально-личностных и прочих факторов создает контрагентов его социализации. Меняются ценностные ориентации личности, которые могут вступать в противоречие с ориентирами развития общества. В силу невозможности удовлетворить те или иные потребности, личность вступает в конфликт с общественными установками. В результате возникают ситуации, которые называются девиациями (девиантным поведением). Девиации определяются как «нарушения социальных норм, которые характеризуются определенной массовостью, устойчивостью и распространенностью при сходных социальных условиях»[1]. К девиантному поведению относят такие формы, как пре-

[1] *Гилинский Я. И.* Девиантология. СПб. : Юридический Центр Пресс, 2004.

ступность, наркотизм, алкоголизм, самоубийства, проституция и т. п. Государство и общественные институты всегда пытаются устранить нежелательные проявления отклонений от принятых в данном обществе норм, путем воздействия на лиц, чье поведение выходит за рамки существующих правил.

Рассмотрим, как реагировало государство и общество на девиантное поведение в различные исторические эпохи. На протяжении длительных периодов жизни различных народов и государств складывались нормы, регулирующие взаимоотношения личности с социальной средой. Социальные институты (в лице государства и общества) понимали норму как меру должного, сознательно установленного и предопределенного самой природой. Иногда спонтанно возникшие обычаи и традиции законодательно возводились в нормы дозволенного и запрещенного поведения.

По мнению Т.В. Шипуновой, вплоть до XVIII в. под нормой понимали традиционные и правовые предписания, освященные божественным одобрением, то есть не противоречащие религии[2]. Отклонение от них рассматривалось как патология, виновных подвергали страшным наказаниям, вплоть до сожжения на кострах. Нормы понимались как выражение добродетели и исполнение предписаний общественного договора, благодаря которому в обществе существовали вера и единодушие относительно того, что можно, а чего нельзя делать.

В XIX в. происходит более глубокое осмысление понятия «норма»; в этот период формируется нормативная система общества. Предлагается множество определений «нормы». Например, Э. Дюркгейм под нормой понимает предписания религии, морали и права, являющиеся формами коллективного сознания, которые индивид уже при своем рождении находит существующими и должен придерживаться этих правил в своем поведении»[3]. Можно привести и другое его определение: «Норма — это мера общественной полезности» того или иного явления, общепринятого, типичного для данного общества[4] .

В XX в. социальная норма понимается не только как предписание должного, но и как ожидаемое поведение. Норма выступает требованием определенного поведения, соблюдение которого обеспечивается

---

[2] *Шипунова Т.В.* Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. СПб., 2003.

[3] *Дюркгейм Э.* Норма и патология. Социология преступности. М., 1966.

[4] Там же.

применением санкций. Нормы приобретают правовой статус. Социальная норма трактуется как спонтанно сложившаяся в обычаях и традициях и/или сознательно установленная законодателем мера обязательного, дозволенного или запрещенного поведения и деятельности людей и социальных систем.

В обществе утвердились две группы социальных норм. В первую группу вошли атрибутивные (или первичные) нормы, т. е. те, которые неизменно встречаются у всех народов. Они сложились на уровне межличностного взаимодействия. Нарушение этих норм всегда сурово каралось, так как считалось, что оно наносит обществу непоправимый вред.

К другой группе относят вторичные, конвенциональные (условные) нормы. Это такие виды поведения и деятельности, которые являются должными, допустимыми в данном обществе и в данное время, хотя у других сообществ они могут считаться противоправными. Против деления норм на атрибутивные и конвенциональные выдвигается следующее возражение: даже такая жесткая норма как «не убий», очень часто нарушается. И это нарушение предписывается самим обществом (например, смертная казнь, эвтаназия и т. п.).

В современных обществах социальная норма определяется как исторически сложившийся (в конкретном обществе) предел допустимого (дозволенного или обязательного) поведения.

Понятие и классификации самоубийств. Самоубийства, наряду с пьянством, наркоманией, проституцией и другими формами, относят к негативным девиациям. Одно из самых простых определений: «Самоубийство — это намеренное лишение себя жизни». В мировой суицидологии существует ряд понятий — «самоубийство», «суицид», «суицидальное поведение». Одно из первых научных определений самоубийства мы находим у основателя социологического направления исследования самоубийств Э. Дюркгейма: «Самоубийством называется каждый смертный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах»[5]. Э. Дюркгейм отмечал, что эта форма девиации не является простым агрегированием индивидуальных тенденций и свидетельствует, скорее, о проблемах общества[6].

[5] *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.

[6] *Durkheim E.* A Study in Sociology. N. Y. : Free Press, 1951.

Причины самоубийств нужно искать внутри общества, в закономерностях и противоречиях общественного развития [7].

Сложность феномена самоубийства, разнообразие концепций и подходов при объяснении суицида влечет и множество его классификаций по различным мотивам и причинам. Э. Дюркгейм в названном труде разделяет суициды по причинам: аномические (кризисное общество, находящееся в состоянии аномии); эгоистические (как результат недостаточной интеграции общества, ослабления связей между индивидом и обществом), а также фаталистические (следствие сильной регламентации и чрезмерного социального контроля). В классификациях самоубийств ряда западных авторов[8] называются самоубийства искупительные, проклинающие, эгоистические, дуалистические, импульсивные, социопатические и старческие, эскапистские, агрессивные, жертвенные и многие другие. Последователь Э. Дюркгейма Л. Векштайн разработал классификацию, насчитывающую тридцать видов суицидального поведения, включая «хронический суицид», «двойной суицид», «расширенное самоубийство» и другие[9]. Отечественная классификация самоубийств разработана В.А.Тихоненко[10].

Суицидальное поведение включает завершенное самоубийство, суицидальные попытки (покушения) и намерения. Под словом «самоубийство» понимаются, во-первых, индивидуальный поведенческий акт лишения себя жизни конкретным человеком; во-вторых, относительно массовое, статистически устойчивое социальное явление. Как индивидуальный поступок самоубийство является предметом исследования психологии, медицины и педагогики, а как социальное явление — предметом социологии и социальной психологии. В настоящее время самоубийство как социальный феномен изучается в рамках науки о самоубийствах и суицидальном поведении — «суицидологии».

В конце XIX — начале XX в. в России интерес к проблеме самоубийств был вызван значительным их ростом («эпидемией»). Сложилось несколько исследовательских подходов, среди которых выделяются клинико-описательный, медико-статистический, психологический и социологический. Одни исследователи видели причины суицидов

---

[7] *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд.

[8] *Halbwachs M.* Les Causes du Suicide. Paris, 1930; *Shneidman E.* Definition of Suicide. Sason Aronson, 1994.

[9] *Wekstein L.* Handbook of Suicidology:Principls, Problems and Practice. N.Y., 1977.

[10] *Тихоненко В.А.* Классификация суицидальных проявлений. Актуальные проблемы суицидологи. М., 1978.

в крайностях: в нищете или чрезмерном богатстве, в диких нравах или утонченной цивилизации, в анархии или политическом гнете. Другие связывали «эпидемии» самоубийств с кризисом нравственности и утратой смысла жизни. Третьи отмечали связь с социально-экономическими факторами — голодом, безработицей, пьянством. Неоднократно подчеркивалось значение социальных факторов в генезисе самоубийств, таких как семейное и школьное воспитание, обращалось внимание на необходимость общественных усилий и эмоциональной социальной поддержки в профилактике суицидального поведения (Бехтерев, Сикорский).

К 70–90 гг. XX в. в России сложился междисциплинарный подход к изучению самоубийств и происходит становление, развитие и институционализация социологии девиантности и суицидологии как науки о самоубийствах. Это время отмечено созданием исследовательских центров девиантного поведения, наибольшее количество которых находилось в Москве и Санкт-Петербурге (Ленинграде); проведением научных конференций по проблемам девиантности в масштабах страны; началом активного взаимодействия российских и зарубежных девиантологов. В результате проведения многочисленных суицидологических исследований были выявлены зависимости суицидальных проявлений от социально-демографических и психологических свойств индивидов, от социально-экономических изменений в стране, мотивы и способы самоубийств, особенности их пространственно-временного распределения, а также психологические характеристики суицидентов.

Институциональные эффекты. Под эффектами мы понимаем воздействие какой-либо причины, производящей сильное впечатление на что-то (кого-то).

Как менялось отношение к самоубийству со стороны общества в те или иные исторические периоды? В давние времена суициды у некоторых народов рассматривались не как нарушение норм, а наоборот, являлись нормой социальной жизни. Иногда они предписывались человеку как обязательная форма поведения (например, для больных и престарелых у древних кельтов; самоубийства в форме сожжения вдов и слуг на могиле хозяина в Индии; «харакири» в Японии и т. д.), и вплоть до XIX в. являлись обязательным ритуалом. В странах, где самоубийства запрещались религией, суициды совершались тайно. В России христианская религия осуждает самоубийства. До недавнего времени самоубийц карали позорным захоронением, вне кладбищ,

родственникам запрещалось проводить ритуальные обряды. В СССР самоубийц, если они оставались живыми после совершения суицидальной попытки, привлекали к судебной ответственности или направляли на принудительное лечение в психиатрические лечебницы. Зачастую факты самоубийств скрывались родственниками, поскольку последние также преследовались законом, их увольняли с работы и пр.

Под влиянием происходящих политических и экономических изменений постепенно исчезло законодательное наказание за самоубийство. Многие сообщества стали рассматривать девиантное поведение не как патологию, а как естественный результат эволюции социума. Большинство западных и российских исследователей считают, что принципиально невозможно «искоренить», «преодолеть» негативные девиации и отдельные их виды (в их числе и самоубийства). Речь может идти лишь об адекватных способах и методах регулирования, управления ими (в целях оптимизации, минимизации и т.п.)[11]. Отметим некоторые статистически установленные закономерности самоубийств. Количество и уровень (обычно в расчете на 100 тыс. населения), как показал Э. Дюркгейм, находятся в обратной корреляционной зависимости от степени интеграции, сплоченности общества. Уровень самоубийств повышается в годы экономических кризисов, депрессий, роста безработицы. Как и все виды социальных девиаций, показатель самоубийства чутко реагирует на степень социальной и экономической дифференциации населения и темпы ее изменений. Чем выше степень неравенства, тем выше показатели суицидального поведения. Особенно «самоубийственно» резкое снижение социального статуса («комплекс короля Лира»). В годы идеологических кризисов рост самоубийств является следствием утраты смысла жизни, по В. Франклу — «экзистенциального вакуума» [12].

Как доказано многими исследованиями, социальные девиации — это искусственный социальный конструкт, не имеющий качественной определенности в реальной действительности[13], и, конечно же, нет и не может быть единой порождающей их причины. Вероятно, имеются факторы, наличие которых делает более или менее вероятным девиантное поведение, а какую оно примет форму (убийство или самоубийство,

---

[11] Глобализация и девиантность / науч. ред. Я.И. Гилинский. СПб.: изд-во Р. Асланова «Юридический Центр Пресс», 2006.

[12] *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.

[13] Глобализация и девиантность / науч. ред. Я.И. Гилинский. СПб.: изд-во Р. Асланова «Юридический Центр Пресс», 2006.

агрессия или аутоагрессия и т. п.) — чаще всего зависит от случайности и, безусловно, от индивидуальных особенностей человека. Основные факторы, способствующие суициду, — те же, что лежат в основе девиантности (социально-экономическое неравенство, противоречие между потребностями личности и возможностями их удовлетворения, исключенность из общественной жизни и пр.), при этом доминирование личностных качеств индивида несомненно.

Теоретические концепции самоубийств. Существует множество общесоциологических теоретических концепций, в том числе и теорий девиантного поведения[14]. Многие из них объясняют различные аспекты социальных девиаций. При исследовании причин самоубийств в связи с общетеоретическим пониманием общества как средства интеграции индивидов, Э. Дюркгейм разработал концепцию аномии, которая признана классической, предлагающей социологическое объяснение девиантного поведения[15]. Связь индивидов и общества рассматривалась им в двух отношениях. Во-первых, анализировалась степень сплоченности индивидов в обществе. Было установлено, что ослабление сплоченности приводит к эгоистическому самоубийству, а чрезмерная сплоченность вызывает альтруистическое самоубийство. Во-вторых, исследовалась степень регламентации, урегулированности связей и отношений в обществе. Констатировалось, что избыток регуляции ведет к фаталистическому самоубийству, а ее недостаток или отсутствие — к аномическому. Аномическое самоубийство Э. Дюркгейм связывал с неурегулированностью человеческой жизни, кризисом общества и всех его социальных институтов. Концепция аномии может быть применима при исследовании процессов сплоченности и солидарности в современном российском обществе, а также при выявлении тенденций развития процессов регламентации и урегулированности общественных связей и отношений. Данная концепция находит применение не только для объяснения самоубийств, но и других форм девиантного поведения.

Другая концепция аномии была разработана Р. Мертоном. По Р. Мертону, аномия возникает тогда, когда население не может легитимно достичь провозглашенных обществом, в качестве нравственного закона, целей. На его долю достаются только незаконные способы достижения

[14] *Афанасьев В., Гилинский Я.* Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. СПб.: С.-Петерб. филиал Ин-та социологии РАН, 1995.

[15] *Дюркгейм Э.* Норма и патология. Социология преступности М., 1966.

своих целей, благодаря которым люди приспосабливаются к аномии[16]. Чаще всего речь идет о девиантном поведении. Самоубийство, которое Э. Дюркгейм интерпретировал главным образом как следствие аномического состояния общества, для Р. Мертона стало лишь одной из возможных поведенческих реакций на аномию. По мнению Мертона, аномия представляет определенный структурный разлад культуры, дисбаланс между культурными ценностями и институциональными средствами. Если, по Дюркгейму, аномия возникает лишь в периоды быстрых общественных изменений, то для Мертона рассогласование между социокультурными целями и легальными средствами их достижения является постоянным фактором напряжения в социальной сфере. Теоретические положения концепции аномии Р. Мертона, согласно которым наибольший уровень аномии и девиации имеет место в низших по социально-экономическому положению стратах общества, впоследствии были подтверждены эмпирическими исследованиями.

Концепция аномии, предложенная Э. Дюркгеймом, получила развитие в концепции аномии П. Сорокина. Один из известных социологов XX в. П. Сорокин писал: «Число самоубийств с ростом культуры и цивилизации очень быстро растет; в нашу эпоху оно растет настолько быстро, что становится какой-то эпидемией, угрожающей всему обществу вообще и каждому из его членов — в частности»[17]. Говоря о причинах возникновения кризисных состояний общества, он приводит в пример такие симптомы и последствия аномического состояния, как преступления, войны, революции, самоубийства, душевные болезни, нищета и т.п. Показатели этих явлений, по Сорокину, возрастают в периоды, когда общество переживает смену политических и экономических курсов, кризисов, разрушение моральных норм и ценностей. Когда рушится здание старой структуры, а новая еще не возникла, когда социокультурные ценности становятся полностью «атомизированными» и конфликт между ценностями различных индивидов и групп людей становится непримиримым, происходит рост патологических форм поведения. Такое состояние общества Сорокин называет «аномией» и полагает, что следствием его является разрушение обществ, и корни этой «болезни» лежат в общественной дезинтеграции, в отсутствии социальной стабильности и разрушении

[16] *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. №3. С. 104–114.

[17] *Сорокин П.А.* Самоубийство как общественное явление. СПб., 1913.

общепринятых норм и ценностей. Когда происходит такое разрушение, за ним всегда следует рост нервных срывов и рост показателей аномических самоубийств. При этом не имеет значения, является ли причиной шока резкий переход от экономического процветания к депрессии или неожиданный переход от депрессии к процветанию — это всегда сопровождается ростом самоубийств.

В отечественной суицидологии сложились в основном два подхода: один — объясняющий преимущественно индивидуальное суицидальное поведение (А.Г. Амбрумова)[18]; другой — объяснение суицида как социального феномена (Я.И. Гилинский)[19]. Авторы концепций делают вывод: тип девиации (насильственное или суицидальное поведение) определяется психологическим складом личности. Причины самоубийства как социального явления лежат в самом обществе.

По мнению отечественной исследовательницы М. Смородиной, нынешняя Россия переживает состояние «аномии», вступив в новую фазу своей эволюции. С одной стороны, стремительный уход прежней социальной реальности и наступление новой эпохи, с другой — ощущение устойчивости, стабильности. Иными словами, парадокс складывающейся в стране ситуации состоит в сочетании, казалось бы, несочетаемого — кризиса и стабильности[20]. Если опираться на концепцию аномии Э. Дюркгейма, то можно считать, что российское общество находится в стадии целенаправленного саморазрушения, ибо во всех его институтах прослеживаются ярко выраженные деструктивные тенденции. И эти тенденции поддерживаются коллективным поведением носителей действия. В общественной жизни аномия проявляется в виде массового ненормативного поведения — нарушения законов, повсеместного распространения коррупции, преступности, наркотизации и других видов патологии. Аномия существовала всегда, но она может считаться «нормальной» до того момента, пока не будет представлять собой угрозу существованию сообщества. Похоже, такой момент наступил.

Самоубийства, их уровень и динамика являются индикатором социальной, экономической, политической ситуации и ее изменений,

---

[18] *Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А.* Суицид как феномен психологической адаптации личности // Актуальные проблемы суицидологи / под ред. А. Портнова. М., 1978.

[19] *Гилинский Я.И., Юнацкевич П.И.* Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии : учеб. пособие. СПб., 1999.

[20] *Смородина М.* Аномия общества и самоубийства // Мониторинг общественного мнения. М., 2006. №2. С. 140–147.

«барометром» благополучия или неблагополучия жизнедеятельности общества. Динамика самоубийств за длительный период времени позволяет оценивать общие мировые и отечественные тенденции[21].

Социальный контроль. Как пишет известный социолог П. Бергер, «социальный контроль является одним из наиболее общепринятых понятий в социологии. Им обозначают различные средства, которые любое общество применяет для обуздания своих непокорных членов»[22]. Ни одно общество не может обойтись без социального контроля. Выполняя для общества значимую регулятивную функцию, социальный контроль включает многообразные формы влияния на нежелательные для него (общества) проявления человеческой деятельности и их носителей. Тема социального контроля тесным образом связана с понятием девиантного поведения [23].

Наиболее эффективное предупреждение самоубийств может быть достигнуто только в том случае, когда общество и государство обеспечило удовлетворение потребностей граждан. Путь к достижению такого удовлетворения очень долог, но к этому надо стремиться. Хотя «ликвидировать» самоубийства невозможно, их можно минимизировать, нивелировать их негативное влияние на общественную атмосферу. Необходимость общественных усилий и эмоциональной поддержки в профилактике суицидального поведения, на которую еще в начале XX в. обращали внимание российские исследователи В.М. Бехтерев и И.В. Сикорский, по-прежнему остается актуальной.

Современные концепции социального контроля отдают предпочтение контролю терапевтическому, образовательному, педагогическому.

Среди различных форм организованной помощи большую известность приобрел сначала в западных странах, а затем и у нас так называемый «телефон доверия». Первое упоминание о подобной службе относится к 1906 г., когда в Нью-Йорке была открыта телефонная служба оказания экстренной психологической помощи лицам, находящимся в состоянии психологического кризиса, который может привести к самоубийству. Далее последовало создание суицидологических центров, кабинетов психологической помощи, кризисных стационаров. На Западе такие службы начали функционировать в 40-е гг.

---

[21] Глобализация и девиантность / науч. ред. Я.И. Гилинский. СПб. : изд-во Р. Асланова «Юридический Центр Пресс», 2006.

[22] *Бергер П.* Приглашение в социологию. М., 1996.

[23] Глобализация и девиантность.

XX в. В нашей же стране только в 1975 г., в Москве, А.Г. Амбрумовой были открыты первый Всесоюзный суицидологический центр и кризисный стационар на его базе, а также «телефон доверия». Позднее такие суицидологические службы стали действовать и в других городах России, в том числе и в Петербурге (Ленинграде). В 1990-е гг. работа подобных центров и служб, и так немногочисленных, значительно затормозилась (если не сошла на нет) в силу известных причин: нехватка финансовых средств, квалифицированного персонала и прочее. В настоящее время продолжают действовать телефоны доверия и кризисные центры, деятельность которых направлена на профилактику разных видов девиантного поведения, в частности на профилактику домашнего и сексуального насилия, наркомании и т. д. Профилактика же суицидального поведения оказалась на периферии и общественного внимания, и деятельности специализированных центров и служб, т.е. установилось нейтральное отношение населения и государства к самоубийству. Согласно данным государственной статистики, на протяжении последних лет показатель самоубийств (индекс суицидальности) по Российской Федерации в целом остается достаточно высоким и относительно стабильным: 2006 г. — 30.1 на 100 тысяч населения; 2007 г. — 29.1. (По мировым меркам эти цифры являются запредельно высокими и свидетельствуют о крайне неблагополучной социальной ситуации в стране.) При этом наблюдается чрезвычайно высокая межрегиональная вариабельность этого показателя. Так, в 2007 г. индекс суицидальности в Москве составил 8.1, в Петербурге — 13.2, в Архангельской области — 50.5, в Ненецком автономном округе — 119.1[24]. Статистические данные по Петербургу демонстрируют некоторую позитивную динамику индекса: 2001 г. — 20.8; 2002 г. — 20.0; 2003 г. — 17.8; 2004 г. — 16.2; 2005 г. — 15.2; 2006 г. — 13.0; 2007 г. — 13.2[25]. Несмотря на некоторые положительные сдвиги в отдельных регионах, по-видимому, можно говорить об отсутствии адекватной системы мер профилактики суицидального поведения в России. Необходимость создания и реализации в стране комплексной программы социальной политики по ранней диагностике и профилактике самоубийств очевидна. В основе ее комплексности, по-видимому, должны лежать разные стратегии действий. Одни стратегии заключаются в воздействии

[24] Статистический бюллетень. Естественное движение населения Санкт-Петербурга в 2007 г. СПб., 2008. С. 47.

[25] Там же. С. 15.

на факторы риска в совершении девиантного поведения в целом и самоубийств, в частности. Действия, направленные на уменьшение экономической дифференциации и социального неравенства, создание благоприятных условий на рынке труда, улучшение качества социальной среды и характера социальных, семейных и межличностных взаимоотношений, вероятно, будут сокращать и риски тех или иных видов девиаций. Другие стратегии основываются на разработке и внедрении программ разноуровневой профилактики суицидального поведения (до совершения самоубийства, непосредственно после совершения суицидальной попытки и спустя некоторое время). Это кризисные службы и телефоны доверия, реабилитационные центры и кратковременные когнитивно-бихевиоральные психологические терапии, направленные на обучение новым навыкам эффективной коммуникации.

Г.В. Еремичева, Минтоде Никодеме Атчаде

ВЫЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ГРУПП С НИЗКИМ И СРЕДНИМ МАТЕРИАЛЬНЫМ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ (На материалах проекта EUREQUAL)

Социальное неравенство — необходимое условие развития любого общества. Оно обусловливает жизненные возможности людей и их домохозяйств в организации, обеспечении и поддержании определенного стиля и образа жизни. Изучение социальной структуры нашего общества стимулируется не только меняющейся социально-экономической ситуацией в стране, но и постоянным процессом воспроизведения и освоения разными группами населения разнообразных инновационных практик в их как в профессионально-трудовой, так и внепроизводственной деятельности. Множественность оснований социальной дифференциации серьезно осложняет изучение социальной структуры, обусловливает ее непроясненный, зачастую латентный характер, а социальные слои и группы имеют достаточно размытые границы. Исходя из предположения о том, что выделенные по уровню материального обеспечения группы не являются однородными, в статье представлен опыт структурирования представителей разных финансовых групп, для того чтобы выделить страт внутри этих групп и попытаться определить, по каким характеристикам кроме финансового положения, они могут быть описаны.

Ключевые слова: социальная дифференциация, социальное неравенство, бедность, депривация, кластерный анализ

Одним из наиболее негативных последствий социальной трансформации в России явилось резкое расслоение общества, которое становится основным фактором социальной дифференциации общества. Социальное неравенство характерно для любого общества, но его уровень задает динамику и характер социально-экономического развития, тормозит или стимулирует его. Социальное неравенство обусловливает жизненные возможности людей и их домохозяйств в организации, обеспечении и поддержании определенного стиля и образа жизни. Все это формирует социальную дифференциацию и позволяет представить социальную структуру общества в целом.

По оценке российских экономистов уровень социального неравенства в стране остается крайне высоким и определяется как избыточный в сравнении с развитыми европейскими странами[1]. Несмотря

[1] Для европейских стран граница между нормальным и избыточным неравенством пролегает между значениями коэффициента Джини от 0,2 до 0,3, а децильного

на то, что по некоторым показателям положение улучшается, все-таки объективные показатели социального неравенства, представленные в официальной статистике, свидетельствуют о нестабильном и социально напряженном состоянии нашего общества[2].

Это обусловлено тем фактом, что в стране наибольшую часть составляют бедные и малообеспеченные группы населения. Регулярные замеры изменений в составе населения показывают достаточно сходные распределения по социальным группам и прежде всего — людей с низким уровнем жизни. Около 20 % россиян находятся за чертой бедности, 18 % населения страны балансируют на грани бедности, стараясь сохранить привычный образ жизни, примерно 25 % населения страны имеют сходный с предыдущей категорией образ жизни и определяются как малообеспеченные[3]. Названные группы представляют для нас особый интерес, поскольку в наибольшей степени ощущают негативные последствия социального неравенства и являются объектом анализа в данной статье.

Социальная дифференциация в период трансформации

Изучение социальной структуры нашего общества не теряет своей актуальности, которая обусловлена не только меняющейся социально-экономической ситуацией в стране, но и постоянным процессом воспроизведения и освоения разными группами населения разнообразных инновационных практик как в их профессионально-трудовой, так и внепроизводственной деятельности (быт, потребление, досуг и т. д.). Нередко традиционные практики, характерные для разных групп и отдельных индивидов, приобретают инновационные элементы в контексте

коэффициента — от 7 до 10. Эти пределы могут служить ориентирами и для определения уровня СН в России как избыточного, где показатели неравенства сейчас значительно выше. Так, коэффициент Джини на протяжении последних трех лет в России составляет: 2006 г. — 0,416, 2007 г. — 0,423, 2008 г. —0,422. (См. Социальное неравенство и социальная политика : проект : заключительный доклад. Раздел II : Неравенство доходов // Горбачев-Фонд. URL: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?art_id=25554&rubr_id=632&page=1 (дата обращения 07.07.2010)

[2] *Еремичева Г.В.* Социальное неравенство — негативный фактор в процессе консолидации // Условия и возможности консолидации российского общества : Сб. науч. тр. СИРАН. СПб.: Нестор–История, 2010. С. 219–249.

[3] *Беляева Л.А.* Материальное неравенство в России. Реальность и тенденции // Социологические исследования. 2007. № 11; Социальное неравенство и публичная политика / под ред. В.А. Медведева [и др.]. М. : Культурная революция, 2007. С. 44–47.

новых преобразований. Однако не все социальные группы способны достаточно быстро и без социальных и психологических потерь адаптироваться к условиям рыночной экономики и ускорением темпа технических и социальных инноваций. Это существенно влияет на нестабильность их жизненных шансов в обеспечении и поддержании привычного стиля и образа жизни, социального статуса и положения на социальной лестнице.

Так, в условиях социально-экономической ситуации накопления капитала первых этапов реформирования такие факторы, как имущественные, включая жилье, потребительские стандарты, рекреативное поведение и т. п., становятся наиболее значимыми (в общем виде это критерии дифференциации: наличие собственности и величина дохода). Традиционно дифференцирующие критерии (образование, профессия) несколько снижают прежнее значение. Общепринятые дифференциации — горизонтальная (по отраслям экономики) и вертикальная (по уровню образования, профессионального мастерства, месту в оргструктурах) — получают новое содержание. Бурно развиваются новые отрасли (финансовая, сфера информационных технологий), стагнируются старые (ВПК). В недрах традиционных отраслей и рядом с ними формируются необычные формы занятости, экономической активности, новые профессии.

Интенсивно развивающийся частный сектор требует все более высококвалифицированных специалистов, не просто образованных, а имеющих специализированные знания, что повышает значимость качественного образования и квалификации, характеризует высокий социальный статус. Коммерциализация сферы образования, усложняющая доступ широкого слоя людей к качественному образованию, еще сильнее повышает его социальный престиж.

Складывающаяся социально-экономическая ситуация характеризуется собственной дифференцирующей ролью изменяющегося образа жизни представителей различных социальных групп, их жизненных стандартов, генерационными и социокультурными различиями как факторами новой социальной дифференциации.

Анализируя результаты трансформации общества конца 90-х и начала нынешнего столетия, многие исследователи высказывают мнение о том, что в ходе реформ «произошла не столько смена системного основания всей модели стратификации, сколько формирование двух параллельно существующих социальных структур с разными критериями стратификации в каждой из них, т. е. начало экономических реформ

означало складывание параллельно с традиционной для России социальной структурой также зачатков новой, классовой структуры, которая характерна для индустриальных обществ западного типа». Это выразилось в том, что «часть населения продолжала жить как бы в “дореформенном” времени. При этом одновременно возникали массовые социальные группы, адаптированные к реформам, происходило становление качественно нового социального субъекта, соответствующего по своим профессиональным и личностным качествам требованиям, предъявляемым в рыночной экономике»[4].

Множественность оснований социальной дифференциации серьезно осложняет изучение социальной структуры, обусловливает ее непроясненный, зачастую латентный характер, а социальные слои и группы имеют достаточно размытые границы. Одних и тех же людей или группы по разным группообразующим критериям можно отнести к различным социальным слоям. Наибольшее число пересечений различных слоев и интересов происходит в характеристиках состава населения по уровню и качеству жизни, поскольку любой человек, к каким бы слоям он ни относился по всем другим критериям, обязательно входит в ту или иную социальную группу по условиям жизнеобеспечения. Поэтому социальные слои, выделяемые по уровню и качеству жизни, фактически интегрируют все срезы социальной структуры. Это позволяет говорить не только об изменении дифференцирующей роли тех или иных группообразующих критериев, но и о значимости сочетаний (композиции) разных критериев при формировании новых социальных образований.

С позиции такой аморфной, размытой структурности социальная реальность представляется неоднородной и многообразной, характеризующейся разнообразием жизненных форм, образов жизни, стилей и т. п., в том числе и за счет выдвижения культурного контекста. А сам процесс трансформации стимулирует резкое скачкообразное увеличение количества многообразных, абсолютно не сводимых к сословным, классовым или слоевым определениям жизненных форм, образов и стилей жизни, имеющих культурное происхождение и обусловленное наличием культурного, экономического и символического капиталов.

Особенно высокой степенью подвижности отличаются границы между бедными и малообеспеченными группами, а сами эти группы,

---

[4] *Тихонова Н.Е.* Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М., 2007. С. 9.

являющиеся крайне уязвимыми в материальном положении, постоянно балансируют в непосредственной близости около черты бедности. Таким образом, несмотря на то, что бедность в России носит застойный характер, она еще и устойчиво воспроизводится. В связи с тем, что представители этих групп быстро могут «сползти» как в группу бедняков, так и пополнить более благополучные группы, они требует особого внимания со стороны государства и общественных институтов, поскольку без помощи государства эти группы населения не смогут улучшить свое материальное и социальное положение [5].

В этом контексте исследование качественного состава бедных, малообеспеченных и среднеобеспеченных групп населения приобретает особую значимость, поскольку одним из направлений государственной социальной политики становится разработка программ по борьбе с бедностью, стимулированию восходящей мобильности, повышения солидарности общества.

Депривационный подход в исследовании феномена бедности

Социальная дифференциация общества в первую очередь взаимосвязана с последствиями резкого социального неравенства в обществе. Многочисленные исследования неравенства часто сводятся к замерам и новым осмыслениям проблем бедности, разработкой альтернатив выхода из нее в более благополучные слои. Как правило, исследователи бедности используют различные варианты ее оценки, что обусловлено применением достаточно разнообразного экономико-статистического инструментария для расчета масштабов распространения этого явления. С одной стороны, это вполне закономерно и позитивно, поскольку демонстрирует накопленный опыт изучения проблемы. А с другой — многовариантность таких оценок нередко приводит к их противоречивости и снижению достоверности сделанных на их основе выводов.

Для более углубленного изучения причин и последствий этого явления в социологических исследованиях в последнее время все чаще используется депривационный подход, который для определения бедности применяет оценки потребления (или недопотребления) самими

[5] Социальные неравенства и социальная политика в современной России / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М. : Наука, 2008. С. 28–35; *Тихонова Н.Е.* Малообеспеченные в современной России. Причины и перспективы // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 5–16.

представителями различных социальных групп. В качестве основных подходов в исследовании бедности можно привести концепции абсолютной, относительной и субъективной бедности. Об этом уже много писали в литературе по данной тематике, поэтому только коротко их напомню.

Концепция *абсолютной бедности* базируется на установлении минимального перечня основных потребностей (прожиточного минимума) и размера ресурсов, требуемых для удовлетворения этих потребностей. По данным российских исследователей, с учетом различных корректив, черта бедности в России по состоянию на конец 2006 г. составляла около 3000 рублей, а глубокой бедности — около 1500 рублей, заметно различаясь по регионам с учетом климата, стоимости жизни и т. п. [6] Однако по мнению экспертов при кажущейся объективности этого подхода использование его допускает различные степени произвола, и он не может рассматриваться как абсолютно надежный.

В западных странах чаще используется концепция *относительной бедности*. Для нее характерно определение черты бедности не через критерии нехватки денег для простого выживания (в рамках прожиточного минимума), а через отношение доходов домохозяйств к средним по стране, или через возможность удовлетворения базовых потребностей, в том числе социальных, по отношению к принятому в данном обществе социальному стандарту[7]. *Субъективная бедность* основывается на мнении, что люди сами являются лучшими судьями в том, что считать бедностью. На основе выборочного обследования домохозяйств, представляющих население в целом, ученые пришли к заключению, что самооценка своего материального состояния респондентом соответствует размеру дохода, позволяющему «сводить концы с концами» [8].

В представляемом ниже исследовании для нас наиболее близок подход к рассмотрению бедности, как лишения в доходах и потреблении. В этом подходе совмещаются различные концепции, поэтому вполне допустимо считать, что они не только не противоречат, но и удачно взаимодополняют одна другую. При таком комбинированном подходе к категории бедных относятся те, кто испытывают лишения из-за отсутствия необходимого уровня располагаемых ресурсов, то есть

---

[6] *Тихонова Е.Н.* Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. С. 38.

[7] Там же. С. 40.

[8] Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. Коллективная монография. Московский Центр Карнеги. М., 1998. С. 16.

те, кто беден по доходам и испытывает лишения. По мнению авторов этого подхода, он в большей мере, чем позволяет выделить семьи, находящиеся в застойной бедности, когда отсутствие денег трансформировалось в проявление конкретной исключенности из преобладающих жизненных стандартов[9].

Методология проведенного исследования и эмпирическая база

Исходя из предположения о высокой степени подвижности границ между социальными группами бедных, малообеспеченных и среднеобеспеченных групп и их социальной неоднородности, в проведенном нами исследовании предлагалось рассмотреть качественные различия социальных образований внутри этих групп, которые можно представить как элементы социальной структуры. Как показывают проведенные ранее как наши собственные исследования, так и других социологов, социальное неравенство на современном этапе приобретает совершенно новое качество. Это касается не только серьезных различий в доходах и собственности разных групп населения. Значимыми становятся еще и огромные различия в качестве жизни, характере и условиях труда, уровне образования и общей культуры представителей этих групп[10]. В этой связи, как нам кажется, конструирование различных комбинаций факторов, которые могут быть рассмотрены как человеческий капитал, определяющий направленность социальной мобильности индивидов и групп, их жизненные шансы и возможности удовлетворения насущных потребностей, достаточно перспективно.

Для реализации поставленной задачи был использован массив эмпирических данных массового опроса, выполненного в рамках международного проекта «Социальное неравенство и что оно означает для экономического и демократического развития Европы и ее граждан. Посткоммунистическая Центральная и Восточная Европа в сравнительной перспективе» (EUREQUAL)[11]. В России анкетный опрос проводился по репрезентативной выборке и охватывал 2000 человек.

---

[9] Там же. С. 18–19.

[10] *Козырев П.М.* Бедность и богатство в трансформирующемся обществе // Россия трансформирующаяся : ежегодник /под ред. М.К. Горшкова [и др.]. Вып. 7. М. : ИС РАН, 2008. С. 100–105.

[11] Грант Комиссии европейских сообществ (EU) “Social Inequality and Why it Matters for the Economic and Democratic Development of Europe and its Citizens: Post-Communist

В анкете уровень материальной обеспеченности респондентов или семьи (домохозяйство) традиционно измерялся количественными шкалами размеров дохода (или совокупного дохода семьи), строящихся с учетом величины прожиточного минимума как основы. При этом понятно, что когда текущие денежные доходы респондента и его семьи оказываются ниже стоимости установленного в стране (регионе) прожиточного минимума, они не могут удовлетворить потребности, которые предусмотрены в минимальной корзине. В этом случае измеряется не степень удовлетворения тех или иных потребностей, а доходы, признанные обеспечить их удовлетворение.

В современных условиях рыночной экономики, когда занятость в неформальных секторах достаточно интенсивна, а неденежные формы оплаты труда и предпринимательского дохода широко распространены, получение достоверной информации о доходах становится практически неразрешимой проблемой. Эмпирические данные, которые все же удается получить, не могут считаться достаточно надежными. Поэтому в последние годы социологи используют метод самооценки обеспеченности семьи через измерение лишений (депривраций) прямым анализом степени удовлетворения потребностей. Семьи могут быть отнесены к бедным, если их ресурсы недостаточны для обеспечения питания, условий жизни и деятельности, являющихся привычными или общепринятыми в обществе. В этом случае ресурсы этих семей настолько уступают среднему уровню в обществе, что бедные реально исключены из общепринятого образа жизни, привычек и видов деятельности[12].

Для выявления модельных групп анализа мы использовали шкалу субъективных оценок респондентами финансового положения его семьи для удовлетворения насущных потребностей в повседневной жизни. К «Бедным» были отнесены те, кто считает, что им: «денег не хватает даже на продукты» и те, кому «на продукты денег хватает, но покупка одежды, обуви вызывает финансовые трудности». К группе «Малообеспеченных» отнесли тех, кому «денег хватает на продукты и на одежду, есть некоторые сбережения. Но вот покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника) является для нас проблемой». К «Среднеобеспеченным» — тех, кто считает, что «мы можем без труда

Central and Eastern Europe in Comparative Perspective" (EUREQUAL). 2006–2008, 6-я Рамочная программа Комиссии Европейского Союза. Контракт №028920 (CIT5).

[12] Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. С. 41.

приобретать вещи длительного пользования (телевизор, холодильник). Однако мы не можем себе позволить все, что хотим».

Исходя из предположения о том, что выделенные по уровню материального обеспечения группы не являются однородными, мы попытались структурировать их представителей с тем, чтобы выделить несколько страт внутри этих групп и попытаться определить, по каким характеристикам кроме финансового положения они могут быть описаны. Для этого был применен кластерный анализ методом *К-средних*, который позволяет провести классификацию объектов (в нашем случае это выделенные нами «финансовые» группы с учетом признаков, их описывающих); проверить предположение о наличии структуры в изучаемой совокупности выделенных для анализа объектов, построить новые классификации с учетом силы связи этих признаков внутри генеральной совокупности.

В кластерный анализ были включены следующие характеристики респондентов, описывающие выделенные объекты:

1. Образование респондента
2. Позиция респондента на работе
3. Принадлежность к социальной группе
4. Наличие оплачиваемой работы на момент опроса
5. Наличие другой оплачиваемой работы
6. Социальное положение
7. Образование партнера
8. Позиция партнера
9. Жилищные условия
10. Оценка жилья
11. Что могло бы повысить уровень жизни респондента
12. Нынешняя ситуация — работник по найму (включая инд. деятельность)
13. Жизненный стандарт 5 лет назад
14. Жизненный стандарт в будущем
15. Сравнительный стандарт со страной
16. Доступность медицины для семьи
17. Доступность образования
18. Доступность культурных ценностей
19. Наличие отца в семье респондента, когда ему было 14 лет
20. Образование отца
21. Наличие работы у отца
22. Позиция отца

24. Наличие матери в семье респондента, когда ему было 14 лет
25. Образование матери
26. Наличие работы у матери
27. Позиция матери
28. Состояние здоровья респондента
29. Наличие хронических заболеваний
30. Наличие проблем со здоровьем за последние 6 месяцев
31. Хватает ли денег на покупку необходимых лекарств
32. Хватает ли денег на оплату квартиры и ЖКХ
33. Пол респондента
34. Возраст респондента

Распределения по доходам также предполагалось включить в анализ, но они оказались содержательно незначимыми, потому что основную часть респондентов составили группы с доходом от 4 999 руб. до 15 000 тыс. рублей (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение респондентов по размеру дохода, %

Типы	Размер дохода респондентов из всех источников до выплаты налогов, руб.					Итого
	менее 1000	1000-4999	5000-14999	15-29999	30000-59999	
Бедные	абс	77	448	195	10	1	731
	%	10,50	61,30	26,70	1,40	0,10	100,00
		45,60	63,70	31,50	7,60	6,30	44,60
Малообеспеченные	абс.	64	216	324	68	5	677
	%	9,50	31,90	47,90	10,00	0,70	100,00
		37,90	30,70	52,30	51,50	31,30	41,30
Среднеобеспеченные	абс..	28	39	100	54	10	231
	%	12,10	16,90	43,30	23,40	4,30	100,00
		16,60	5,50	16,20	40,90	62,50	14,10
Всего	Абс.	169	703	619	132	16	1639
		10,30	42,90	37,80	8,10	1,00	100,00
		100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Аналогичные распределения были получены и по размеру доходов семьи респондента (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение респондентов по размеру дохода семьи, %

Типы	Размер дохода семьи респондента из всех источников до выплаты налогов, руб.					Итого
	Менее 1 000	1000-4999	5000-14999	15-29999	30000-59999	
абс.	47	205	205	26	4	487
Бедные %	9,70	42,10	42,10	5,30	0,80	100,00
	51,10	61,40	39,80	15,40	13,80	42,80
	4,10	18,00	18,00	2,30	0,40	42,80
абс.	34	114	251	89	6	494
Малообеспеченные %	6,90	23,10	50,80	18,00	1,20	100,00
	37,00	34,10	48,70	52,70	20,70	43,40
	3,00	10,00	22,00	7,80	0,50	43,40
абс.	11	15	59	54	19	158
Среднеобеспеченные %	7,00	9,50	37,30	34,20	12,00	100,00
	12,00	4,50	11,50	32,00	65,50	13,90
	1,00	1,30	5,20	4,70	1,70	13,90
абс.	92	334	515	169	29	1139
Итого %	8,10	29,30	45,20	14,80	2,50	100,00
	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
	8,10	29,30	45,20	14,80	2,50	100,00

Все включенные в анализ переменные были проверены на их статистическую значимость по двухмерным распределениям. Эта информация также существенно обогатила содержательное описание кластеров. В результате процедуры кластерного анализа вся совокупность респондентов была разделена на группы, имеющие близкие позиции, не выходящие за рамки некоторого порога, отделяющие один кластер от другого. Экспериментальным путем было установлено, что оптимальное количество кластеров в каждом типе должно равняться трем. Это обеспечило достаточную дифференциацию массива данных и вместе с тем их наполняемость. Дальнейшее увеличение числа кластеров привело бы к снижению статистической значимости[13] (см. табл. 3).

[13] В своей работе мы использовали опыт применения процедуры кластерного анализа московскими коллегами в их проекте. См.: *Беляева Л.А.* Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство. Сравнительный анализ // Россия в Европе.

Таблица 3

Число случаев в каждом кластере по группам
с разным финансовым положением

Типы	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Количество респондентов в группе
Малообеспеченные	305(37,6%)	260(32,1%)	245(30,3%)	808 (100%)
Бедные	337(47,7%)	332(41,1%)	139(17,2%)	810(100%)
Среднеобеспеченные	133(40,1%)	60(18,1%)	139(41,8%)	332(100%)

Таким образом, все кластеры оказались статистически наполненными, что позволило достаточно полно описать их по включенным в кластерный анализ признакам.

Содержательное описание кластеров в «финансовых» группах «Бедные», «Малообеспеченные» и «Среднеобеспеченные»

Как было отмечено выше, в каждой «финансовой» группе было выделено по три кластера, что явилось вполне оптимальным для выполнения нашей задачи на данном этапе проведения процедуры кластерного анализа. Следует сразу отметить, что в каждой группе выделились кластеры, в которых доминирующий признак по возрасту позволил нам условно определить эти кластеры как «молодые», поскольку ядро кластера составили люди в возрасте, например, 25 лет, ориентируясь на используемую шкалу по возрасту (градация 18–44). «Средние», если доминировал возраст в кластере 41 или 45 лет (градация от 45 до 55) и «Пожилые», например, 60 или 66 лет (градация от 56–60 и старше)[14].

Если каждый отдельный случай попадания в кластер рассматривать как позицию индивида, то можно сравнить и описать эти кластеры как группы людей, различающиеся тем или иным набором признаков или характеристик[15].

В финансовой группе «Бедные» композиция кластеров с доминирующим в центре признаком возраста и образования выглядела так:

По материалам междунар. социол. проекта «Европейское социальное исследование». М.: ACADEMIA, 2009. Глава 3. С. 82–83.

[14] По таким градациям была сгруппирована шкала по возрасту при подготовке процедуры кластерного анализа.

[15] Все формулировки признаков и возможных утверждений взяты непосредственно из анкеты для массового опроса.

кластер 2 — «молодые», преимущественно со средним образованием, и кластер 1 — «средние» по возрасту, также со средним образованием. Кластер 3 — «пожилые» с высшим образованием.

Ядром кластера 2 («молодые») стали «работники по найму, включая индивидуальную трудовую деятельность», в кластерах 1 и 3 («средние» и «пожилые») — «наемные работники без руководящих функций». Во всех трех кластерах доминировала социальная группа — работники физического труда. Во всех кластерах все имели на момент опроса оплачиваемую работу и не подрабатывали на другой работе.

Представители всех кластеров в основном женаты. В 1-м и 2-м кластерах образование партнеров совпадало, супруги имели среднее образование, в кластере 3 оба партнера имели высшее образование. Нынешнее положение (на момент опроса) всех партнеров определялось как «наемные работники без руководящих функций».

Во всех кластерах доминирующим было наличие отдельной квартиры, хотя оценки жилищных условий были разными. В 1-м и 2-м кластерах в центре кластера доминировала оценка «плохие» жилищные условия, а 3-м — «средние».

Представители всех кластеров в возрасте 14 лет жили в полных семьях, но социальные позиции родителей были разными. Так в 1-м кластере (средний возраст) группы «Бедные» отец и мать имели неполное среднее образование, а социальные позиции, к которым они могли бы себя отнести, — «работники физического труда». В кластере 2 («молодые») доминирующим было высшее образование отца, а матери — среднее. Социальная позиция отца — «руководитель высшего и среднего звена (руководит людьми, которые, в свою очередь, имеют подчиненных)», а позиция матери — «наемный работник без руководящих функций». В кластере 3 («пожилые») родители имели среднее образование. При этом социальная позиция отца определялась как «наемный работник без руководящих функций», а матери — «руководитель нижнего звена (например, бригадир — руководство работниками, которые не имеют подчиненных)».

Сравнивая свой уровень жизни на момент опроса, с тем, который был пять лет назад, представители кластера 1 считают, что он «немного снизился», кластера 3 — «значительно снизился», а у 2 — «немного повысился». В следующие пять лет «молодые» (2) ожидают, что их жизненный уровень «немного повысится», средние (2) — «немного понизится», а у пожилых (3) — «останется прежним». Сравнивая уровень жизни своей семьи со средним уровнем жизни людей в стране, «молодые» считают,

что он «ниже среднего», «средние» по возрасту — «заметно ниже среднего», а «пожилые» — «существенно ниже среднего». В соответствии с этим вполне убедительно выглядит и доминирование следующих характеристик доступности социальных благ. Так, доступность медицинского обслуживания и образования для семьи респондента в сравнении со средней семьей по стране в 1-м и 2-м кластерах оценивались как «заметно ниже среднего», в 3-м — как «существенно ниже среднего». Такими же были оценки по уровню доступности «культурных ценностей (книги, Интернет, театры и т. п.)». Несколько неожиданным оказался доминирующий признак состояния здоровья. В 1-м кластере доминировала оценка здоровья как «плохое», во 2-м — «отличное», в 3-м — «среднее». Однако по наличию хронических болезней в 1-м кластере, как и во 2-м, в центре кластера оказались те, у кого их нет. В 3-м кластере, напротив, — те, у кого они есть. По признаку необходимости «ограничивать свою привычную деятельность за последние 6 месяцев из-за проблем со здоровьем» во 2-м кластере «молодых» этого делать «не приходилось», в 1-м кластере («средние») — «приходилось, но не очень существенно». В 3-м («пожилые») — «приходилось, и очень существенно». При этом на покупку необходимых лекарств денег хватало всем, а вот на оплату жилья и коммунальных услуг оценка в 1-м кластере — «преимущественно денег не хватало».

Завершающим анализ стал ответ на вопрос: «Что могло бы повысить ваш уровень жизни?» Для 1-го кластера («средних») — это «продолжать делать то же, что и сейчас», для 2-го кластера («молодых») — «переехать в другую страну» и для 3-го кластера («пожилых») — «найти новую работу».

Таким образом, в группе «Бедные» получились три разных по своему содержательному описанию кластера. В середине группы это кластер «молодых», активно воспринимающих жизнь людей. Они здоровы, имеют среднее образование, способны выполнять физический труд, работать не только по найму, но и участвовать в индивидуальной трудовой деятельности. Несмотря на материальные трудности они готовы предпринять какие-то усилия, чтобы улучшить свое положение. Представители старших по возрасту кластеров (1 и 3) работают по найму и тоже принадлежат к социальной группе работников физического труда. Они больше обременены заботами о здоровье. Их планы на будущее более скромные. Они связаны с желанием «найти новую работу» или «продолжать делать то же, что и сейчас». Гипотетически

этим группам вряд ли удастся серьезно изменить свое социальное положение к лучшему.

Аналогичным образом были описаны три кластера в группе малообеспеченных. В центре кластера 1 оказались те, кто по возрасту могли быть отнесены к «молодым», кластер 2 — «средние», кластер 3 — «пожилые». Во всех кластерах доминировало среднее и среднее специальное образование. В центре кластера 1 положение респондента на момент опроса определялось как «руководитель нижнего звена (например, бригадир — руководство работниками, которые не имеют подчиненных)». Во 2-м — «лица, занимающиеся индивидуально трудовой деятельностью, представители свободных профессий». В кластере 3 в центре оказались «лица, использующие наемный труд/работодатели» с социальной позицией «служащие офисов». На момент опроса позиционирующие себя как «работники по найму, включая индивидуальную трудовую деятельность». Все имели оплачиваемую работу и не имели другой работы.

По семейному положению все ответившие женаты. У партнеров преобладало среднее и среднее специальное образование. В кластере 1 партнеры оказались «наемными работниками без руководящих функций», а кластере 2 — это «лица, использующие наемный труд/работодатель», в 3-м — «руководитель нижнего звена (например, бригадир — руководство работниками, которые не имеют подчиненных)».

Все имели отдельную квартиру. Свои жилищные условия оценивали как хорошие (1), средние (2) и очень хорошие (3).

В возрасте 14 лет все жили в полных семьях. Родители в 1-м и 2-м кластерах имели среднее специальное образование, в 3-м — высшее. В кластере «молодых» (1) в центре доминировала позиция отца, к которой он мог бы отнести себя, как работников, выполняющих индивидуальную трудовую деятельность, представляющих «свободные профессии». Позиция матери — «наемный работник без руководящих функций». Во 2-м кластере позиции отца и матери совпадали — «наемный работник без руководящих функций». В 3-м отец — «наемный работник без руководящих функций», а мать — «руководитель нижнего звена (например, бригадир — руководство работниками, которые не имеют подчиненных)».

Сравнивая свой уровень жизни с тем, который был у их семьи пять лет назад, в кластере 1 отмечают, что он «немного повысился», а в кластерах 2 и 3, что «значительно повысился». В следующие пять лет «молодые» предполагают, что уровень жизни семьи по сравнению

с тем, как они живут сейчас, повысится, но немного. По мнению тех, кто во 2-м кластере, «повысится значительно», а в 3-м — «останется прежним». В следующие пять лет планируется, что уровень жизни семьи в сравнении с тем, какой имелся на момент опроса, в 1-м и 2-м кластерах — повысится, но не намного, в 3-м повысится значительно. Сравнивая уровень жизни своей семьи со средним по стране, представители 1-го и 2-го кластеров оценивают его как «средний», 3-го — «ниже среднего».

Уровень доступности для семьи, в сравнении с возможностями средней семьи по стране, медицинского обслуживания в 1-м и 2-м кластерах оценивается как «средний», а в 3-м станет «немного выше среднего». Уровень доступности образования в 1-м и 3-м кластерах оценивался как «средний», а во втором — «немного ниже среднего». Уровень доступности «культурных ценностей (книги, Интернет, театры и т. п.)» в кластере1-м как «немного выше среднего», во 2-м — «средний», а в 3-м — «немного ниже среднего».

Состояние здоровья в кластере 1 оценивалось как «среднее», во 2-м и 3-м как «хорошее». У тех, кто попал в 1-й и 3-й кластеры, хронических заболеваний нет, а во 2-й — есть. Соответственно, за последние 6 месяцев в 1-м и 3-м кластерах ограничивать свою привычную деятельность из-за проблем со здоровьем никому «не приходилось». Во втором кластере те, кому это приходилось делать, «это было не существенно». Во всех кластерах доминирует мнение о том, что денег хватает и на покупку необходимых лекарств и на оплату квартиры и услуг ЖКХ.

На вопрос: «Что же могло бы повысить ваш уровень жизни?» для представителей кластера 1 («молодые») доминирующим было «найти новую работу», во 2-м («средние») «открыть новое дело», в 3-м («пожилые») — «продолжать делать то же, что и сейчас».

Таким образом, и в группе «Малообеспеченных» главным дифференцирующим признаком оказывается возраст и сопутствующие ему показатели, определяющие активную жизненную позицию, которая позволяет надеяться, что эти группы смогут улучшить свое социальное положение. Два других кластера представляют собой пограничные группы, и их благополучие во многом будет определяться тем, как сложатся обстоятельства их жизни.

В группе «Среднеобеспеченных» композиция кластеров была следующей. «Молодые» — кластер 1, «пожилые» — кластер 2 и «средние» — кластер 3 со средним-специальным образованием, «наемные работники

без руководящих функций». В кластере 1 центральным было отнесение себя к социальной группе предпринимателей, во 2-м и 3-м — к «работникам физического труда». Ядро кластера составили женатые люди, их партнеры со средним и средним специальным образованием занимали позицию «наемные работники без руководящих функций». На момент опроса все имели оплачиваемую работу и не подрабатывали. Занимали отдельную квартиру. Но жилищные условия оценивали как «хорошие» в кластере 1, «средние» — во 2-м, «плохие» — в 3-м.

У всех детство в возрасте 14 лет прошло в полной семье. В 1-м кластере «молодые» родители имели высшее и незаконченное высшее образование, отец и мать могли отнести себя к группе «руководитель высшего и среднего звена (руководство людьми, которые в свою очередь, имеют подчиненных).

В сравнении с уровнем жизни, который был у семьи, в кластере 1 доминирует мнение, что он, как и в прошлом, так и в будущем пятилетии «значительно повысится». Во 2-м и 3-м кластере преобладало мнение, что в будущие пять лет уровень жизни семьи не изменится и «останется прежним», таким же, как в прошлое пятилетие. Однако, несмотря на оптимистические позиции по поводу уровня жизни семьи, сравнение своего жизненного уровня со средним по стране становится более взвешенным. В 1-м кластере доминирующим становится мнение о том, что он станет только «немного выше среднего», во 2-м кластере снизится до «немного ниже среднего», а в 3-м даже до «заметно ниже среднего». По уровню доступности медицинского обслуживания, образования и культурных ценностей в сравнении с уровнем по стране в целом выглядят так: в кластере1 все респонденты оценивают его «немного выше среднего». В кластере 2 уровень доступности медицинского обслуживания и образования «немного ниже среднего», а вот доступность «культурных ценностей» оказывается на среднем уровне.

Состояние здоровья у «молодых» кластера 1 оценивается как «хорошее» и потому никаких проблем с ним нет. У «средних» по возрасту (кластер 3) и «пожилых» (кластер 2) оно оценивается как «среднее», и хотя хронических заболеваний еще нет, но ограничивать свою привычную деятельность приходилось, хотя и не очень серьезно. Денег на покупку необходимых лекарств и оплату жилья хватает.

На вопрос «Что могло бы повысить ваш уровень жизни» для кластера 1 доминирует позиция «найти новую работу», для кластера 2 — «продолжать делать то же, что и сейчас». Для 3-го — «открыть свое дело».

Проведенный анализ девяти кластеров по 34 позициям, характеризующих качественные различия групп населения, позволяет проиллюстрировать неоднородность социальной структуры, поскольку внутри каждой группы, выделенной по критерию материальной обеспеченности («Бедные», «Малообеспеченные» и «Среднеобеспеченные») были выделены дифференцирующие социальное пространство страты. Из описания кластеров можно предположить, что группы людей, обладающие большим набором положительных элементов человеческого и социального капитала, даже при более низких возможностях материального обеспечения обладают большими способностями к улучшению своего положения. Основным дифференцирующим фактором внутри каждой финансовой группы оказался возраст. Так, группы более молодых, занятых предпринимательской деятельностью людей вполне могут рассматриваться как группы, потенциально имеющие основания для перехода в более высокие социальные страты. У них хорошее здоровье, они занимают активную позицию для повышения своего уровня жизни, для чего готовы «переехать в другую страну», «найти новую работу», «открыть собственное дело». Позиции старших возрастных групп оказываются более уязвимыми, и они только при благоприятных обстоятельствах смогут улучшить свое материальное состояние, в противном случае они могут «сползти» в более неблагополучные группы.

Об этом свидетельствуют установленные связи между кластерами и внутри групп, что позволяет представить возможные композиции этих групп, а расстояние между кластерами 1 и 2 является суммой остальных двух расстояний. Анализ выявленных связей позволил сформулировать гипотезу о том, что вторые кластеры в группах являются центральными ядрами каждого типа, поэтому более стабильны. А пограничные кластеры в каждом типе обладают большей подвижностью. Однако это предположение заслуживает дальнейшей проверки и проработки.

КОНЦЕПЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ПОИСКИ И РЕШЕНИЯ

А.Г. Щелкин

«КРЕАТИВНАЯ» ЦИВИЛИЗАЦИЯ. ИДЕЯ ИННОВАЦИИ В СВЕТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИКИ

Быть все время инновационным
невозможно.
Я хочу создавать классику.
Коко Шанель

Идея креативности стала, похоже, основополагающей в ментальности современной цивилизации. В статье рассматриваются как позитивные, так и негативные, с социальной точки зрения, последствия «креативного энтузиазма», прежде всего, в сфере политики и культуры — и особенно для российских реалий. Когда в указанной сфере «инновационный продукт» конъектурно отрывается от «проверенного классикой», то возникает опасность институциональных и культурных аббераций (resp. автаркия и постмодернизм). Даже область научного, технологического и экономического творчества не свободна сегодня от тех регулятивов, смысл и содержание которых сложились еще в классическую эпоху и которые могут быть выражены до определенной афоризмом-предупреждением Вольтера: «Пользуйтесь, но не злоупотребляйте!»

Ключевые слова: креативность, инновации, классика, экономика, политика, культура, постмодернизм, методологический кризис, спровоцированный постмодернизмом, современная Россия

Среди множества претензий, которыми отмечены интенции современной цивилизации, есть и такая — быть креативной. Это несколько удивительно, поскольку креативный элемент как бы ненавязчиво и органично присутствует в «теле» всякой цивилизации. Цивилизация

как социум как раз тем и отличается от «традиционного» общества, что в первом «выгоды цивилизации» куплены ценой изменений и готовностью к изменениям, в то время как во втором — это в принципе табуировано и не допускается природой.

Вроде неоспоримо: «креатив» — это императивный девиз современного общества, это пароль на территорию Его Величества Постмодерна, это Zeitgeist, который пронизывает любую активность человека — от технического творчества до экспериментаторства в искусстве. Более того, это впечатление усиливается и от того, что и так слишком бросается в глаза — «креативность/инновационность» давно уже воспринимается не как свободное «вдохновение» со всеми его непредсказуемостью и нерегулярностью, а скорее подается обществу как некая необходимость, в терминах «дарвиновской этики»: твори или погибай! Можно поделиться и еще одним небесполезным наблюдением. Известно, что тот или иной феномен становится сильным социальным фактором, если он обретает значение некой моды и закрепляется «индуцированным» общественным мнением. С креативностью именно это и произошло. То, что было исключительной ценностью узкого круга, стало сферой «массового» сознания, «моды» и некритического общественного мнения. О «креативе» сегодня не говорит только ленивый. В наши дни все хотят быть «креативными» и исповедуют такое же отношение к жизни. В этом смысле, возможно, последнюю точку в наблюдении случившегося с «творчеством» ставит сам язык: уже никто не говорит о «творчестве», предпочитают облегченно-популярный сленг — «креатив». После подобной сленговой фиксации, когда в ценностных ориентациях и установках происходят рискованные необратимости, возникает потребность хотя бы до некоторой степени в критической рефлексии по данному сюжету. Дело в том, что по сути дела мы ищем ответ на вопрос, почему сегодня «креативный энтузиазм» в своей стихийной и массовой безбрежности теряет контакты с традицией или, лучше скажем, с «классикой».

* * *

Чтобы продвинуться в понимании этой задачи, надо с уважением и осторожностью, соответствующими теме, предположить, что указанный «креативный энтузиазм» возникает не на голом месте, а, значит, всему этому есть свои причины и объяснения. В самом общем виде предлагаемое здесь объяснение особой оригинальностью, «креативностью» не отличается. “Nihil novi sub sole”. Ничто не ново под луною. Такие своего рода увлечения в делах человеческих случаются не первый

раз. Но все хорошо в своем роде, в меру, а главное — на своем месте. Иначе мы получаем нечто, подозрительно похожее на случай *злоупотребления* творчеством или даже его *неуместности*. Креативность — ценность вполне конкретная. В одном случае она столь же уместна и необходима, насколько она неуместна и двусмысленна — в другом. Уточним этот тезис *социологически*. Посмотрим на дело с позиций потребностей и императивов современного социума. И, прежде всего, зададимся вопросом: какие креативные вызовы стоят перед обществом времен Modernity?

Представление об обществе как *интегральной*, «парсоновской» системе, по-видимому, было бы сегодня большой эпистемологической роскошью. Речь чаще всего идет скорее об *асистемной* парадигме. Наиболее проницательно к делу подошел, похоже, Д. Белл. В работе «Культурные противоречия капитализма»[1] эта мысль была выражена следующим образом: «Почти во всей социальной науке общество рассматривается как некая единая “система”, организованная вокруг некоторого одного главного принципа ...Я же полагаю, что гораздо лучше анализировать современное общество, рассматривая его как непростую совокупность трех различных областей: техно-экономический порядок, политика и культура. Эти три сферы управляются противоположными принципами: для экономики — эффективность, для политики — равенство, для культуры — самореализация (самоудовлетворение). В результате это несовпадение (дизъюнкция) создало напряжение и социальные конфликты за последние 150 лет»[2]. Приглядимся к логике и функции креативности в современной «Креативной цивилизации», которая в теперешнем разрозненном, «дизъюнктивном» социуме предлагает *творчеству* как деятельности непростые ожидания и искушения. Возможно, это тот случай, когда предположение о том, что масштабы востребованности и самый характер инноваций на экономическом, социальном и культурном поприщах принципиально различны — со всеми, как говорится, вытекающими последствиями.

* * *

Никто не станет спорить, что инновации в сфере *техно-эконической* носят практически императивный, долгоиграющий и, слава Богу, не всегда даже вредный характер. Какие бы техногенные катастрофы ни

[1] *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1976.
[2] Ibid. P. XI–XII.

преследовали нас, говорить о том, что нашу цивилизацию ждет руссоистская перспектива, конечно не приходится. Закон «нужда — мать изобретений» не знает исключений. Курьезная книга итальянского ученого Р. Вакки «Наступающее средневековье»[3] обещала Судный день современной цивилизации к 2000 г. Сложная технологическая инфраструктура современности, по его мнению, должна была рухнуть под собственной тяжестью и в результате коллапса неуправляемой сложности накануне Миллениума. Но именно к 2000 г. автору пришлось написать нечто вроде покаянного постскриптума в Интернете. Факт остается фактом: постиндустриальный мир экологичнее, эффективнее и щедрее своего предшественника. Даже в собственно экономической, точнее надо бы сказать, финансово-банковской сфере, потрясения последних лет только стимулируют экономику западного мира в направлении новых и зрелых коллективных решений. О чем все это говорит?

Не в последнюю очередь о том, что в области техно-экономического развития современного общества идет под флагом не просто инновационной политики, а самой что ни на есть решительной ставки на нововведения и постоянные преобразования. Слова футуриста В. Маяковского «Я хочу будущее сегодня» могли бы стать адекватным эпиграфом к программе этой «инновационной философии». Стратегический девиз всех стран, вовлекаемых в «глобальный рынок», — быть конкурентоспособными в производстве самых востребованных товаров и услуг. Если кратко, то так или примерно так обстоит дело там, где куется постиндустриальное будущее каждой страны, то есть в сфере техно-экономических институтов и организаций.

И тут мы подходим к самому ключевому пункту нашей «истории». Похоже, этот пафос перманентных инноваций и креатива оказался заразительным и для других этажей современного социума. Сегодняшняя цивилизация стала себя идентифицировать как тотально креативная. И это притом, что в сфере многих социально-политических и собственно культурных форм и параметров теперешняя цивилизация как будто бы себя во многом уже нашла и узнала вкус и даже славу «классических» и «зрелых» форматов.

Это, скорее всего, означает, что в *политике* и *культуре* инновационная динамика носит в отличие от технического и экономического развития другой, *нелинейный* характер.

[3] *Vacca K.* The Coming Dark Ages. N. Y., 1973.

* * *

На очереди социально-политическая сфера. Кое-кто из великих считал, что есть вещи «несомненнее принципов 1789 года». Если иметь в виду масштабность человеческого присутствия и деяния в мире, то спору нет: Венера Милосская несомненнее многого из того, что сотворено человеком. Но если оставаться на почве политического творчества, то «принципы 1789 года» представляют собой изобретение «на все времена».

Конечно, найдутся умные головы, которые скажут: «О чем вы говорите? О демократии? Той самой, одно прикосновение которой к девственному и непорочному Gemeinschaft'у превращает последний в хаос, разврат, несправедливость, негарантированность, "юдоль скорби и плача" и что там еще?» «Вспомните, — скажут, — Россию 1990-х. А американский опыт насаждения демократии в теперешнем Афганистане, сегодняшнем Ираке?» Однако для тех, кто знает историю и современность демократических институтов, в приведенных свидетельствах нет ничего обескураживающего. На родине самой демократии, в Англии, дело начиналось, как известно, в самой брутальной и «неэтичной» форме. Кромвель казнил короля Карла I, провозгласил республику. Но республика ненадолго пережила лорда-протектора. «Демократические эксцессы» — хаос и беспорядки — не заставили себя ждать. Стюарты в лице Карла II вернулись в Англию, а тело героя «Славной английской революции» было извлечено из земли и подвергнуто казни через четвертование. Собственно Великая французская революция только началась в 1789 г., а закончилась установлением более или менее прочного конституционного и республиканского порядка лишь к началу III Республики в 1871 г. А до этого, уже в 1793–94 гг., страна пережила драму якобинского террора, а затем почти сто лет Франция все от тех же «эксцессов демократии» лечилась собственными средствами, включая диктатуру Наполеона I и бонапартистский режим его племянника Наполеона III. Начало демократии в США — не менее показательный пример. Только к президентству Теодора Рузвельта (1901–1909) окончилась разнузданная бандитско-олигархическая эпоха начальной демократии, получившая историческое название «позолоченного века». Именно ее подверг своей сатирической критике Марк Твен, а в наше время о ней рассказал М. Скорсезе в своем ошеломляющем фильме «Банды Нью-Йорка».

Как видим, изобретенная, а отчасти воспринятая из античного народоправия машина демократии требует времени для своей доводки

до «зрелых», «матричных» форм. И, похоже, для постиндустриальных стран время это не прошло даром. Надо сказать, что предчувствие того, что «демократия» — это изобретение «надолго», не покидало проницательные умы уже на старте этого политического креатива. Когда в Европе продолжал процветать монархический строй, А. де Токвиль в работе «Демократия в Америке»[4] провозглашает начало «демократической эпохи», как бы сейчас сказали, в «глобальном масштабе». Убедительную статистику процесса, однако, мы получаем фактически только сейчас. Несмотря на «рецессию демократии» в последнее время — уменьшение *роста* (именно роста, а не числа стран, относимых к категории «свободных»), демократический тренд достаточно показателен. По результатам исследования Freedom House[5], в 2009 г. 89 стран мира, на которые приходится почти половина населения мира, были признаны «свободными». 116 стран имеют демократическую выборную систему. Двадцать лет назад в эти категории попадало только 61 и 76 стран соответственно. Никогда прежде так много людей не жило в условиях демократии.

Чтобы закончить тему с демократией как политическим изобретением, подчеркнем только следующее. Сегодня страны, вступающие в «клуб демократии», делают это не через «первичную», а «вторичную социализацию». Все это означает, что вместе с демократическими институтами граждане буквально параллельно должны обретать и соответствующую политическую культуру, а власть — быть готовой к собственной смене. Это часто идет против «здравого смысла» и граждан, и власти, особенно если страна благоденствует на экспорте полезных ископаемых: 23 страны мира извлекают 60% своей экспортной выручки из нефти и газа, и ни одна из них не является настоящей демократией.

Как бы там ни было, в сфере политического жизнеустройства «креатив» фактически состоит в рецепции «демократической классики». В свете тех препятствий к этой «демократической классики» (как мы видим, не обязательно в форме «злой» воли режима) эта рецепция совсем не представляется таким уж нетворческим делом. Пытаться же изобретать собственный «демократический велосипед» означало бы не понимать социологических закономерностей, которые определяют характер «творчества» на разных уровнях современного социума.

---

[4] *Токвиль А. де*. Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992.

[5] Freedom House: рейтинг свободы СМИ в странах мира 2009 года. URL: gtmarket.ru›news/state/2009/05/03/1987

Если в области политического устроения «классические» и зрелые формы найдены достаточно давно, то «инновационные» шаги в другом направлении от «классической» парадигмы могут принять и небезобидный характер. Свежий пример — изобретение «суверенной демократии» и прочих институциональных симулякров. Действительно, небезобидность подобных «креативных продуктов» сродни небезопасности пребывания в мире постмодернистских «симулякров», которые делают политическую жизнь и социальное мышление неадекватными настоящим испытаниям — тем испытаниям, которые «всегда рядом».

* * *

Не менее, если не более, коварна ситуация с «императивом креативности» в пространстве современной культуры. Перенос/замещение «креативного энтузиазма», который характеризовал научное и инженерно-техническое творчество уже со второй половины XIX столетия, на область культуры легко прослеживается в таких направлениях как футуризм, авангардизм, абстракционизм и проч. на рубеже XX в. Если Возрождение самоутверждалось через обращение к античным ценностям, а Просвещение, точнее плеяда гражданских деятелей, этим Просвещением подготовленных, опиралась на заемный язык древнеримской республики, то с конца XIX в. самоидентификация культуры и искусства шла в терминах, которые начинались с прилагательного «новый», префикса «нео» или более позднего «пост». Логика этого новаторства привела к тому, что подобная целеустремленность легко выродилась в принцип «новизны во что бы то ни стало». То, что, например, у С. Дягилева («Удиви меня!») было еще средством борьбы против устаревших условностей академизма и того реализма, который оказался в тупике натурализма и даже бытовизма; то, что у Дягилева было способом дать искусству импульс выразить стихию человеческой природы, не скованной все той же избыточной условностью людского порядка; все то, что у Дягилева обещало органично лечь в новый канон, — все это в дальнейшем с коммерческим успехом «инволюционировало» в имитацию творчества как «беспрецедентность во чтобы то ни стало», что легче всего достигается даже уже не через дягелевское «удивление», а через *аффектацию* и *шок*. Эти аффект и шок не имеют никакого отношения к аристотелевскому «удивлению» как началу познания в самом широком смысле, равно как и к категории «катарсис». «Шок и трепет» в модернистском искусстве ничего, кроме себя, не представляют. Они суть феномены

самоценности «неожиданного». И культурная модель творчества здесь — произвол и беспрецедентность.

Сделаем небольшое отступление от только что сказанного. Дело в том, что категории «произвол», «случайность», «хаотичность» не относятся к пасынкам и нелюбимым детищам в словаре по теории творчества. Ввиду принципиальной непрограммируемости настоящих креативных процессов случайность в генеалогии новых и жизнеспособных форм играет свою замечательную роль. «В тебе еще достаточно хаоса, чтобы родить пляшущую звезду»[6]. Так говорил не только Заратустра. Так говорит самая Жизнь на неистребимом языке Свободы, если ей (жизни) становится тесно в героически достигнутой системе Порядка. Говорят, что в науке и технике все легкие открытия уже сделаны. Сегодня каждое следующее открытие и новация требует неимоверных инфраструктурных усилий, включая и финансовые. Это универсальная закономерность, именуемая иногда «законом уменьшающего эффекта». Но даже и здесь есть место подвигу и романтической неожиданности. Больше того, говорят, что организация творчества — это организация условий для счастливой случайности, творческого хаоса и продуктивного произвола. Понятно, что речь идет о научно-техническом творчестве, о техно-экономической сфере, где «инновационный императив» имеет силу естественного отбора. Вернемся к культуре — у нее другая природа, другая судьба, другая миссия...

Ситуацию в культуре последние десятилетия «курировал» постмодернизм. Модернистский принцип творчества как новизны «любой ценой» и новизны как «самоцели» постмодеризм заменил на такой критерий, как «различение», «отличительность», le difference. В каком-то смысле ставка на «различие» (по принципу «то, что предметы отличает друг от друга, важнее того, что между ними общего») не была по-настоящему большим и адекватным ответом на кризис, в котором оказался модернизм. Поэтому, кстати сказать, «постмодернизм» оказался неудачным названием и не в силу беспомощного «пост», а по указанной причине — к критике модернизма постмодернизм особого отношения не имеет. Самоутверждение «постструктуралистов» совершилось на другом поприще, на поприще решительного разрыва с эпохой европейской *классики* с ее системой универсальных и трансцендентальных категорий. Просвещение было объявлено родиной

[6] *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М.: Интербук, 1990.

тотальных понятий, следование которым привело к практике тоталитаризма — тоталитаризма в мысли, в поступках, в социальных структурах[7]. Поэтому посмодернизм, скорее, следовало бы расшифровывать как философию и культуру «постидейной», «постдоктринальной», «постпроектной» эпохи.

Артикулирование «различия», «отличительного», «единичного», «локального» в постмодернизме вылилось в итоге в апофеоз темы «повседневности» как некой конечной реальности. Если когда-то отец феноменологии Э. Гуссерль подобную реальность каждодневной жизни считал неким препятствием на пути «к самим вещам» — Zuruck zu den Sachen selbst — той «естественной установкой», которая должна быть вынесена за скобки и преодолена с помощью знаменитой операции под названием «феноменологическая редукция»[8], то сегодня пафос удовлетворения наличной, «повседневной» реальностью, пафос экзистенциального оппортунизма налицо. Все творчество, вся свобода, все проблемные места жизненного, социального пространства компенсируются подменой, симуляцией реального виртуальным. Почувствуйте, как говорится, разницу: «множество миров» у Дж. Бруно и «множество миров», построенных по моделям «анархической эпистемологии» П. Фейерабенда!

Одним словом, постмодернистский принцип для культуры оказался не столько «регулятивым» и «конструирующим» принципом в кантовском духе, сколько тем, что кибернетики еще в 1970-х гг. называли «декомпозицией», а мы сегодня добавим: «декомпозицей», за которой не последовала композиция. Я знаю только одну интеллектуальную попытку сформулировать программу постмодернистской культуры не как политику релятивизации всех ценностей и понятий, а, напротив, как программу, несущую в себе силу универсалных категорий и таких же универсальных условностей, как все это было найдено в истории человеческой культуры, включая и Позднее (Высокое) Средневековье. Это попытку сделал немецкий философ П. Козловски в работе «Культура постмодерна»[9]. Делая эту попытку, этот немецкий автор вынужден был без обиняков критиковать своих французских коллег, от которых с 1970-х гг. шла постмодернистская инициатива.

---

[7] *Адорно Т., Хоркхаймер М.* Диалектика Просвещения. М.–СПб: Медиум ; Ювента, 1997.

[8] *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2001.

[9] *Козловски П.* Культура постмодерна. М., 1997.

Замечательно еще и то, что П. Козловски, понимая всю опасность постмодернистского релятивизма, при котором не существует иерархии ценностей и вещей, говорит об особой важности отдельных страниц человеческой истории, когда в культуре были найдены образцы универсального, общечеловеческого потенциала, которые не должны преодолеваться «новым», потому что не все должно размениваться на «новое». Deus conservat omnia. «У Бога сохраняется все» — но отдельными человеческими «креативами», сказали бы мы, Бог гордится особенно. Они «на все времена». В них запечатлена зрелость, а значит, суть вещи. И отношение к этим достижениям, этим парадигмам, этим изобретениям, этим оптимумам, по словам Вольтера, должно быть только одно — «Пользуйтесь, но не злоупотребляйте!» В наше время на эту тему — того, что не надо бояться достигнутого «однажды и навсегда» самим развитием вещей и зафиксированного в формате «классики» — мощно выступил наш соотечественник Мих. Лифшиц, который многое предчувствовал из репертуара надвигавшегося еще в 1960–1970-е гг. культурного кризиса, зревшего в недрах современного общества: «Формула “раз и навсегда” звучит слишком резко для нашего уха, но если читатель захочет подумать, то он найдет, что раз навсегда совершалось на свете множество вещей. Когда-то наш отдаленный предок стал на ноги и пошел. Куда он пошел, и что ему предстояло измерить своими шагами — это другой вопрос. Однако закон развития вовсе не требует от него, чтобы он снова стал на четвереньки или начал ходить на голове. Нет ничего постоянного в мире, но

То, что жизнью взято раз,
Не в силах рок отнять у нас.

И если нам удастся навсегда сохранить вертикальное положение тела, то диалектика в обиде не будет, и такое *постоянство достигнутого* (курсив мой. — *А. Щ.*) едва ли можно рассматривать как застой»[10].

В случае же предпочтения «нового ради нового» наступает возмездие, наступает казус «Ренессанса-Возвращения».

Если эпоха «умышленно-нового» (модернизм) или виртуального-произвольного» (постмодернизм) представляет, по нашей классификации, некую «креативную девиантность», граничащую с самоисчерпаемостью (по характеристике Ю. Давыдова)[11], то небезынтересен

[10] *Лифшиц М.* Чего не надо бояться // Коммунист. 1977. № 2.

[11] *Давыдов Ю.* Патологичность «состояния постмодерна» // Социологические исследования. 2001. № 11.

вопрос, а не стоим ли мы на дороге к «новому Ренессансу», «новой классике»? Автор этих строк не считает подобный вопрос риторическим, искусственным, сугубо литературным. Более того, здесь уместно сказать несколько слов об этой «обратной перспективе», но пока давайте убедимся, насколько позволяют возможности автора, что в сегодняшней ситуации культуры постмодерна дело идет именно в этом направлении «легитимной девиантности», после чего с неизбежностью начинают работать механизмы расплаты, который Ф. Ницще на языке своей звериной интуиции назвал «вечным возвращением»[12]. В чем же состоит эта «легитимная девиантность» культуры позднего капитализма — именуемая то «скорбной легкостью бытия», то «гламурной современностью», то «антропологической катастрофой», то «эрой нетрагической пустоты» и проч. и проч.? Имя этим роскошным девиантностям — легион.

Необходимо разобраться, к чему приводит кризис «инновационного энтузиазма», перенесенного оттуда, где он уместен и необходим (наука, техника, экономика и область «гражданских служб» в социальном государстве), в область, где, как в надежном депозитарии, должны храниться вечные ценности, такой же значимости парадигмы и найденные человечеством ответы на экзистенциальные, гамлетовские вопросы.

Современная культура выпустила из своих рук слишком много, чтобы называться «культурой» от латинского слова cultura, что всегда означало уход (за чем-либо), заботу (о чем-то). О какой бы культуре мы сегодня ни говорили — массовой или элитарной (артхаусной) — и та и другая за редким исключением пребывают в логике рынка. Хорошо продается только то, что востребовано, а востребовано то, что долго было табуировано культурой. Значит, такая культура должна пасть! «Карфаген должен быть разрушен!» В этом желании представлен не только циничный и расчетливый интерес «культурной» мафии от шоу бизнеса. Если бы только это, то не было бы никакой драмы. Рынок есть рынок. Настоящая драма — на полюсе массового потребителя. «Пипл хавает» непотребное, то, чего раньше стеснялись. Сегодня pudenta — самая продаваемая, потому что покупаемая и потребляемая тема. Растущая коммерциализация массового искусства означает decline не только высокой, гражданственной, но и *народной* культуры, и это понижение уровня протекает в русле того тренда, который получил

[12] *Ницше Ф.* Указ. соч.

название «децивилизационной динамики»[13]. Бесперебойное «культурное» потребление сексуальной (как вариант: околосексуальной) тематики — симптоматичный феномен этого снижения.

Коммерциализация коснулась в полной мере и проблемного искусства артхауса, отмеченного претензиями на интеллектуализм и эстетизм. Здесь перспектива обладания «символическим капиталом» сегодня искушает участников не меньше чем обладание денежным капиталом. В этой связи можно сказать, что появился сорт авторов, которых можно назвать «гуру от культуры», «культурными антрепренерами», «культовыми фигурами» и т.д. Их «иновационизм» чаще всего сориентирован на работу с «параллельными мирами», кибер-фэнтези, психосоматическими аномалиями и самое небезопасное — «играми со смертью»[14]. По какой части идентифицировать этот «артхаусный» тип культурного сознания и «творчества»? То, что «массовая культура» вписана в конвейер «общества потреблядства»[15] (так называется один из новейших американских бестселлеров на эту тему), общества ранее табуированной, а сегодня «веселой» gay-тематики «ниже пояса», общества искусственных, гламурных потребностей[16] — все это уже не составляет открытия ни для кого. Все это устраивает всех участников — и « «производителей», и «потребителей». Здесь круг, как говорится, замкнулся. По аналогии с гегелевским «концом истории» впору говорит и о конце эпохи «несчастного сознания» и соответственно о начале эпохи «сознания счастливого», не знающего «экзистенциальной драмы» в обществе «идейного консьюмиризма».

А что же «артхаус», кичащийся своим элитарным «креативом» и презрением к «массовому обществу»? Безусловно, его культовое экспериментаторство не имеет того социологического успеха, каким отмечено сегодня «массовое искусство». Но именно это обстоятельство как раз и эксплуатируется авторами и потребителями этого «жанра». Принцип формирования многих «культовых/культурных» групп сегодня известен: они должны не столько выражать что-то, сколько отличаться (принцип «различения» в действии) — в данном случае от

---

[13] См., напр., *Мотрошилова Н.* Цивилизация и варварство в современную эпоху. М., 2007.

[14] *Давыдов Ю.* Указ. соч.

[15] *Graaf J., Wann D., Naylor T.H.* Affluenza: The All-Consuming Epidemic. San-Francisco : Berrett-Kochlers, Inc., 2001.

[16] См., напр., *Гэлбрайт Дж.* Экономика невинного обмана. Правда нашего времени. М. : Европа, 2009.

«массового искусства». Когда, например, в кинематографии закончилась эпоха последних «классиков» (Феллини, Бергман, Тарковский и др.) началось время авторов прихотливой «загадочности», хичкоковского «саспенса», претенциозных безделушек, щекочущих нервы, а то и просто демонстрирующих запретные авторские вожделения (Д. Линч — «Малхолланд драйв», Гас ван Сент — «Психо», Т. Бартон — «Суинни Тодд, маньяк-парикмахер», Ф. Озон — «Время прощания», «Криминальные любовники», «Веришь, не веришь» и проч.). Одним словом, «изобретательство», «творчество» и «инновационный энтузиазм» на этом уровне культурного профессионализма в полном соответствии с «постмодернистской парадигмой» абсолютно не имеют никакого отношения к аристотелевскому «мимезису», равно как и вся эта «высококультурная новизна» и отношения к постоянному «открытию» и «переоткрытию мира», не имеют отношения к возвышенному восхищению этим миром, вовлеченности в человеческий praxis, пребыванию жизни в окрестностях «классики» как общечеловеческих форм цивилизованности и культурности. Отсюда и понятна постоянная история — там, где Contemporery Art принимается за переинтерпретацию классики, дело кончается чаще всего конфузом. С одной стороны, очевидны роскошные произвольности и техническая неуместность постмодернистского дискурса в этом случае, а с другой — классика просто «не лезет» в язык этого дискурса: язык классики самодостаточен и сам по себе актуален.

Современное искусствоведение и не в последнюю очередь — гуманитарное образование в некотором замешательстве: неужели «современность» не оставит после себя «классики»? Но решает этот вопрос линейно, отвечая: должна оставить, оставляет. И ищутся «классики», достойные сегодняшних хрестоматий. «Классическое», однако, откладывается в «золотой фонд» культуры не с помощью кандидовского оптимизма «все к лучшему в этом из лучших миров». В эволюции человеческой цивилизации бывают и перерывы («эпистемологические разрывы», как сказали бы сами постмодернисты) и даже, как уже упоминалось, инволюции и децивилизации. Что-то надо пережить, пресытившись кризисом, — «нами управляют кризисы», как гласит одна из фундаментальных социологических теорий, — с чем-то надо бороться, как всякое здоровое общество борется с социальной «девиантностью» и «патологией» (ср. усилия американского общества по борьбе с расовой нетерпимостью 1960–1970-х гг. или компанию по денацификации в ФРГ сразу после Второй мировой войны).

* * *

И в заключение возникает вопрос: а как, собственно, корреспондируется постмодернистская культура (культура постмодерна) и то состояние современного социума, которое можно на собственный авторский риск назвать «торжеством повседневности», «торжеством экзистенциального попустительства», «торжеством оппортунизма и ситуационной этики»? Думать, что культура и культурное творчество есть прибежище досуга и развлекательства, entertainment'а и что этими невинными радостями дело и кончается, — думать так значит демонстрировать род социологического невежества. Дело в том, что духовное и даже околодуховное реифицируется. Всякое потребление есть «производственное потребление», то есть в нашем случае сначала имеет место «производство субъекта», а затем производство социального, в котором этот субъект участвует. «Как корабль назовете, так *оно* и поплывет!» Вот, собственно, и все.

На всякий случай повторим как саморезюме постмодернистского «сотояния» общества: творчество/искусство как произвол не только прекрасно коммерциализуется, то есть приносит доход на потворстве всякой «децивилизации» в человеке, оно участвует в онтологизации такой социальности, которая в «культуре» ищет и переживает не «момент истины», а entertainment, развлечение, приятную зависимость от узнаваемой повседневности.

Для тех, кто не хотел бы удовлетвориться таким резюме, можно порекомендовать другую редакцию. В самом деле, есть ощущение, что мы на пороге не суперoткрытого общества «культурной вседозволенности» (другой вариант: «культурной всевозможности»). Совсем наоборот. Мы скорее на пороге «нового закрытого общества» — эгоистического, ограниченного и самодовольного общества, «закрытого» реальным вызовам, идущим изнутри самого этого постмодернистского социума (сказал же Ю. Хабермас, что «модерн — это незаконченный проект»[17]), а также вызовам, идущим с «периферии», со стороны «внешнего пролетариата», как сказал бы А. Тойнби[18]. (Похоже на правду: безопасный и «нормальный» сценарий «миросистемного порядка» и «глобализации», предполагает именно *системный*, не *фрагментарный* и при этом

[17] Речь по случаю вручения премии имени Адорно, учрежденной городом Франкфурт-на-Майне за 1980 г. // Wege aus der Moderne: Schliisseltexte der Postmoderne-Diskussion. Hrsg. von W. Welsch. Weinheim, 1988.

[18] *Тойнби А.Дж.* Постижение истории: Сборник / сост. А.П. Огурцов. М. : Прогресс, 1991.

достаточно *синхронный* путь формирования современной мировой цивилизации.)

Этой деструктивной креативности «нового закрытого общества», закрывшегося в упоении «повседневностью», ушедшего в бесконечные «игры разума» и «игры тела», свободные от экзистенциальных напряжения и нравственных дилемм — всему этому противостоит опыт культурной классики, находившей в каждую из своих эпох «бури и натиска» бескомпромиссный, целостный и неумышленный образ современной реальности, находившей, иными словами, язык реализма.

К сказанному добавим только, что именно классика Нового времени дала нам меру принципа «конвенциональности», лучше всего передаваемого кантовской формулой Als ob[19] — того принципа «конвенциональности», границы которого в категориях «виртуальности» постмодернистское мышление перешло со всей размашистостью своего «креативного энтузиазма». Философия «нового конвенционализма», «конвенциональной онтологии», в которой бы не были утрачены объективизм и реализм у Гегеля, с одной стороны, и конструирующий активизм субъекта у Канта — с другой, думается, была бы достаточно точным названием для выхода из постмодернистской ловушки, чем «дурная бесконечность» post'ов — в частности «постпостмодернизм».

[19] *Кант И.* Критика чистого разума. М. : Мысль, 1994.

А.Э. Зайнутдинов

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н.М. ЯДРИНЦЕВА

В статье раскрываются социологические взгляды лидера сибирского областничества Н.М. Ядринцева. Дана краткая биография исследователя. Ядринцев сыграл заметную роль в общественно-политических процессах, происходящих в Сибири во второй половине XIX в. В его трудах Сибирь предстает как уникальный регион, что позволяет конституировать сибирскую идентичность. Рассмотрены его этносоциологические взгляды и социология интеллигенции.

Ключевые слова: Н.М. Ядринцев, областничество, Сибирь, сибиряк, сибирская идентичность, интеллигенция.

В истории российской социологии практически неизвестными являются имена и идеи сибирских областников рубежа XIX–XX вв. Между тем, сибирские областники занимают особое место как в истории интеллигенции и общественной мысли Сибири, так и в истории возникновения и конструирования феномена сибирской региональной идентичности. В настоящее время вопрос о сибирской идентичности приобрел особую актуальность в связи с трансформацией всего российского общества, проводится множество исследований данного феномена с разных точек зрения. Однако невозможно полноценно исследовать феномен сибирской идентичности, не обращаясь к теории областничества как первого опыта такого исследования. Вообще, областники занимались разработкой многих вопросов, в настоящее время относящихся к области социологии. С другой стороны, движение сибирского областничества неразрывно связано с Санкт-Петербургом. Санкт-Петербург на рубеже XIX–XX вв. являлся столицей Российского государства и был научным и образовательным центром страны. Сюда в 1860-х гг. приехали учиться студенты из разных уголков Сибири. Они образовали земляческий кружок, который впоследствии вырос в движение сибирского областничества. Именно в Петербурге начал выходить печатный орган сибирских областников — газета «Восточное обозрение». Одним из таких студентов-сибиряков, приехавших в Санкт-Петербург получать образование, был Николай Михайлович Ядринцев.

Николаю Михайловичу Ядринцеву (18.10.1845–07.06.1894) принадлежит особая страница в истории интеллигенции Сибири. Наряду

с Г.Н. Потаниным Ядринцев был духовным и идейным лидером сибирского областничества с момента его организационного оформления в 1860-х. Он стоял у истоков сибирской периодической печати и журналистики. Г.Н. Потанин в своих воспоминаниях о Ядринцеве написал, что он «в течение целого тридцатилетия был почти единственным сибирским публицистом, в котором, в нем почти одном, выразилась вся умственная жизнь, воплотилась вся общественная жизнь Сибири»[1]. Важнейшей целью деятельности Ядринцева было создание собственной сибирской интеллигенции. Для этого он пропагандировал идею создания сибирского университета. Университет представлялся областникам умственным центром, аккумулирующим интеллектуальные и культурные ресурсы региона и благотворно влияющим на распространение цивилизации в Сибири. «Под пером Ядринцева идея об умственных центрах превратилась в орудие для пробуждения сибирского общества; мы оба усердно пропагандировали эту идею в сибирской журналистике», — вспоминает Потанин[2]. Во многом благодаря его деятельности первый сибирский университет в Томске действительно был открыт в 1878 г. Не последнюю роль он сыграл и в деле отмены ссылки в Сибирь, всесторонне изучая данный вопрос и выступая по поводу него в печати. По словам Кандеевой, «Н.М. Ядринцев принадлежит к числу людей, которые рождаются вовремя. Они выдвигаются эпохами общественного подъема, поэтому их разносторонняя одаренность достигает наивысшего развития, а деятельность приобретает огромный размах»[3]. История Сибири XIX в., потребности региона в преобразовании требовали появления интеллектуальной силы, способной повлиять на общественно-исторические процессы.

Безусловно, Н.М. Ядринцев не был социологом в современном понимании этого слова. Однако не нужно забывать, что во второй половине XIX в. социологии как науки тоже еще не было. Социология тогда еще только институционализировалась. Можно рассматривать того или иного ученого, исследователя в рамках истории социологии, если он занимался проблемами, входящими в поле социологии в настоящее время, и говорить тогда можно о социологических взглядах этого ученого.

---

[1] Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 335.

[2] *Потанин Г.Н.* Областной отдел // Сибирские записки (Красноярск). 1916. №1. С. 121–128.

[3] *Кандеева А.Г.* Слово о Ядринцеве. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 7.

Ядринцев был прикладным исследователем в первую очередь. Он пытался разрешить те насущные проблемы, которые видел в сибирском обществе. Теоретические построения занимали подчиненное положение в его деятельности. Н.М. Ядринцев разрабатывал следующие вопросы: о соотношении колонии и метрополии, общественного развития, о регионе как части государства и его развитии, о формировании народов в истории, социализации личности, интеллигенции. Поле его деятельности было очень разнообразным, но оно целиком замыкалось на проблемах Сибири. Сегодня мы бы отнесли некоторые его построения к исторической социологии, другие — к этносоциологии, социологии личности, социологии интеллигенции. Достаточный потенциал имеют построения Н.М. Ядринцева для цивилизационного анализа Сибири.

Николай Михайлович Ядринцев родился 18 октября 1842 г. в г. Омске. Отец, Михаил Яковлевич Ядринцев, был небогатым купцом. В 1851 г. вся семья переехала в г. Томск. Здесь отец отдал его учиться в гимназию. Уровень гимназии в то время был таков, что особых знаний почерпнуть там было сложно. Поэтому, как тогда часто бывало, основу образования Ядринцев получил дома. В 1860 г., после смерти отца, Н.М. Ядринцев с матерью переезжают в Петербург, и Ядринцев становится вольнослушателем естественного факультета в университете. Это было время пробуждения русского общества, и петербургский университет представлял тогда совершенно особое место, какое другим поколениям увидеть уже не было суждено, как вспоминает Ядринцев: «Кавелин, Костомаров, Сухомлинов — будущий академик, Спасович, Пыпин входили в состав профессоров того времени. Достаточно вспомнить даровитые лекции покойного Н.И. Костомарова, на которые стекался весь Петербург, чтобы понять то влечение и обаяние, которое имел тогда университет для общества и студентов»[4].

В Петербурге Ядринцев знакомится с Г.Н. Потаниным, который становится другом на всю жизнь соратником по сибирскому делу. В конце 1860 г. вместе с Потаниным Ядринцев участвует в организации сибирского землячества, собрания которого становятся регулярными. В кружок вошли Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, С.С. Шашков, Н.И. Наумов, Н.М. Павлинов и другие. Так организационно и зародилось движение сибирского областничества. В кружке появилась и стала развиваться мысль о служении родине, Сибири и о возвращении

[4] Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4. С. 282.

домой для этого, поскольку до этого большинство выпускников университета обратно не возвращались. Ядринцев называл это абсентизмом молодежи и предлагал бороться с ним. Еще одна идея, которая составляла предмет размышлений в кружке, — будущность Сибири. Особо разрабатывалась идея о сибирском университете.

В 1861 г. были закрыты университеты, члены сибирского землячества начали разъезжаться, и в 1863 г. Ядринцев уезжает в Сибирь в г. Томск. В Томске Ядринцев и другие областники организовали кружок, который занимался пропагандой областнических идей, чтением нелегальной литературы, сбором средств в пользу беглых ссыльных, организацией легальных движений[5].

К сожалению, периоду свободной деятельности не было суждено длиться долго. 21 мая 1865 г. в Омске была обнаружена прокламация «Патриотам Сибири», содержащая призыв к восстанию и отделению Сибири. Так началось дело о сибирском сепаратизме. Начались аресты областников. В итоге следствие завершилось обвинительным приговором, каторгой для Потанина и ссылкой для остальных. Еще во время нахождения под следствием Ядринцев начал работу по сбору материалов о сибирской тюрьме и ссыльных, которую завершил монографией «Русская община в тюрьме и ссылке». Эта работа значительно повлияла на будущее реформирование сибирской тюрьмы и отмену ссылки.

В 1873 г. Ядринцев был помилован и освобожден от ссылки. Он сразу же переезжает в Петербург и начинает заниматься литературной и исследовательской деятельностью. В 1882 г. выходит первое издание одного из фундаментальных трудов Ядринцева «Сибирь как колония». Книга стала идеологическим и научным базисом для сибирского областничества. С начала 1882 г. Ядринцев работал над основанием в Петербурге сибирской газеты «Восточное обозрение», которая стала еженедельной. Через газету Ядринцев пропагандировал областнические идеи, освещал сибирские вопросы. В 1888 г. газета была переведена в Иркутск.

В 1889 г. Ядринцев совершил экспедицию к верховьям Орхона, где открыл древнюю монгольскую столицу — Каракорум. Это стало открытием мировой важности. В 1891 г. вышла третья крупная работа Ядринцева — «Сибирские инородцы, их быт и современное положение». Летом 1894 г. Ядринцев приезжает в Барнаул, чтобы возглавить статистический отдел при начальнике Алтайского округа. Здесь

[5] Литературное наследство Сибири. Т. 5.

7 июня 1894 г. Ядринцев принял чрезмерную дозу снотворного и от этого скончался.

Традиционно областников по своим воззрениям сближают с народниками. Действительно, во многом их концепции соприкасались, однако были и различия[6]. Во взглядах на историю областники были сторонниками федерализма, они соглашались с концепцией природно-географического детерминизма в общественном развитии, солидаризировались с Л.И. Мечниковым по поводу роли водных объектов в цивилизационном развитии. На мировоззрение областников, в том числе и Н.М. Ядринцева, повлияли народники М.А. Бакунин, Н.К. Михайловский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, историки-федералисты Н.И. Костомаров, лекции которого сибирские областники посещали во время учебы в Петербургском университете, и А.П. Щапов, который оказал сильное влияние на областников. А.П. Щапов является непосредственно предшественником областничества[7].

Идеальным прошлым для Костомарова было лишь такое время, когда русский народ жил по собственным оригинальным принципам жизни, чуждым влияниям извне. Угадать дух русского народа — цель работ Костомарова. Поэтому необходимо, по мнению Н.И. Костомарова, изучать племенные особенности каждой части русского народа. Костомаров считал, что идеальной формой русского общественного устройства будет федерация всех славян с сохранением национальных и религиозных особенностей отдельных народностей.

В русле идей Костомарова создавал земско-областную теорию А.П. Щапов, которая послужила одним из оснований областнической теории. Вслед за А.П. Щаповым Ядринцев считает, что в истории господствуют два начала: государственность и саморазвитие. Первое обычно выступает как централизаторский фактор, а второе является началом автономии и самоопределения народа. Отсюда можно сказать, что жизнь общества и государства — это жизнь его частей, и развитие этих частей является залогом и условием развития всего общества. Причем «у каждой области — свои интересы; эти интересы могут быть не только не сходны, но могут быть и прямо противоположны интересам

[6] *Шиловский М.В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX — первой четверти XX вв. Новосибирск : Сова, 2008.

[7] *Зайнутдинов А.Э.* А.П. Щапов — предтеча сибирского областничества // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: к 150-летию сибирского областничества / под ред. А.В. Малинова. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2010. С. 39–57.

других областей» [8]. Ядринцев задает вопрос «Что такое Россия?» и отвечает на него: «Это есть провинция или целая масса провинций, имеющих свои местные особенности, свой характер, свои местные вопросы, только в пределах которых она и может быть изучена»[9]. Актуализируется областной или, по-другому, местный вопрос. Чтобы изучать целое, необходимо изучать части, из которых оно состоит, особенно, если эти части различны. Так возникает областной вопрос «сверху».

Рассматривая индивидуальные, частные вопросы городского или сельского благоустройства мы находим вопросы общественные, возникающие сначала в общине, а потом и в области. Так обнаруживается областной вопрос «снизу». Соответственно, эти общественные вопросы ведут к общественным вопросам всего государства.

Таким образом, получается, что областной вопрос — это средний уровень рассмотрения жизни общества, который вытекает как и из макроуровня, так и из микроуровня, и является неким связующим звеном между ними. Ядринцев пишет: «под именем разработки областного вопроса должно разуметь не какой-либо узкий провинциализм, но обобщение народных интересов в их естественных этнографических границах; не мелочь губернской городской жизни является подкладкою их, но интерес народа. Выходя из этого положения, провинциальный вопрос имеет самостоятельную почву в жизни народной, он имеет свое место в жизни государственной, он имеет свое историческое значение в жизни каждого народа»[10].

Поскольку каждая провинция, область имеет такие местные вопросы, то очень важно их правильное выявление и изучение. По-настоящему местный вопрос — «это применение общечеловеческой жизни и свободы в данных географических, топографических и этнографических условиях, на основании коих складываются особенные экономические и другие вопросы в каждой особой местности. Это такие вопросы, которых другая провинция не имеет, обусловленные пространством, физическими свойствами почвы, климата, количеством населения, расами, культурными условиями и т.д.»[11]

---

[8] *Потанин Г.Н.* Прекрасный финал // Сибирские записки № 3, Красноярск 1917 г. с.159.

[9] *Ядринцев Н.М.* «Я сын девственной и могучей страны...»: Сборник статей, очерков, фельетонов Н.М. Ядринцева. Омск: Изд-во Омского государственного педагогического университета, 2004. С. 21.

[10] Там же. С. 21–22.

[11] Письма Ядринцева // Сибирские записки №6. Красноярск, 1917 г. с. 225.

По Ядринцеву, в одной области местным вопросом может быть густота населения, в другой — его редкость, в третьей — земледельческий вопрос, эксплуатация почвы при особых физических особенностях, еще в какой-то вопрос пространства, путей, где-то — вопрос этнографический, расовый, национальный. Общечеловеческие вопросы тоже должны рассматриваться через призму областных и сообразно с ними. Можно сделать вывод, что «изучение местных вопросов поэтому есть изучение самой народной жизни»[12] .

Сибирь как особая область в составе Российского государства

В соответствии с выработанной методологией, Сибирь является особой областью в составе Российского государства, поэтому и изучать ее нужно отдельно. Сибирь интегрирована в Российское пространство, но занимает особое место в общероссийском цивилизационном процессе.

По мнению Н.М. Ядринцева, в процессе колонизации любой территории действуют две силы: государство и народ. «Мы видим, что государство намечает остроги, крепости, проводит линии, наконец, пролагает тракты и таким образом создает, так сказать, вехи и колья, межи и план для колонизации. Народная колонизация, в виде народа-плотника, мало того, что осуществляет план, но и наполняет все промежутки и сетку колонизации живым материалом; мало того, она часто идет дальше архитектора, расширяет здание, при чем вехи, колья и план являются после того, как уже началась постройка»[13]. Ядринцев доказывает тезис, что Сибирь осваивалась точно так же, как и любая другая колония, что в ее истории можно выделить те же этапы, что свойственны любой колонии, и как следствие — что ее ожидает будущее, которое ожидает любую колонию.

Однако Сибирь в отличие от других колоний занимает уникальное географическое положение, которое обуславливает ее будущую роль в мировом цивилизационном процессе, а именно — положение между Востоком и Западом, Азией и Европой. По мнению Ядринцева, это ее особое положение определяет статус Сибири как истинного места встречи двух цивилизаций. «Сибирь исторически находится на столкновении и пересечении двух колонизационных волн, идущих одна на Восток, другая на Запад. Сибирь — это особый социокультурный

[12] *Ядринцев Н.М.* «Я сын девственной и могучей страны...». С. 22

[13] *Ядринцев Н.М.* Культурное и промышленное состояние Сибири. СПб., 1884. С. 13.

мир. Понять и осознать собственную самобытность перед лицом других культур и народов — в этом, по мнению Ядринцева, и была главная задача сибирского самопознания»[14] .

Вообще, Н.М. Ядринцев развивал мысль о встрече, взаимодействии и культурном союзе двух типов цивилизационного развития: западного и восточного. Мысль о едином человечестве не была чужда Ядринцеву. Эту идею он высказывает, в частности, в работе «Океаническая цивилизация», в которой показывается расширение цивилизации до стадии океанической глобальной цивилизации, в которой главным являются не отличия культур друг от друга, а их взаимодействие и взаимопересечение. Он считает, что водные объекты играют связующую роль в цивилизационном развитии. В результате все цивилизации естественно стремятся к океанической стадии. Ядринцев обращается к феномену океанической цивилизации в своем одноименном фельетоне. Вопрос встречи двух типов цивилизаций Ядринцев затрагивает также в фельетонах «Цивилизация и Восток», «Крестовый поход науки на Восток»[15]. Обращения Ядринцева к океанической цивилизации, вероятно, возникли не без влияния взглядов Л.И. Мечникова на цивилизационный процесс. Эти его построения, а также аналитика Сибири как особого региона с особой ролью в истории России и всего мира имеют достаточный потенциал для цивилизационного анализа Сибири и в настоящее время.

Самобытность Сибири заключается в том, по мнению Н.М. Ядринцева, что ее путь не есть чисто восточный или западный. Именно ее территории происходит настоящий синтез этих двух форм цивилизационного развития, поэтому Сибирь имеет значение для всего человечества. Таким образом, важнейшим компонентом сибирской особости (сегодня мы бы сказали, сибирской региональной идентичности) является ее геополитическое положение. На территории Сибири происходит смешение русского этноса с аборигенными народами, что является мощным обособляющим фактором и компонентом сибирской идентичности. В своих построениях Ядринцев достаточно подробно рассматривает вопрос этногенеза, потому что ему это важно, чтобы конституировать формирующийся тип сибиряка.

---

[14] *Емельянова Т.Н.* Областничество Н.М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб.: Изд-во «Инфо-да», 2004. С. 74.

[15] Сб. избр. ст., стихотворений и фельетонов Николая Михайловича Ядринцева. Красноярск, 1919.

Этносоциология Н.М. Ядринцева

Во взглядах на этногенез областники, в том числе и Н.М. Ядринцев, придерживаются теории природно-климатического и географического детерминизма. Ядринцев пишет: «Склад, образ жизни и культура каждого народа обусловлены климатическими, физическими и топографическими условиями природы, среди которых человек обитает, и естественными произведениями, которыми снискивает пропитание»[16].

Окружающая обстановка влияет на формирование человека — как в индивидуальном масштабе, так и в народном она влияет на формирование целого народа. Ядринцев пишет: «С детства люди формируются в известной среде и питаются окружающими их впечатлениями»[17]. В детстве начинают формироваться способности, наклонности и убеждения каждого человека. Различные обстоятельства могут изменить нравственную природу человека в ту или иную сторону. Приведем цитату исследователя: «Часто лучшие его качества и способности, как энергия и мужество, стойкость, при неблагоприятных условиях примут вредное и разрушительное направление. ...В прежние времена люди слишком мало придавали значения воспитанию характера. Тогда все думали, что человек образовывает свой характер сам, независимо от окружающей его обстановки, и что, следовательно, никто, кроме его самого, не отвечает за его свойства и чувства. ... С каждым днем мы все более и более убеждаемся, что характер человека без всяких исключений всегда прививается ему извне»[18].

Таким образом, Ядринцев придерживается той точки зрения на социализацию, когда в процессе социализации формирование личности обусловлено внешними воздействиями, но не активным участием личности. Можно сказать, что личность в процессе социализации оказывается пассивной. Отсюда следует логический вывод: «Чем жизнь среды беднее, невежественнее, чем она беспорядочнее, чем менее в ней силы и уменья управлять внешними условиями и направлять их благополучно для своей жизни, тем шансы ко всевозможным случайностям для личности увеличиваются»[19].

---

[16] *Ядринцев Н.М.* Сочинения: Т.2. Сибирские инородцы, их быт и современное положение / под ред. С.Г. Пархимовича. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. С. 114.

[17] Литературное наследство Сибири. Т. 5. С. 92.

[18] Там же. С. 49.

[19] Там же.

Н.М. Ядринцев является сторонником эволюционного развития народов. Народ переходит на новую ступень в результате культурного перехода, и основывается эта ступень на достижениях предыдущей. При этом на новой ступени народ опирается на достижения предыдущей ступени развития. Поэтому, пишет Ядринцев, «мы должны быть глубоко справедливы и, изучая прошлое, тщательно оценить то, что нам дали предшественники и прародители народы. Только благодаря им мы можем быть обязаны своей высотой, блеском нашей культуры, ибо черная работа была совершена ранее»[20].

Ядринцев выразил естественную преемственность культурного и цивилизационного развития в следующем законе: «Закон культуры тот, что ни один промысел не уничтожается, но совершенствуется. При переходе от одной культурной стадии к другой, от одних промыслов к другим человек не расстается вполне и с первым. Промыслы только усложняются новыми отраслями. ...*Культурный прогресс состоит не столько в перемене промысла, сколько в совершенствовании отдельных способов и занятий*» [21].

По Ядринцеву, процесс развития народов проходит определенные этапы, в котором кочевая жизнь необходимо предшествует оседлой. Как в кочевой, так и в оседлой формах жизни народа, наличествуют определенные культурные стадии, отделяемые друг от друга культурными переходами. В результате этих культурных переходов, народ приобретает новые формы быта, культуры и занятий. Однако старые формы и занятия сразу не исчезают, а трансформируются и изменяют свое значение. При этом каждая культурная стадия соответствует окружающему миру и потребностям народа.

Нужно отметить, что областники первыми обратили свое внимание на кочевую жизнь, не как на отсталую форму, а как на особый тип жизни со своими ценностями и культурой, предшествующий оседлости. В этом вопросе они явились предшественниками евразийства. Об этом пишет, например, М.В. Шиловский в своей работе «Сибирские корни евразийства»[22] и в работе «Сибирские областники как предшественники евразийцев»[23].

---

[20] *Ядринцев Н. М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение. С. 258.

[21] Там же. С. 259.

[22] *Шиловский М.В.,* Сибирские корни евразийства // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 102–111.

[23] *Шиловский М.В.* Сибирские областники как предшественники евразийцев // Евразийство и Казахстан. Труды Евразийского науч. форума «Гумилевские чтения» /

Особые формы взаимодействия возникают при столкновении двух народов, находящихся на разных стадиях развития. В фельетоне «Чем мы покорили Среднюю Азию» Н.М. Ядринцев пишет: «Всякое столкновение чуждых народностей в истории отражалось роковою борьбою их и преобладанием которой-нибудь стороны из борящихся. <...> Это первые столкновения можно назвать “историческими операциями”, прежде чем полуварварские народы войдут в мирные сношения и начнут ассимилироваться с цивилизованными народностями. Тогда начинается обмен идей, нравов, выступает мирная борьба гражданственности и настоящее покорение обычаем. Это второй акт важнее первого и гораздо более упрочивает преобладание всякой народности, всякой цивилизации»[24]. Однако в некоторых случаях аборигенные народы “предпочитали” исчезнуть вместо того, чтобы подчиниться культурному влиянию русских, и отношения так и не доходили до второго акта. Поэтому “покушение обрусения и привития языка” явилось столь же малоосмысленным и грубым: заставить народы и племена изменить язык, — это задача, перед которой спасуют все лингвисты на свете. Века проходят, и народы, изменяя даже расу, сохраняют язык. ...Перевоспитать и повлиять на народы в духовном отношении может только цивилизация; чтобы народ усвоил и принял другой язык, нужно, чтобы в нем находились культурные преимущества» [25].

Взаимодействие русского народа с индигенными народами Сибири было сложным, имеющим много последствий для обеих сторон этого процесса. Индигенные народы в результате этого взаимодействия в культурном и цивилизационном отношениях приблизились к русскому народу, и в результате смешения с аборигенными этносами и трансформации русского народа вследствие других причин, возник особый культурно-областной тип сибиряка.

Следуя принципу природно-климатического и географического детерминизма, областники выделили и описали множество черт характера сибиряка и даже его фенотип. В Сибири окружающая среда влияет таким образом, что «сибиряки носят на себе печать сухости, сдержанности, скрытности чувств, они как бы стыдятся показаться чувствительными. То, что другие не стесняются показать открыто, они таят;

отв. ред. М.Ж. Жолдобеков. Астана : Евразийский национальный ун-т им. Л.Н. Гумилева, 2003. Т. 1. С. 25–29.

[24] Сб. избр. статей, стихотворений и фельетонов Николая Михайловича Ядринцева. С. 113.

[25] Литературное наследство Сибири. 1979. Т. 4. С. 214.

таково их чувство даже к родине, обнаруживать которое они считают предосудительным. Сибиряк предпочтет казаться сухим, практичным, насмешливым, но не простодушным, увлекающимся и открытым. Сибирский ум склоннее всего к критике, сатире, чем к лирике и поэзии»[26]. Поэтому «сибиряк угрюм и молчалив; он не создал ни одной песни и редко поет в противоположность русскому крестьянину»[27]. И далее: «Русский народ в Сибири не музыкален, он утратил эту музыкальность, вероятно, вследствие своего звероловческого быта. Зверолов угрюм, потому что одинок и ведет суровую жизнь»[28].

С другой стороны, как пишет Ядринцев, главное качество характера, которое выработалось у сибиряка, — это «наклонность к простору, воле и равенству»[29]. Кроме того, «сибиряк холоден, рассудочен, отличается отсутствием всякой сентиментальности и какой-то высокомерной бесстрастностью и презрением к идеальному, равнодушием к отвлеченному и всему, что не носит выражение реальности, не входит в область обыденных интересов и материальных расчетов. Эта сухость, холодность и замкнутость сибиряка бросаются в глаза с первого раза. Принимаемые как выражение спокойного темперамента и “практичности”, они считаются хорошими признаками» [30].

Очень важной характеристикой народа, зависящей и от культурных, и от природных условий, является кухня. И этот вопрос Ядринцев достаточно подробно разбирает. Он замечает, что «кухня и кушанья отражают характер народа, племени и его свойства. ...В этом отношении сибирские блюда, отличаясь, так сказать, первобытною простотой и отсутствием искусства, по обилию и тяжеловесности материала, можно сказать, превосходят собою даже прародительницу их — северную русскую кухню. Развитию таких крайних свойств сибирского стола способствовало, вероятно, обилие и дешевизна припасов в стране, богатой хлебом и скотом; второе — суровый климат, требовавший потребления жирной пищи; наконец — мощная первобытность натуры колониста, искавшего в избытке и переполнении желудка пищей лучшего в мире наслаждения»[31].

---

[26] Литературное наследство Сибири. 1980. Т. 5. С. 92.

[27] *Ядринцев Н.М.* «Я сын девственной и могучей страны...» // Сб. статей, очерков, фельетонов Н.М. Ядринцева. С. 16.

[28] Литературное наследство Сибири. 1980. Т. 5. С. 81.

[29] *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 103.

[30] *Ядринцев Н.М.* «Я сын девственной и могучей страны...» С. 160–161.

[31] Там же. С. 155–156.

Кроме того, в Сибири кухня выполняла роль связующего звена общества. Ядринцев пишет, что именно во время еды и угощения проявлялись альтруистические чувства сибиряка, что выразилось в культе обедов. В итоге сибирское угощение и хлебосольство стали поговоркой, и «то, что на других языках выражалось: «люблю тебя до смерти», в Сибири осуществлялось — «закормлю тебя до смерти»[32]. Такой характер пищи, ее обилие и культ обедов повлияли также и на характер сибиряка. Сибиряк приземист, ширококост, увесист, упитан. В этом отношении сибиряк напоминает сибирские блюда, как замечает Ядринцев.

Можно сделать вывод, что на формирование сибиряка и сибирской региональной идентичности, если сказать современным языком, оказали влияние несколько мощных факторов: это природно-климатическая среда, взаимодействие с инородцами, исторические условия общественной жизни, даже особенности кухни. Каждый из этих факторов по-своему влиял на формирование народно-областного типа сибиряка.

С точки зрения Дж. Пола, исходным материалом для развития региональной идентичности является индивидуальный опыт, социальное пространство и социальные взаимодействия, культуры, ландшафт, история региона и история данной региональной идентичности. Таким образом, Пол также утверждает тесное отношение региональной идентичности и исторического процесса.

Элементами региональной идентичности могут быть:

а) экономический базис;

б) язык или специфический диалект;

в) особый ландшафт;

Г) даже особая региональная кухня (хотя, как отмечает Пол, региональная идентичность вряд ли может развиться только из этой особенности региона)[33].

Заметим, что Н.М. Ядринцев обращал внимание на все элементы региональной идентичности, выделяемые Полом. Он считал, что Сибирь является колонией в экономическом и политическом смысле. Ее геополитическое положение вкупе с экономическим статусом создают условия для обособления и выработки регионального самосознания.

---

[32] Там же. С. 159.

[33] *Pohl J.* Regional Identity // International Encyclopedia of the Social&Behavioral Sciences / Ed. by Smelser. London : Elsevier, 2001. P. 12917–12922.

Особый климат, природная среда способствуют изменению быта русских переселенцев, а в более длительном измерении — выработке сибирского диалекта, изменению этнического типа. Ядринцев конструировал образ сибирской региональной идентичности главным образом на экономическом, геополитическом, природно-географическом, культурно-хозяйственном, этнографическом и религиозном базисе.

Конечно, этнический тип сибиряка так и не сформировался. Одной из главных причин можно назвать постоянные миграционные потоки из Европейской России. Однако существование сибирской региональной идентичности сегодня не вызывает сомнений. Проводятся многочисленные социологические исследования этого феномена. В настоящее время можно сказать, что «сибиряк — это человек любой национальности, чувствующий и осознающий свою связь с краем, со всеми людьми, его населяющими, и в то же время — россиянин и, очень важно, — член всего рода человеческого, ибо Сибирь — это громадный континент всего земного шара»[34]. Хотя в настоящее время существенно изменилась характеристика сибиряка как типа, однако аналитика областников феномена сибиряка продолжает оставаться актуальной, поскольку обращается к ядру этого феномена, которое хотя и подвержено изменениям, но гораздо более медленным.

Для сибирской региональной идентичности важным является соотнесение, в первую очередь, с Европейской Россией, поскольку ее первостепенной задачей является демаркация Сибири от Европейской России. Кроме того, по мнению Ядринцева, важным является и определение Сибири в схеме «Восток–Запад» как место синтеза двух форм цивилизационного развития. Для осуществления своей исторической задачи и для дальнейшего развития самосознания, критически важным является, по мнению Ядринцева, наличие собственной интеллигенции в Сибири, поскольку только местная интеллигенция может по-настоящему любить свой край и быть выразителем его интересов.

Социология интеллигенции Н.М. Ядринцева

Вопрос об интеллигенции в концепции областничества тесно связан с вопросами о местном патриотизме и вообще любви. По мнению областников, любовь к чему-то может выработаться только путем изучения объекта. Именно поэтому местный патриотизм рождается в сре-

[34] *Кандеева А.Г.* Слово о Ядринцеве. Омск: изд-во ОмГПУ, 2001. 160 с.

де местной интеллигенции, и только местная интеллигенция способна полноценно изучать и способствовать развитию края. Ядринцев пишет в фельетоне «Летучая интеллигенция»: «Какая может быть привязанность, любовь к делу, когда человек перекочевывает и бросается от одного к другому предметы, от одного к другому занятию. Для любви нужна форма, нужен объект, нужен реальный предмет. Идея непременно связана с чем-нибудь реальным, она есть отвлечение действительно существующего»[35].

Принцип любви Н.М. Ядринцев также проводит, говоря о человеке. В письме к Потанину он пишет, что «человек есть часть целого, атом, или клеточка огромного социального организма, как ум, живущий мировой жизнью; он есть часть целого, как человек идеи, как идея; он бессмертен и останется в человечестве»[36]. Таким образом, человек важен не как индивидуум, а как часть целого, всеобщего.

Однако развитие человека происходит от частного к общему. Ядринцев возводит этот принцип развития в ранг закона. «Человек воспитывается в любви от частного к общему, а не от общего к частному, — это закон как исторического развития, так и индивидуальной жизни. ...В одной градации человеческих инстинктов, от любви рода, племени, отечества, наконец человеческого рода, а не наоборот. Этот естественный инстинкт зарождается со дня нашего рождения, он следует за нами всю жизнь и обуславливает горячую привязанность к среде, к местности, к народу, родственному ему, и с этим чувством мы напрасно стали бы бороться»[37].

И именно благодаря этому инстинкту — любви к частному, которая сохраняет общее,— находится залог развития всего человечества. Какими бы ни были широкими взгляды человека, каким бы сильным ни было его желание служить всему человечеству, но он материален, заключен в пространство, и его деятельность может проявляться только в определенной местности, только в одном обществе, а не во всех разом, считает Ядринцев. По его мнению, любовь к человечеству проявляется только путем услуг своему отечеству. Тогда только это чувство содействует развитию мировой любви. Для зарождения и развития этой любви необходимо образование, поскольку вместе со знанием

[35] Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Николая Михайловича Ядринцева. С. 96.

[36] Литературное наследство Сибири. 1980. Т. 5. С. 239.

[37] *Ядринцев Н.М.* «Я сын девственной и могучей страны...» С. 19.

предмета возникает любовь к нему. Отсюда выводится тезис о критической важности местной интеллигенции. Н.М. Ядринцев считает, что интеллигенция играет большую роль в развитии общества. От качества интеллигенции напрямую зависит характер общественного развития. Поэтому такую большую роль Ядринцев отводил вопросу о воспитании местной сибирской интеллигенции.

Этот вопрос был одним из важнейших в областнической программе. Областники считали, что для создания местной сибирской интеллигенции необходимо создание умственного и культурного центра в виде университета. Университет, по мнению Н.М. Ядринцева, способствует цивилизационному развитию общества. Поскольку «Сибири суждена роль — создать ту цивилизацию, которая будет служить последним звеном, смыкающим образованные народы умеренного пояса северного полушария», то невероятно важным становится вопрос о сибирском просвещении. И в этом смысле «сибирский университет будет зародышем этой цивилизации»[38]. В этой связи принципиально важным становится вопрос об образовании как русского народа, так и индигенных народов, которые призваны нести свет европейской цивилизации на Восток.

Вопрос об университете Ядринцев затрагивает во многих своих работах, в частности данному вопросу посвящен фельетон «По поводу университета»[39]. В нем Н.М. Ядринцев доказывает необходимость существования сибирского университета. Сибирский университет — это не просто учебное заведение, это кузница местной интеллигенции, залог успешного развития края и выполнения им своей исторической миссии. «Известно, что сибирский университет с давних пор составляет самую заветную мечту, самый любимый идеал сибиряков-патриотов. Почти нет ни одной статьи о Сибири, нет ни одной книги, занятой описанием ее, чтобы не высказывалась в них мысль о необходимости высшего учебного заведения в нашем крае» [40].

С вопросом об университете теснейшим образом связана проблема абсентизма молодежи. По программе областников, как пишет Козьмин, «область должна выдвинуть из себя местную интеллигенцию, органически связанную с «туземщиной» и пользующуюся доверием последний. В демократической Сибири эта интеллигенция должна

[38] Там же. С. 15.
[39] Там же.
[40] Там же. С. 12–13.

выйти из рядов крестьянства, казачества и различных туземных племен. Центру, выбирающему из провинции лучшие силы, должна быть оказана энергичная оппозиция»[41].

Местная интеллигенция способствует развитию общества, она играет важнейшую роль в процессе самосознания региона и выработки региональной идентичности. Местная интеллигенция — это голова региона, которая призвана направлять регион в историческом процессе. Так вопрос об интеллигенции соединяется с цивилизационными построениями Ядринцева.

Социологические взгляды Ядринцева имеют достаточно целостный характер вследствие их практической направленности. Поскольку проблемы Сибири во многом, по мнению областников, были вызваны ее колониальным статусом, неравноправием и неравенством по сравнению с Европейской Россией, то и научная разработка этих проблем замыкалась на эти вопросы. Именно конкретная проблемная направленность придает целостность концепции Н.М. Ядринцева.

Деятельность Ядринцева имела большое значение для Сибири, поскольку долгое время он был одним из немногих ее голосов в интеллектуальной среде. Его идеи оказали серьезное влияние на все последующие исследования Сибири как особой области в силу их исторического первенства и широты. Вместе с деятельностью Ядринцева просыпалось самосознание Сибири, и поэтому любые исследования сибирской идентичности и сибирского самосознания не могут обойти его стороной.

В целом социология и историософия Ядринцева базируется на земско-областной теории А.П. Щапова, существенно ее развивая и дополняя по отношению к Сибири. Н.М. Ядринцев рассматривал все теоретические концепции с точки зрения реальных проблем Сибири в соответствии с им же выдвинутым местным принципом. Взгляды Н.М. Ядринцева на сибирский исторический процесс относятся к полю исторической социологии и вносят свой вклад в нее. С исторической социологией тесно связан цивилизационный анализ, который является бурно развивающейся отраслью социологии в настоящее время. И теория областничества в целом обладает значительным потенциалом как с точки зрения истории цивилизационного анализа Сибири, так и в плане применимости идей областников к современному циви-

[41] *Козьмин Н.Н.* Вводная статья // Сб. избр. ст., стихотворений и фельетонов Николая Михайлович Ядринцева. Красноярск, 1919. С. 3–15.

лизационному анализу Сибири. Определенный вклад Н.М. Ядринцев сделал в социологию интеллигенции, рассмотрев вопрос о местной интеллигенции и ее роли в общественном развитии.

В настоящее время уже решены некоторые проблемы, которые волновали Ядринцева, например, давно уже нет ссылки в Сибирь, судопроизводство в Сибири происходит в соответствии с общероссийским законодательством, в Сибири есть свои университеты и интеллигенция, но и сегодня уровень жизни многих сибирских регионов ниже, чем в Европейской России. В государственной программе развития Сибири до 2020 г. одной из главных целей признается уравнение Сибири с Европейской Россией по уровню жизни: «Основные показатели социально-экономического развития Сибири к концу 2020 г. должны соответствовать среднероссийским значениям»[42]. Не решена центральная проблема статуса Сибири как ресурсной зоны. Хотя сегодня нельзя назвать Сибирь колонией в полном смысле слова, однако отношение к ней государства иногда заставляет задуматься о целесообразности применения этого понятия. В этом смысле социологические построения Н.М. Ядринцева продолжают быть актуальными и сейчас.

[42] Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года. URL: http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ИННОВАЦИЙ

Е.А. Иванова

ПОКАЗАТЕЛИ ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ КАК МЕТОД ОЦЕНКИ ТРУДА УЧЕНЫХ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ[1]

В статье характеризуется сложившаяся к настоящему времени практика использования данных международных и национальных информационных систем научных публикаций в управлении в сфере науки. Дано описание основных показателей, рассчитываемых по этим базам и применяемых при оценке труда ученых и научных организаций и для сравнения развития науки в странах мира. Сформированы основные ограничения, которые необходимо учитывать при использовании показателей публикационной активности.

Ключевые слова: информационные системы научных публикаций, цитат-индекс, импакт-фактор, оценка труда ученых и научных организаций.

В последние годы в нашей стране для оценки труда ученых и научных организаций стали широко внедряться показатели публикационной активности. В «Типовой методике оценки результативности деятельности научных организаций», утвержденной приказом Минобрнауки Российской Федерации в 2009 г., имеется перечень показателей, которые организации Российской академии наук должны передавать в это министерство. В число показателей включены: число публикаций сотрудников научной организации в Российском

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 11-06-00410-а.

индексе научного цитирования (РИНЦ), отнесенное к численности исследователей; цитируемость работников научной организации в РИНЦ, отнесенное к численности исследователей; число публикаций работников научной организации в базах реферативной информации (Web of Science, Scopus, Medline, Metadex, Compendex, Pascal, Biosis и др.), отнесенное к численности исследователей; цитируемость работников научной организации в указанных базах реферативной информации; импакт-фактор публикаций работников научной организации в Web of Science[2]. Утверждение Методики в Министерстве науки и образования РФ означает, что она будет использоваться при принятии практических решений о финансировании научных организаций. Автоматически из этого следует, что и при оценке деятельности отдельных ученых будут использоваться те же показатели.

Использование показателей публикационной активности при оценке деятельности ученых, научных организаций и их подразделений (лабораторий, департаментов и т.п.) и даже состояния науки в отдельных странах, при составлении различных международных рейтингов стало общемировой тенденцией. Несколько лет назад фонд, финансирующий университетскую науку в Великобритании, перешел от сложной процедуры экспертизы заявок к оценке поданных проектов через сопоставление библиометрических показателей ученых — авторов заявок, что вызвало большие протесты британских ученых. Цитат-индексы ученых стали использоваться при приеме их на работу или прохождении очередной аттестации во многих научных организациях в ряде стран. Оценка этой тенденции отражена в выразительном названии статьи «Эксперты еще нужны» в одном из ведущих научных журналов мира «Nature».

Три организации — Международный математический союз (IMU), Международный совет промышленной и прикладной математики (ICIAM) и Институт математической статистики (IMS), — представляющие мировое сообщество теоретической, прикладной и промышленной математики и статистики, подготовили доклад «Статистики цитирования». Исправленная версия доклада «Статистики

[2] Типовая методика оценки результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения. (Утверждена приказом Минобрнауки РФ от 14 октября 2009 г., № 406.)

цитирования» появилась 11 июня 2008 г.[3] Доклад был подготовлен в ответ на «многочисленные запросы от стран — членов Международного математического союза, математических обществ, крупных математических учреждений и отдельных ученых, которые сообщали о возрастающем использовании импакт-факторов и других индикаторов, основанных на цитировании (а также и о злоупотреблениях ими), для измерения качества исследований отдельных ученых, департаментов или целых организаций»[4]. Организации, подготовившие доклад, надеются, что «тщательный анализ и рекомендации этого отчета будут рассмотрены лицами, принимающими решения и использующими для оценки исследователей данные цитирования»[5].

Первая информационная система по научным публикациям была создана в 1963 г. в Институте научной информации (США). В настоящее время эта информационная система принадлежит корпорации “Thomson Reuters” и охватывает около 5 тысяч научных журналов по естественным и общественным наукам, издаваемых во всех странах мира. Второй по величине информационной системой, содержащей публикации по всему спектру научных исследований, является “Scopus” издательства Elsevier (Нидерланды).

В настоящее время известны более 10 крупных международных информационных систем, которые принадлежат научным обществам, университетам или частным компаниям и содержат сведения о публикациях по отдельным научным направлениям. Большинство информационных баз ведется в США и европейских странах, но появляются и новые центры, собирающие информацию о научных публикациях. Так, в конце 1980-х гг. в Китае была создана национальная база — Китайская база научного цитирования (Chinese Science Citation Database — CSCDB). В ней собираются сведения о более чем тысяче научных изданий на китайском языке. Имеется также база, в которой сводятся данные обо всех публикациях китайских ученых. В 2010 г., выступая на конференции в Казани, научный советник Посольства Ирана в России Али Бакуи отмечал роль Ирана в создании специализированной научной базы — Исламского центра цитирования (Islamic Citation Centre — ISC)[6].

---

[3] Русский перевод доклада напечатан в издании: Игра в цифирь, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). М.: МЦНМО, 2011.

[4] Игра в цифирь, с. 5.

[5] Там же.

[6] Поиск, № 14(1088), 2 апреля 2010 г.

В нашей стране подобная информационная система — Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) — начала создаваться лишь недавно и находится в стадии наполнения. Несмотря на многие недоработки, имеющиеся в этой системе, ее данные уже используются при составлении рейтинга российских вузов[7].

В Методике Минобрнауки РФ, о которой шла речь в начале статьи, используются самые простые показатели публикационной активности ученых: абсолютное число публикаций и число цитирований. За время, прошедшее после создания первой информационной базы, было предложено множество показателей, с помощью которых можно проводить анализ публикационной активности ученых в зависимости от того, на какие вопросы должен был ответить этот анализ.

Эффективность работы ученых или научных организаций связывают обычно с индексом цитирования и количеством опубликованных статей. В основании такого подхода лежит следующее рассуждение. Результаты своих исследований ученые, как правило, отражают в своих публикациях. Большое количество ссылок на какую-либо статью означает, что научные результаты, полученные автором статьи, востребованы другими учеными. На основании этого делается заключение, что ученый, на которого много ссылаются, работает более эффективно и вносит бóльший вклад в развитие науки, чем тот, на кого меньше ссылаются. Цитат-индекс автора статьи отражает общее количество ссылок на нее, которые содержатся в статьях во всех научных журналах, представленных в данной информационной системе.

В настоящее время широко используются несколько индексов. Индекс Хирша (названный по имени ученого, предложившего этот индекс) представляет собой такое наибольшее число статей данного ученого, на каждую из которых есть такое же число ссылок. То есть, если ученый опубликовал 10 статей, а число ссылок на статьи описывается следующими цифрами: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, то индекс Хирша составит 5, т.к. имеется 5 статей, на каждую из которых ссылаются не менее 5 раз. Для компенсации молодым ученым недостатка времени на то, чтобы опубликовать много работ и набрать большое количество цитирований, Хиршем предложен *m*-индекс. Он рассчитывается как отношение индекса Хирша к числу лет, прошедших после

[7] Рейтинг научной и публикационной активности российских вузов (октябрь 2010). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». http://www.hse.ru/org/hse/sc/interg

первой публикации этого ученого. Индекс Хирша не дает представления о количестве ссылок на статьи данного ученого, т.к. определяется по минимальному количеству ссылок. Чтобы учесть общее количество ссылок, предложен *g*-индекс. Он представляет собой такое наибольшее число цитируемых работ автора (*n*), которые цитируются в общей сложности, по крайней мере, n^2 раз. Популярностью пользуется и нормированный индекс цитирования (*NI*), предложенный учеными Каролинского института в Швеции. Нормированный индекс цитирования представляет собой отношение между средним цитат-индексом организации и средним мировым цитат-индексом за тот же период и в той же отрасли науки, который принимается за единицу. Этот индекс выражается в процентах. Для анализа кооперации ученых разных стран используется индекс международных связей (International Collaboration — IC). Он рассчитывается как доля статей (в %), написанных совместно с авторами из других стран, в общем числе статей данной страны. Широко используется и такой показатель как импакт-фактор журнала. Он вычисляется на определенный год и представляет собой среднее количество ссылок на статьи, опубликованные в течение двух предыдущих лет в этом журнале. Ясно, что учитывать можно только те ссылки, которые сделаны в журналах, вошедших в ту базу, по которой производится подсчет. Предложен и индекс высококачественных публикаций (*QI*) — это доля публикаций в журналах, которые имеют наибольшие импакт-факторы.

Развитие международных и национальных систем, отражающих публикационную активность ученых, и библиометрических методов обработки потока научных публикаций нужно признать достижением в науковедении. А вот использование показателей, основанных на цитировании, в качестве критерия принятия решений о выделении финансирования на научные проекты требует осторожности.

Развитие библиографических методов значительно расширило возможности науковедения. Анализ публикационной активности позволяет выявить новые направления научных исследований и факторы их формирования; выделить наиболее продуктивных исследователей и наиболее эффективно работающие научные организации; изучить географическую локализацию научных исследований; описать сети международных и внутристрановых связей научных организаций и отдельных ученых. Прослеживание динамики показателей публикационной активности и цитат-индексов может использоваться как для оценки состояния исследований в отдельных научных организациях,

так и в странах в целом. На их основе можно проводить межстрановые сравнительные исследования.

Примером такого анализа могут служить доклады о динамике публикационной активности в разных странах, подготовленные в корпорации “Thomson Reuters”. Такой доклад по России вышел в 2010 г.[8] В докладе приводятся данные о доле публикаций российских ученых по 16 направлениям научных исследований в общем потоке научных публикаций, отраженных в информационной системе “Thomson Reuters”. Уменьшение доли российских публикаций наблюдается по всем направлениям научных исследований, в которых традиционно доля этих публикаций была достаточно заметной (см. табл. 1).

Таблица 1

Доля российских публикаций в общем числе публикаций по отдельным научным направлениям

Научные направления	1999–2003		2004–2008	
	число статей	доля, %	число статей	доля, %
Физика	37796	9,68	34548	7,39
Науки о космосе	4143	7,66	4122	6,90
Науки о Земле	8677	8,07	9213	6,76
Химия	29498	6,15	28564	4,87
Математика	5638	5,68	5795	4,63
Науки о материалах	8078	4,73	7594	3,28

Составлено по: Global Research Report: Russia. Thomson Reuters. 2010.

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что уменьшение доли публикаций российских ученых вызвано не столько сокращением количества российских публикаций, сколько заметным ростом числа публикаций ученых других стран.

Публикационная активность российских научных организаций, отраженная в базе “Scopus”, представлена в таблице 2. Эта таблица составлена по докладу исследовательской группы SCImago (SIR 2009)[9], в которую вошли исследователи из Университета Гренады и Университета им. Карла III в Мадриде. В докладе дан перечень 2124 научных

[8] Global Research Report: Russia. Thomson Reuters. 2010.

[9] SCImago Institutions Ranking (SIR): 2009 World Report. http://www.scimagoir.com

Таблица 2

Российские научные организации, вошедшие в рейтинг SIR 2009, составленный по базе “Scopus”, за 2003–2007 гг.

Название организации	Номер в рейтинге	Количество публикаций	Среднее число ссылок на 1 публикацию	Доля публикаций с учеными других стран
Российская академия наук	3	84709	2,66	35,03
Московский госуниверситет	80	16173	2,97	36,11
Объединенный институт ядерных исследований	511	4371	4,51	76,18
Санкт-Петербургский госуниверситет	551	4093	2,4	39,24
Сибирское отделение РАМН	670	3305	2,75	21,24
Российский исследовательский центр (Курчатовский институт)	875	2407	3,9	51,89
Институт теоретической и экспериментальной физики	1176	1501	6,95	67,22
Казанский госуниверситет	1264	1319	2,29	37,07
Ростовский госуниверситет	1318	1222	2,12	29,46
Саратовский госуниверситет	1414	1057	1,76	25,83
Новосибирский госуниверситет	1446	1011	3,15	28,09
Институт физики высоких энергий	1526	895	8,9	70,95
Томский госуниверситет	1587	808	1,12	26,73
Воронежский госуниверситет	1632	762	1,07	15,75
Институт физической химии им. Карпова	1685	706	1,98	33,00
Московский физико-технологический институт	2091	347	1,44	38,33
Сумма публикаций 9 российских университетов		26792		

Составлено по: SCImago Institutions Ranking (SIR): 2009 World Report.

организаций из 84 стран мира. Научные организации в докладе SIR 2009 расположены в зависимости от количества их публикаций в 2003–2007 гг., отраженных в базе “Scopus”. Первое место занимает Национальный центр научных исследований (Франция), имеющий 120269 публикаций. На втором месте — Академия наук Китая (110981 публикация).

Третье место занимает Российская академия наук (84709 публикаций). Московский государственный университет находится на 80-м месте (16173 публикации), Санкт-Петербургский — на 551 месте (4093 публикации). В рейтинг из 2124 организаций вошли только 16 российских, из них 9 вузов с общей суммой публикаций 26792.

Данные о публикационной активности российских ученых, содержащиеся в двух крупнейших международных информационных системах, в последние годы активно используются в дискуссии о путях реформирования российской науки. При этом участники дискуссии часто по-разному интерпретируют имеющиеся данные. Так, данные доклада SIR 2009 использовались для обоснования наибольшей эффективности работы ученых из российских университетов по сравнению с институтами Российской академии наук[10]. При этом авторы статьи в «Эксперте», взяв данные из доклада SIR, скорректировали число публикаций российских вузов и институтов РАН. Рассчитанные ими показатели они включили в таблицу «Сопоставление РАН с сектором высшего образования России. Исключены публикации исследователей, совмещающих работу в РАН и вузах». Из самого названия таблицы видно, что для того, чтобы исключить исследователей, совмещающих работу в РАН и вузах, необходимо произвести перебор всех статей и выделить из числа авторов тех, кто работает на основной работе в системе РАН, и тех, кто работает в вузе, а в институте РАН имеет совмещение. Подобная работа по всем институтам РАН и вузам России чрезвычайно трудоемка и, вряд ли, была сделана для данной таблицы. Более того, сама природа основной единицы — статьи в журнале — не позволяет делать подобные операции. В статьях указываются, помимо фамилий авторов, те организации, в которых были проведены исследования. Даже если какой-либо ученый из института РАН является по совместительству преподавателем вуза, он может указать в статье название вуза только в том случае, если исследование было проведено в вузовской лаборатории. Если его исследование проводилось в лаборатории института РАН, он обязан в статье указать именно этот институт. К сожалению, в большинстве вузов России нет соответствующих лабораторий для проведения естественнонаучных исследований.

Таким образом, при использовании данных международных информационных систем нужно учитывать в первую очередь особенности

[10] *Гуриев С., Ливанов Д., Северинов К.* Шесть мифов Академии наук // Эксперт. 2009. № 48.

информации о научной статье как основной единице массива статистических данных. Кроме того нужно учитывать и технические особенности информации: различные варианты написания фамилий ученых и организаций, где проводились их исследования.

Природа показателей публикационной активности, в том числе цитат-индексов, создает еще несколько ограничений для их использования в качестве «объективных» показателей эффективности работы ученых и научных организаций. К первой группе таких ограничений следует отнести различные способы искусственного повышения индексов цитирования и импакт-факторов журналов. Если эти показатели признаны важнейшими и от них зависит финансирование, то ученые и издатели журналов всеми способами будут стремиться повысить их за счет взаимных ссылок и ссылок на статьи данного журнала. Примеры подобных действий приводятся в докладе «Статистики цитирования».

Вторая группа ограничений связана с содержанием самого цитирования. Не всегда большое количество ссылок на какую-либо статью означает, что статья эта содержит выдающиеся результаты. Иногда, наоборот, значительное число упоминаний какой-либо статьи связано с опровержением результатов, полученных автором этой статьи. Некоторые материалы, напечатанные в журнале (решения, принятые какими-либо научными собраниями, или обращения к ученым) могут также иметь значительное количество ссылок. А от количества ссылок на статьи журнала зависят все остальные показатели, в том числе импакт-факторы журналов. Нужно учесть, что ссылка на какую-либо работу может быть связана с описанием истории вопроса, а не с признанием важности научного результата цитируемого автора.

В разных областях науки сложились особые традиции цитирования. Это приводит к различиям импакт-фактора журналов, представляющих отдельные отрасли науки. В тех научных дисциплинах, в которых большинство ссылок выходит за пределы двухлетнего периода, импакт-факторы журналов будут намного ниже. Следовательно, никак нельзя сравнивать по этому показателю журналы разных дисциплин. Для небольших журналов средние показатели цитирования для разных годов могут сильно отличаться. Важен и язык, на котором издается журнал, что также нужно учитывать. Англоязычные журналы цитируются чаще, чем журналы на французском, немецком, японском или русском языках. Указанные обстоятельства особенно

важно учитывать при применении таких показателей как «индекс высококачественных публикаций» (QI).

Использование импакт-факторов журналов означает, что каждой статье в журнале приписываются свойства всего журнала. В докладе «Статистики цитирования» приводится пример, какой должна быть точная интерпретация при сравнении импакт-факторов двух математических журналов. Один из них опубликовал 1165 работ (более 25000 страниц) с числом цитирований одной статьи от 0 до 12. Среднее количество цитирований одной статьи равно 0,846, что, примерно, в два раза выше, чем у статей другого журнала. При сравнении двух исследователей, опубликовавших статьи в этих журналах, получается, что тот, кто опубликовал свою статью в журнале с бо̀льшим импакт-фактором, должен быть оценен в два раза выше. Но, на самом деле, нужно сравнить вероятности: какова вероятность того, что случайно выбранная статья из журнала с меньшим импакт-фактором будет хуже, чем случайно выбранная статья из журнала с бо̀льшим импакт-фактором. Вероятность равна 62%. То есть в 62% случаев статья из журнала с меньшим импакт-фактором будет не хуже, чем статья из журнала с бо̀льшим импакт-фактором. Приведенный пример показывает важность точного статистического анализа по сравнению с интуитивным представлением. Импакт-фактор в данном случае дает расплывчатую информацию и вводит в глубокое заблуждение.

Обосновывая свой индекс, Хирш писал: «Я утверждаю, что два человека, имеющие одинаковую величину, сопоставимы с точки зрения их научного вклада, даже если их общее число статей, или их общее число цитирований очень разные. И наоборот, из двух людей (одного и того же научного возраста) с одинаковым количеством работ или одинаковым количеством цитирований и сильно различающимися h-значениями тот, у которого h больше, вероятно, является ученым более высокого уровня»[11]. Но с точки зрения здравого смысла это не так. Могут существовать два ученых, у которых имеется 10 работ, на каждую из которых имеется по 10 ссылок, но при этом у одного из них есть еще 90 работ, на каждую из которых ссылаются по 9 раз. Можно предположить, или найти в действительности множество иных примеров, показывающих ограниченные возможности цитат-индекса.

[11] Цит. по: Игра в цифирь. С. 24.

Понимание ограничений применения цитат-индексов и других показателей публикационной активности не означает, что нужно отказаться от измерения труда ученых. Учет ограничений важен в тех случаях, когда этими индексами заменяется процедура экспертной оценки. Можно согласиться с авторами доклада, которые пришли к следующему выводу: «Кое-кто в научном сообществе обошелся бы вообще без статистик, основанных на цитированиях, цинично реагируя на прошлые злоупотребления, но это будет означать отказ от ценного инструмента. Статистики, основанные на цитировании, могут играть роль в оценке исследования при условии, что они используются правильно, интегрируются с осторожностью и составляют только часть процесса»[12]. Для российских условий это утверждение особенно верно. Бездумное применение показателей публикационной активности при управлении наукой в нашей стране может только усилить сложившиеся неблагоприятные тенденции.

[12] Там же. С. 12.

Л.В. Земнухова

ПОНЯТИЕ ОБЩНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ РАБОТНИКОВ IT

В рамках проводимого диссертационного исследования[1] работников сферы информационных технологий ключевую значимость приобретает определение понятия общности. Такая понятийная работа необходима для дальнейшей концептуализации исследуемого объекта. Понятие общности в социологии проделало длительный путь, поэтому для адекватного современным условиям определения профессиональной общности необходимо обратиться к эволюции понятия общности в социологии в целом.

Ключевые слова: понятие общности, профессиональная общность, информационные технологии, Gemeinschaft, Gesellschaft, communitarianism

Введение

В исследовании работников сферы информационных технологий необходимо учитывать особенности, влияющие на формирование этой профессиональной совокупности и функционирования их как социальной общности, то есть важно определить место и роль специалистов и профессионалов IT в современном российском обществе. В связи с возрастанием значения сетевого принципа организации общества и его отдельных элементов совокупность работников сферы информационных технологий целесообразно рассматривать в качестве общности, поскольку активное развитие IT и сильная внутренняя дифференциация представителей этой профессиональной области не позволяют отобразить четкую организационную структуру. В этом случае они могут быть объединены лишь профессиональным признаком. Однако вопрос определения самого понятия общности остается открытым, что затрудняет дальнейшую концептуализацию профессиональной общности работников сферы информационных технологий.

Понятие «общность» (community) в социологии проделало достаточно большой путь со времен Фердинанда Тённиса. И хотя смысл и содержание его не всегда имеют что-то общее с теми, которые вкладывал в Gemeinschaft Тённис, оно остается значимым как для теоретических построений, так и для прикладного использования. В русскоязычной

[1] Диссертационный проект представлен в аспирантской программе в секторе исследования социальной структуры СИ РАН.

традиции принято использование понятия «общности», оно и будет использоваться в данной работе.

Трудности с определением и использованием понятия общности связаны со многими факторами. Для начала необходимо учесть, по крайней мере, два из них. Во-первых, определенную роль играет языковой аспект. Попытки перевода понятий Gemeinschaft и Gesellschaft Тенниса сталкиваются с невозможностью передачи всех оттенков и нюансов. Впоследствии произошел отказ от использования понятий «общность» (или даже «община»), “community” в пользу немецкого Gemeinschaft, а также отказ от понятия «общество», “society” (или “association”) в пользу Gesellschaft. Таким образом, в данной работе немецкие термины будут использоваться без перевода, тогда как community в дальнейшем будет переведено как «общность» в данной статье и в диссертационном исследовании в целом.

Однако понятие общности представляет собой в определенном смысле открытую категорию, то есть легко наполняется новыми смыслами, измерениями, характеристиками. В основе его определения лежат разные принципы, так как его использование, в зависимости от контекста, служит разным целям. Слово, однажды введенное в научный словарь как основополагающее понятие, прочно заняло свое место, несмотря на то, что общего или универсального определения так и не сложилось.

Историю развития и становления понятия общности в социологии целесообразно начать именно с Тенниса и предложенной им дихотомии. Следующей важной задачей является изучение различных подходов к определению понятия общности в посттеннисовский период, пересмотра Gemeinschaft и построения новых концепций. Здесь также хотелось бы упомянуть такое направление в социальной теории, как коммунитаризм (communitarianism), поскольку его развитие связано с развитием понятия общности. Логическим завершением данной работы будет анализ современных тенденций в определении и использовании понятия общности. Предварительно можно сказать, что акцент будет сделан на понимании общности как социальной сети в связи с ее «популярностью» в социологии в целом. Таким образом, в соответствии с поставленными задачами работа поделена на три главы.

Прежде чем перейти к основной части, необходимо обратить внимание на одно существенное ограничение, которое учитывается в работе. «Общность» используется в узком смысле, то есть как тип организации людей, а не в смысле «общности» как разделяемых всеми ценностей, интересов и др.

Gemeinschaft как отправной пункт становления понятия «общность»

Противопоставление ключевых понятий социологии — общность/общество — Фердинанд Тённис представил в виде дихотомии Gemeinschaft/Gesellschaft, опубликовав в 1887 г. книгу с одноименным названием. Первоначальные попытки перевести его понятия, например, на английский и русский языки вызвали некоторые трудности, поэтому в мировой научной литературе предпочли оставлять их без перевода. В англоязычных работах первое часто переводится как community, тогда как для второго находится два варианта — society и association, однако ни одно из них не может передать полного смысла тённисовских понятий. В русской социологии Gesellschaft означает «общество», и затруднения возникли скорее с переводом Gemeinschaft, где предлагалось два варианта — «общность» и как «община» (конвенциональным стало первое из них). Почему возникла необходимость пересмотреть перевод этих понятий и в итоге оставить их без изменений? Действительно ли современный смысл понятия «общности» оказывается настолько у́же и упрощеннее, что «чистые», «формальные» категории Тённиса оказываются слишком нагруженными, чтобы выражать более простые сущности? Для ответа на эти вопросы необходимо обратиться непосредственно к концепции Тённиса.

Книга Тённиса «Gemeinschaft und Gesellschaft» стала ключевой и еще долгое время оставалась наиболее часто упоминаемой[2], хотя случилось это лишь пару десятков лет после ее первого выхода в свет. Эта работа оказала огромное влияние на социологию того времени не только в Германии, но и за ее пределами. Произошло это по двум причинам. Во-первых, в то время социология стала признанной дисциплиной в университетах Германии; во-вторых, «широкий круг интеллектуалов, политиков и молодежи отвергали происходящую в то время модернизацию Германии и пытались найти альтернативное видение социальной жизни»[3]. Одна из заслуг Тённиса в том, что он смог выявить слабости капиталистического общества, несмотря на пик его развития, что удавалось немногим[4]. Работа Тённиса имеет и

[2] *Wirth L.* The Sociology of Ferdinand Tonnies // The American Journal of Sociology. 1926. Vol. 32. No. 3 (Nov.). P. 412–422. URL: http://www.jstor.org/stable/2765542

[3] *Samples J.* Introduction to the Transaction Edition In F. Tonnies Community and Society (Gemeinschaft und Gesellschaft). New Jersey : Transaction Publisher, 1993.

[4] *Sorokin P.* Preface to F. Tonnies Community and Society (Gemeinschaft und Gesellschaft). New Jersey : Transaction Publisher, 1993.

теоретическую, и практическую значимость, что заставляет вновь и вновь обращаться к его концепции.

Фундаментальная дихотомия Gemeinschaft/Gesellschaft в целом основана на различении типов организации людей. Первый тип характеризует натуральные, органические группы, второй имеет дело с искусственными, сознательными и намеренными группировками[5]. Проведение различия между ними носит жесткий характер, однако сами эти типы не встречаются в реальности в чистом виде. Таким образом, эти категории являются «идеальными», и должны использоваться как аналитические; более того, они не являются классифицирующими понятиями[6]. В понятии Gemeinschaft заложено понимание ее как природной, органической формации, а в понятии Gesellschaft — искусственной или телеологической[7]. Это разделение нужно Тённису для обозначения основных процессов и противоречий, сложившихся в современном ему мире. Такое двустороннее понимание социальной жизни необходимо для признания полноты человеческого опыта. Все же оценить то значения, которое Тённис придавал этим понятиям, возможно лишь при условии понимания логики его социологической теории.

Попробуем кратко изложить его логику. Разделение Gemeinschaft/Gesellschaft связано с различением общей и специальной социологии, первая и которых изучает социальную жизнь человека в любой форме с точки зрения науки[8]. Специальная социология подразделяется на три дисциплины, которые различаются своими эпистемологическими аспектами и методами[9]: чистая социология (конструктивная, или теоретическая), прикладная социология (дедуктивная) и эмпирическая социология (индуктивная, или социография). Gemeinschaft/Gesellschaft находят свое место в области чистой социологии наряду с другими учениями (studies) такими, как о взаимоотношениях и структурах; о социальных нормах, формирующих содержание форм социальных реальностей; о социальных ценностях, присущих социальным реальностям или социальным формам; о констелляциях отношений,

---

[5] *Wirth L.* Op. cit.

[6] *Heberle R.* The Sociology of Ferdinand Tönnies // American Sociological Review. 1937. Vol. 2. No 1 (Feb.). P. 9–25. URL: http://www.jstor.org/stable/2084562

[7] *Tonnies F.* Community and Society (Gemeinschaft und Gesellschaft). New Jersey : Transaction Publisher, 1993.

[8] Ibid.

[9] *Heberle R.* Op. cit.

возникающих из взаимодействия между различными социальными реальностями и структурными формами[10].

Понятия Gemeinschaft/Gesellschaft основаны на двух хорошо различимых типах воль[11]. Gemeinschaft возникает на основе того, что связано с инстинктами, эмоциями и привычками/традициями; и здесь преобладает «природная», зависящая от характера индивида воля — Wesenwillen («сущностная воля»). Gesellschaft основано на господстве взвешенного и сознательного выбора над склонностями, заложенными в человеческой природе; искусственная, концептуальная воля Kürwillen («рассудочная воля»)[12]. Итак, обычаи и традиции соотносятся и возникают из того типа ситуации, который различается в качестве Gemeinschaft, а воля и мышление основано и развиваются из привычек и традиций, соотносящихся с Gesellschaft[13].

Философская нагруженность, историческая обусловленность и фундаментальная проработанность теории Тённиса оставили свой значимый след в истории социологии, но сделали его терминологический аппарат непригодным для непосредственного использования. Возникают сложности и с использованием Gemeinschaft как самостоятельной категории. С одной стороны, Тённис приводит примеры такого типа организации (домохозяйство, соседская общность, средневековый город), которые поддаются анализу, несмотря на то, что с тех пор эти формы претерпели изменения. С другой стороны, оно теряет смысл в отрыве от дихотомии.

Communitarianism и другие направления развития проблематики общности

В связи с развитием индустриализации и урбанизации, ростом капитализма, которые оказывают разрушающее воздействие на традиционный социальный порядок, возрастает внимание исследователей к трансформациям общности и общинной жизни. Общность в этих условиях рассматривается в качестве формы социальной организации людей, обеспечивающих своеобразную защиту от разрушительного воздействия. «Что бы ни означало слово “общность”, хорошо “иметь

[10] *Wirth L.* Op. cit.
[11] *Tonnies F.* Op. cit.
[12] Ibid.
[13] *Wirth L.* Op. cit.

общность", "быть в общности"»[14]. Однако определение понятия общности в социологии проблематично. И это связано не только с наследием Тённиса и трудностями использования Gemeinschaft. Выявить другие причины можно, обратившись к примерам использования понятия общности.

В мышлении и исследованиях социальных ученых после Тённиса стали доминировать две модели локальной общности[15], представленные работами социологов и антропологов Чикагской школы. Первая модель — линейного (linear) развития, когда линейное увеличение численности населения и плотности человеческих общностей становятся первичными экзогенными факторами влияния на образцы человеческого поведения. Истоки этой модели обнаруживаются в идее Тённиса о трансформации общества Gemeinschaft в Gesellschaft, где происходит замена общинной базы (communal) на ассоциативную (associational)[16]. Работы Л. Уирта послужили толчком к современной формулировке этой модели[17]. Основная идея его заключается в том, что урбанистическое общество характеризуется возросшей численностью населения, плотностью поселения, гетерогенностью групповой жизни; в то же время связи родства ослабляются, и социальная значимость местных общностей спадает.

Второй лагерь представляют У. Томас, Р. Парк и Э. Берджес[18]. Локальная общность — это не «остаток» (residue), а социальная конструкция, которая имела собственный жизненный цикл и отражала экологические, институциональные и нормативные переменные. Эта альтернативная модель общности названа системной моделью[19]. Системная модель частично основана на исторических и антропологических материалах, которые ставят под вопрос существование Gemeinschaft в доиндустриальных обществах из-за их внутренней прерывности, сложности и зависимости от бюрократических или ассоциационных институтов. Кроме того, в существенных аспектах теоретические формулировки Тённиса и его последователей являются

[14] *Bauman Z.* Community: Seeking Safety in an Insecure World. UK : Polity, 2003.

[15] *Kasarda J. D., Janowitz M.* Community Attachment in Mass Society // American Sociological Review. 1974. Vol. 39. No. 3 (Jun.). P. 328–339. URL: http://www.jstor.org/stable/2094293

[16] Ibid.

[17] *Wirth L.* Op. cit.

[18] *Park R.E., Burgess E.W.* Introduction to the Science of Sociology. Chicago : University of Chicago Press, 1972.

[19] *Kasarda J. D., Janowitz M.* Op. cit.

недостаточными и тавтологичными, тем самым служат слабым основанием для эмпирических исследований. Фундаментальная проблема подхода Gemeinschaft/ Gesellschaft в том, что он не объясняет границ и форм организации общности в современном обществе[20]. В этой системной модели организация общности трактуется как необходимый аспект массового общества. Общность — географически обусловленная общность — устанавливает рассеянные границы и выражает разную интенсивность и охват участников. Можно определить «социальную фабрику общностей» в системных терминах, фокусируясь на местных социальных связях и абстрагируясь от тех отношений, которые напрямую связаны с системой занятости[21].

Итак, проблема определения общности связана с трансформациями в тех областях, на которые обращают внимание социологи в тот или иной исторический период. Это важно в связи с тем, что если изменения происходят в системах, частью которых являются общности, это приводит к ослаблению согласованности и автономности последних. Такие трансформации могут быть исследованы не только в контексте возрастающих системных (systemic) отношений к обществу, но и в контексте разделения труда, дифференциации интересов, бюрократизации и имперсонализации, переходе функций к коммерческим предприятиям и государству, урбанизации и субурбанизации, ценностных изменений[22]. В зависимости от того, какая сфера рассматривается, возможна различная «наполнение» понятия общности.

Дж. Хиллери провел контент-анализ 94 определений общности в социологической литературе и обнаружил лишь три единых составляющих определения — социальное взаимодействие между людьми, одна или более разделяемая связь, территориальный (area) контекст[23]. Так, общность используется в качестве «термина, который применяется к обществам и социальным группам, когда они рассматриваются с точки зрения географического расположения индивидов и институтов, из которых состоят»[24]. Общность может быть лишь одной из си-

[20] Ibid.

[21] Ibid.

[22] *Warren R.* The Community in America. Chicago : Rand McNally, 1978. URL: http://www.questia.com/library/book/the-community-in-america-by-roland-l-warren.jsp

[23] *Hillery G. A., Jr.* Definitions of Community: Areas of Agreement // Rural Sociology. 1955. No. 20. P. 111–123.

[24] *Park R.E., Burgess E.W.* Introduction to the Science of Sociology.

стем, созданных людьми на определенной территории[25]. Для понимания понятия общности, согласно Ч. Хофферу, необходимы три идеи: во-первых, общность — это человеческая группа; во-вторых, эти люди обладают общим опытом и деятельностью; в-третьих, общность занимает определенную территорию[26].

При этом, согласно Хиллери, территориальный аспект является наименее обязательным из всех. Он приходит к выводу о том, что территория не является ни необходимым, ни достаточным условием для определения существования общности. Таким образом, «территориальный контекст не так важен там, где существуют социальные сети для поддержания качества Gemeinschaft во взаимодействии и ассоциации»[27]. Общность существует тогда, когда сосуществуют четыре элемента — членство, влияние, интеграция и удовлетворение потребностей, и разделяемые эмоциональные связи. Общности могут быть определяемы не только в терминах территории, но и в терминах отношения, поскольку эти четыре элемента присутствуют вместе[28]. Под общностью подразумевается «любая сфера общественной жизни» (any circle of common life), участники которой «более или менее свободно относят себя друг к другу в различных аспектах жизни, и наделены общими социальными характеристиками»[29].

Основная функция общности — укрепление личностей (character) его членов[30]. Это достигается «моральным голосом» общности, неформальной санкцией других, построенной на паутине неформальных влияющих отношений, которые обеспечивает общность. В целом, чем слабее общность, тем тоньше социальная связи и слабее моральный голос. Такой видится роль общности представителям коммунитаристского направления. Один из его типов — «ответный» (responsive) коммунитаризм — основан на допущении о том, что общества имеют

---

[25] *Hiller E. T.* The Community as a Social Group // American Sociological Review. 1941. Vol. 6. No. 2 (Apr.). P. 189–202. URL: http://www.jstor.org/stable/2085549

[26] *Hoffer C. R.* Understanding the Community // The American Journal of Sociology. 1931. Vol. 36. No. 4 (Jan.). P. 616–624. URL: http://www.jstor.org/stable/2767166

[27] *Hillery G. A., Jr.* Op. cit.

[28] *McMillan D., Chavis D.* Sense of Community: A Definition and Theory // Journal of Community Psychology. 1986. No.14. P. 6–23. URL: http://www.arts.manchester.ac.uk/cla/projects/constantinesdream/events/hawardenmaterial/session%205%20files/fileuploadmax10mb,169310,en.pdf

[29] *MacIver R.M.* The Elements of Social Science. 5th ed. L. : Methuen, 1931.

[30] *Etzioni A.* New Communitarian Thinking. Charlottesville, Va.: The University of Virginia Press, 1995.

разнообразные ценности и нужды. И вопрос, который стоит перед социологией в этом случае — как создать общество, которое защищает своих членов друг от друга и делает это, не подавляя их[31].

Общность является одной из четырех социальных формаций наряду с семьей, школой и «общностью общностей», на которых держится моральная инфраструктура «хорошего общества» (good society). «Хорошее общество» означает гармонию между свободой и социальным порядком, между индивидуальными правами и социальными обязанностями, между частными и общественными ценностями и связями. Школы и семьи, воспитывающие личности, а также общности, где социальные связи крепки и «моральный голос» обозначен четко, образуют общество, способное основать социальный порядок на моральном обязательстве, а не силами государства. Однако пока общности связаны социально и морально в более широкой совокупности, они могут воевать между собой, поэтому необходима общность общностей, общество[32].

Истоки коммунитаризма находят в идеях Ф. Тённиса и в работах, например, Э. Дюркгейма, Дж.Г. Мида, а также Р. Парка, У. Корнхаузера и Р. Нисбета. Коммунитаристские термины стали частью общественного словаря в 1990-х. Различают авторитарный, политический теоретический и ответный (responsive) коммунитаризм на основании нормативных отношений между социальным порядком и свободой, отношений между общностью и индивидом. Для первого характерно для поддержания социального порядка и гармонии, права и политические свободы индивида должна быть урезаны. Второй тип ассоциируется с именами Ч. Тэйлора, М. Сандела и М. Вальцера (хотя никто из них напрямую не употребляется термин), которые критиковали либерализм за неспособность понять, что люди социально «расположены» или контекстуализированы, и за предпочтение индивидуальных интересов в ущерб всеобщего блага[33]. Ответный (responsive) коммунитаризм основал А. Этциони в начале 1990-х в виде «школы» или социального движения, социологи играли там ключевую роль. В частности, к основаниям этого коммунитаризма привели работы Ф. Селзника, Р. Белла, А. Этциони, а работа Селзника “The moral commonwealth”[34]

[31] Ibid.
[32] Ibid.
[33] Ibid.
[34] *Selznick P.* The Moral Commonwealth. Berkeley : University of California Press, 1992.

стала ключевой в формировании сильной интеллектуальной основы для нового коммунитарного течения мысли и представляет собой интеграцию моральной и социальной теории в синтезе «коммунитарного либерализма»[35].

Коммунитаристы справляются с критикой использования «расплывчатого» понятия общности, и могут дать ответы на многие вопросы, касающиеся самого понятия общности. Согласно коммунитаристам, общность может быть определена как комбинация трех элементов: (1) сеть эмоционально-насыщенных (affect-laden) отношений между группами индивидов, отношениями, которые часто пересекаются и усиливают друг друга; (2) мера обязательств по отношению к набору разделяемых ценностей, норм и значений, и разделяемой историей и идентичностью с конкретной культурой; (3) общности характеризуются относительно высоким уровнем ответственности. Общности не обязательно должны быть географически определены, члены могут быть рассеяны среди не-членов. Общности должны уважать законы общества, в котором они расположены, но создают определенную степень гомогенности и желание людей быть с другими такого же рода[36].

Кроме коммунитаристского направления, на базе изменения роли общности развивается метод исследования общности (Community-Study Method)[37]. Хотелось бы не останавливаться на нем подробно, так как в диссертационном исследовании применяться он не будет. Общности рассматриваются как структурные единицы культурной и социальной организации и передачи. С помощью этого метода проблемы природы, взаимосвязей, динамика поведения и отношений исследуются в сравнении или в окружении поведения и отношений других индивидов, создающих жизнь конкретной общности[38]. Методологический инструментарий включает системный анализ, анализ взаимодействий, анализ событий. Community study — это метод социальных наук, который «подвергся экстенсивной трансформации с его начала, и несколько отошел от традиционного использования таких понятий, как структура, функция, роль»[39].

---

[35] *Etzioni A.* Op. cit.

[36] Ibid.

[37] *Arensberg C. M.* The Community-Study Method // The American Journal of Sociology. 1954. Vol. 60. No. 2 (Sep.). P. 109–124. URL: http://www.jstor.org/stable/2771896

[38] Ibid.

[39] Ibid.

Понятие «общности» в современной социологии

К настоящему времени сложилось три варианта отношения к понятию общности, и, как следствие, места общности в обществе: «потерянная» (lost) общность[40], «спасенная» (saved) общность[41], «освобожденная» (liberated) общность[42]. Традиционные теории в большей степени подчеркивают ослабление общностей. «Проблема с общностью» (the trouble with community) — теоретический концепт. Выражения общности не предоставляют готовую социальную единицу для анализа, они всегда требуют скептического изучения[43]. Главная проблема общности (community question) — как структура широкомасштабных социальных систем влияют на строение, структуру и содержание межличностных отношений; и наоборот: как персональные связи влияют на широкомасштабные социальные системы, в которые они встроены[44].

Новые исследования демонстрируют силу и важность неформальных связей и первичных групп на уровне повседневного обмена, взаимной помощи, эмоциональной поддержки и нормативного контроля[45]. Общности не исчезли; более того, они выжили в форме географических разбросанных персональных общностей — персональных сетях[46].

С возникновением необходимости изучать комплексные социальные феномены в целом, и социальные изменения, в частности, произошел пересмотр методов анализа. Теперь исследования человеческого поведения в общем социальном контексте, расширение границ, объединение различных уровней анализа стали возможными благодаря использованию социальной сети в качестве поля взаимо-

---

[40] *Wirth L.* Urbanism as a Way of Life // American Journal of Sociology. 1938. No. 44 (July). P. 3–24. URL: http://www.jstor.org/stable/2768119

[41] *Bahr H. M., Caplow T., Chadwick B. A.* Middletown III: Problems of Replication, Longitudinal Measurement, and Triangulation // Annual Review of Sociology. 1983. No 9. P. 249–258. URL: http://82.179.249.32:2548/ehost/pdfviewer/pdfviewer?hid=122&sid=63c7ac98-5-c8b-4c2d-a79f-a8dac6577a77%40sessionmgr111&vid=5

[42] *Wellman B., Leighton B.* Networks, Neighborhoods, and Community: Approaches to the Study of the Community Question // Urban Affairs Quarterly. 1979. No 14 (3). P. 363–390. URL: http://uar.sagepub.com/content/14/3/363

[43] *Amit V.* Anthropology and Community: Some Opening Notes // Amit V., Rapport N. The Trouble with Community. London : Pluto Press, 2002. P. 13–25.

[44] *Wellman B.*, *Leighton B.* Op. cit.

[45] *Bott E.* Family and Social Networks. London : Tavistock, 1957.

[46] *Pahl R.* Are all Communities Communities in the Mind? // Sociological Review. 2005. No 53 (4). P. 621–640. URL: http://82.179.249.32:2548/ehost/pdfviewer/pdfviewer?hid=122&sid=f25b5852-9c51-4bcd-be4e-6777f780496e%40sessionmgr113&vid=1

действия, которое, с одной стороны, оставляет индивида в центре этих процессов, с другой — не содержит ни элементов, ни границ. Сеть формируется узами дружбы, родства, знакомств; она подвижна и не обязательно вовлекает всех участников во всеобщее взаимодействие; она распространяется поверх границ, которые больше не определяются географически; она подразумевает чувство принадлежности, коллективной идентичности и круг (circuit) солидарности[47].

В отличие от теорий, которые предполагали разрыв межличностных связей и изоляцию семьи в современной городской реальности с растущей дезинтеграцией и отчуждением индивида в массовом обществе, сетевые аналитики достаточно обосновали необходимость и устойчивость межличностных отношений даже в современном метрополисе и их важность в передаче информации и обеспечении материальной и эмоциональной поддержки членам группы[48]. Общность рассматривается как сеть взаимоотношений за пределами семьи, без заведомого их ограничения рамками поселения ее членов, характера отношений с индивидом, находящимся в центре системы[49].

В антропологии общность — территориальная единица, связанная и состоящая из стабильных групп и институтов. Но такое понимание не позволяет применять эту категорию для анализа комплексных, сложных общностей[50]. Общность — это не «место», а сеть значимых социальных отношений с друзьями, соседями, родственниками, коллегами, которое не обязательно принадлежит единой территориальной единице[51]. В классической социологии понятие общности относилось к социальным отношениям, которые включали индивида — солидарность, основанная на родстве/похожести (kinship) и общего проживания, разделяемые чувства, спонтанное желание объединиться. Личные связи анализируются не только в терминах межличностной коммуникации, но и в отношении множества макро-феноменов, таких как социальная мобильность, рынок труда, эмиграция, экономическая и

---

[47] *Barnes J. A.* Class and Committees in Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. No 7. P. 39–58. URL: http://82.179.249.32:2416/content/7/1/39.full.pdf+html; Social Networks in Urban Situations: Analyses of Personal Relationships in Central African Towns / J.C. Mitchel (ed.). Manchester, UK : Manchester University Press, 1969.

[48] *Piselli F.* Communities, Places, and Social Networks // American Behavioral Scientist. 2007. Vol. 50. No 7 (March). P. 867–878. URL: http://abs.sagepub.com/content/50/7/867

[49] *Уэллман Б.* Место родственников в системе личных связей // Социологические исследования. 2000. №6. С. 78–87.

[50] *Piselli F.* Communities, Places, and Social Networks.

[51] Ibid.

политическая организация[52]. Общность — не окруженное и изолированное место. Это набор значимых социальных отношений, которые постоянно определяются и переопределяются территориальным измерением, и которые связывают (weave) экономическое и политическое измерения вместе. Сетевой подход позволяет анализировать как внешние, так и внутренние связи, которые продлеваются за пределы границ групп и мест[53]. Исследование общностей с точки зрения сетевого подхода: место исследование — это не объект исследования[54].

Выводы

Понятие общности в социологии заняло свое прочное место, несмотря на трудности с его определением. Его история началась с дихотомии общность/общество, Gemeinschaft/Gesellschaft, но с тех пор роль и функция пересматривались, видоизменялись, понятие обрастало новыми значениями. То, что по замыслу Тённиса должно было стать «чистой» категорией, потеряло свой первоначальный смысл и стало более гибким к требованиям современной науки. «Социология общности» имеет дело с широким кругом вопросов, будь то функции и задачи общности и общества, социально-экономические основы социальной структуры, процессы трансформации, проблемы адаптации и устойчивости к изменениям. Коммунитаризм как одно из направлений, придающих большое значение роли и функциям общностей, определяет их с позиции необходимых элементов, поддерживающих стабильность (в частности моральную) общества.

Различные подходы к определению, попытки классификации и трудности с поиском единого значения демонстрируют сложность использования этого понятия в социологии. Однако эта ситуация дает возможность «конструирования» в зависимости от целей исследования или задач теории, что тоже иногда не лишено смысла. Так, в случае применения его к нашему объекту — профессиональной общности работников сферы информационных технологий — его возможно реконструировать с помощью, например, ресурсного подхода[55].

---

[52] Ibid.

[53] Ibid.

[54] *Wellman B., Leighton B.* Op. cit.

[55] Например: *Земнухова Л.В.* Работники сферы информационных технологий как профессиональная общность в современном обществе / Петербургская социология сегодня : Сб. науч. тр. Социологического ин-та РАН. СПб., 2010.

Относительно стабильных характеристик общности можно сказать только, что в социологии это понятие в первую очередь означает объединение людей. Но это объединение не спонтанно, а происходит по какому-либо признаку. Что еще важно для определения общности — существование какой-либо взаимосвязи, которая бы «сообщала» своим членам о принадлежности к этой общности. Возможно, поэтому гибкое и открытое понятие общности является подходящим для анализа стремительных изменений, происходящих в обществе практически любого периода, и позволяет дать ответы на те вопросы и проблемы, с которыми не справляются сложные и стабильные теории и концепции. Понятие общности, и особенно тот смысл, который в него вкладывают исследователи, отражает «дух времени».

МЕТОДЫ АНАЛИЗА ДАННЫХ

Г.В. Каныгин

КОНТЕКСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ КАЧЕСТВЕННЫХ ДАННЫХ

В статье изложены методы контекстно-ориентированной концептуализации, представляющие собой результат структурного совершенствования функций кодирования и реконструирования данных, лежащих в основе компьютерных методов анализа качественной информации. Базовой единицей концептуализации служит аналитический код, выражающий собой конструктивные свойства социологических понятий, присущие им до прохождения процедуры операционализации. Коды связываются между собой аналитиком в виде множества их простейших изменений, имеющих одну и ту же структуру, позволяющую учитывать контекстную зависимость кодов. Коды и их контекстно зависимые изменения накапливаются в едином тезаурусе, создаваемом аналитиком в человеко-машинном режиме.

Целью концептуализации служит создание явной структуры переходов от терминов, которые вводит аналитик ad hoc, к общепринятым понятиям. Аналитик не имеет инструментов, позволяющих ему выразить концептуальный переход в виде единой структуры непосредственно. Единые структуры связности терминов генерируются с помощью специально разработанных алгоритмов, работающих как инструменты анализа текущего состояния тезауруса и контроля связности результатов концептуализации. Представлена концептуализация текстового свидетельства информанта, выполненная автором с помощью созданного им компьютерного пакета, воплощающего собой контекстно-ориентированные структуры и алгоритмы.

Ключевые слова: компьютеризированный анализ качественных данных, контекстно-ориентированный подход, концептуализация социологической информации, качественное социологическое исследование

Введение

В 1991 году Н. Филдинг и Р. Ли предложили термин «компьютерно ассистируемый анализ качественных данных» (Computer Assisted Qualitative Data AnalysiS, CAQDAS) с целью обозначения предметной области своего сетевого проекта[1]. Современный компьютерно ассистируемый анализ качественных данных является методологической исследовательской областью, объединяющей ученых многих стран[2]. В данной работе в качестве русскоязычного синонима используется словосочетание *анализ качественных данных* (АКД). АКД представлен множеством компьютерных пакетов, в том числе: Atlas.ti, MAXQDA, NVivo, xSight, Qualrus, Ethnograph[3] и др.

Эти пакеты представляют собой класс компьютерных программ, которые, согласно У. Келле, включают в свою архитектуру специальные структуры, называемые функциями кодирования и реконструирования [качественных, нечисловых] данных (coding and retrieval functions)[4]. Функции кодирования и реконструирования данных (ФКР) представляют собой компьютерный инструмент (tool), используемый в человеко-машинном режиме и ассистирующий пользователю при изучении данных, представленных в так называемых нечисловых форматах — видео, текст, аудио и др. В основе ассистирования лежит аппарат аналитических переобозначений, называемых кодами, введение и связывание которых между собой осуществляется самим пользователем. ФКР берут свое начало в действиях социолога, которые он осуществляет в ходе полевых социологических исследований при осмыслении свидетельств информантов[5].

---

[1] *Gibb G.R., Friese S., Mangabeira W.C.* The Use of New Technology in Qualitative Research. Introduction to Issue 3(2) of *FQS* [35 paragraphs]. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*. 2002. May [On-line Journal]. Vol. 3(2). URL: http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/2-02/2-02hrsg-e.htm

[2] См. например, http://en.wikipedia.org/wiki/Computer_Assisted_Qualitative_Data_Analysis_Software и http://onlineqda.hud.ac.uk/index.php (дата обращения 15.04.2011).

[3] URL: http://www.atlasti.com/, http://www.maxqda.com/, http://www.qsrinternational.com/products_nvivo.aspx, http://www.qsrinternational.com/products_xsight.aspx, http://www.ideaworks.com/qualrus/index.html, http://www.qualisresearch.com/ (дата обращения 15.04.2011).

[4] *Kelle U.* Theory Building in Qualitative Research and Computer Programs for the Management of Textual Data // *Sociological Research Online*. 1997. Vol. 2. No 2. URL: http://www.socresonline.org.uk/2/2/1.html (дата обращения 05.04.2008).

[5] Примеры можно найти по адресу http://onlineqda.hud.ac.uk/Intro_QDA/coding_examples.php (дата считывания 15.04.2011).

С момента своего появления в виде компьютерного инструмента ФКР прошли несколько стадий своего развития[6]. Традицией АКД является сравнительный анализ этих функций, представленных в разных пакетах, с целью ознакомления социальных исследователей с многообразными современными методами, позволяющими сделать исследование качественных данных более наглядным и убедительным[7]. В наиболее совершенном виде ФКР представлены в пакетах, которые получили название компьютерных средств построения теорий (theory building software) [8]. Английская исследовательница А. Льюинс предлагает различать в ФКР отдельные составляющие. В том числе инструменты (tools) — поиска контента (content searching), связывания (linking), кодирования (coding), запросов (query), пояснений и аннотаций (writing and annotation), визуализации в виде графов (mapping or networking)[9].

Выполненные сравнительные исследования реализаций функции кодирования в современных пакетах позволяют увидеть аналитическое своеобразие этих функций. ФКР не существуют в виде аналитической формулы или однозначно определенной структуры. Например, как синус y = sin(x) или бинарное дерево. Каждый компьютерный пакет (Atlas.ti, xSight, maxQDA и др.) предлагает свое версию функций кодирования. Исходя из общего определения функциональной зависимости, эти версии различаются в трех основных аспектах. Во-первых, областью определения, т. е. форматом нечисловых данных, которые подвергаются преобразованию с помощью ФКР. Во-вторых, областью значений функций кодирования, т. е. кодами различных типов (активными, выполняемыми, аннотациями и т. д.). В-третьих, структурными отношениями, которые устанавливаются между кодами с помощью функций кодирования. Эти отношения могут быть представлены в виде деревьев, сетей, списков и др.

---

[6] *Mangabeira W.C.* Computer Assistance, Qualitative Analysis and Model Building // Information Technology for the Social Scientist / Raymond M. Lee (ed.). London: UCL Press, 1995. P. 129–146; *Gibbs G.R.*, *Friese S.*, *Mangabeira W.C.* The Use of New Technology in Qualitative Research. Introduction to Issue 3(2) of *FQS* : *Forum Qualitative Sozialforschung // Qualitative Social Research*. 2002. May. Vol. 3(2). URL: http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/2-02/2-02hrsg-e.htm

[7] *Tesch R.* Qualitative Research: Analysis types and software tools. N. Y. : Taylor & Francis Ltd, 1990; *Lewins A.* () Using Qualitative Software: A Step-by-Step Guide / Silver C. London: Sage publications, 2007.

[8] URL: http://onlineqda.hud.ac.uk/Intro_CAQDAS/what_packages_are_available/theory_building_software.php

[9] URL: http://www.surrey.ac.uk/sociology/research/researchcentres/caqdas

Структурный аппарат АКД, т. е. ФКР, служит конструктивной основой многих методологических направлений современного качественного исследования[10]. Особо следует отметить, что АКД часто рассматривается в качестве инструментального аппарата исследований, основанных на методологии grounded theory[11]. Прикладная применимость компьютерных пакетов АКД постоянно подчеркивается их разработчиками. Например, на сайте пакета Atlas.ti можно видеть длинный список организаций, которые используют этот пакет в своей работе.

Как свидетельствуют современные исследователи, занятые в прикладных проектах[12], пакеты анализа нечисловой информации успешно применяются при управлении и визуализации нечисловых данных больших объемов. Однако существуют прикладные задачи, в которых применение обсуждаемых пакетов встречает серьезные трудности. Например, в случае дискурсного анализа текстовых сообщений функции кодирования вряд ли помогут исследователю [ibid .].

Подобные трудности наталкивают на мысль о необходимости совершенствования структурного аппарата кодирования, реализованного в современных пакетах. В поисках источников такого совершенствования рассмотрим критические замечания социологов, обращающихся к указанным пакетам в своей работе. Основываясь на своем опыте работы с пакетом NUD*IST, К. МакМиллан и С. МакЛахан утверждают, что с его помощью им не удалось удовлетворительно воспроизвести в контексте качественного исследования свое общенаучное представление о теории[13]. С. Барри обращает внимание на «безликость» (homogeneity) компьютерных методов как недостаток в качестве инструмента гуманитарного проекта[14]. С. Торн называет

---

[10] В этом можно убедиться по адресу http://onlineqda.hud.ac.uk/methodologies.php

[11] *Charmaz K.* Grounded Theory: Objectivist and Constructive Methods / Norman K. Denzin & Yvonna S. Lincoln (eds.) // Handbook of Qualitative Research. 2nd edition. Thousand Oaks, Ca.: Sage, 2000. P. 509–535; *Bringer J.D.* Using Computer-Assisted Qualitative Data Analysis Software to Develop a Grounded Theory Project / Johnston, L.H., Brackenridge, C.H. // Field Methods. August 2006. 18. P. 245–266.

[12] Например, *MacMillan K.* Theory-Building with Nud*Ist: Using Computer Assisted Qualitative Analysis in a Media Case Study // Sociological Research Online. 1999. Vol. 4. №. 2. URL: http://www.socresonline.org.uk/4/2/macmillan_mclachlan.html

[13] Ibid.

[14] *Barry C.A.* Choosing Qualitative Data Analysis Software: Atlas/ti and Nudist Compared / Sociological Research Online. 1998. Vol. 3. No. 3 [2.1]. URL: http://www.socresonline.org.uk/3/3/4.html (дата обращения 01.06.2006).

АКД «наиболее запутанной и таинственной (complex and mysterious) частью всего качественного исследования»[15]. Дополнительные суждения по вопросам применения пакетов АКД в качественном социологическом исследовании могут быть найдены в Интернете[16].

Пытаясь кратко резюмировать высказанные замечания, заметим, что, несмотря на их терминологические несходства, они имеют одну общую черту. Высказанная критика не позволяет понять, каким образом следует структурно усовершенствовать функции кодирования. Например, разъяснение К. МакМиллан и С. МакЛахан, в котором они обращаются к общенаучному толкованию термина «теория», не позволяет понять, как именно реализовать это толкование в составе аппарат кодирования.

Аналогичная черта может быть увидена в теоретических разработках в области качественного исследования, которые также обращаются к анализу нечисловых данных. Так, К. Чармас развивает конструктивистское направление grounded theory[17]. Создавая свои теоретические конструкции, американская исследовательница, объясняет процесс преобразования кода в категорию (ibid .). В контексте объяснения становится понятным, что различие между кодом и категорией состоит не только в естественнозыковых коннотациях использованных слов. Код — это структурная единица, программно в пакете. Категория — это вербальная конструкция, дистанцированная от кода и предназначенная для выражения «сугубо человеческого» понимания исследуемого случая. Таким образом код имеет структурное выражение, а категория — это вербально обозначенное кредо исследователя. К сожалению, естественно языковое понимание, в рамках которого остается термин «категория», не позволяет использовать теоретические рассуждения для целей совершенствования структурного аппарата АКД.

Можно сказать, что как прикладные исследователи, так и социальные теоретики, опирающиеся в своих рассуждениях на аппарат ФКР, не идут в аналитических предложениях дальше заимствования существующих структурных моделей и методов, предлагаемых современными пакетами АКД. Подобная сложившаяся методологическая

[15] *Thorne S.* Data analysis in qualitative research // Evidence Based Nursing. 2000. № 3. P. 68–70.

[16] Например, по адресу http://onlineqda.hud.ac.uk/Intro_CAQDAS/software_debates.php

[17] *Charmaz K.* Op. cit; *Bringer J.D.* Op. cit.

практика не позволяет сформулировать оригинальные конструктивные предложения, которые могли бы быть положены в основу структурного совершенствования ФКР.

Отдельно упомянем о неформальных обоснованиях существующих методов АКД, которые формулируются разработчиками программного обеспечения. Дж. Зейдель видит программу Ethnograph как инструмент, ассистирующий при выполнении «общенаучных» действий — «наблюдения», «обобщения» и «размышления» (noticing, collecting, thinking). А. Куккарц и У. Куккарц считают, что их пакет MAXqda построен на веберовском представлении об идеальном типе. С точки зрения Г. Хубера, пакет AQAUD[18] призван выразить взгляды К. Поппера, перенесенные в контекст качественного исследования. Не вызывает сомнения, что подобные обоснования правомерны ввиду самого существования пакетов, нашедших мировое признание. Однако стоит обратить внимание, что подобные обоснования, как правило, возникают post factum, а их общий результат известен заранее — функции кодирования.

Суммируя сделанный краткий обзор компьютерных средств АКД и ситуаций их применения, можно высказать суждение, их структурное развитие не является ответом на исследовательские вызовы, возникшие в области прикладной или теоретической социологии. На мой взгляд, источник такого развития следует искать в области информатики, которая лежит вне области научных проблем социологии. В пользу такого суждения ясно свидетельствует, например, работа Т. Мура[19], в которой достоинства XML формата предлагается использовать для целей структурного развития программ анализа качественных данных. В этой связи показательно вспомнить отличительные черты известных пакетов. MAXQDA развивается на принципах анализа качественных данных, но ориентирован на анализ сугубо текстовой информации. Разработчики Atlas.ti с самого начала своего проекта предложили и программно реализовали структурную идею герменевтического блока (hermeneutic unit), что означает совместное использование данных текстового, видео и аудио форматов. Последние

[18] См. информацию разработчика на сайте http://www.aquad.de/eng/index.html (дата обращения 01.07.2011).

[19] *Muhr T.* Increasing the Reusability of Qualitative Data with XML. [64 paragraphs]. Forum Qualitative Sozialforschung / Qualtative Social Research. 2000. December. Vol. 1(3). URL: http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/3-00/3-00muhr-e.htm (дата обращения 05.06.2006).

версии NVivo строятся на мощном структурном языке запросов, реализованном в Microsoft SQL Server, и т. д. Информационные основания программ АКД, фактически представляющие собой их возможности воспроизводить программистские ресурсы и функции (форматы данных, средства экспорта-импорта, инструменты поиска и др.), могут быть также прослежены в их классификации[20]. Такого сорта формально-информационная природа пакетов АКД говорит об их «методологической удаленности» от запросов исследователей, занятых в социологических проектах.

«Методологическая удаленность» пакетов АКД от предмета социологических исследований становится более наглядной, если вспомнить о существовании социологических проблем или вызовов, которые не зависят от того, какой теоретической традиции придерживается социолог, проводящий исследование с помощью «качественного» компьютерного пакета. Одним из таких вызовов является проблема оценивания качества исследований, основанных на нечисловой информации[21]. Сравнительный анализ пакетов АКД показывает, что в составе функций кодирования отсутствует какой-либо специальный инструмент, который позволял бы контролировать аналитические выкладки социолога, осуществляемые с помощью этих функций. Таким образом, оказывается, что, с одной стороны, пакеты анализа нечисловой информации общепризнанны как специфический инструмент качественного исследования. С другой стороны, применение этого инструмента в прикладном исследовании, построенном на идеях гуманитарной методологии, не способствует решению проблемы качества этого исследования.

Многочисленные методологические разработки, посвященные решению проблемы качества исследовательских подходов в гуманитарной области, ссылки на которые можно найти в работах М. Эстерби-Смит, К. Голден-Биддл, К. Локке[22] и С. Трэйси[23], предлагают соответствующие критерии в виде вербальных процедур. Будучи по своей

[20] См. http://onlineqda.hud.ac.uk/Which_software/what_packages_are_available/index.php

[21] *Collingridge D. S., Gantt E. E.* The Quality of Qualitative Research. // American Journal of Medical Quality. 2008. September/October. Vol. 23. No 5. P. 389-395.

[22] *Easterby-Smith M., Golden-Biddle K., Locke K.* Working With Pluralism: Determining Quality in Qualitative Research // Organizational Research Methods. 2008. July. Vol. 11. No 3. P. 419–429.

[23] *S. J. Tracy* (2010) Qualitative Quality: Eight "Big-Tent" Criteria for Excellent Qualitative Research // Qualitative Inquiry October 1. P. 1–15.

природе продуктами естественного языка, такие процедуры, так же как и функции кодирования, не содержат в себе никаких средств, которые можно использовать для ожидаемого оценивания результатов исследования без привлечения экспертов. Например, если мы используем критерий «большого тента» (“big-tent” criteria)[24], мы вынуждены обратиться к эксперту, чтобы он смог ответить, скажем, на вопрос: «Правильно ли выбран образец или контекст, если принять во внимание цель исследования?» Без эксперта такие критерии в принципе не в состоянии работать.

Мои замечания показывают, что критериология (criteriology)[25], призванная дать средства оценивания качественных стратегий в социологии, во-первых, развивается вне компьютерных методов АКД. Во-вторых, не предлагает формально сформулированного критерия, который мог бы быть включен в состав функций кодирования. При этих обстоятельствах предлагаемые критерии качества критически зависят от лиц, которые оказываются включенными в процедуру оценивания. Тем самым, для того чтобы проводить качественное исследование, которое может быть названо профессиональным, часто основным фактором признается соответствующий опыт, передающийся из поколения в поколение[26]. Совсем откровенно ситуацию с оцениванием характеризует С. Торн: «если результаты исследования прозвучали убедительно для тех, кому они предназначены, то и исследование признается успешным»[27].

Отсутствие в составе аппарата АКД какого-либо инструментального критерия, способного оценивать результаты кодирования, естественно отнести к недостаткам современного АКД. Для устранения этого недостатка сегодняшних методов качественного исследования в данной работе представлен специальный аппарат кодирования, в состав которого входит критерий связности его результатов. Оригинальные структурные модели и методы их использования, впервые предложенные автором, структурно ориентированы на выражение общенаучного тезиса о необходимости учета контекста для любого научного высказывания. Отсюда подход в целом назван контекстно-ориентированным.

---

[24] Ibid. P. 5.

[25] *Seale C.* Quality Issues in Qualitative Inquiry //Qualitative Social Work. 2002. March. Vol. 1. No 1. P. 97–110.

[26] Ibid. P. 107–108.

[27] См. *Thorne S.* Data analysis in qualitative research.

Все утверждения, сформулированные в данной работе, проверены путем их реализации в виде созданного автором пакета АКД. Для иллюстрации предлагаемых методов использованы результаты концептуализации текстового свидетельства информанта. Иллюстрирующие рисунки (за исключением рис. 1) представляют собой пользовательские интерфейсы указанного пакета.

Основные определения и структуры

Базовыми инструментами контекстно-ориентированного аппарата кодирования являются, во-первых, три вида аналитических обозначений (дескрипторов) — термин[28] (понятие, неодушевленный объект), актор (одушевленный объект) и действие (ассоциация понятия и актора).

Во-вторых, простейшее в рамках подхода структурное отношение между дескрипторами, названное контекстно-фиксированным разъяснением (КФР). КФР представляет собой обозначение *единичного изменения* дескрипторов, осуществляемого аналитиком. Моделью изменения является отношение «родитель–дети», которое трактуется как *преобразование* аналитиком дескриптора в положении «родитель» в набор других дескрипторов, составляющих список «детей».

Нотация КФР может быть представлена с помощью формулы (1).

$$t^{(c)}:t^{(p)}\rightarrow\{t_i\},\ (1),$$

где $t^{(p)}\rightarrow\{t_i\}$ — структура «родитель–дети», каждым элементом которой является *термин:* $t^{(p)}$ — «родитель», а $\{t_i\}$, i=0,...,n-1 — список «детей». $t^{(c)}$ — это термин, с помощью которого обозначено *изменение* одного понятия на группу других, выраженное отношением «родитель-дети». В зависимости от положения термина в структуре КФР $t^{(c)}$ называется *контекстом*, $t^{(p)}$ — *целевым* или *разъясняемым термином*, любой t_i — *пояснением*.

КФР имеет интуитивно ясную интерпретацию. Например, проводя опрос в 2004 г., социолог обращается к представлению о социально-

[28] Слово «термин» употребляется как синоним слова дескриптор в том случае, если не важен вид дескриптора — понятие, актор или действие. Подобная синонимия объясняется привычностью поименования «термин» или «понятие» для обозначения простейшей структурной единицы аналитических построений.

демографических характеристиках опрашиваемых. Развиваемый подход требует, чтобы исследователь обязательно указал, в каких условиях, иначе говоря, относительно какого контекста сформировано его суждение. С учетом возможных для данного случая интуитивно понятных дескрипторов (1) может получить вид (2):

ИССЛЕДОВАНИЕ 2004[29]: СОЦДЕМ
→ПОЛ, ВОЗРАСТ, СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ (2)

Особо отметим два интуитивных основания трактовки КФР в качестве базовой структуры кодирования. Во-первых, исследователь фиксирует с помощью этой модели не «объект», существование или характеристики которого всегда могут быть оспорены другим человеком в силу известных трудностей «объективного» выражения «субъективного» смысла [16, с. 392], а *факт изменения* собственных понятий. Именно факт, т. к. термины в КФР указаны явно, в отличие от интуитивно постигаемых «объектов», предполагаемых за каждым из аналитических обозначений. Такой факт наблюдается всеми «реципиентами» процесса кодирования, в то время как соответствие «образа» его аналитическому обозначению всегда остается «внутри» автора такого действия.

Во-вторых, структура КФР означает, что факт изменения понятий соотнесен с явно указанным обозначением. Иначе говоря, структуру КФР можно интуитивно понять, как обозначение условий, при которых осуществляется изменение терминов.

Совокупность терминов, вводимых аналитиком в процессе контекстно-ориентированного кодирования и связываемых им между собой с помощью множества КФР, названа *тезаурусом*. Обратим внимание, что, во-первых, термин, представленный в тезаурусе, может не входить ни в одно КФР. Такой термин игнорируется ниже описываемыми алгоритмами. Во-вторых, связи между терминами содержатся в тезаурусе только в виде структур КФР[30].

Интуитивный смысл тезауруса в том, что он включает в себя *все изменения* понятий, которые аналитик счел нужным указать для сведения его вновь формируемых терминов к общеизвестным представлениям.

[29] Здесь и далее экземпляры терминов, используемых в составе структурных моделей развиваемого подхода, обозначены с помощью заглавных букв.

[30] NB! Никаких агрегированных структур тезаурус не содержит.

Термин, входящий в состав тезауруса, считается *контекстно-определенным*, если он является разъясняемым в составе хотя бы одного КФР. Термин t *контекстно определен* относительно термина t_0, если t является целевым, а t_0 контекстом в одном и том же КФР, например, $t_0{:}t{\rightarrow}\{t_i\}$. Вышеупомянутый СОЦДЕМ в соответствии с формулой (2) является контекстно-определенным понятием относительно контекста ИССЛЕДОВАНИЕ 2004.

Один и тот же термин может быть определен относительно нескольких контекстов. Такой термин назван *поликонтекстным*. Если термин является разъясняемым только в одном КФР тезауруса, то он именуется *моноконтекстным*.

Отметим, что контекстное определение термина с помощью КФР не зависит от состава пояснений, использованных в этом КФР. В частности, множество пояснений может быть пустым. Такое множество будем обозначать {...}.

Алгоритм построения иерархии контекстов

Структуры связей между терминами таковы, что позволяют предложить алгоритм, способный агрегировать дескрипторы, принадлежащие различным КФР тезауруса на позиции контекста, в единую структуру соподчинения. Этот алгоритм строится на эвристическом правиле, устанавливающем наличие или отсутствие связи между двумя терминами, использованными в двух разных КФР на позиции контекста.

Если структура двух КФР такова, как показано в формулах (3) и (4), т. е. если один и тот же термин (t_1) является контекстом в одном из них ($КФР_1$), и он же служит разъясняемым (контекстно определен) в другом ($КФР_0$), то t_0 является контекстным обобщением t_1[31].

$$КФР_0 = t_0{:}t_1{\rightarrow}\{...\}^{32}, \quad (3)$$
$$КФР_1 = t_1{:}t_2{\rightarrow}\{...\}, \quad (4)$$

Поясним на примере неформальные основания введенного правила. Допустим, что аналитик создал два интуитивно понятных КФР.

[31] Этим же словосочетанием названа процедура, основанная на описываемых правилах.

[32] Будем считать множество пояснений пустым, т. к. его состав не важен для фиксации контекстной определенности целевого термина.

В первом он предложил рассматривать ДОМ в контексте УЛИЦА (5), т. е.

$$\text{УЛИЦА: ДОМ} \rightarrow \{...\}. \quad (5)$$

Во втором тот же термин УЛИЦА разъяснен в контексте ГОРОД (6), т. е.

$$\text{ГОРОД: УЛИЦА} \rightarrow \{...\}. \quad (6)$$

Другими словами, термин, использованный как контекст, сам оказывается разъясняемым в другом контексте.

Использование одного и того же термина УЛИЦА в разных позициях двух КФР является основанием считать, что контекст ГОРОД оказывается более общим по отношению к контексту УЛИЦА. Другими словами, ГОРОД является контекстным обобщением (расширением) УЛИЦА[33].

Такому суждению есть два интуитивных обоснования. Во-первых, термины УЛИЦА и ГОРОД употреблены как контексты. Во-вторых, будучи разъясненным в контексте ГОРОД, УЛИЦА, с точки зрения выполнившего такое разъяснение аналитика, составляет только часть тех феноменов или сюжетов, которые поименованы термином ГОРОД. Это утверждение может быть пояснено тем, что относительно одного и того же контекста всегда возможно определение неограниченного числа понятий. Например, КВАРТАЛ также может быть контекстно определен относительно термина ГОРОД.

В общем случае алгоритм построения контекстного обобщения исходит из заданного пользователем КФР, например, введенного с помощью формулы (7).

$$t_0 : t \rightarrow \{...\}, \ (7)$$

На исходном нулевом шаге алгоритм находит в тезаурусе множество терминов, которые контекстно обобщают (включают в себя) t_0. Обозначим это множество $\Psi_0=\{t_{0i}\}$, $i=0,...m_0-1$, где m_0 — число контекстов, в которых введен t_0. Если множество Ψ_0 не пусто, то для каждого его элемента алгоритм строит множество контекстных обобщений,

[33] Можно также сказать, что УЛИЦА контекстно включена в ГОРОД.

создавая тем самым совокупность множеств $\Psi_{0i} = \{t_{0ij}\}$, $I = 0,... m_0$-1, j = 0,...m_{0i}-1, где m_{0i} — число контекстов, в которых введен t_{0i}.

Любой из последующих шагов приводит к разворачиванию каждого из элементов множества контекстных обобщений Ψ [34], полученных на предыдущем шаге. Алгоритм прекращает свою работу, когда все множества контекстных обобщений, полученных на очередном шаге, оказываются пустыми. Результаты работы алгоритма представимы в виде графа типа «река», фрагмент формирования которого показан на рис. 1.

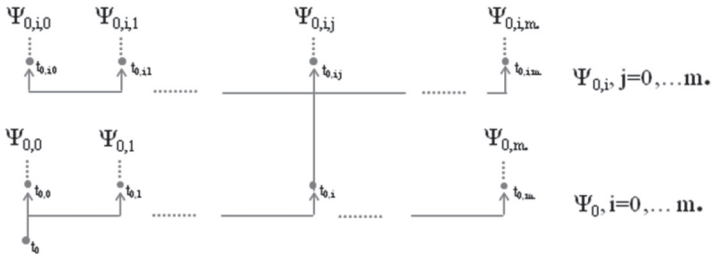


Рис. 1. Контекстное обобщение термина t_0

В пакете соподчинение контекстных включений, порождаемое заданным контекстом, выражается отношениями «родитель-дети» в составе алгоритмически создаваемого графа. Этот граф назван иерархией контекстов. Для приведенного простейшего примера иерархия контекстов показана на рис. 2 (см. также рис. 6).

---

[34] Число позиций в определение индекса контекста зависит от шага алгоритма. В тексте этот индекс обозначен как жирная точка (.) и формируется следующим индуктивным образом.

$^{(0)}$ — индекс контекста, для которого строится контекстное обобщение (исходный контекст, шаг 0)

$^{(0,i)}$ — индекс контекста, который является *i*-м контекстным обобщением контекста с индексом 0; $I = 0,...,$m.

$^{(0,}$ *i*, *j*) — индекс контекста, который является *j*-м контекстным обобщением контекста с индексом 0,i; $j = 0,...,$ m.

...

$^{(0,}$ *i, j*,...,*k*) — индекс контекста, который является *k*-м контекстным обобщением контекста с индексом (0, *i, j*,...); $k = 0,...,m$.

$^{m.}$ — некоторое целое число, указывающее поликонтекстность контекста с предыдущим индексом.

Рис. 2. ГОРОД — контекстное обобщение термина УЛИЦА

Алгоритм связывания терминов

Рассмотрим алгоритм, который позволяет на основе тезауруса и иерархии контекстов сгенерировать связи термина с другими терминами. Процесс такой генерации назван связыванием термина. Ее результат представим в виде графа типа дерево, названного терминологическим. Напомним, что любые алгоритмические операции проводятся в развиваемом подходе только с контекстно-определенными дескрипторами. Поэтому в узле графа представлена пара терминов. Один элемент пары — дескриптор (понятие, актор или действие), другой — контекст его определения, также выраженный дескриптором.

Исходным шагом алгоритма является указание аналитиком термина t_0, определенного в контексте $t^{(c)}$ и имеющего непустое множество пояснений, как показано в формуле (8):

$$t^{(c)} : t_0 \rightarrow \{t_{0i}\}, \qquad (8)$$

где $i = 0,..., n-1$, $n-1$ — число пояснений, $n>1$.

При алгоритмическом построении терминологического графа иерархия контекстов термина $t^{(c)}$ предварительно автоматически генерируется с помощью вышеописанного алгоритма.

Дальнейшая работа алгоритма связывания сводится к известным методам построения древовидного графа[35] за счет того, что структура каждого единичного перехода «родитель–дети», автоматически извлекается из состава соответствующего КФР. Так, на исходном шаге строится корневой узел дерева, воспроизводящий «родителя» t_0, а множество его пояснений $\{t_{0i}\}$ рассматривается как список «потенциальных детей».

[35] *Стивенс Р.* Delphi. Готовые алгоритмы / пер. с англ. П.А. Мерещук. М. : ДМК Пресс ; СПб. : Питер, 2004.

Ключевая особенность алгоритма по сравнению с указанными известными методами состоит в том, что множество пояснений, составленное аналитиком, не становится набором «детей» безусловно. Оно может быть модифицировано в зависимости от того, в каком отношении контекст каждого из пояснений находится с контекстом целевого термина.

Проблема, решаемая алгоритмом при формировании каждого перехода «родитель-дети» на основе КФР, существует уже на исходном шаге. В соответствии с высказанным выше замечанием каждый из терминов формулы (8) должен быть контекстно-определенным. Если целевой термин t_0 по (8) определен однозначно относительно $t^{(c)}$, то контекст любого из пояснений невозможно определить по этой формуле, т. к. он в ней не указан.

Для разрешения возникающей неопределенности алгоритм отыскивает по тезаурусу множество возможных контекстов каждого из пояснений t_{0i}, т. е. строит $\{t_{0ik}\}$, где $k = 0,..., m_{0i}-1$; $m_{0i}-1$ — число контекстов, в которых определено пояснение, т. е. термин t_{0i}. Если среди этих контекстов находится такой, который согласован (см. следующий абзац) с контекстом «родителя», т. е. $t^{(c)}$, то t_{0i}, включается в автоматически генерируемый список «детей». В противном случае отклоняется.

В общем случае алгоритм связывания контекстно-определенных терминов может использовать различные правила согласования контекстов. В существующей версии пакета для отработки всей инфраструктуры подхода используются два, которые автору представились наиболее простыми. Во-первых, если пояснение не является контекстно-определенным, то оно не включается в состав «детей» «родителя», который генерируется из целевого термина при алгоритмическом «расширении» этого термина.

Во-вторых, если ни один контекст определения пояснения не входит в иерархию контекстов, предварительно построенную для контекста «родителя», то такое пояснение не включается в состав «детей», алгоритмически генерируемого отношения «родитель-дети» (результат работы алгоритма см. рис. 7).

Поясним особенность алгоритма агрегирования на интуитивно понятном примере. Пусть в уже упоминавшемся контексте УЛИЦА аналитик разъясняет термин ДОМ через четыре других термина следующим образом:

УЛИЦА: ДОМ→ СТЕНА, КРЫША, ФУНДАМЕНТ, ЖИТЕЛЬ (9)

Причем контекстная определенность каждого из пояснений задается КФР, показанными в формулах 10–13, в частности, термин ЖИТЕЛЬ введен в состав тезауруса в контексте СТРАНА, который не входит в состав иерархии контекстов термина УЛИЦА (см. рис. 2).

В этом случае автоматически формируемый переход «родитель–дети» не будет включать термин ЖИТЕЛЬ (см. рис. 3).

ГОРОД: СТЕНА→{...} (10)

УЛИЦА: КРЫША→{...} (11)

УЛИЦА: ФУНДАМЕНТ→{...} (12)

СТРАНА: ЖИТЕЛЬ→{...} (13)

Рис. 3. Результат генерации единичного перехода «родитель–дети» для контекстно-фиксированного разъяснения термина ДОМ в контексте УЛИЦА с учетом контекстной определенности каждого из пояснений

Аналитик вправе пополнить контекстное определение термина ЖИТЕЛЬ, сделав его поликонтекстным, например, добавив еще одно КФР, выраженное формулой (14):

ГОРОД: ЖИТЕЛЬ→{...} (14)

В этом случае список детей в соответствующем алгоритмически генерируемом единичном переходе изменится на тот, который показан на рис. 4.

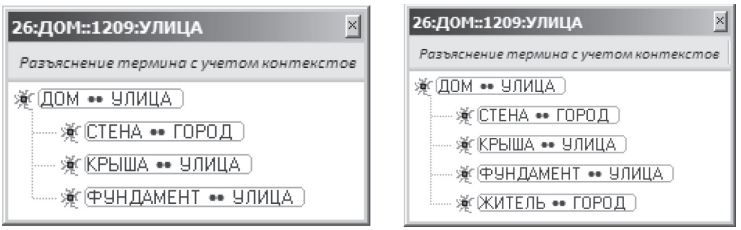


Рис. 4. Термин ЖИТЕЛЬ определен в двух контекстах, один из которых (ГОРОД) входит в иерархию контекстов термина УЛИЦА (рис. 2), а другой (СТРАНА) — нет

Концептуализация в анализе качественных данных

Термин концептуализация имеет ряд толкований[36]. Согласно этим толкованиям, применительно к предметной области анализа качественных данных концептуализация может трактоваться как перевод потока сведений, сообщаемых информантом, в аналитические обозначения (коды), создаваемые аналитиком. В основе такой трактовки лежит методологическое допущение, возникшее в анализе нечисловой информации еще во времена «карандаша и бумаги»: фрагмент данных, полученных от информанта, считается фактологическим обоснованием кода, т. е. обозначения, вводимого социологом и не содержащимся в свидетельстве информанта. Фактологическое обоснование со стороны информанта предполагается необходимым, т. к. в отличие от социолога последний мыслится свидетелем событий или явлений, о которых рассказывает.

Указанное допущение объясняет цель концептуализации, достижение которой возлагается на ее автора — продемонстрировать связь вновь создаваемых аналитических обозначений с существующими свидетельствами.

Однако возникает вопрос, каким образом можно «структурно обосновать» код, являющийся продуктом аналитического действия социолога? С помощью функций кодирования аналитик всегда имеет возможность связать его новое обозначение с фрагментом текста информанта, что, собственно, и выражает структурно «факт обоснования». Аналитическая процедура, которая демонстрирует такого сорта обоснование, обычно называется открытым кодированием[37]. Любой код, полученный в результате этой процедуры, представляет собой «фактическую цитату». Особенностью этой цитаты служат два обстоятельства. *De facto* один и тот же феномен, явление, событие и тому подобное обозначены дважды: в виде фрагмента свидетельства информанта и его переобозначения с помощью кода, введенного социологом. Таким образом, один и тот же «факт», по предположению, декларируется понятным, по крайней мере, двум лицам – информанту и аналитику.

---

[36] См. например, http://ru.wikipedia.org/wiki/онтология; http://www.slovopedia.com/6/202/770654.html

[37] *Charmaz K.* Grounded Theory: Objectivist and Constructive Methods / Norman K., Denzin & Yvonna S. Lincoln (Eds.) // Handbook of Qualitative Research : 2nd edition. Thousand Oaks, Ca.: Sage, 2000. P. 509–535.

Открытое кодирование структурно как бы закрепляет «взаимопонимание» двух участников концептуализации по поводу «одного и того же факта». Однако такое закрепление выполняется только одним из этих участников, причем сама связь между фрагментом качественных данных и аналитическим кодом выглядит «методологически неубедительной». С одной стороны, открытые коды являются «фактологически обоснованными». С другой, как показывает весь ход концептуализации с помощью аппарата кодирования, эти коды сами служат основой для введения новых кодов. Так возникают аналитические коды[38], которые уже не имеют «фактологического обоснования» в виде непосредственной связи с фрагментом данных, представленных информантом.

На мой взгляд, не следует структурно разграничивать коды в зависимости от наличия у них явной связи с фрагментом качественных данных. Любой код, появляющийся в ходе концептуализации, должен иметь один и тот же структурный механизм своего обоснования. Выше введенные контекстно-ориентированные модели позволяют ввести такой механизм в виде отношений между кодами, которые оказываются аналогичными структурам объектно-ориентированного программирования. Ниже показано, каким образом такие отношения появляются в ходе прикладной концептуализации. Теперь же попытаюсь пояснить, каким образом предлагаемые решения связаны с традицией концептуализации, характерной для современного анализа качественных данных.

Отмеченные выше «фактологические цитаты», которые обязательно возникают в результате открытого кодирования, примечательны, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, аналитик, он же пользователь пакета, который выполняет кодирование, при цитировании такого рода покидает собственно аппарат кодирования, т. е. операции, которые ему доступны с кодами с помощью инструментов определенного пакета. И входит в область других операций, т. е. действий, разрешенных в том же пакете с качественными данными, т. е. со значениями типов text, video, audio и др., конкретный набор которых предусмотрен разработчиками соответствующего пакета. Во-вторых, указанное изменение состава операций свидетельствует о «парадигмальном разрыве», который происходит при открытом кодировании. Формально одна парадигма обслуживается аппаратом кодирования,

[38] См. open coding vs. descriptive coding по адресу http://onlineqda.hud.ac.uk/Intro_QDA/coding_examples.php

т. е. выражена функциями кодирования в части их методов связывания кодов (аннотации, списки, деревья, сети и т. д.). Другая — это машина качественных данных, структурные методы которой появились вне проблематики анализа качественных данных.

Используя это наблюдение, будем понимать под парадигмой сложившуюся область представлений (операционально определенную систему понятий), природа определенности которой не играет роли. Это может быть как «объективно» определенная предметная область (скажем, городская материальная среда), так и «конструктивистски возникшая» система мнений, например, в результате договоренности группы лиц здесь и сейчас[39]. Тем самым, парадигма — это не традиционная предметная область, обладающая «природным содержанием», а скорее группа людей, использующая для коммуникации между собой один и тот же конструктивно определенный аппарат.

В традиции АКД таким аппаратом, выходящим в своей операциональной определенности за рамки структур кодирования, служит текст (или любая машина данных, для которых определена операция фрагментирования). С позиций КО АКД работа по концептуализации должна исходить не из наличного текста, подлежащего аналитическому переосмыслению, а в построении связной понятийной системы, которая обеспечивала бы переходы из кодирования (т. е. аппарат оперирования неоперационализируемыми метками) в другие парадигмы.

Фактически концептуализация текста, осуществляемая средствами АКД, предполагает, что, во-первых, существуют некие лица, которые обладают специальным знанием, организованным, главным образом, с помощью языка. Во-вторых, «сторонний наблюдатель» переформулирует это знание с помощью методов кодирования. В контекстно-ориентированном АКД на аналитика возлагается задача не только сформировать собственный корпус кодов в виде тезауруса, но и указать термины, через которые, по его мнению, осуществляется концептуальный переход от его терминологических построений в существующие предметные области.

Существование такого перехода не означает «фактологического» обоснования построений самого аналитика, но указывает на «парадигмальный» разрыв процесса концептуализации, осуществляемого

[39] Такое толкование согласуется с подразделением методов grounded theory на объективистские и конструктивистские, описанным, например, К. Чармас, см. сноску 36.

средствами кодирования. Такой разрыв, по-видимому, всегда связан с двумя обстоятельствами, отмеченными выше — изменением состава операций, которые становятся допустимыми с понятиями, и изменением требований к компетенции акторов, которые с ними работают.

В разрабатываемых методах эта идея «парадигмального» разрыва, который присущ аппарату кодирования в АКД, реализуется за счет введения в состав тезауруса *предопределенных терминов*, которые по смыслу аналогичны «фактологическому цитированию», возникающему при открытом кодировании. В общем случае за таким термином стоит некоторое множество специальных операций, которые не входят в состав аппарата кодирования. В существующей ныне программной реализации включен только один такой термин, с помощью которого пользователю пакета предоставляется возможность текстового оперирования. Этот важный частный случай широко распространен в практике применения пакетов АКД и использован для отработки всей инфраструктуры развиваемого подхода.

Контекстно-ориентированная концептуализация

Следуя сложившейся в АКД практике переосмысления свидетельств информанта с помощью вновь вводимых аналитических обозначений, я буду понимать под контекстно-ориентированной концептуализацией процедуру связывания вновь вводимых терминов, создаваемых аналитиком, с высказываниями информанта. Как обычно, осуществление этой процедуры возлагается на аналитика.

Для иллюстрации техники контекстно-ориентированных методов воспользуемся текстовым свидетельством молодого человека о плюсах и минусах совместного проживания с родителями[40].

В соответствии с требованием контекстно-ориентированного подхода поименуем весь комплекс суждений молодого человека — о его переживаниях, отношениях с родителями, обстоятельствах своего проживания с ними и т.п. — новым термином РАЗМЫШЛЕНИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ИНФОРМАНТА, с учетом условий, при которых мы рассматриваем размышления информанта, обозначив их как СВИДЕТЕЛЬСТВО ИНФОРМАНТА (СЮЖЕТ, КОНТЕКСТ).

[40] Пример взят на ресурсе http://onlineqda.hud.ac.uk/Intro_QDA/Examples%20of%20coding.php и переведен автором на русский язык.

Естественно считать терминологическую пару РАЗМЫШЛЕНИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ИНФОРМАНТА в контексте СВИДЕТЕЛЬСТВО ИНФОРМАНТА (СЮЖЕТ, КОНТЕКСТ) собственными исходными представлениями аналитика. Ввиду того, что такие представления формулируются *единственным* актором[41], они могут характеризоваться как несформированные или сугубо индивидуальные («субъективные») и подлежащими разъяснению.

В контекстно-ориентированном АКД на аналитика наряду с формулированием собственных терминов ad hoc возлагается задача указания тех понятий, которые он считает финальными в рамках его аналитических построений и означающими переход в «другую» парадигму. В случае анализируемого текста такими финальными понятиями («терминами-цитатами») концептуализации оказываются, например, НЕ С КЕМ ПОГОВОРИТЬ, САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ ИНФОРМАНТА и др., с которыми аналитик связал фрагменты текстового свидетельства информанта[42].

Теперь задачей автора концептуализации становится указание всех понятийных переходов от исходной пары терминов РАЗМЫШЛЕНИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ИНФОРМАНТА в контексте СВИДЕТЕЛЬСТВО ИНФОРМАНТА (СЮЖЕТ, КОНТЕКСТ) к терминам-цитатам. Решение этой задачи может быть условно представлено в виде следующих взаимосвязанных процедур. Во-первых, указание социологом областей сложившихся представлений (смысловых доменов), относительно которых он в ходе концептуализации определяет как свои термины, так и суждения информанта. Во-вторых, предъявление социологом всех изменений терминов, которые он считает необходимым выполнить для цели обоснования своих суждений. Результаты выполнения аналитиком этих процедур накапливаются в тезаурусе. В-третьих, генерация единых структур: а) иерархии контекстов, т. е. соподчинения указанных аналитиком смысловых доменов и б) терминологического графа, т. е. перехода от собственных терминов аналитика к свидетельству информанта. Генерация выполняется пакетом по запросу социолога на основе текущего состояния тезауруса.

Ориентиром в решении аналитиком задачи перехода с помощью контекстно-ориентированных методов является традиционная для

[41] Социологом или аналитиком, в данном случае автором статьи.

[42] Опустим технические подробности операций связывания, осуществляемых с помощью пакета.

АКД идея покрытия «содержания» свидетельства информанта с помощью вновь вводимых обозначений[43]. Однако при таком покрытии чрезвычайно важно обеспечить не только полную представительность мнения информанта в аналитических выкладках социолога, но и воспроизвести скрытую структуру «фактологических» суждений с помощью явных отношений между терминами концептуализации[44].

Контекстно-ориентированные методы позволяют аналитику структурировать свои теоретические выкладки с помощью аппарата, который является аналогом отношений множественного наследования (multiple inheritance) и видимости (visibility) [переменных], на которых основываются структурные связи между аналитическими обозначениями в языках высокого уровня[45]. Подобные методы доказали свою эффективность в бесчисленных приложениях, благодаря которым создано современное информационное общество.

По мнению автора, подобный аппарат отсутствует в сегодняшних компьютерных методах анализа нечисловой информации. Сравнивая же предлагаемые решения с аналогами, реализованными, например, в языках программирования высокого уровня (C++, Object-Oriented Pascal и др.), можно отметить относительную простоту контекстно-ориентированного синтаксиса, с помощью которого вводятся отношения наследования и видимости.

Поясним первую процедуру контекстно-ориентированной концептуализации — указание областей сложившихся представлений. Например, молодой человек что-то рассказывает о своих переживаниях в условиях совместного проживания с родителями. Прежде чем анализировать его рассказ, следует обозначить условия, при которых этот рассказ развертывается и концептуализируется. Таким образом в составе тезауруса появляется термин СОВМЕСТНОЕ С РОДИТЕЛЯМИ ПРОЖИВАНИЕ, который как раз и обозначает обстоятельства суждений информанта по поводу совместного проживания. Аналогично, на основе собственного прочтения

[43] Традиционно это задача решается за счет первичного (открытого) кодирования.

[44] В существующих методах АКД эта задача решается за счет концептуальных действий, «надстроенных» над процедурой первичного кодирования — осевого кодирования, введения категорий, аннотирования, естественноязыковых интерпретаций и др. При этом в случае применения компьютерного пакета широко используются «общеинформационные» методы — поиска, построения запросов, упорядочивания, визуализации и т. д.

[45] URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Multiple_inheritance

свидетельства автор ввел термины САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ ИНФОРМАНТА, ДЕЕСПОСОБНОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ, МНОГО ЧИТАЮ и др. Эти понятия маркируют зоны смыслов, относительно которых определяются все другие термины, используемые при концептуализации.

Интуитивно понятно, что смысловые домены имеют некоторое соподчинение. Скажем, характеризуя ситуации, возникающие при совместном проживании с родителями, молодой человек может обращаться к общеупотребительной терминологии, используемой повсеместно и не требующей пояснений. К примеру, оценивающие высказывания «хорошо», «плохо» и др.[46]

В то же время обратное следует признать неверным: то, что понимаемо в рамках конкретного свидетельства информанта о своем проживании с родителями, теряет определенность вне этого свидетельства. Скажем, упоминание о спорах с отцом представляется информативным сообщением, характеризующим условия совместного проживания, и оказывается малозначащим вне такого контекста. Потеря информативности объясняется естественным образом. Словосочетание «споры с отцом» продолжает оставаться узнаваемым и в «общих обстоятельствах», но теряются многие связи, важные для понимания анализируемых рассуждений: кто рассказывает, чей отец, какие условия проживания и многие другие коннотации, которые существуют в конкретных ситуациях рассказа молодого человека.

Аналитик выражает подобные интуитивно обоснованные соподчинения в виде контекстного обобщения пары терминов, формируя это отношение по правилам, описанным выше. Вся совокупность созданных контекстных обобщений наряду с терминами, которые их составляют, накапливается в тезаурусе. Тезаурус, созданный в результате описываемой концептуализации, показан на рис. 5. Единая иерархия контекстов, выражающая соподчинение смысловых доменов, формируется с помощью алгоритма (см. выше). Иерархия контекстов, построенная для данного случая, показана на рис. 6.

Наличие иерархии контекстов, пусть даже подлежащей дальнейшим изменениям аналитик, позволяет социологу приступить ко второй аналитической процедуре — выстраиванию совокупности

[46] В данном случае такого сорта терминология отнесена автором к контексту, обозначенному ОБЩЕПРИНЯТЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ.

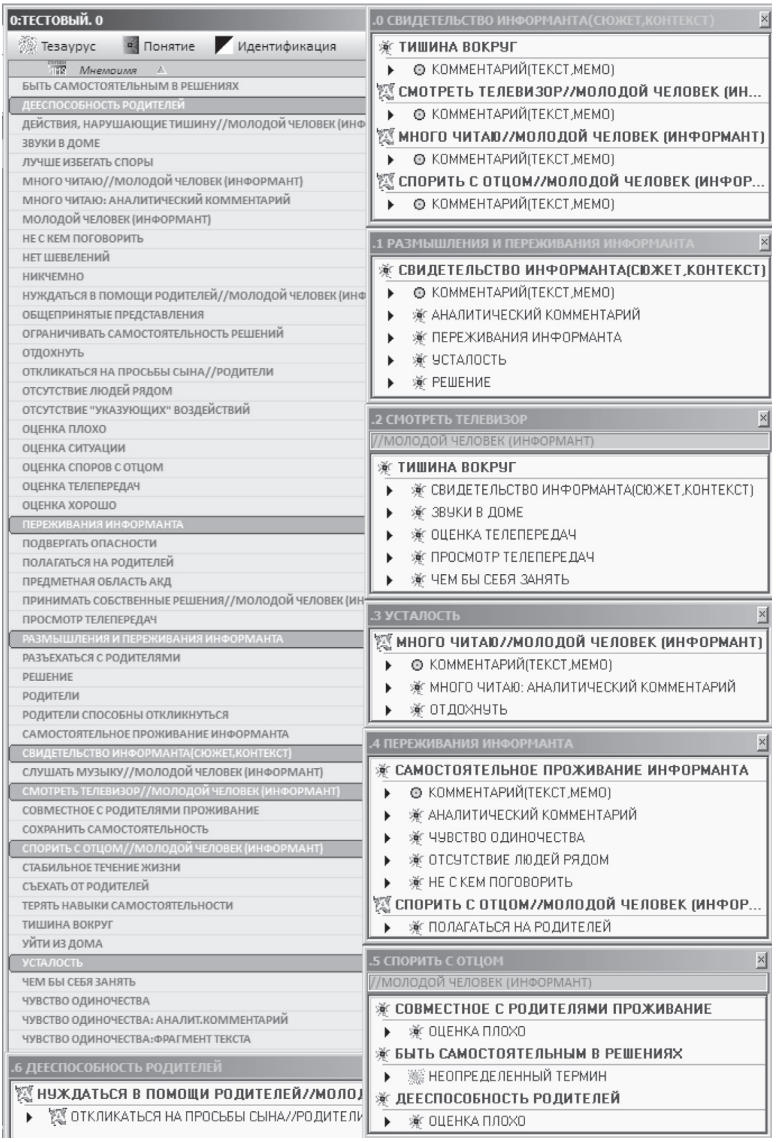


Рис. 5. Визуализация тезауруса: слева (темный фон) — совокупность терминов, справа и внизу (светлый фон) — структурно разрозненные отношения между терминами в виде контекстно-фиксированных разъяснений

изменений терминов, которые приводят от РАЗМЫШЛЕНИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ИНФОРМАНТА в контексте СВИДЕТЕЛЬСТВО ИНФОРМАНТА (СЮЖЕТ, КОНТЕКСТ) к финальным терминам концептуализации. Каждое из таких понятийных изменений можно представить как ответ на вопрос «что такое?». Например, в качестве ответа на вопрос, «что такое РАЗМЫШЛЕНИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ИНФОРМАНТА?» автор нашел в тексте ряд суждений, которые обозначил терминами ПЕРЕЖИВАНИЯ ИНФОРМАНТА в контексте САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ ИНФОРМАНТА, ПЕРЕЖИВАНИЯ ИНФОРМАНТА в контексте СПОРИТЬ С ОТЦОМ, УСТАЛОСТЬ в контексте МНОГО ЧИТАЮ и др.

Далее, каждый из терминов, возникший в качестве ответа на предыдущий вопрос «что такое?», сам подвергается разъяснению. В соответствие с целью концептуализации этот процесс продолжается аналитиком до тех пор, пока ему не удастся связать свои исходные представления РАЗМЫШЛЕНИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ИНФОРМАНТА в контексте СВИДЕТЕЛЬСТВО ИНФОРМАНТА (СЮЖЕТ, КОНТЕКСТ) со всеми терминами-цитатами, которые он сам же создал на основе текста информанта. Инструментально «пошаговые» ответы на вопросы «что такое?» создаются аналитиком с помощью КФР, в котором целевой термин является подлежащим, к которому обращен вопрос, а группа пояснений представляет собой ответ.

Пошаговое создание ответов на вопрос «что такое?» с помощью контекстно-ориентированных структур в точности повторяло бы построение традиционной иерархии кодов, широко используемой в классических функциях кодирования данных [3] и представляющей собой граф типа дерево, если бы не контекстная определенность каждого термина. Особенность состоит в том, что нельзя разъяснить термин, определенный в «более общем»[47] контексте через понятие, введенное в «более низком» контексте. Например, если ОЦЕНКА ПЛОХО введена в контексте ОБЩЕПРИНЯТЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, то ее нельзя разъяснить через термин НЕ С КЕМ ПОГОВОРИТЬ, если последний введен в «более низком» контексте САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ ИНФОРМАНТА (см. рис. 6).

В практической концептуализации одно и то же КФР используется как для разбивки на смысловые зоны, так и для ответа на вопрос

[47] В смысле операции контекстного обобщения.

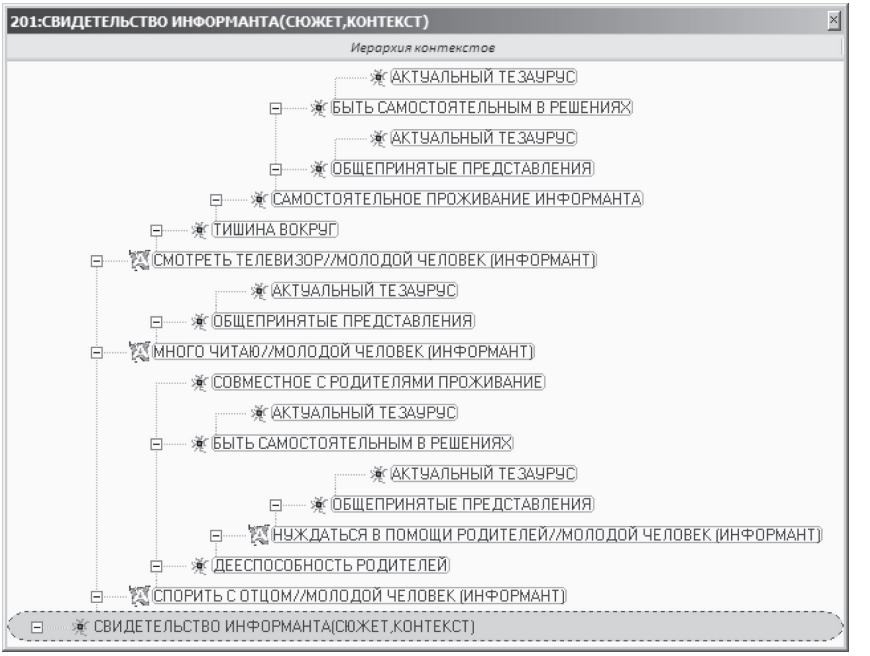


Рис. 6. Иерархия контекстов: узлами являются термины, использованные в КФР как контексты

«что такое?». В любой момент концептуализации, т. е. при любом составе формируемого тезауруса, аналитик имеет возможность контролировать, за счет каких понятий и каких глобальных связей между ними осуществляется (или не осуществляется) глобальный переход от его терминов к свидетельству информанта. Инструментами контроля выступают компьютерные средства генерации иерархии контекстов и терминологического графа.

Результатом контекстно-ориентированной концептуализации является терминологический граф, который дает единое аналитическое представление свидетельств информанта с учетом областей смыслов, в которых эти свидетельства понимаются информантом с точки зрения аналитика. Соответствующий терминологический граф, демонстрирующий концептуальные связи в анализируемом текстовом свидетельстве показан на рис. 7. Узлом графа служит пара

Рис. 7. Терминологический граф, выражающий концептуализацию понятия РАЗМЫШЛЕНИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ИНФОРМАНТА при обстоятельствах, обозначенных термином СВИДЕТЕЛЬСТВО ИНФОРМАНТА (СЮЖЕТ, КОНТЕКСТ) согласно тезаурусу, показанному на рис. 5.

терминов. Первый — соответствующее пояснение в одном из КФР тезауруса, второй[48] — понятие, которое использовано как контекст для этого пояснения.

[48] Указан через двойной знак умножения «**»

Обсуждение

Прикладное значение выполненной работы состоит в том, что разработанный контекстно-ориентированный аппарат позволяет усовершенствовать информационно-аналитические методы взаимодействия акторов в тех предметных областях, где главным средством прикладной коммуникации до сих пор остается естественный язык. Примерами таких предметных областей являются, например, многообразные задачи социального управления — составление планов развития, организация документооборота, разработка программ социальных действий и др.

Преимущество разработанных методов по сравнению с традиционным вербальным способом взаимодействия социальных акторов состоит в том, что все получаемые с помощью контекстно-ориентированных методов «текстовые документы» (планы, программы, социальные теории и т. п.) могут быть проверены на связность терминологии, использованной для их формирования. Вместе с тем предлагаемые методы основаны на работе пользователя с текстовыми обозначениями, которые понимаются человеком исключительно на основе собственного опыта и навыков владения естественным языком. Работа с такого сорта вербальными обозначениями не требует от аналитика, обращающегося к контекстно-ориентированному аппарату, никаких специальных знаний, а только практического соблюдения закона тождества вводимых им обозначений в разнообразных ситуациях их использования, отслеживаемых самим автором обозначений.

Образцами таких специальных знаний являются методы объектно-ориентированного программирования, включающего в своей состав формальный синтаксис языка, аппарат типообразования переменных и прочие приемы. Эти знания требуют трудоемкого обучения, что снижает эффективность применения такого аппарата в прикладных задачах, предполагающих вовлечение в процесс концептуализации предметной области большего числа людей. Например, в случае разработки планов социального развития [города, территории и т. п.], учитывающих мнения широкой массы населения.

Несмотря на текстовую форму вводимых обозначений, предложенные методы дают в распоряжение пользователей изощренный аналитический аппарат, аналогичный структурным отношениям объектно-ориентированного программирования (наследование, области видимости, инкапсуляция и т. п.). Успехи современных информационных

технологий в организации совместной работы больших коллективов разработчиков интеллектуально емких проектов дают основание надеется, что контекстно-ориентированные методы, обладающие столь же мощным аналитическим аппаратом, но не требующие от их пользователей специальных знаний, окажутся эффективными средством организации взаимодействия акторов, занятых решением прикладных социальных задач.

Теоретическое значение работы состоит в том, что она развивает научные принципы моделирования социальных явлений в тех случаях, когда позитивистские методы не применимы, а вербальные разъяснения неэффективны. Смысл сделанных теоретических предложений состоит в разработке научного аппарата, который, с одной стороны, позволяет исследователю оперировать только текстовыми описаниями (не вводя никаких мер или операциональных свойств). С другой — алгоритмически контролирует связность текстов, вводимых аналитиком.

Для пояснения полученных результатов воспользуемся аналогией с представлением о координатном (декартовом) пространстве, которое часто в области социологических дисциплин называется признаковым. Разработанный аппарат развивает не традиции вычислений, т. е. это — не «факторный анализ для качественных данных», а специфический аналог декартова пространства, который предлагается в качестве конструктивной основы всех последующих аналитических процедур. В частности, это могут быть вычислительные действия на количественных данных, определенных в результате процесса контекстно-фиксированных разъяснений. Однако в числе таких аналитических процедур могут быть действия, которые не требуют еще до появления таких количественных возможностей предложенный аппарат е для, поддающихся проверки на принципах науки.

Предложенные решения названы «методом», потому что они воспроизводят основы научной методологии (оперирование понятиями, связность утверждений и т. п.), в тех ситуациях, когда измерение еще невозможно, а вербальные утверждения уже не могут быть сугубо индивидуальным мнением. Декартов метод — это процедура декомпозиции общей картины явления (вне зависимости от его природы) на отдельные составляющие. Можно сказать, что контекстно-ориентированный АКД представляет собой расширение декартова метода для случаев, когда «координаты» явления не имеют меры и формируются в процессе коммуникации акторов.

Заключение

В статье представлен новый аналитический аппарат качественного социологического исследования, основанный на текстовых описаниях изучаемых явлений и включающий в свой состав методы контроля связности исследовательской терминологии. Современным способом дальнейшей разработки предложенных методов является создание информационных технологий построения социального знания. Одной из важнейших черт такого знания является коллективный способ его создания, включающий в себя взаимный аналитический контроль утверждений участников этого процесса. В качестве таких утверждений могут выступать заявления политических лидеров, программы социального развития региона, планы совершенствования системы социального обеспечения и другие «социальные сообщения», формулируемые сегодня в текстовом виде, затрудняющем контроль их состоятельности со стороны общества.

В.С. Кишинская

КАЧЕСТВЕННЫЕ ДАННЫЕ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье систематизированы основные подходы к определению качественных данных. Рассмотрены методы когнитивного моделирования и обоснованной теории в качестве научного инструментария, построенного на качественных данных. Проведенная систематизация является этапом разработки специализированного Интернет-ресурса по проблемам методологии анализа качественных данных.

Ключевые слова: социологическое исследование, качественные данные, качественное исследование, методы качественного исследования, аналитические процедуры качественного исследования

Зачем нужны данные в социологическом исследовании?

В современной социологии существует два основных подхода к анализу и сбору данных. Это количественный и качественный подходы, или, как называет их Г.Г. Татарова, «статистический» и «гуманитарный» подходы[1]. Эти подходы отличаются друг от друга, потому что они решают разные задачи. Качественные методы направлены на изучение и аккумуляцию мнений респондентов (здесь важно мнение каждого отдельного информанта), а количественные — на изучение индивида как части общества. Выбор подхода для проведения исследования зависит прежде всего от задач, которые ставит перед собой исследователь. Согласно первому подходу — количественному, индивид как носитель информации о некотором социальном феномене является прежде всего частью некоторой общности. Принимая это утверждение, исследователи вводят такие понятия, как генеральная совокупность, выборка, доверительный интервал и т. п.; отсюда же следует огромное количество статистических операций, которые возможно производить с полученными данными. Результаты такого исследования могут быть представлены в виде информативных диаграмм разного рода, позволяющих наглядно представить результаты исследования. Статистические методы используются, например, при исследовании демографических характеристик определенной группы населения и т. д.

[1] См.: *Татарова Г. Г.* Методология анализа данных в социологии (введение) : учеб. пособие для вузов. М. : Издательский Дом «Стратегия», 1998. С. 13.

Сторонники второго подхода, «гуманитарного», считают, что такие методы не срабатывают в том случае, если социолог хочет проникнуть в суть социального явления, которым сам по себе является каждый индивид в отдельности. Используя статистические методы, найти причины возникновения того или иного явления, докопаться до сути проблемы практически невозможно. Известно, что респондент лучше воспринимает анкету с количеством вопросов от трех до пяти[2]. Специалисты связывают этот факт со способностью человека воспринимать одновременно определенное количество суждений. Возникает опасность получения некорректных данных, например, в том случае, если респондент не нашел подходящего ему варианта в списке предложенных. Таким образом, качественные методы ориентированы на поиск смыслов, которые вкладывают респонденты в изучаемое явление. Например, при исследовании ощущения больными симптомов и течения их болезни широко используются качественные методы. В связи с такими исследованиями появилось даже целое направление так называемой «медицинской социологии»[3].

Специалисты, в частности В.А. Ядов, отмечают возрастание интереса к качественной методологии в начале 1990-х гг.[4]. Это обусловлено несколькими факторами. В первую очередь это связано с естественным развитием научной мысли, обогащением теоретических представлений и методического обеспечения исследователей. В связи с распространением качественной методологии возникла дискуссия о применении количественных и качественных методов. Однако не всегда в ходе этой дискуссии учитывалось, что количественные и качественные методы нельзя разделять на «плохие» и «хорошие», «научные» и «ненаучные»; эти методы просто решают разные задачи и, следовательно, применяются на разных этапах исследования изучаемого объекта или явления. В связи с нестабильностью общества времен периода перестройки перед социологами были поставлены новые задачи, связанные с появлением новых, неизученных

---

[2] См.: *Толстова Ю.Н.* Анализ социологических данных: методология, дескриптивная статистика, изучение связей между номинальными признаками. М.: Научный мир, 2000.

[3] См.: *Lee R.M., Fielding N.* Qualitative Data Analysis: Representations of a Technology: A Comment on Coffey, Holbrook and Atkinson // Sociological Research Online. 1996. Vol. 1. No. 4. [2.3] URL: http://www.socresonline.org.uk/1/4/lf.html (дата обращения 15.04.2011)

[4] См.: Социология в России / под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 69–72.

социальных групп и явлений. Новые задачи, в свою очередь, потребовали новых методологических подходов. Широко стали развиваться маркетинговые исследования, использовавшие в своем арсенале качественные методы, такие как метод группового фокусированного интервью (метод «фокус-групп»). В.А. Ядов так описывает ситуацию в социологической науке того периода: «В ситуации стабильного общества <...> позитивистский гипотетико-дедуктивный подход был адекватным и достаточным. Дестабилизация социальной жизни с началом перестройки поставила перед социологами новые задачи, для решения которых понадобились дополнительные методологические подходы»[5]. Следовательно, качественные данные ориентированы на создание теории о социальном явлении, количественные — на оценку значимости этой теории.

Итак, количественные и качественные методы решают разные задачи. Качественные данные несут информацию об изучаемом объекте (социальном явлении), описывают его свойства; количественные отражают частоту, с которой случается изучаемое явление. Качественные данные используются в качественном исследовании и связаны с этапом построения модели изучаемого объекта, тогда как количественные данные используются в количественных исследованиях, целью которых является верификация этой модели.

Теперь необходимо определить, что понимается под качественными данными.

Качественные данные — это данные, полученные исследователем в результате проведения качественного исследования, обладающие слабой степенью формализации (в отличие от количественных данных)[6]. Под слабой степенью формализации здесь понимается нечисловой характер качественных данных и, следовательно, невозможность применения к ним статистических методов обработки.

Л. Ньюман определяет качественные данные перечислением: «Качественные данные — это тексты, слова, фразы или символы, описывающие людей, действия и события социальной жизни»[7].

К качественным обычно данным относятся: текстовая информация, графическая, звуковая и видеоинформация. В данной работе

---

[5] Там же. С. 73.

[6] См.: *Kelle U.* Theory Building in Qualitative Research and Computer Programs for the Management of Textual Data // Sociological Research Online. 1997. Vol. 2. No. 2. URL: http://www.socresonline.org.uk/socresonline/2/2/1/(дата обращения 14.12.2010)

[7] *Ньюман Л.* Анализ качественных данных // Социс. 1998. №12. С. 105.

будут рассмотрены методы анализа текстовой информации, поэтому под *качественными данными* будем понимать полученные исследователем в результате проведения качественного исследования текстовые данные, закрепленные на определенном материальном носителе.

Рассматривая качественные данные с точки зрения реализации их анализа с помощью пакетов АКД (анализа качественных данных), следует оговориться, что в данном случае качественные данные — это потоковые данные, так или иначе описывающие объекты и события реального мира. В потоковом характере качественных данных заключается специфика их обработки. *Кодирование*, следовательно, можно определить как процедуру фрагментирования (разделения) и реструктурирования потока качественных данных.

В зависимости от задач качественного исследования исследователь может столкнуться с множеством документов, содержащих качественные данные. Приведем классификацию документов по принципу их происхождения, сделанную Энн Льюис и Кристиной Силвер[8] (список, приведенный здесь, является неполным, так как представлены только документы, содержащие текстовые данные).

1. Исходные документы (background information — фоновая информация) могут содержать, к примеру, краткое описание проекта, записи со встреч с участниками проекта, переписку по электронной почте и т. д.

2. Исследовательские документы (primary data — первичные данные) содержат транскрипты интервью и фокус-групп, ответы на открытые вопросы анкет, «полевые записи» и т. д.

3. Официальные документы (secondary data — вторичные данные) содержат официальную документацию, газетные статьи и т. д.

4. Научные и справочные документы (relevant supporting information — подходящая поддерживающая информация) — например, литература по теме исследования, интернет-сайты по теме исследования, информация в СМИ.

Г. Гиббс (G.Gibbs) и С. Тэйлор (C.Teylor) в своей работе[9] подробно описывают, какие именно феномены (значимые для исследователя факты, действия, эмоциональные переживания респондента) кодируются при обработке качественных данных.

---

[8] См.: *Lewins A.*, *Silver Ch.* Using Software in Qualitative Research: A Step-by-Step Guide. 2007. P. 17. URL: http://books.google.ru/ (дата обращения 14.12.2010)

[9] См.: *Gibbs G.R.*, *Taylor C.* How and what to code. URL: http://onlineqda.hud.ac.uk/Intro_QDA/how_what_to_code.php (дата обращения 14.12.2010)

Некоторые исследовательские методы, основанные на использовании качественных данных

Существует внушительное количество методов анализа качественной информации: например, кодирование в обоснованной теории (grounded theory), контекстно-ориентированный анализ качественных данных, когнитивное моделирование, аналитическая индукция и др.[10]. Рассмотрим некоторые из этих методов с целью подчеркнуть своеобразие качественной методологии.

Когнитивное моделирование используется для описания слабо структурированных областей. В частности, когнитивное моделирование используется для анализа качественных данных. Принимая во внимание слабо структурированный характер качественных данных и невозможность применения к ним статистических методов, когнитивное моделирование позволяет:

— структурировать проблемную область, т. е. сформировать систему факторов и связей между ними;

— описать допустимую область значений полученной системы факторов и связей;

— выбрать модель, которая характеризуется видом функций, определяющих влияние связей на факторы, и методами их вычисления[11].

Результатом когнитивного моделирования является так называемая *когнитивная карта*.

Когнитивная карта — это ориентированный граф, ребрам которого поставлены в соответствие веса. Вершины этого графа соответствуют факторам (концептам), определяющим ситуацию, ориентированные ребра — причинно-следственным (каузальным) связям между факторами. Когнитивные карты могут служить как для структурирования ситуации, так и для ее анализа. В зависимости от интерпретаций вершин, ребер и весов на ребрах, выделяют различные когнитивные модели, такие как знаковый граф и нечеткие когнитивные карты[12].

---

[10] См.: http://onlineqda.hud.ac.uk/methodologies.php (дата обращения 14.12.2010). Более полный список методов см. на сайте OnlineQDA.

[11] См.: *Кузнецов О. П.* Когнитивное моделирование слабо структурированных ситуаций. URL: http://posp.raai.org/data/posp2005/Kuznetsov/kuznetsov.html (дата обращения 15.03.2011)

[12] Там же.

Обоснованная теория

Данный подход разработали Ансельм Страусс, Барни Глейзер и Джульетт Корбин для обеспечения поддержки проведения качественного исследования и последующей обработки качественных данных.

Ключевая идея данного подхода заключается в следующем: построение теории (модели изучаемого объекта) не должно опережать изучение и анализ информации об объекте, полученной в процессе исследования. Наоборот, именно полученные эмпирические данные позволяют построить адекватную («обоснованную») модель изучаемого объекта («теорию»). Для того чтобы это осуществить и избежать свойственных исследователям предубеждений относительно изучаемого объекта, авторы подхода рекомендуют использовать при анализе предложенный ими инструментарий.

Анализ качественных данных должен проводиться, по мнению авторов, в несколько этапов.

Первый этап — «открытое кодирование». Он состоит из следующих процедур:

Наклеивание ярлыков на феномены. Авторы называют эту процедуру также «концептуализация данных». Эта процедура предполагает разбиение на части текста и присвоение каждому отдельному случаю, идее или событию названия. Эти названия и называются ярлыками.

Распознавание категорий — эта процедура подразумевает объединение «наклеенных ярлыков» в определенные категории, признаки и измерения которых исследователь выбирает на свое усмотрение. Это делается, чтобы исследователь не потерялся в довольно большом количестве ярлыков, присвоенных понятиям, — ведь объемы текстов зачастую довольно большие.

Называние категории — авторы выделяют эту процедуру отдельно, так как считают важным данный момент. Во-первых, категорию нужно назвать так, чтобы она была запоминаема и впоследствии могла быть легко аналитически разработана. Категория не должна называться двусмысленно или слишком громоздко — это мешает анализу. Авторы также предостерегают исследователей от использования заимствованных, а тем более широко известных названий для категорий — это может спровоцировать понимание категории не в данном, а в ее «родном» контексте. Лучше всего использовать понятия in vivo — данные самими информантами[13].

[13] См.: *Страус А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования. Обоснованная теория: процедуры и техники /пер. с англ. Т.С. Васильева. 2-е изд., стереотипное. М.: КомКнига, 2007. С. 58.

Развитие категорий с точки зрения их свойств и измерений — данная процедура подразумевает определение связей между категориями и субкатегориями (подкатегориями; предполагается, что внутри одной категории могут быть другие, обладающие своими кодами), нахождение свойств категорий и измерений — мер, с помощью которых можно измерять свойства категории.

Второй этап — «Осевое кодирование». В процессе осевого кодирования происходит связывание субкатегорий с категориями рядом связей: контекст, каузальные условия, промежуточные условия, действие/взаимодействие, следствие[14].

Феномен — центральное событие, случай, в связи с которым производится анализ и к чему непосредственно относятся анализируемые данные. Под каузальными условиями понимается событие или случай, который ведет к появлению или развитию феномена. Другими словами, это условия, послужившие причиной возникновения описываемого феномена. Контекстом называется ряд свойств феномена, обозначающий местоположение событий и случаев, относящихся к феномену, вдоль измерительной шкалы (контекстом может быть время, место, погодные условия, социальное положение и т. д.). Промежуточные условия — более широкий структурный контекст, относящийся к феномену, общие условия, влияющие на стратегии действия/взаимодействия; имеется в виду, что именно повлияло на выбор той или иной стратегии. Стратегии действия/взаимодействия — это то, на что ориентирована обоснованная теория; иными словами, феномен должен изучаться не статично, а во взаимодействии, к примеру, с другими феноменами. Стратегии действия/взаимодействия отображаются в виде связей между категориями; именно на поиск этих связей и направлен этап осевого кодирования.

Третий этап — «Избирательное кодирование». На этом этапе исследователь объединяет все полученные на предыдущих этапах знания и отсеивает не влияющие на объект явления и процессы. Исследователь на основе имеющихся данных выбирает центральную категорию, вокруг которой объединяются все другие категории. Затем происходит связывание центральной категории с другими категориями, проверяется обоснованность этих связей, происходит «наполнение» категорий, требующих дальнейшего развития.

[14] Там же. С. 83.

По прохождении всех вышеописанных процедур, исследователь получает так называемую «обоснованную модель объекта исследования», то есть сформированное объективное знание об изучаемом предмете.

В заключение нужно отметить, что исследовательские методы, основанные на использовании качественной информации, являются особым классом методов. Отличительными особенностями этого класса являются как исходные «гуманитарные» посылки (ориентация на индивидуальные суждения, углубленный анализ отдельных ситуаций и т. п.), так и аналитические процедуры (кодирование, построение когнитивных карт и др.). В своем современном развитии эти методы опираются на информационные технологии, которые служат целям совершенствования инструментария и популяризации самих методов. Выполненная работа вносит вклад в создание информационного наполнения специализированного интернет-ресурса, посвященного проблемам методологии анализа качественных данных и популяризирующего это методологическое направление в среде русскоязычных исследователей.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Атчаде Минтоде Никодеме — магистрант СПбГУЭФ

Божков Олег Борисович — старший научный сотрудник, руководитель группы социально-культурных изменений. olegbozh@newmail.ru

Дивисенко Константин Сергеевич — младший научный сотрудник группы социально-культурных изменений. divis@inbox.ru

Елисеева Ирина Ильинична — доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, директор Социологического института РАН. irinaeliseeva@mail.ru

Еремичева Галина Васильевна — кандидат философских наук, заведующая сектором исследования социальной структуры. eremag@mail.ru

Зайнутдинов Андрей Эдуардович — младший научный сотрудник сектора исследования социальной структуры, аспирант.

Земнухова Лилия Владимировна — младший научный сотрудник сектора исследования социальной структуры, аспирант.

Иванова Елена Александровна — кандидат исторических наук, заведующая сектором социологии науки и инноваций. eivanova@spbrc.nw.ru

Игнатова Светлана Николаевна — научный сотрудник сектора исследования социальной структуры. s_ignatova@hotbox.ru

Каныгин Геннадий Викторович — кандидат экономических наук, заведующий сектором теории и методологии. genaka@inbox.ru

Кишинская Виктория Станиславовна — младший научный сотрудник сектора теории и методологии.

Корнев Николай Ростиславович — кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник сектора исследования социальной структуры. nikorn33@mail.ru

Костюковский Яков Викторович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии девиантности и социального контроля. spb-project@mail.ru

Озерова Ольга Владимировна — младший научный сотрудник сектора социологии здоровья. ozerovaolga@list.ru

Румянцева Галина Алексеева — научный сотрудник сектора социологии девиантности и социального контроля.

Русинова Нина Львовна — кандидат экономических наук, заведующая сектором социологии здоровья. nrusinova@gmail.com

Сафронов Вячеслав Владимирович — старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества. vsafronov@list.ru

Цветаева Нина Николаевна — научный сотрудник группы социально-культурных изменений. tsvetni12@mail.ru

Щелкин Александр Георгиевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора истории российской социологии. presss@mail.ru

Яковлева Анна Александровна — кандидат социологических наук, научный сотрудник сектора социологии девиантности и социального контроля. anna@ngostellit.ru

SUMMARY

I.I. Eliseeva. **Aging of the population and life conditions of old people: the case of Russia**

The aging of Russian population and its social consequences are considered. The special attention is devoted to dynamic and estimations for population size until to the middle of XXI c. The specific of aging "below" and "upper" according to age and sex structure of population. The life stages of old people and intergeneration relationships are described. The main risks of aging include: poverty, inequality, illness, alone.

Keywords: aging, population, generation, social security, family, family group, partnership, state, business, social monitoring

N.L. Rusinova, O.V. Ozerova, V.V. Safronov.
Social Inequalities in Health and Health Risk Behaviour in Russia: trends of smoking and alcohol consumption in 1994–2009

Limited research has examined the dynamics of social inequalities in health and the types of health risky behaviors. The article attempts to reveal the educative and income differences in self-assessment of health, alcohol and tobacco consumption, simultaneously studying the patterns of change of these differences in the post-soviet Russia.
Data were obtained from the mass-survey, conducted in the frames of the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS), from the second round of annual polls held during 1994–2009 (excluding 1997), the age of the respondents being 26–70 years.
The results show the link between self-assessment of health and position in social hierarchy: self-reported health of lower income and educational strata representatives varies significantly of that of more wealthy and well-educated respondents. The effects of both the substantial economic growth of the decade of 2000, and the development of the medical services have been dramatically declined by the expansive alcohol and tobacco consumption in men and women of different social strata. However this augmentation proved being more harmful to the less privileged groups.

Keywords. Social inequalities in health and health risk behaviour; dynamics in post-Soviet Russia; RLMS, 1994–2009; self-assessment of health; alcohol consumption, smoking, education, income

O.B. Bozhkov, S.N. Ignatova. **The experience of construction a typology of educational practices in rural areas**

In this article we continue to search of approaches to development of theory of practices and its application for the sociological analysis. We focus on the educational families strategies in relation to children. In particular, we consider the structure of the phenomenon of "practice", and the concept of "social situation". As a result of analysis there is a typology of educational practices in the families of rural municipal leaders and heads of agricultural enterprises.

Keywords. Practice, life situation, social situation, macro-behavior, in-depth interviews, educational strategies, rural leaders.

N.R. Kornev. **Problems of country life quality in middle Russia (the experience of look through Internet)**

Based on qualitative methodology and data on country life available through the Internet, this article deals with the social factors determining life quality and potential of Russian village to reproduce itself. There are the alternative approaches to development, which differ by their conceptual/valual background, that have its supporters in different power structures. This is the source of numerous conflicts in everyday life. At the same time these approaches are determining not only the future of Russian village, but also the viability of all country as well.

Keywords. Russian village, inequality, reforms and quality of country life, plans and conflicts of social development, Internet.

N.N. Tsvetaeva. **Biographical narratives: intergenerational differences of value adaptation to social changes**

The paper presents some qualitative analysis results of the Biographical collection obtained by Sociological Institute. The author examines the biographical narratives of two generations to find out the differences in value adaptation to social changes.

Keywords. Biographical narratives, social changes, values.

K.S. Divisenko. **The Gender Ideals in the Notions of High School Students**

The paper presents the results of the study of high school students' notions on the qualities of ideal women and men. The inquiry makes it possible to come to the conclusion that relatively well-formed ideas of woman with mainly patriarchal features are present in consciousness of students; but neither girls, nor boys have clear notion on a set of qualities of ideal man. This fact can be interpreted as a "crisis of masculinity".

Keywords: gender ideal, gender stereotype, crisis of masculinity, high school students.

A.A. Yakovleva. **Retreatism in a consumer society**

The subject of the article is retreatism as a conscious change of way of living, motivated by "escape" from the norms and values of the modern consumption society. Based on analysis of cases, examined concrete steps of changing way of living and everyday practices (in the context of basic norms, values and way of living in a consumer society). Raised the question of "norm / deviation" of retreatism as a life strategy.

Keywords. Retreatism, consumer society, way of living, everyday life, deviance

Y.V. Kostiukovsky. **Organized crime in Russia today**

Organized crime in Russia today, inheriting many of the qualities of the phenomenon of the 90s XX Century, develops and acquires new qualities, which are in need of new studies. It may be necessary to create a new criminological and sociological concepts, reflecting the new conditions of existence and the nature of organized crime in the XXI Century.

Keywords. Organized crime, corruption, criminal organization, extremism, white-collar crime

G.A. Rumyantseva. **Theoretical foundations and perspectives of suicide research and social control**

Article is devoted to the study of institutional effects of suicide and social control. Examines the concept of deviancy and social norms, provides definitions and classifications of suicide, consider the effects of institutional and theoretical concepts of suicide and social control. It is emphasized that modern concepts of social control favored the control therapeutic, educational and pedagogical. In modern Russia there is no adequate system of prevention of suicidal behavior. Argued that the basis of a comprehensive program of social policies on early diagnosis and prevention of suicide should be based on diversified strategy.

Keywords. Deviance, suicide, suicidal behavior, social norms, social control, institutional effects.

G.V. Eremicheva, M.N. Atchade. **Finding of social stratification of the groups with low and hidh material security level (on the data EUREQUAL)**

Social inequality is precondition of development of every society. It determines life potentialities of people and their households in organization, support and maintenance of certain style and way of life. Research of the social structure of our society is stimulated not only by changing social-economic situation in the country, but also permanent process of reproduction and assimilation of different innovative practices by diverse groups of population in their professional, as well as non-manufacturing activity. Multiplicity of bases of social differentiation considerably complicates the study of social structure, determines its not-cleared-up, and often latent character, meanwhile social layers and groups have rather fuzzy borders. The main assumption, which article is based on, is that groups, assigned with material security level, are not homogenous. An experience of representatives of diverse financial groups structuring is presented in the article. It was made in order to mark out strata within these groups and to try to define characteristics (besides financial position) which can be used for describing them.

Keywords. Social differentiation, social inequality, poverty, deprivation, K-means cluster analysis.

A.G. Shcelkin. **The creative civilization: classic paradigm and principle of innovations**

The idea of creativeness seems to be trend in mentality of modern civilization. The article underlines both positive and negative consequences of contemporary “creative enthusiasm” in fields of political structures and cultural patterns — especially in current Russian obstacles. When “innovating product” are removal from “tested classiness” there is the danger of institutional and cultural deviations (resp. autarchy and postmodernism). Even the field of scientific, technological and economical innovations (creativity) are not free from those rules which were born in classic epoch yet and which would be translated in sense of famous Volters’ aphorisms: “Use, but don’t misuse!”

Keywords. Creativity, innovations, classic epoch, creativity in economy, creativity in field of political institutes, creativity in culture, methodological crisis evoked by postmodernism, modern Russia.

A.E. Zainutdinov. **Sociological views of N.M. Jadrintsev**

In the article it is revealed sociological views of leader of Siberian oblastnichestvo (regionalism) N.M. Jadrintsev. It is given short biography of scientist. Jadrintsev played significant role in social processes of Siberia on the second half of XIX century. In his works Siberia appears as special region, which lets us to constitute Siberian identity. It is revealed his ethnosocilogical views and sociology of intelligentsia.

Keywords. N.M. Jadrintsev, oblastnichestvo (regionalism), Siberia, sibiryak (Siberian), Siberian identity, intelligentsia

E.A. Ivanova. **The publication activity indicators of scientists as the method of assessment of their efficiency**

The article contains the description of the main indicators which are calculated on the base of international databases. These indicators are used to evaluate an efficiency of scientists and scientific organizations and to compare the development of science in different countries. In the article are named the basic limitations that must be considered when using these indicators.

Keywords: publication activity, citation index, impact factor.

L.V. Zemnukhova. **The Notion of Community: the Research of the Professional Community of IT-Workers Context**

Abstract: In the conducted dissertation research of the information technology sphere workers, the key significance is acquired by the notion “community”. Such a conceptual work is necessary for the further conceptualization of the object under consideration. The notion of community in sociology has passed the long way, therefore it is necessary to analyze evolution of the notion “community” in sociology in order to apply it to contemporary conditions of professional community definition.

Keywords. The notion of “community”, professional community, information technology, Gemeinschaft, Gesellschaft, communitarianism.

G. Kanygin. **Context-oriented qualitative data analysis**

The paper reports a structural development of the coding and retrieval functions that constitute a core of Computer Assisted Qualitative Data AnalysiS. A result of proposed development is referred to as context-oriented coding tools that are composed with two main structural components. The first one, called thesaurus, is a set of concepts linked to one another by a collection of elementary relationships, each having the same structure and called context-fixed elucidation (CFE). CFE is a unit that provides an analyst with a means for denoting by a new notion a change of terms already incorporated by him in the thesaurus. The concept change is modeled within the CFE body by a relationship “one-to-many”. The thesaurus is to be drawn up by an analyst in a man-computer mode.

The second component occurs as compiling algorithms that can compose unified tree-like graphs with concepts as nodes out of structurally unlinked CFEs gathered in the thesaurus. The graphs demonstrate the visibility and multiple inheritance relationships between the thesaurus’ concepts. The compilation of the conceptual graphs is considered a tool aimed to check up analyst’s reasoning.

The proposed coding tools are thought of as a core of context-oriented qualitative data analysis. A conceptualization of an informant's textual evidence is carried out by the author with help of a package that represents the structural and algorithmic proposals reported in the paper.

Keywords. CAQDAS, context-oriented approach, conceptualization of sociological information, qualitative social research

V.S. Kishinskaya. **Qualitative data and methods of the sociological research**

In this article were systematized basic approaches to the defining of qualitative data in sociological research. Also were described such methods, as cognitive modeling and grounded theory. This article is a part of the project on creation special web site, which will be devoted to the qualitative data analysis.

Keywords. Sociological research, qualitative data, qualitative research, qualitative methods, analytic procedures of the qualitative research.